

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

**Вестник
Российского мониторинга
экономического
положения
и здоровья населения
НИУ ВШЭ
(RLMS-HSE)**

Выпуск 11

*Ответственный редактор
П. М. Козырева*

Москва 2021

УДК 316.4
ББК 60.5
В38

*Исследование осуществлено в рамках
Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ*

Редакционная коллегия:
П. М. Козырева, М. С. Косолапов, В. В. Радаев,
С. Ю. Рошин, Я. М. Рошина

Вестник Российского мониторинга экономического положения
и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 11 [Электронный
ресурс] : сб. науч. ст. / отв. ред. П. М. Козырева. — Электрон. текст. дан.
(объем 2,49 Мб). — М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2021. —
206 с. : илл. — URL: <https://www.hse.ru/rlms/vestnik#vestnik11>.
ISSN 2618-9046

В одиннадцатом выпуске электронного издания «Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (RLMS-HSE)» представлены работы, подготовленные на основании данных 28 волн панельного обследования российских домохозяйств RLMS-HSE за 1992–2019 гг.

В работах представлен сравнительный анализ социально-экономического положения российских домохозяйств в 1994–2019 гг., исследуются проникновение цифровых технологий в жизнь россиян, субъективные оценки социального статуса, структура потребления алкоголя, одиночный образ жизни, безработица и каналы поиска работы.

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов и открыты к дальнейшему обсуждению и дополнению.

Издание адресовано исследователям, преподавателям, студентам и всем, кто интересуется результатами мониторинга RLMS-HSE.

УДК 316.4
ББК 60.5

doi: [10.19181/rlms-hse.2021](https://doi.org/10.19181/rlms-hse.2021)
ISSN 2618-9046

©Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Институт социальной политики,
Центр лонгитюдных обследований, 2021

Содержание

Введение	5
<i>Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э., Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О.</i> Социально-экономическое поведение российских домохозяйств в 1994–2019 гг.	7
<i>Рощина Я. М.</i> Поведение россиян в условиях развития цифрового общества.....	92
<i>Колегова И. Е., Рощина Я. М.</i> Миллениалы и их родители: сравнение субъективных социальных статусов....	122
<i>Кондратенко В. А.</i> Структура и типы потребления алкоголя в России в 1994–2018 гг.	153
<i>Десятрева Е. М.</i> Практики одиночного проживания женщин в России	175
<i>Овсяник В. А.</i> Занятые и безработные в России: социально-демографическая структура и каналы поиска работы	189
Сведения об авторах	204

Contents

Введение	5
<i>Voronin G. L., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Evgrafova K. O.</i>	
Socio-Economic Behavior of Russian Households in 1994–2019	7
<i>Roshchina Ya. M.</i>	
The Development of Digital Society in Russia.....	92
<i>Kolegova I. E., Roshchina Ya. M.</i>	
Millennials and Their Parents: A Comparison of Subjective Social Statuses	122
<i>Kondratenko V. A.</i>	
The Structure and Types of Alcohol Consumption in Russia in 1994–2018.....	153
<i>Degtiareva E. M.</i>	
Solo Living Among Women in Russia	175
<i>Ovsyanik V. A.</i>	
Employed and Unemployed Russians: Socio-Demographic Characteristics and Job Searching Strategies	189
Contributors.....	204

ВВЕДЕНИЕ

«Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) представляет собой серию общенациональных репрезентативных опросов домохозяйств, которые проводятся в Российской Федерации ежегодно начиная с 1992 г. Благодаря вероятностной, стратифицированной, многоступенчатой территориальной выборке данные RLMS-HSE являются репрезентативными для всего населения страны. Широкий круг вопросов, ежегодно задаваемых респондентам, позволяет на основании панельной составляющей RLMS-HSE проследить не только долгосрочную динамику основных социально-демографических характеристик домохозяйств, но и качественные изменения в стратегиях экономического поведения, социальных установках, здоровье и образе жизни россиян.

Одиннадцатый выпуск «Вестника Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» знакомит читателей с результатами аналитической разработки данных, полученных осенью 2019 г. в рамках 28-й волны RLMS-HSE. Помимо общего сравнительного анализа социально-экономического положения российских домохозяйств в 1994–2019 гг., в выпуске также представлены работы, затрагивающие более специальные темы: поведение россиян в условиях развития цифрового общества; субъективные оценки социального статуса; изменения в структуре потребления алкоголя; одиночный образ жизни; безработица и каналы поиска работы.

Выпуск открывает коллективная статья, содержащая основные результаты анализа социально-экономического положения российских домохозяйств в 1994–2019 гг. Как свидетельствуют данные RLMS-HSE, 2019 г. характеризовался развитием тех социально-экономических тенденций, которые были зафиксированы в предыдущие годы проведения опроса. На фоне продолжающейся стагнации реальных доходов в 2019 г. несколько выросли ежемесячные расходы домохозяйств, в основном это коснулось расходов на непродовольственные товары. Неравенство домохозяйств по доходам продолжило снижаться, в то время как неравенство по расходам осталось на прежнем уровне. Уровень безработицы вырос незначительно, однако, наблюдался рост краткосрочной безработицы. Сохранился разрыв между мужчинами и женщинами как по степени представленности на рынке труда, так и по размеру среднего дохода от трудовой деятельности. В массовых настроениях россиян в 2019 г. произошли незначительные позитивные сдвиги. Заметно снизилась обеспокоенность по поводу возможной потери работы, в то же время выросла удовлетворенность текущим местом трудоустройства.

Продолжает выпуск статья Я. М. Рощиной «Поведение россиян в условиях развития цифрового общества», где автор анализирует обеспеченность домохозяйств различными цифровыми устройствами (компьютерами, ноутбуками, мобильными телефонами), время, ежедневно затрачиваемое на использование этих устройств, доступность сети Интернет и частоту пользования социальными сетями онлайн. Автор приходит к выводу, что пожилые люди остаются наименее обеспеченной категорией населения как с точки зрения владения цифровыми устройствами, так и с точки зрения доступа в сеть. В свою очередь, нерегулярный доступ в Интернет и отсутствие профиля в социальных сетях коррелируют с невысокой частотой общения с друзьями и родственниками в реальной жизни.

В статье «Миллениалы и их родители: сравнение субъективных социальных статусов» И. Е. Колегова и Я. М. Рощина исследуют субъективные оценки социального статуса среди миллениалов (лиц в возрасте 18–35 лет в 2016–2018 гг.) и представителей поколения реформ (тех, кто находился в том же возрасте в 1994–1996 гг.). В целом проведенный авторами анализ показал, что миллениалы оценивают свой социальный статус выше, чем поколение реформ. Между субъективными оценками миллениалов и их родителей из реформенного поколения связь практически отсутствует, т. е. сравнительно низкий субъективный социальный статус родителей не влияет на субъективные оценки социального статуса детей-миллениалов.

В статье В. А. Кондратенко «Структура и типы потребления алкоголя в России в 1994–2018 гг.» показано, как в рассматриваемый период снижается распространенность и частота употребления алкоголя, изменяются предпочтения россиян в отношении крепких и слабоалкогольных напитков. Как отмечает автор, наиболее важным изменением в структуре потребления алкоголя в 1994–2018 гг. является падение популярности водки, ее замещение в структуре потребления сначала пивом (2000е гг.), а затем пивом и вином (2010е гг.). Потребление крепких алкогольных напитков (водки, самогона) тем не менее остается распространенным явлением среди женатых мужчин среднего и старшего возраста. Молодежь и женщины, в свою очередь, предпочитают пиво и вино.

В статье «Практики одиночного проживания женщин в России» Е. М. Дегятрева анализирует феномен домохозяйств, состоящих из одной женщины. В России среди женщин-одиночек преобладают вдовы и разведенные, что, по мнению автора, говорит о вынужденном характере одиночного проживания для женщин. Женщины-одиночки не отличаются от женщин, проживающих в домохозяйствах из двух и более человек, ни по уровню образования, ни по уровню заработной платы, ни по уровню удовлетворенности жизнью и материальным положением домохозяйства. Следовательно, нельзя утверждать, что одиночное проживание является следствием карьерных устремлений женщин или их стремления к самореализации.

Завершает выпуск статья В. А. Овсяник «Занятые и безработные в России: социально-демографическая структура и каналы поиска работы». Анализируя социально-демографические характеристики занятого, незанятого и безработного населения, автор показывает, что безработными чаще всего являются молодые люди, еще не создавшие свою семью. По сравнению с занятыми безработные дольше ищут перспективное место работы, несмотря на то что стратегии поиска в этих группах отличаются незначительно. Примечательно, что молодые люди, являясь активными пользователями сети Интернет, редко используют ее для поиска работы. В целом нет оснований полагать, что использование Интернета ускоряет или облегчает процесс трудоустройства.

*Воронин Г. Л., Козырева П. М., Косолапов М. С., Низамова А. Э.,
Сивкова И. В., Смирнов А. И., Соколова С. Б., Тонис Е. И., Евграфова К. О.*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ В 1994–2019 гг.

doi: 10.19181/rlms-hse.2021.1

Аннотация. В работе представлен сравнительный анализ данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) за 1994–2019 гг. В 2019 г. продолжилось замедление роста реальных доходов населения. По сравнению с 2018 г., когда рост реальных доходов домохозяйств составил 7,1%, в 2019 г. доходы россиян выросли лишь на 6,0%. За год незначительно увеличились доля доходов домохозяйств от государственных трансфертных платежей (с 40,8 до 41,1%) и доля доходов от заработной платы (с 46,5 до 47,5%). Неравенство домохозяйств по доходам продолжило снижаться: в 2019 г. средний доход 20% наиболее обеспеченных домохозяйств превышал средний доход наименее обеспеченных домохозяйств в 2,6 раза. После сокращения в 2018 г. ежемесячные расходы домохозяйств выросли на 3,6% в 2019 г. Расходы домохозяйств на продукты питания остались на прежнем уровне; расходы на непродовольственные товары увеличились на 5,1%, частично компенсировав падение на 6,5% в 2017–2018 гг. Разрыв в расходах между наиболее и наименее обеспеченными домохозяйствами не изменился. В 2019 г. наиболее обеспеченные домохозяйства тратили в 4,7 раза больше, чем наименее обеспеченные. Уровень безработицы незначительно вырос с 3,3% в 2018 г. до 3,6% в 2019 г. Среди мужчин доля безработных увеличилась с 3,2 до 3,3%, среди женщин — с 3,3 до 4,0%. При этом наблюдался рост краткосрочной безработицы. Коэффициент участия в рабочей силе вырос на 0,5 п.п. и в 2019 г. составил 81,5% взрослого населения. Как и в предыдущие годы, мужчины превосходили женщин и по доле получающих тот или иной вид дохода, и по величине среднего дохода от трудовой деятельности. В 2019 г. женщины зарабатывали 75,2% от среднего дохода мужчин, что было больше показателя 2018 г. на 1,3 п.п. В 2019 г. в массовых настроениях россиян произошли небольшие позитивные сдвиги. По сравнению с 2018 г. незначительно сократилась доля тех, кто не удовлетворен жизнью в целом (с 24,7 до 23,2%), а также тех, кто не удовлетворен своим материальным положением (с 57,9 до 56,2%). Увеличилась доля россиян, оптимистично оценивающих экономические перспективы своих семей (с 19,6 до 21,8%). Тем не менее большинство (49,7%) не ждет никаких (ни позитивных, ни негативных) изменений.

В 2019 г. доля лиц, обеспокоенных угрозой потери работы, снизилась до 61,0%, в то же время выросла доля неуверенных в перспективах повторного трудоустройства в случае потери работы (с 42,4 до 43,1%). Удовлетворенность текущим местом работы в целом продолжала расти. Главной претензией работников к текущему работодателю, как и в прошлые годы, оставался недостаточно высокий уровень заработной платы.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, домохозяйство, доходы, расходы, потребление, занятость, безработица, социальное неравенство, социальные установки.

В 2019 г. российская экономика стабильно находилась на траектории низкого роста. Сдерживающими факторами для экономики явились прежде всего низкий уровень инвестиций, недостаточные объемы кредитования бизнеса, сохраняющаяся уязвимость банковского сектора и умеренно консервативная фискальная политика. При этом одной из главных причин пробуксовки экономического роста стало очередное запаздывание в разворачивании важнейших национальных проектов, прежде всего «инвестиционных», обладающих значительным хозяйственным мультипликативным эффектом (жилье, автодороги, магистральная инфраструктура и т. п.), средства на которые были заложены в бюджет, но не расходовались. Другим ключевым фактором низких темпов экономического роста являлся низкий спрос. Вместе с тем к концу года появились хорошо заметные признаки, позволяющие надеяться на ускорение в ближайшем будущем экономического роста, обеспечивающего существенное повышение уровня жизни населения. К числу таких признаков можно было отнести в первую очередь рост потребительского и социального оптимизма, а также такие позитивные процессы в реальном сегменте российской экономики, как рост выпуска товаров и услуг в некоторых основных секторах экономики (обрабатывающие производства, строительство, оптовая торговля). Но в то же время в целом ряде других секторов экономики продолжалась стагнация или даже падение оборота, сдерживающие рост доходов населения, что не могло не сказаться на благосостоянии российских домохозяйств.

По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2019 г. валовый внутренний продукт (ВВП) России вырос на 1,3%, что было существенно меньше, чем 2,5% в 2018 г. По оценкам экономистов, реальный ВВП по итогам года превысил позднесоветский уровень примерно на 20%, но последствия деиндустриализации 1990-х годов все еще не были преодолены. Уровень промышленного производства отставал от максимума 1989 г. на 9%, а реальный уровень инвестиций в основной капитал — более чем на четверть¹.

Данные Росстата свидетельствуют о том, что замедление экономического роста было связано прежде всего с более низким вкладом отраслей, не относящихся к базовым. Вклад в рост ВВП базовых отраслей (сельское хозяйство, промышленное производство, торговля, строительство и т. д.), на которые приходится

¹ Ивантер А. Застабилизовались до застоя // Эксперт. 2020. № 4. С. 20–23.

60% всей экономики страны, составил чуть меньше, чем в 2018 г., а именно — 0,8 п.п. против 1 п.п. Более существенно сократился вклад небазовых отраслей экономики, таких как недвижимость и финансы, — с 1,5 п.п. до 0,5 п.п.

Характерно, что в 2019 г. вклад промышленности в рост ВВП сохранился на уровне предыдущего года, составив 0,5 п.п. При этом промышленное производство за год выросло на 2,4%. Это было заметно меньше, чем в прошлом году, когда данный показатель находился на уровне 3,5%. Увеличение промышленного производства произошло только в двух секторах: в сфере добычи полезных ископаемых (валовая добавленная стоимость ускорила рост с 2,2 до 2,7%) и в обрабатывающих производствах (рост с 1,2 до 1,6%). Промышленное производство выросло во всех федеральных округах, кроме Северо-Кавказского округа. Лидером по индексу промышленного производства стал Центральный федеральный округ. Немного ускорился рост категории «транспорт и хранение» (с 2 до 2,1%), а также образования (с 1,3 до 1,5%). Но наиболее существенный рост показал отраслевой лидер двух последних лет — «финансовая и страховая деятельность» (рост на 9,7% в реальном выражении).

Высокие показатели урожая обеспечили вклад сельского хозяйства в темпы роста ВВП на уровне около 0,1 п.п. после почти нулевого вклада в предыдущем году. При этом отмечено снижение темпов роста сельскохозяйственного производства — с 0,8 до 0,6%. Среди других отраслей, затормозивших рост, — оптовая и розничная торговля (падение с 2,5 до 1,7%), государственное управление (с 1,2 до 1%). Высокая база 2018 г., обусловленная проведением чемпионата мира по футболу, определила существенное снижение темпов роста в индустрии «гостиницы и общепит» (отрасль нарастила валовую добавленную стоимость в реальном выражении лишь на 3,2% против 4,8% в 2018 г.), культуре, спорте и досуге (1,8% против прошлогодних 8,6%).

Динамика, структура и дифференциация доходов домохозяйств

По данным Росстата, в 2019 г. годовая инфляция в России замедлилась до 3,1% после зафиксированных 2018 г. 4,3%. Уровень инфляции в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. снизился с 0,8 до 0,4%. Заметим, что в 2017 г. инфляция составила минимальные за новейшую историю России 2,5%, тогда как в 2016 г. она была более чем вдвое выше — 5,4%, а в 2015 г. достигла огромных 12,9%; в 2014 г. — 11,4%, в 2013 г. — 6,5%, в 2012 г. — 6,6%, в 2011 г. — 6,1%.

Продовольственные товары в декабре 2019 г. подорожали только на 0,7%, тогда как в целом за 2019 г. — на 2,6% (в 2018 г. этот рост составил 4,7%). Рост цен на непродовольственные товары в декабре равнялся 0,1%, а за год составил 3% (4,1% в 2018 г.). Услуги в декабре подорожали в среднем на 0,2%, тогда как за весь 2019 г. они стали дороже на 3,8% (3,9% в 2018 г.). В декабре 2019 г. существенно выросли цены на куриные яйца — на 6,3%, но в целом за 2019 г. они подешевели на 5%. Цены на плодоовощную продукцию в декабре подскочили сразу на 3,8%, но за весь 2019 г. они снизились на 2%. Значительно подорожали в декабре огурцы и помидоры — на 27,6% и 11% соответственно, виноград — на 5,4%. Но в то же

время сахарный песок в декабре подешевел на 3,7% (за весь 2019 г. упал в цене на 30,8%), мясо и птица подешевели в декабре на 0,1% (за 2019 г. подорожали на 0,2%). Бензин в декабре не изменился в цене, но в целом за 2019 г. он подорожал на 1,9%.

Уровень инфляции в 2019 г. оказался ниже инфляционных ожиданий населения, бизнеса, профессиональных аналитиков, которые они демонстрировали в начале года. На это указывается, в частности, в очередном комментарии Банка России «Инфляционные ожидания и потребительские настроения», опубликованном в январе 2019 г. Согласно прогнозу Банка России, инфляция должна была временно ускориться, достигнув максимума в первом полугодии 2019 г. При этом предполагалось, что квартальные темпы прироста потребительских цен в годовом выражении замедлятся до 4% уже во втором полугодии 2019 г. На конец 2019 г. инфляция должна была составить 5–5,5%. Прогнозы профессиональных аналитиков по инфляции продолжили корректироваться вверх, приближаясь к прогнозу Банка России. Инфляционные ожидания финансовых рынков в январе сохранились на повышенном уровне, немного снизившись по сравнению с предыдущим месяцем. Что касается инфляционных ожиданий населения на следующие 12 месяцев (медианная оценка ООО «инФОМ»), то они также продолжили свой рост (на 0,2 п.п. по сравнению с декабрем 2018 г. — до 10,4%). Как свидетельствуют ответы респондентов на вопрос о причинах роста инфляционных ожиданий населения, основным фактором послужило повышение фактической инфляции. Инфляционные ожидания населения являются чувствительными к росту цен на регулярно приобретаемые товары, которые составляют значительную долю в бюджете (например, продукты питания и бензин). В декабре 2018 г., по данным Росстата, отмечалось ускорение роста цен на овощи, мясную и молочную продукцию, куриные яйца — товары, составляющие значительную часть продовольственной корзины¹.

В целом динамика инфляции в 2019 г. способствовала возвращению реальных располагаемых доходов населения к росту. При этом положительным фактором можно было считать снижение размеров традиционного «просвета» между оценкой потребительской инфляции населением страны по опросам и данными официальной статистики. На рисунке 1 представлены обобщенные сведения об уровне инфляции за каждые двенадцать месяцев, начиная с 1996 г. (в процентах к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги).

Рассматривая представленные на рисунке 1 данные, необходимо учитывать, что в тот период инфляция была значительно менее острой, чем в 1992–1995 гг., когда показатели годовой инфляции оказывались постоянно выше 100%, а в ряде случаев превышали 1000 и 2000%. Начиная с 2000 г. постоянно наблюдались умеренные годовые уровни инфляции. В этот период уровень инфляции в России в целом снижался, за исключением 2007–2008 гг. и 2014–2015 гг., когда были отмечены существенные инфляционные всплески, обусловленные экономическими кризисами, которые, однако, не привели к достижению чрезмерно высокого уровня инфляции.

¹ Инфляционные ожидания и потребительские настроения. Информационно-аналитические комментарии. № 1 (25). Январь 2019. М.: Банк России, 2019. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27053/Inf_exp_19-01.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

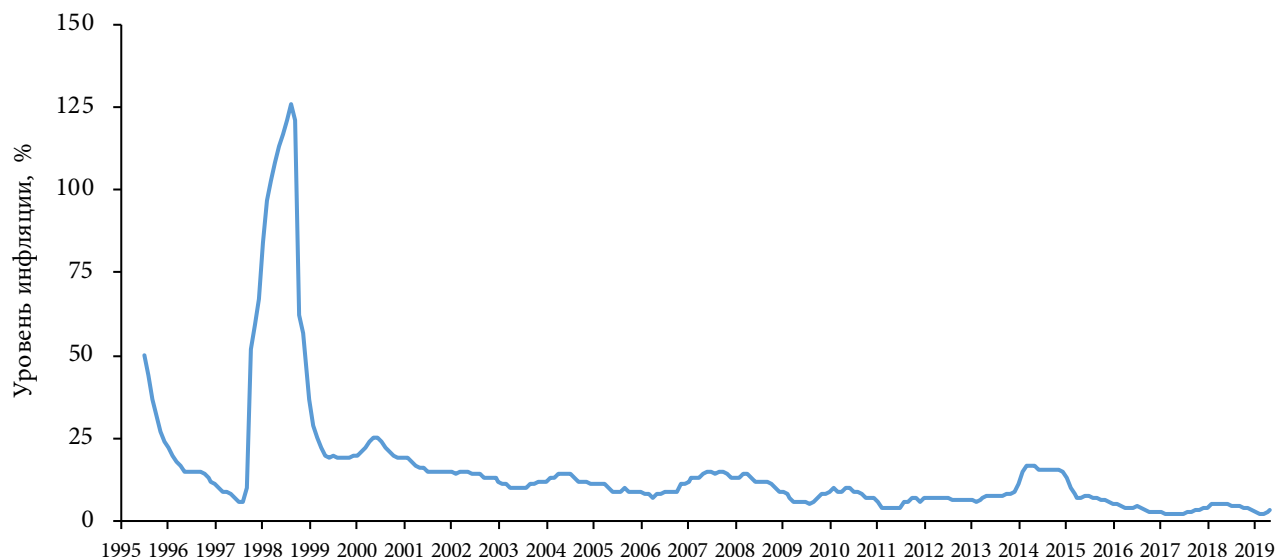

Рис. 1. Годовые (12 месяцев) уровни инфляции (январь 1996 г. — декабрь 2019 г.), в % к соответствующему периоду предыдущего года, все товары и услуги

В связи с умеренным уровнем инфляции показатели доходов, зарплат и расходов в опросах RLMS-HSE в период с октября 2000 по декабрь 2019 г. достаточно точно отражают реальные экономические условия. Однако сведения о доходах и расходах в RLMS-HSE за 1998 г. и многие предшествующие годы собирались в период самой высокой и изменчивой инфляции. Об этом следует помнить, обращаясь к данным RLMS-HSE за 1998 г. и ряд предшествующих лет при анализе и истолковании изменений в размерах реальных рублевых доходов и расходов.

На следующем рисунке 2 сравниваются индекс потребительских цен, который отражает изменения общей стоимости жизни для всех россиян, и прожиточный минимум для взрослого мужчины, составленный по среднероссийским ценам, за весь период проведения RLMS-HSE. При обращении к рисунку необходимо учитывать, что вертикальная ось представляет собой логарифмическую шкалу. Увеличение значений по этой шкале отражает соответствующие пропорциональные изменения.

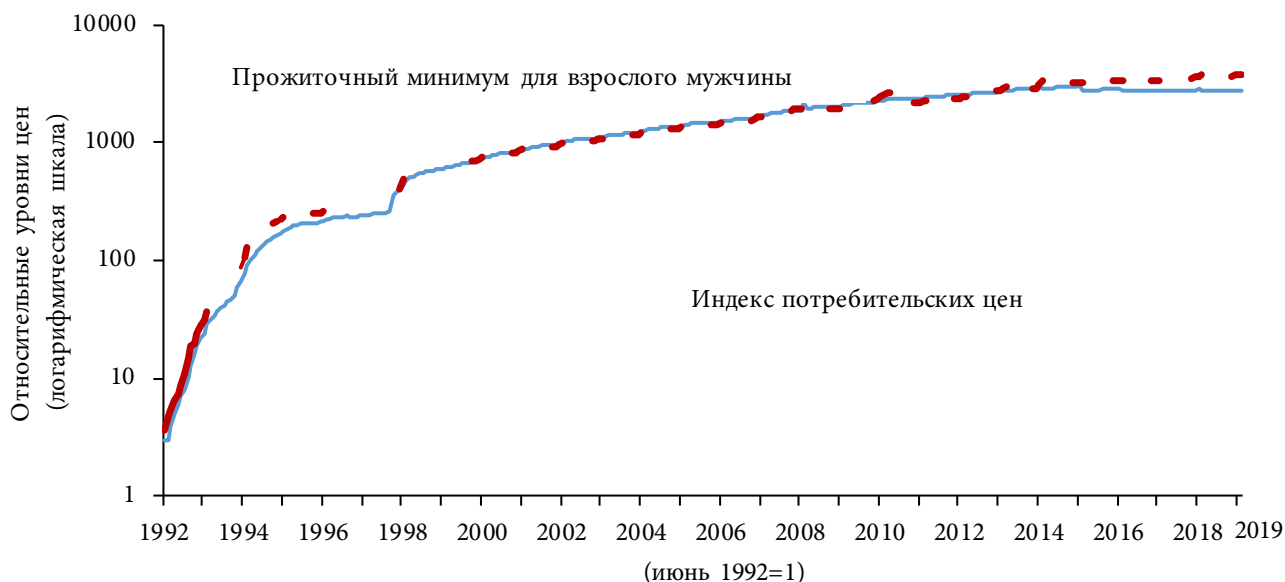

Рис. 2. Уровень цен по месяцам, июнь 1992 г. — декабрь 2019 г.

Данные, приведенные на рисунке 2, показывают, что с декабря 2018 по декабрь 2019 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился приблизительно на 2,2%, тогда как общий индекс потребительских цен — на 3%. В предыдущие годы эти показатели менялись по-разному. Например, с декабря 2013 по декабрь 2014 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины вырос почти на 9%, тогда как общий индекс цен увеличился на 11,4%. Похожая картина наблюдалась и в следующем году. С декабря 2014 по декабрь 2015 г. черта бедности для взрослого мужчины поднялась только на 7%, в то время как общий индекс потребительских цен вырос на 12,9%. Далее, с декабря 2015 по декабрь 2016 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился только лишь на 3,7%, тогда как общий индекс потребительских цен — на 5,4%. С декабря 2016 по декабрь 2017 г. этот рост составил 1 и 2,5% соответственно. И наконец, с декабря 2017 по декабрь 2018 г. прожиточный минимум для взрослого мужчины увеличился всего лишь на 1%, в то время как общий индекс потребительских цен вырос на 4,3%.

Размеры доходов, расходов и платежей за все годы проведения опросов приведены в ценах декабря 2019 г. с использованием ценового дефлятора Росстата (ИПЦ). В ряде случаев при выведении средних показателей не принимались во внимание экстремальные величины доходов и расходов. При этом следует помнить, что в начале 1998 г. произошла деноминация рубля, когда все старые цены в рублях были уменьшены в 1000 раз. В декабре 2014 г. случилось резкое ослабление рубля. На фоне валютной паники, вызванной действием совокупности мощных экономических факторов, главными из которых были экстремальное падение цен на нефть и введение экономических санкций со стороны западных государств, обменный курс рубля в середине декабря 2014 г. по сравнению с началом месяца вырос приблизительно с 49 до 67 руб. за один доллар и с 61 до 85 руб. за один евро. Затем последовал постепенный и неспешный откат.

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. средние реальные доходы российских домохозяйств выросли на 6%, что было лишь немного меньше 6,9% роста, зафиксированных годом ранее¹. В целом за последние пять лет средние реальные доходы домохозяйств выросли почти на треть, превысив уровень 2008 и 2014 гг. на 32%.

В 2019 г., как и во все предыдущие годы, рост доходов российских домохозяйств был обусловлен в основном увеличением размера заработной платы в различных секторах экономики и повышением социальных выплат. При этом доходы от заработной платы и государственных трансфертных платежей, т. е. социальных трансфертов, которые предоставляются населению из федеральных, региональных и местных бюджетов, государственных внебюджетных социальных фондов (пенсии, социальные пособия, стипендии, компенсационные выплаты, льготы и т. п.), как и прежде, занимали доминирующее положение в структуре доходов российских домохозяйств.

К позитивным тенденциям в отношении динамики доходов населения следует отнести в первую очередь рост среднего уровня заработной платы, что в немалой степени объясняется улучшением социально-экономического положения во многих регионах России. Как отмечается в аналитическом бюллетене «Социально-

¹ Под «домохозяйством» или «семьей» в данном исследовании понимаются люди, проживающие вместе и имеющие общие доходы и расходы.

экономическое положение регионов РФ», хотя по сравнению с 2018 г. в целом по стране темпы роста большинства макроэкономических показателей стали ниже, заработная плата в 2019 г. выросла во всех российских регионах¹.

Таблица 1

Структура совокупного дохода домохозяйств за 1992–2019 гг., в руб. декабря 2019 г.

Источники дохода	Период сбора данных							
	1992	1998	2004	2008	2011	2014	2018	2019
Доход от работы на государственных предприятиях	14 437	4590	8466	14 391	14 085	15 360	16 834	17897
Доход от работы на частных предприятиях	911	2210	7968	15 070	15 743	14 965	19 866	21 874
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1847	1327	1989	2253	1897	1606	2157	2428
Общий доход от заработной платы	17 195	8128	18 422	31 924	32 030	31 932	38 856	42 199
Государственные трансфертные платежи	4779	3445	6238	10 284	12 533	15 203	19 949	21 348
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1922	1509	3128	4573	2569	2499	3720	3812
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	1993	2697	1452	1569	1181	1238	1707	1289
Доход от продажи личного имущества	1331	484	794	498	491	433	93	47
Доход от сдачи личной собственности в аренду	21	43	139	249	238	324	337	336
Дивиденды	–	82	708	135	75	140	78	121
Помощь от родственников и благотворительная помощь	3672	1363	2021	4252	3356	2547	3058	2750
Общая сумма месячного дохода	30 909	17 750	32 902	54 296	53 157	54 315	67 800	71 901

Согласно данным RLMS-HSE, заработная плата, являющаяся основным источником доходов для подавляющего большинства российских семей, четвертый год подряд демонстрировала существенный рост. Но темпы этого роста в последние два года немного снизились. Так, совокупный месячный доход домохозяйств от заработной платы после сокращения в 2014–2015 гг. на 9,1% в декабре 2016 г. вырос на 10,6%, в декабре 2017 г. — еще на 11,8%, тогда как в декабре 2018 г. — только на 8,3%, а в декабре 2019 г. — на 8,6%. В результате такого существенного и последовательного роста совокупный месячный доход российских домохозяйств от заработной платы достиг нового максимального значения за все время наблюдений в рамках мониторинга. В декабре 2019 г. размер данного дохода домохозяйств был более чем на 32% выше, чем в конце 2008 г. и в конце 2014 г.

В 2019 г. доход домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора так же, как и общий доход от заработной платы, демонстрировал позитивную динамику четвертый год подряд. Однако темпы этого роста были в 2019 г.

¹ Социально-экономическое положение регионов РФ. Аналитический бюллетень. Вып. 37: Итоги 2019 года. М.: РИА Рейтинг, 2020. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_demo37.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

самыми низкими за все эти годы. Так, если в декабре 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом 2015 г. доход от работы на государственных предприятиях вырос на 8,2%, в декабре 2017 г. — на 7,3%, в декабре 2018 г. — еще на 11,1%, то в декабре 2019 г. — только на 6,3%. В декабре 2019 г. величина этого дохода была на 16,5% больше, чем в декабре 2014 г., и на 24,4% выше, чем в конце 2008 г.

Характерно, что в последние годы наибольшую позитивную динамику демонстрировал рост дохода российских домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора. В декабре 2016 г. по сравнению с тем же периодом 2015 г. величина этого дохода выросла на 13,8%, в декабре 2017 г. — на 17,6%, в декабре 2018 г. — на 5,3% и в декабре 2019 г. — еще на 10,1%, достигнув нового максимума. После таких стремительных изменений доход домохозяйств от работы на частных предприятиях в 2019 г. оказался на 45% выше, чем в 2008 г., и на 46% больше, чем в 2014 г. Важно также обратить внимание на то, что в 2019 г. доход домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора превышал доход от работы на государственных предприятиях более чем на 22%. Это было больше, чем 18,3% в 2018 г., но меньше, чем аналогичное превышение на 24,9%, зафиксированное в 2017 г. В 2016 г. указанное преобладание составляло только 13,9%, а в 2015 г. — всего лишь 8,2%. До этого, в 2013–2014 гг., наблюдалась противоположная картина, когда доход домохозяйств от работы на государственных предприятиях немного превышал доход от работы на предприятиях частного сектора.

По сравнению с доходами от работы на предприятиях государственного и частного секторов, доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности менялся менее последовательно, но общая динамика была также положительной и весьма значительной. Так, в декабре 2015 г. по сравнению с декабрем 2014 г. был отмечен рост на 19,4%; в декабре 2016 г. — тоже рост, но только на 3,7%. Однако в декабре 2017 г. произошло сокращение данного дохода на 3%, а затем последовал рост его величины на 16% в декабре 2018 г. И наконец, в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности вырос на 12,6%. В результате всех этих изменений величина данного дохода в 2019 г. превысила показатель 2014 г. более чем в полтора раза — на 51,2%. Но наиболее интересным результатом стало то, что она впервые превзошла показатель 2008 г. (на 7,8%), когда было зафиксировано предыдущее максимальное значение.

Примечательно, что в декабре 2019 г. почти 52% всех доходов домохозяйств от заработной платы поступали исключительно из частных источников. Это было немного больше, чем 51% в декабре 2018 г., но меньше, чем 53% в декабре 2017 г. Таким образом, весомость данного источника дохода в общей структуре совокупного дохода российских домохозяйств от заработной платы в последние годы была выше, чем в 2014–2016 гг., когда данный показатель колебался от 47 до 50%. Доход домохозяйств от заработной платы на предприятиях государственной формы собственности в декабре 2019 г. составил около 42% всех доходов от указанного источника. Это было примерно столько же, сколько в 2017–2018 гг., но меньше, чем в 2014–2016 гг. (от 44 до 48%). Что касается дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то в декабре 2019 г., как и годом ранее, на него приходилось менее 6% общего дохода от заработной платы.

Согласно данным Росстата, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в 2019 г. составила 47 867 руб., что было на 9,5% больше, чем в 2018 г. Годом ранее этот рост составлял 11,6%. В декабре 2019 г. среднемесячная заработная плата составила 62 239 руб., что было больше по сравнению с декабрем 2018 г. на 12%. При этом реальная начисленная заработная плата за последний год повысилась на 4,8%.

Но, рассматривая эти данные, важно учитывать, что статистика роста зарплат не распространяется на все занятое население, а охватывает лишь часть работающих. При этом значительная часть российских граждан находится на социальном обеспечении. Кроме того, рост заработной платы происходит неравномерно в различных отраслях экономики. Поэтому отдельные группы занятого населения могут показывать положительную динамику роста доходов, что, однако, не отменяет возможности падения доходов у других групп. Это может вести к увеличению разрыва в доходах богатейших и беднейших слоев населения, сокращению прослойки среднего класса. То есть рост реальных зарплат не обеспечивает позитивную динамику доходов всего населения, значительная часть которого вынуждена очень часто обращаться к модели экономического потребления.

Данные RLMS-HSE зафиксировали очередной рост государственных трансфертных платежей — второго по значимости источника доходов россиян, — который не прерывается с 1998 г. В декабре 2019 г. по сравнению с декабрем предыдущего года этот рост составил около 7%, что было немного больше, чем 6,1% роста в декабре 2018 г. и 6,3% в декабре 2017 г. В декабре 2019 г. доход домашних хозяйств от данного источника был на 40,4% больше, чем в декабре 2014 г., более чем в 2 раза выше, чем в 2008 г., и более чем в 6 раз превышал показатель наиболее тяжелого 1998 г.

Рост государственных трансфертных платежей, как и прежде, обеспечивался главным образом повышением пенсий, составляющих их основную часть. С 1 января 2019 г. была осуществлена индексация страховых пенсий неработающим пенсионерам на 7,05%, что превысило рост потребительских цен за 2018 г. По итогам 2019 г. среднегодовой размер страховой пенсии по старости неработающих пенсионеров вырос в среднем чуть больше чем на 1 тыс. рублей в месяц — с 14,4 до 15,5 тыс. руб. Кроме того, с 1 апреля на 2% были проиндексированы социальные пенсии с учетом роста прожиточного минимума пенсионера за 2018 г. Эта пенсия назначается по достижении установленного государством нетрудоспособного возраста, если у человека нет подтвержденного трудового стажа или его недостаточно. В августе был произведен перерасчет страховых пенсий по старости работающих пенсионеров, а также дополнительно увеличены пенсии неработающих пенсионеров, которые работали в сельском хозяйстве не менее 30 лет и проживают в сельской местности. Также с 1 августа 2019 г. был произведен перерасчет пенсий работающих пенсионеров. Максимальная прибавка к пенсии составляет 3 пенсионных коэффициента. В 2019 г. эта сумма составила 262 рубля.

По данным Росстата, средний размер пенсий в России в 2019 г. вырос на 6% по сравнению с 2018 г., что было больше, чем 3,7% годом ранее. В денежном выражении пенсия составила 14 163 руб. Средний размер назначенных пенсий в декабре 2019 г. составил 14 242 рубля. Рост реального размера (с учетом инфляции)

назначенных пенсий составил 1,5% (2018 г. — 0,8%). При этом пенсии в реальном выражении, после снижения на 3,8% в 2015 г. и на 3,4% в 2016 г., оставались все еще ниже уровня 2014 г.¹

Согласно данным RLMS-HSE, в декабре 2019 г. произошло сокращение совокупного денежного и натурального дохода обследованных российских домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора, которое составило по сравнению с декабрем 2018 г. около 6%. Это снижение последовало вслед за не менее значительным ростом, выявленным в декабре 2018 г., достигавшим по сравнению с декабрем 2017 г. 6,6%. После этих и других разнонаправленных изменений в предыдущие годы совокупный денежный и натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора был в декабре 2019 г. почти на 17% меньше, чем в конце 2008 г., когда данный показатель достигал максимального значения.

При сокращении в декабре 2019 г. анализируемого суммарного показателя взятые отдельно денежный и натуральный доходы российских домашних хозяйств от домашнего производства и неформального сектора менялись разнонаправленно. Так, денежный доход домохозяйств за последний год увеличился на 2,5% после практически такого же сокращения, равного 2,9%, в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. Эти изменения кажутся совершенно незначительными на фоне гораздо более заметных колебаний, которые фиксировались в предыдущие годы. Например, после снижения в декабре 2014 г. на 30,7%, в декабре 2015 г. величина данного дохода выросла на 10,3%, в конце 2016 г. — на 13,6% и в конце 2017 г. — еще на 29,1%. В 2019 г. денежный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора был на 16,6% меньше, чем в более благополучном 2008 г.

Что касается натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора, то он в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. он сократился на 24,5%. Это сокращение последовало сразу же за еще более значительным ростом на 35,8% в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. До этого величина данного дохода менялась не так существенно. Так, в декабре 2014 г. натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора по сравнению с декабрем предыдущего года сократился на 9,6%, но в декабре 2015 г. вырос на 9,7% и затем в декабре 2016 г. — еще на 2,8%. В декабре 2017 г. вновь было зафиксировано его снижение, которое составило 4,7%. В декабре 2019 г. натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора был почти наполовину меньше, чем в ноябре 1998 г., хотя годом ранее это превышение составляло только около трети. В декабре 2019 г. денежный доход от домашнего производства и неформального сектора превышал аналогичный натуральный доход почти в 3 раза. Характерно, что и в предыдущие годы эта разница чаще всего составляла около 2–3 раз.

Помощь от родственников и благотворительная помощь, после трехлетнего роста, но со снижающимися темпами (декабрь 2016 г. — на 16,4%, декабрь 2017 г. — уже на 7,7% и декабрь 2018 г. — всего лишь на 2,4%), в декабре 2019 г. сократилась

¹ Динамика доходов населения. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Вып. 58. Февраль 2020 г. / Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

на значительные 10%. В декабре 2019 г. величина дохода российских домохозяйств от частных трансфертов была в 1,5 раза меньше максимального значения, зафиксированного в октябре 2008 г.

Анализ данных мониторинга выявил дальнейшее сокращение дохода домохозяйств от продажи личного имущества, которое за последний год составило около 2 раз. После такого сокращения значимость данного источника дохода для российских домохозяйств снизилась до минимума. По сравнению с 1992 г. его величина упала более чем в 28 раз, а по сравнению с 2008 г. — в 11 раз. В то же время величина дохода домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду за последний год практически не изменилась, оставаясь на достаточно высоком для данного показателя уровне. Доход домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду, после увеличения в декабре 2017 г. по сравнению с тем же периодом 2016 г. на 37%, когда было достигнуто максимальное значение за все время проведения мониторинга, в декабре 2018 г. уменьшился на 11,4% и в декабре 2019 г. остался без изменений. За сокращением дохода домохозяйств от дивидендов в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. в 1,5 раза в декабре 2019 г. последовало его такое же увеличение.

Низкие показатели дохода обследованных домохозяйств от дивидендов во многом объясняются тем, что из года в год лишь некоторые респонденты в ходе опросов указывали значения данного источника дохода, тогда как абсолютное большинство опрошенных сообщали, что они не имеют доходов в виде дивидендов или страховых платежей. В связи с этим следует также отметить, что вне зависимости от уровня доходов значительная часть, если не большинство, населения не имеет конкретных финансовых планов, позволяющих позаботиться о будущем. У очень многих россиян просто нет сколько-нибудь существенных возможностей для того, чтобы делать сбережения на черный день. В лучшем случае их накоплений может хватить на выживание в течение одного или двух месяцев.

Заметим, что, по данным Росстата, среднедушевые денежные доходы населения России в 2019 г. по сравнению с 2018 г. выросли на 6,2% против 4% годом ранее. При этом реальные денежные доходы населения в 2019 г. по сравнению с 2018 г. выросли на 1,7%. В 2019 г. в структуре денежных доходов населения 57,9% составляла оплата труда наемных работников, 19% — социальные выплаты, 6,1% — доходы от предпринимательской и другой производственной деятельности, 4,4% — доходы от собственности, 12,6% — прочие денежные поступления.

Данные RLMS-HSE, демонстрирующие процентное соотношение различных источников дохода обследованных домохозяйств в период с 1992 по 2019 г., еще раз показывают, что основными источниками доходов населения на протяжении всех лет мониторинга являлись заработная плата и государственные трансфертные платежи (табл. 2; рис. 3–6¹).

¹ Данные, приведенные в таблице 2 и на рисунках 3–6, основаны на средних данных о структуре дохода по домохозяйствам и не могут быть напрямую выведены из данных о среднем доходе, содержащихся в таблице 1. При использовании цифр из таблицы 1 соотношение среднего дохода из одного источника к среднему доходу в целом будет соответствовать средневзвешенным долям дохода домохозяйства, где веса пропорциональны общему доходу каждого домохозяйства.

Таблица 2

Распределение доходов по источникам за 1992–2019 гг., %

Источники доходов	Период сбора данных								
	1992	1998	2004	2008	2011	2014	2017	2018	2019
Доход от работы на государственных предприятиях	41,5	22,3	22,9	23,9	24,0	24,0	20,6	21,3	20,9
Доход от работы на частных предприятиях	2,3	8,0	16,9	21,1	24,1	21,4	23,2	22,8	23,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	5,1	5,3	4,7	3,3	3,0	2,3	2,2	2,3	2,4
Общий доход от заработной платы	48,9	35,6	44,5	48,3	51,1	47,7	46,0	46,5	47,0
Государственные трансфертные платежи	30,9	30,9	34,7	34,6	35,4	40,1	40,9	40,7	41,1
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	1,6	5,6	7,1	5,3	3,9	3,5	4,6	4,3	4,4
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	7,8	17,8	5,5	3,9	2,6	2,4	2,0	2,3	2,0
Доход от продажи личного имущества	1,2	1,0	0,5	0,4	0,4	0,4	0,1	0,1	0,1
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,0	0,2	0,3	0,3	0,3	0,4	0,4	0,4	0,3
Дивиденды	–	0,3	0,3	0,3	0,1	0,2	0,2	0,1	0,1
Помощь от родственников и благотворительная помощь	9,7	8,5	7,1	6,9	6,3	5,4	5,8	5,6	5,0
Общая сумма месячного дохода	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Как следует из данных, представленных в таблице 2, в течение пятилетнего периода, охватывающего 2011–2016 гг., весомость дохода российских домохозяйств от государственных трансфертных платежей постепенно росла, тогда как значимость дохода от заработной платы не менее последовательно падала. В течение этого пятилетия доля дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей увеличилась на 6,6 п.п. — с 35,4 до 42%, тогда как доля дохода от заработной платы уменьшилась на 6,1 п.п. — с 51,1 до 45%. Однако в 2017 г. эти тенденции приостановились, уступив место менее существенным и разнонаправленным изменениям. Так, за 2017–2018 гг. доля дохода домохозяйств от государственных трансфертных платежей сократилась на 1,3 п.п. (с 42% в 2016 г. до 40,7% в 2018 г.), но в 2019 г. она увеличилась на 0,4 п.п. — до 41,1%. В то же время доля общего дохода обследованных домохозяйств от заработной платы за последние три года увеличилась на 2 п.п. (с 45% в 2016 г. до 47% в 2019 г.), в том числе за последний год на 0,5 п.п. В результате этих изменений разрыв между долей месячного дохода домохозяйств от заработной платы и долей их аналогичного дохода от государственных трансфертных платежей увеличился почти в 2 раза — с минимальных 3 п.п. в 2016 г. до 5,9 п.п. в 2019 г.

Доля дохода российских домохозяйств от работы на государственных предприятиях, после увеличения в 2018 г. по сравнению с 2017 г. на 0,7 п.п. (с 20,6 до 21,3%), в 2019 г. сократилась на 0,4 п.п. — до 20,9%. В то же время доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях частного сектора вслед за сокращением с 23,2% в 2017 г. до 22,8% в 2018 г., т. е. на 0,4 п.п., в 2019 г. увеличилась до 23,7%, т. е. на 0,9 п.п. Что касается доли дохода домохозяйств от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то она все последние годы оставалась сравнительно небольшой. В период с 2008 по 2019 г. она колебалась в границах узкого коридора значений: от 2,2 до 3,3%. При этом за последний год она практически не изменилась, увеличившись на едва заметные 0,1 п.п.

Совокупная доля дохода обследованных домохозяйств от государственных или смешанных частно-государственных источников, включая государственные трансферты и заработные платы, после увеличения с 63,7% в 2017 г. до 64,3% в 2018 г., т. е. на 0,6 п.п., в 2019 г. увеличилась еще на 0,1 п.п. — до 64,4%. Заметим, что в 2014 г. она составляла 66,4%, а в 2008 г. — только 61,8%.

Суммарная доля денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора в 2017–2018 гг. не менялась, составив 6,6%. Но в 2019 г. она уменьшилась на небольшие 0,2 п.п. — до 6,4%. При этом доля денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора после сокращения с 4,6% в 2017 г. до 4,3% в 2018 г., т. е. на 0,3 п.п., в 2019 г. увеличилась всего лишь на 0,1 п.п. — до 4,4%. В то же время доля аналогичного натурального дохода увеличилась с 2% в 2017 г. до 2,3% в 2018 г., но в 2019 г. вновь уменьшилась до 2%, т. е. до прежнего уровня.

Анализ данных мониторинга также показал, что доля дохода российских домохозяйств от частных трансфертов, т. е. от помощи родственников и благотворительной помощи, с 2017 по 2019 г. уменьшилась с 5,8 до 5%, в том числе за последний год на 0,6 п.п. Что касается долей дохода обследованных домохозяйств от продажи личного имущества, сдачи личной собственности в аренду и дивидендов, то они в течение многих последних лет менялись незначительно. За последний год их совокупная доля практически не изменилась, сократившись всего лишь на мизерные 0,1 п.п. — с 0,6 до 0,5%. Это снижение произошло за счет сокращения доли дохода домохозяйств от сдачи личной собственности в аренду.

Данные RLMS-HSE, характеризующие динамику изменения удельного веса доходов от заработной платы и государственных трансфертных платежей в совокупном доходе российских домашних хозяйств за весь период, охватывающий 1992–2019 гг., представлены на рисунке 3. Эти данные еще раз убеждают, что, как уже отмечалось в предыдущих выпусках «Вестника», в России в кризисные годы роль заработной платы в формировании совокупного дохода домохозяйств, как правило, падает, а значимость государственных трансфертных платежей неизменно растет.

В последние годы, характеризующиеся неопределенностью, которая превратилась в важный фактор экономического развития и жизни россиян, эти показатели менялись по-разному, лишь обозначая возможные новые тренды. В то время когда весомость дохода домохозяйств от заработной платы медленно растет, значимость дохода от трансфертных платежей колеблется в узких границах значений. При этом роль заработной платы в формировании доходов домохо-

зайств оказывается неизменно выше, чем роль государственных трансфертов. Наибольшей разницей между их долями в совокупном доходе домохозяйств, достигающая 17,2 п.п., была в 2007 г., а минимальной, составляющей всего лишь 3 п.п., в 2016 г. После 2017 г. эта разница начала постепенно увеличиваться, достигнув значительных 5,9 п.п. в 2019 г.

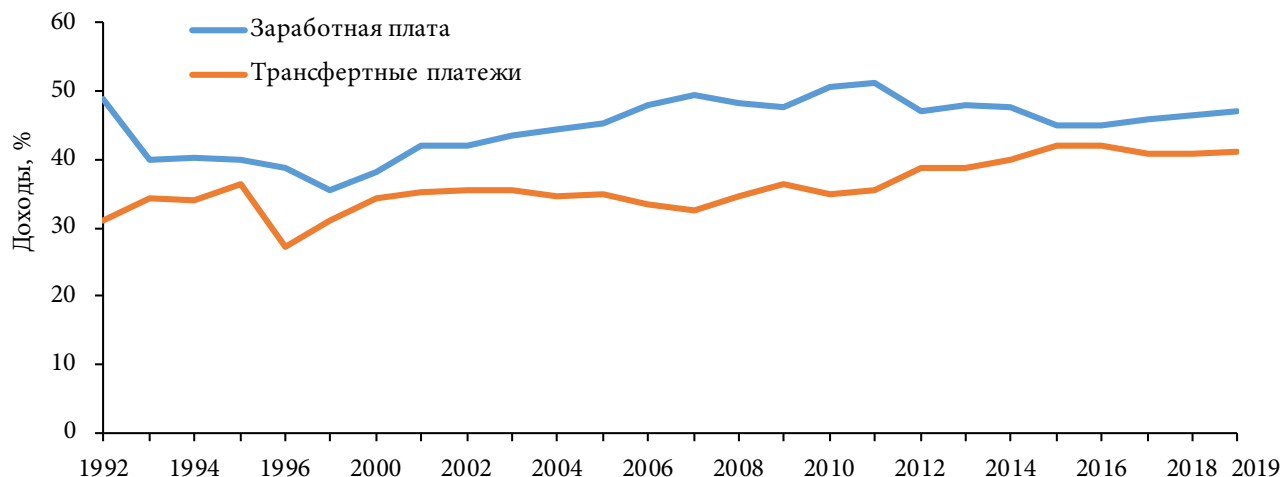

Рис. 3. Распределение доходов по источникам: заработная плата, трансфертные платежи, 1992–2019 гг., %

Как видно из данных RLMS-HSE, представленных на рисунке 4, на протяжении практически всего периода проведения мониторинга доля дохода домохозяйств от работы на частных предприятиях менялась намного существеннее, чем доля дохода от работы на предприятиях и в организациях государственного сектора. Исключение составляют только 1992–1993 гг., когда активно осуществлялись наиболее радикальные рыночные реформы. При этом в течение длительного периода, вплоть до 2011 г., доля дохода домохозяйств от работы в госсекторе превосходила долю дохода от работы на частных предприятиях.

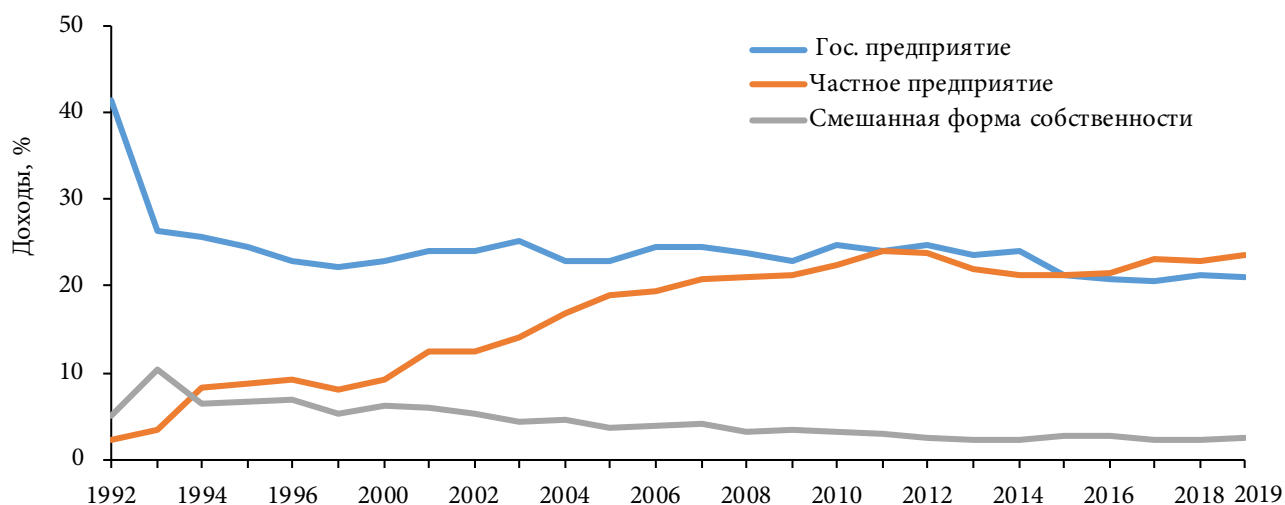

Рис. 4. Распределение доходов по источникам: государственные, частные предприятия, предприятия смешанной формы собственности, 1992–2019 гг., %

После 1993 г. весомость дохода от работы в частном секторе, стремительно нарастая, достигла в 2011 г. максимума, равного 24,1%, сравнявшись по значимости с доходом от работы в государственном секторе. Затем последовали медленный откат до 21,2% в 2015 г. и новый подъем до 23,7% в 2019 г. В то же время доля дохода домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора, после определенных перепадов в предшествующий период, в 2016 г. сократилась по сравнению с 2014 г. с 24 до 20,8% и затем была подвержена небольшим колебаниям.

В результате указанных изменений доход домохозяйств от работы на частных предприятиях стал по своей весомости превосходить доход от работы на предприятиях и в организациях государственного сектора. В 2019 г. разница между ними выросла до максимального значения, составляющего 2,8 п.п. Что касается доли дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности в совокупном доходе домохозяйств, то она после длительного периода монотонного снижения, охватывающего 1994–2012 гг., в последние годы находилась на минимально низком уровне, меняясь в небольших границах — от 2 до 3%.

На следующем рисунке 5 представлены данные мониторинга, характеризующие изменения в течение 1992–2019 гг. весомости денежного и натурального доходов от домашнего производства и неформального сектора, а также дохода от помощи родственников и благотворительной помощи в формировании совокупного дохода российских домохозяйств. Из представленных на рисунке данных хорошо видно, что наиболее значительно менялась весомость этих источников дохода в 1990-е годы, когда доля натурального дохода от домашнего производства и неформального сектора доходила до огромных 16–18%.

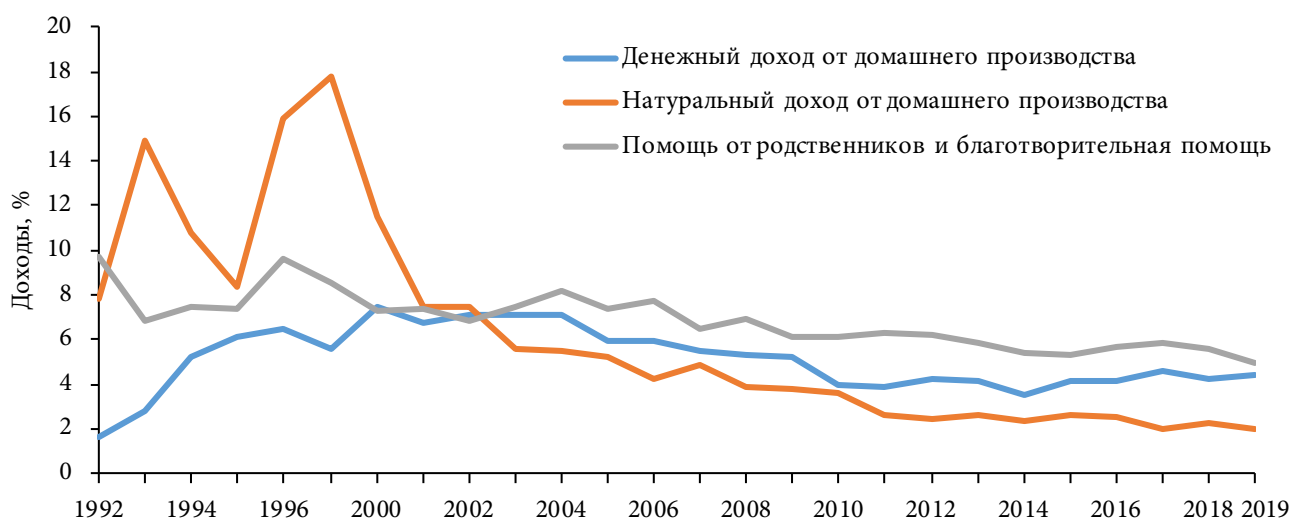

Рис. 5. Распределение доходов по источникам: денежный и натуральный доходы от домашнего производства, помощь родственников и благотворительная помощь, 1992–2019 гг., %

Представленные на рисунке 5 данные также показывают, что значимость денежного дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора достаточно последовательно снижалась на протяжении длительного периода (2004–2014 гг.). В 2014 г. доля дохода из данного источника опустилась до минимального значения, составляющего 3,5%, но уже в следующем году увеличилась до 4,1% и затем менялась в пределах 4,2–4,6%. В то же время доля натурального дохода домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора, после

некоторых колебаний в течение длительно периода, за последний год уменьшилась до 2%, повторив минимум, зафиксированный в 2017 г. И наконец, доля дохода домохозяйств от помощи родственников и благотворительной помощи, т. е. от частных трансфертов, после колебаний в течение 2013–2017 гг. в пределах 5,3–5,8% за 2018–2019 гг. уменьшилась до 5%, достигнув тем самым минимума за все время наблюдений в рамках мониторинга. Прежний минимум, составлявший 5,3%, был зафиксирован в 2015 г.

Весомость источников, играющих наименьшую роль в формировании совокупного дохода российских домохозяйств (доход от продажи личного имущества, доход от сдачи личной собственности в аренду и дивиденды), на протяжении всех последних лет менялась незначительно. Причем эти изменения, как следует из данных, представленных на рисунке 6, были гораздо меньшими, чем в начальный период проведения мониторинга, охватывающий 1992–2005 гг., когда разброс анализируемых значений достигал максимальной величины.

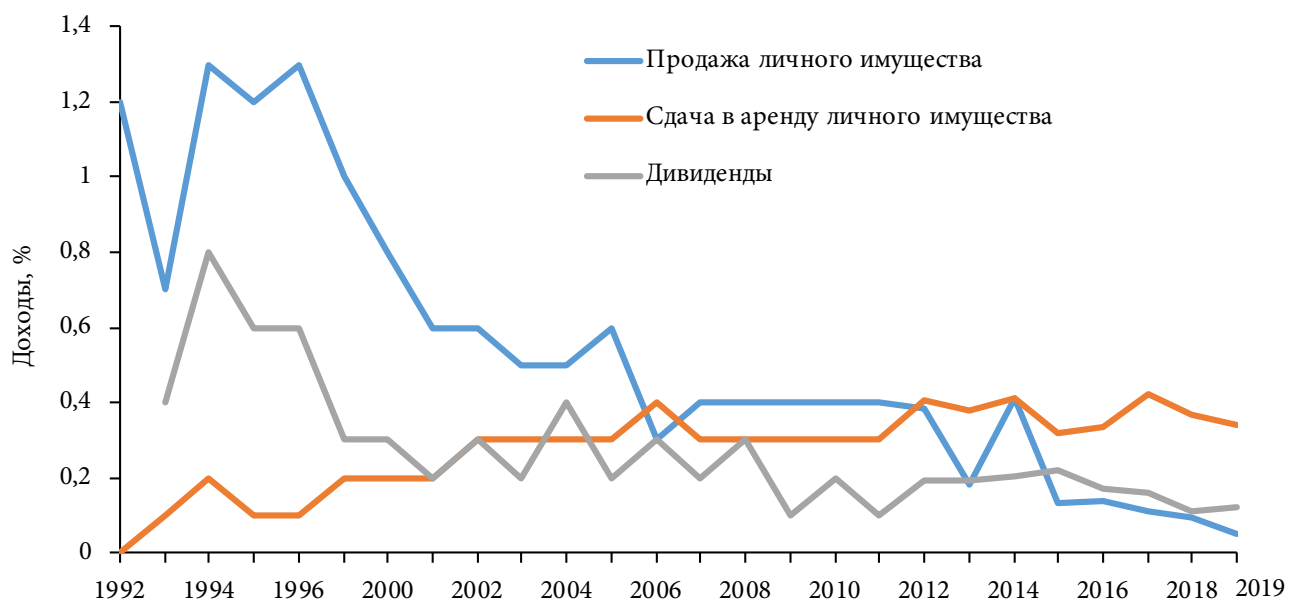

Рис. 6. Распределение доходов по источникам: продажа и сдача в аренду личного имущества, дивиденды, 1992–2019 гг., %

В течение следующего периода, распространяющегося на 2006–2019 гг., суммарная доля дохода обследованных домохозяйств из этих источников не превышала 1%. Стало окончательно ясно, что новых драйверов роста доходов населения, позволяющих делать сбережения, очень мало, а прежние исчерпали свои возможности. При этом, несмотря на относительно благоприятные прогнозы правительства, население готовилось в ситуации неопределенности к новому витку ухудшения своего материального положения. То есть ожидания граждан входили в явное противоречие с правительственными прогнозами. Большинство россиян, не полагаясь на официальные заявления, считали, что в стране продолжается экономический кризис. Основными проявлениями этого кризиса для них были постоянный рост цен, дальнейшее снижение уровня жизни населения, нехватка средств на самое необходимое, боязнь потерять работу.

В таблице 3 представлены данные RLMS-HSE о процентном соотношении обследованных домашних хозяйств, получающих доходы из разных источников. Анализ этих данных свидетельствует об увеличении в течение последнего года числа домохозяйств, зависящих от различных государственных выплат.

Таблица 3

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, 1992–2019 гг., %

Источники доходов	Период сбора данных								
	1992	1998	2004	2008	2011	2014	2017	2018	2019
Доход от работы на государственных предприятиях	64,9	42,1	43,0	44,7	44,0	43,7	38,3	38,3	37,4
Доход от работы на частных предприятиях	5,3	16,0	28,4	35,7	38,9	36,0	37,9	36,8	37,9
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	10,5	10,7	9,0	6,8	5,7	4,8	4,6	4,6	4,8
Общий доход от заработной платы	72,4	57,6	64,1	67,2	69,9	66,4	64,3	64,3	64,0
Государственные трансфертные платежи	86,5	60,3	76,8	73,1	68,9	73,0	73,4	72,4	73,0
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	15,2	24,1	24,4	17,8	14,8	13,8	14,7	13,8	13,5
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	56,3	62,9	50,5	44,3	37,9	39,9	37,9	38,0	38,6
Доход от продажи личного имущества	3,8	2,8	1,4	0,9	1,1	1,5	0,5	0,3	0,3
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,6	1,3	1,5	1,3	1,6	1,8	1,6	1,6
Дивиденды	–	1,1	1,1	1,0	0,9	2,3	1,9	1,3	1,2
Помощь от родственников и благотворительная помощь	34,7	25,5	29,0	27,8	27,5	26,9	26,5	26,5	23,4

В 2019 г. по сравнению с 2018 г. доля домохозяйств, зависящих от различных государственных выплат, выросла на 0,6 п.п. — с 72,4 до 73%. Но если рассматривать изменения за более длительный период, то можно увидеть, что, несмотря на определенные колебания, доля домохозяйств, получающих какой-либо доход в виде государственных трансфертных платежей, в течение длительного периода остается достаточно стабильной. В подтверждение этого тезиса можно отметить, что в 2014 г. доля таких домохозяйств, как и в 2019 г., составляла 73%, а в 2008 г. — 73,1%.

Довольно стабильной остается в последние годы также доля домохозяйств, имеющих доход в виде заработной платы. Так, с 2010 по 2016 г. она сократилась на 7,6 п.п. — с 71,4 до 63,8%. В 2017 г. доля таких домохозяйств немного увеличилась и в дальнейшем менялась мало. При этом за последний год их доля уменьшилась на небольшие 0,3 п.п. — с 64,3% в 2017–2018 гг. до 64% в 2019 г. И это было минимальное значение данного показателя за все время наблюдений.

Примечательно, что в 2019 г. доля домохозяйств, получающих доход от работы на частных предприятиях, впервые превысила долю домохозяйств, имеющих доход от работы на предприятиях государственного сектора. Это превышение, составившее 0,5 п.п., было достигнуто за счет роста доли домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях частного сектора, — с 36,8% в 2018 г. до 37,9% в 2019 г., т. е. на 1,1 п.п., и сокращения удельного веса домохозяйств, имеющих доход от работы на государственных предприятиях, — с 38,3% в 2018 г. до 37,4% в 2019 г., т. е. на 0,9 п.п. До этого наблюдалось достаточно последовательное сокращение разрыва между удельным весом домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора и получающих доход от работы на частных предприятиях. Если в 2004 г. этот разрыв достигал 14,6 п.п., то к концу 2017 г. постепенно сократился до минимальных 0,4 п.п. И только лишь к концу 2018 г. он вновь увеличился, но только до сравнительно небольших 1,5 п.п.

Примечательно также то, что доля домохозяйств с доходом от работы на предприятиях смешанной формы собственности, после длительного периода медленного сокращения, в последние годы меняется очень мало. За последний год она увеличилась на малые 0,2 п.п. — с 4,6% в 2017–2018 гг. до 4,8% в 2019 г., вернувшись в результате этого роста к уровню 2014 г.

В 2019 г., как и во все предыдущие годы, число домохозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора намного превосходило число домохозяйств, располагающих соответствующим денежным доходом. При этом доля домохозяйств, имеющих натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, после небольшого увеличения с 37,9% в 2017 г. до 38% в 2018 г., к концу 2019 г. вновь увеличилась на 0,6 п.п. — до 38,6%. Одновременно доля домохозяйств, располагающих денежным доходом от домашнего производства и неформального сектора, после уменьшения с 14,7% в 2017 г. до 13,8% в 2018 г., к концу 2019 г. опять уменьшилась на 0,3 п.п. — до 13,5%. Число домохозяйств с натуральным доходом от домашнего производства и неформального сектора стало превосходить в 2019 г. число домохозяйств, располагающих соответствующим денежным доходом, в 2,9 раза. Это было немного больше, чем 2,8 раза в 2018 г. и 2,6 раза в 2017 г.

Одним из интересных и важных результатов исследования является то, что в 2019 г. по сравнению с 2018 г. было выявлено значительное сокращение доли домохозяйств, получающих помощь от родственников и благотворительную помощь, — с 26,5 до 23,4%, т. е. на существенные 3,1 п.п. Хотя прежде на протяжении многих лет картина, характеризующая степень распространенности помощи российским домохозяйствам со стороны родственников и поступлений из различных источников благотворительной помощи, менялась очень мало. В 2017–2018 гг. получали доход из данного источника 26,5% обследованных домохозяйств, что было лишь на 0,4 п.п. меньше, чем в 2014–2016 гг.

Как и во все предыдущие годы, число обследованных домохозяйств, получающих какой-либо доход от сдачи личной собственности в аренду, продажи своего имущества и в виде дивидендов, было небольшим. В 2019 г. их суммарная доля составила 3,1%, что было лишь на 0,1 п.п. меньше, чем в 2018 г., и на 1,1 п.п. меньше, чем в 2017 г.

В таблице 4 доходы обследованных домашних хозяйств классифицированы по квинтилям душевого дохода. В ней приводится обобщенная информация об уровне реальных доходов внутри квинтилей. В последней строке верхней части таблицы показан средний доход по квинтилям распределения доходов в 2019 г. Нижняя часть содержит обобщенные сведения за 2018 г. о размерах и источниках доходов за этот год по квинтилям.

Таблица 4

Распределение источников дохода в зависимости от квинтилей душевого дохода, декабрь 2019 г., %

Источники доходов	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Доход от работы на государственных предприятиях	22,4	17,0	18,5	20,0	27,1
Доход от работы на частных предприятиях	20,4	22,5	21,0	22,9	31,9
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	1,8	2,1	2,4	2,3	3,6
Общий доход от заработной платы	44,6	41,6	41,9	45,2	62,7
Государственные трансфертные платежи	37,7	47,3	48,1	45,5	25,8
Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора	7,5	4,2	3,4	3,2	3,9
Натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора	2,7	2,1	2,2	1,6	1,3
Доход от продажи личного имущества	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1
Доход от сдачи личной собственности в аренду	0,2	0,2	0,1	0,5	0,8
Дивиденды	0,0	0,0	0,1	0,1	0,5
Помощь от родственников и благотворительная помощь	7,2	4,7	4,1	4,0	4,9
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2019 г., в руб. 2019 г.	43 268	56 931	66 703	80 821	11 3348
Общий доход от заработной платы, декабрь 2018 г.	47,7	40,9	40,9	44,8	59,2
Государственные трансфертные платежи, декабрь 2018 г.	36,5	47,3	48,1	43,7	26,8
Средняя сумма месячного дохода, декабрь 2018 г., в руб. 2019 г.	39 752	52 727	62 502	76 437	108 532

Как следует из данных, представленных в таблице 4, в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. реальные доходы выросли у домохозяйств всех квинтилей, но у бедных и малообеспеченных домохозяйств этот рост в процентном отношении был более значительным, чем у богатых. Так, у домохозяйств нижнего квинтиля этот рост составил 8,8%, у домохозяйств второго квинтиля — 8%, у домохозяйств третьего квинтиля — 6,7%, у домохозяйств четвертого квинтиля — 5,7% и у двадцати процентов самых обеспеченных домохозяйств — только 4,4%. Но если обратиться к абсолютным значениям, то окажется, что богатые домохозяйства от такого роста выиграли больше, чем бедные. Так, если у двадцати процентов наименее обеспеченных домохозяйств доходы выросли на 3516 руб., то у двадцати процентов самых богатых — на 4816 руб., что было на 37% больше, чем у бедных. Подобная картина, характеризующаяся опережающим ростом доходов бедных

и малообеспеченных домохозяйств, лишь с небольшим отличием наблюдалась и в предыдущие годы. Так, если за 2017 г., как и за предыдущий 2016 г., рост реальных доходов произошел у домохозяйств всех квинтилей без исключения, то за 2018 г. доходы выросли у домохозяйств первых двух и последних двух квинтилей.

Если в декабре 2018 г. преобладание дохода от заработной платы над доходами от других источников в наибольшей мере было характерно для домохозяйств полярных нижнего и верхнего квинтилей, то в декабре 2019 г. — главным образом для верхнего. При этом у домохозяйств верхнего квинтиля в декабре 2018 г. на заработную плату приходилось 59,2% совокупного дохода, тогда как в декабре 2019 г. — уже 62,7%. В конце 2019 г. доход от заработной платы был наиболее значимым источником дохода также для домохозяйств нижнего квинтиля, в то время как для домохозяйств второго и третьего квинтилей наиболее весомым источником дохода являлись постоянно растущие государственные трансфертные платежи, а для домохозяйств четвертого квинтиля значимость этих источников была практически одинаковой.

За последний год доля общего дохода от заработной платы увеличилась у домохозяйств всех квинтилей, за исключением нижнего. При этом наибольшие, но разнонаправленные изменения были отмечены у домохозяйств крайних квинтилей, т. е. у самых бедных и самых обеспеченных домохозяйств: в нижнем квинтиле — сокращение на 3,1 п.п.; в верхнем — рост на 3,5 п.п. Примечательно, что у домохозяйств верхнего квинтиля такой существенный рост был отмечен второй год подряд. Так, в декабре 2018 г. доля общего дохода от заработной платы немного увеличилась у домохозяйств нижнего и второго квинтилей (на 0,9 п.п. — с 46,8 до 47,7% соответственно, и на 1,4 п.п. — с 39,5 до 40,9%) и более существенно у домохозяйств верхнего квинтиля (на 3 п.п. — с 56,2 до 59,2%), тогда как у домохозяйств третьего и четвертого квинтилей было отмечено снижение (на 2,1 п.п. — с 43 до 40,9% соответственно, и на 0,4 п.п. — с 45,2 до 44,8%). В итоге за два года доля рассматриваемого дохода у самых обеспеченных домохозяйств выросла на значительные 6,5 п.п.

В 2019 г., как и многими годами ранее, у наименее и наиболее обеспеченных домохозяйств доля месячного дохода от работы на государственных предприятиях была выше, чем у домохозяйств трех средних квинтилей. При этом если в 2018 г. самые богатые двадцать процентов домохозяйств превосходили по данному показателю двадцать процентов беднейших домохозяйств только на 1,9 п.п. (26,5% против 24,6%), то в 2019 г. эта разница выросла до 4,7 п.п. (27,1% против 22,4%). Характерно также, что в 2019 г., как и во многие предыдущие годы, двадцать процентов наиболее состоятельных домохозяйств намного превосходили домохозяйства всех остальных квинтилей по доле дохода от работы на частных предприятиях (от 9 до 11,5 п.п.). Обращает на себя внимание и тот факт, что уже много лет подряд у домохозяйств беднейшего квинтиля доля дохода от работы на предприятиях государственного сектора превосходит долю дохода от работы в частном секторе, тогда как у домохозяйств всех остальных квинтилей более весомой оказывается доля дохода от работы на частных предприятиях. Что касается дохода от работы на предприятиях смешанной формы собственности, то различия между домохозяйствами разных квинтилей по этому показателю остаются минимальными. В то же

время наблюдается последовательный рост доли доходов от работы на предприятиях смешанной формы собственности с 1,8% у домохозяйств беднейшего квинтиля до 3,6% у домохозяйств самого богатого квинтиля.

В 2019 г. государственные трансферты составляли немногим более четверти месячного дохода домохозяйств верхнего квинтиля и более трети месячного дохода домохозяйств нижнего квинтиля. Но наиболее зависимыми от государственных трансфертных платежей оставались домохозяйства трех средних квинтилей, которые от 45,5 до 48,1% (в 2018 г. — от 43,7 до 48,1%) своего общего месячного дохода получали за счет пенсий, различных пособий, стипендий и других социальных выплат. Причем за последний год зависимость домохозяйств всех квинтилей от доходов, формируемых за счет государственных трансфертов, практически не изменилась.

Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора продолжал оставаться для российских домохозяйств всех квинтилей более важным источником, чем аналогичный натуральный доход. При этом и денежный, и натуральный доходы от домашнего производства и неформального сектора были наиболее важны для домохозяйств беднейшего квинтиля (7,5 и 2,7% соответственно).

Примечательно, что для двадцати процентов беднейших домохозяйств более значимым источником дохода, чем для других домохозяйств, была также помощь от родственников и благотворительная помощь. Но доля дохода из данного источника у домохозяйств нижнего квинтиля за последние два года уменьшилась на 0,9 п.п. — с 8,1 до 7,2%, в том числе за последний год на 0,7 п.п. У домохозяйств верхнего квинтиля эта доля сокращалась три года подряд. За этот период она уменьшилась на 1,6 п.п. — с 6,5% в 2016 г. до 4,9% в 2019 г., в том числе за последний год на 0,8 п.п. У домохозяйств трех средних квинтилей в 2019 г. данный показатель варьировался от 4 до 4,7% (в 2018 г. — от 4,5 до 5,4%). В целом снижение весомости данного источника дохода за последний год произошло у домохозяйств всех квинтилей без исключения. Поступления в бюджет домохозяйств от продажи личного имущества, от сдачи в аренду личной собственности и в виде дивидендов, как и во все предыдущие годы, в наибольшей мере были характерны для домохозяйств самого высокодоходного квинтиля. Но реальная роль этих источников в формировании бюджетов обследованных домохозяйств всех квинтилей оставалась минимальной.

Опережающий рост доходов у бедных домохозяйств привел к некоторому сокращению материального неравенства по данному показателю. Так, в декабре 2019 г. средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,6 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных. Это немного меньше, чем 2,7 раза, зафиксированных в 2018 г., 2,9 раза — в 2014–2017 гг., и намного меньше, чем четырехкратное превышение, зафиксированное в 2013 г. До этого наблюдалось сокращение, с небольшими перепадами, данного разрыва с 7,5 раза в 1998 г. до 4,6 раза в 2012 г.

Практически не изменился за последний год разрыв по показателю средней суммы месячного дохода между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля. В 2019 г. он составил 1,4 раза, что было столько же, сколько в 2018 г., но лишь немного меньше, чем 1,5 раза в 2017 г. В 2019 г., как и в предыду-

щие два года, отрыв по анализируемому показателю домохозяйств верхнего квинтиля от домохозяйств третьего квинтиля составил 1,7 раза, тогда как в отношении домохозяйств второго квинтиля он сократился за эти годы с 2,2 до 2 раза.

В таблице 5 представлено распределение обследованных домохозяйств, получающих доход от заработной платы из разных источников, по квинтилям душевого дохода. Представленные в ней данные демонстрируют наличие довольно устойчивой картины квинтильной дифференциации домохозяйств по доходам от заработной платы, которая сложилась в последние годы.

Таблица 5

Доля домохозяйств с доходом из данного источника, по квинтилям дохода, 2006–2019 гг., %

Источники дохода	Квинтиль душевого дохода				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Октябрь 2006 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	35,4	36,9	45,2	52,1	54,4
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	22,3	29,0	40,9	50,5
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,9	6,5	8,0	10,6	8,9
Ноябрь 2008 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	34,0	36,8	44,6	56,5	51,7
Доход от работы на частных предприятиях	20,5	23,2	36,5	44,3	53,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,4	5,5	6,6	8,3	9,4
Ноябрь 2010 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,4	32,9	43,1	48,6	52,5
Доход от работы на частных предприятиях	26,0	27,9	33,2	39,7	52,7
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	4,8	5,2	8,5	9,5	8,2
Декабрь 2018 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	40,2	33,8	32,5	37,2	48,8
Доход от работы на частных предприятиях	33,8	35,4	31,8	37,7	45,6
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,0	3,4	4,7	5,3	6,9
Декабрь 2019 г.					
Доход от работы на государственных предприятиях	36,0	32,8	33,1	37,6	48,3
Доход от работы на частных предприятиях	32,0	35,7	34,9	38,5	48,8
Доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности	3,3	4,5	4,6	4,8	7,0

Эти данные, в частности, показывают последовательный рост удельного веса домохозяйств с доходом от работы на предприятиях и в организациях частного сектора и на предприятиях со смешенной формой собственности по мере последовательного перехода от беднейшего к самому богатому квинтилю. Так, в 2019 г. доля домохозяйств с доходом от работы на частных предприятиях увеличивалась с 32 до 48,8%, а доля домохозяйств с доходом от работы на предприятиях смешанной формы собственности — с 3,3 до 7% по мере перехода от беднейшего к самому богатому квинтилю. За последний год доля домохозяйств с доходом от работы на частных предприятиях выросла во всех квинтилях, за исключением беднейшего, где было зафиксировано ее сокращение на 1,8 п.п., — с 33,8 до 32%. В то же время изменения в отношении домохозяйств с доходом от работы на смешанных государственно-частных предприятиях были минимальными.

По-другому выглядят квинтильные различия в отношении домохозяйств с доходом от работы на государственных предприятиях. Здесь наибольшие различия наблюдаются между домохозяйствами самого богатого квинтиля и всеми остальными домохозяйствами. При этом за последний год заметно изменилась доля домохозяйств с доходом от работы на предприятиях государственного сектора только в самом бедном квинтиле — сократилась на 4,2 п.п. (с 40,2% в 2018 г. до 36% в 2019 г.). В остальных квинтилях были отмечены едва заметные колебания. В целом для более обеспеченных домохозяйств доход от заработной платы, как в предыдущие годы, являлся более значимым источником дохода, чем для менее обеспеченных.

Данные Росстата, как и данные RLMS-HSE, демонстрировали в 2019 г. некоторое снижение показателей, характеризующих неравенство по доходам, после увеличения, зафиксированного годом ранее. Так, децильный коэффициент фондов, т. е. разрыв в доходах между 10% самых богатых граждан и 10% самого бедного населения, после увеличения с 15,4 раза в 2017 г. до 15,6 раза в 2018 г., в 2019 г. вновь снизился до 15,4 раза. До этого на протяжении длительного периода наблюдался достаточно устойчивый тренд, свидетельствующий о поступательном сокращении неравенства по доходам. Так, с 2007 по 2015–2016 гг. указанный показатель сократился с 16,7 до 15,5 раза. Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), свидетельствующий о степени расслоения общества, в 2018 г. по сравнению с 2017 г. увеличился с 0,411 до 0,413, но в 2019 г. также уменьшился до 0,411. До этого, с 2007 по 2015–2016 гг., он последовательно снижался — с 0,422 до 0,412. В 2019 г., как и в 2018 г., на долю 10% наиболее обеспеченных россиян приходилось 30,3% общей суммы денежных доходов. И в то же время на долю 10% наименее обеспеченного населения страны в 2019 г. пришлось лишь 1,9% общей суммы денежных доходов жителей России (в 2018 г. — также 1,9%).

По данным Росстата, в 2019 г. по сравнению с 2018 г. практически не изменились показатели, характеризующие распределение денежных доходов по двадцатипроцентным группам населения. Доля денежных доходов, приходящихся на первую группу (с наименьшими доходами), составила 5,3%; на вторую группу — 10,1%; на третью группу — 15,1%; на четвертую группу — 22,6% и на пятую группу (с наибольшими доходами) — 46,9%. По сравнению с 2018 г. было отмечено небольшое сокращение только в группе с самыми большими доходами на 0,2 п.п., которое произошло за счет роста на 0,1 п.п. во второй группе и на 0,1 п.п. в третьей группе. Таким образом, согласно данным официальной статистики, как и годом

ранее, объем денежных доходов двадцати процентов россиян с наибольшими доходами был почти в 9 раз больше, чем объем денежных доходов двадцати процентов граждан с наименьшими доходами.

Таким образом, данные RLMS-HSE, как и данные Росстата, на протяжении многих последних лет демонстрируют некоторое сокращение в России неравенства по доходам. Но, несмотря на это, данная проблема не теряет своей актуальности. С одной стороны, глубокое социально-экономическое неравенство остается наиболее мощным фактором, формирующим неравенство возможностей в доступе различных групп населения к образованию, здравоохранению и другим социальным ресурсам. С другой стороны, острота этой проблемы не только является тормозом для экономики, но также может приводить к финансовым и экономическим кризисам. Высокий уровень социального и имущественного неравенства превратился в серьезную угрозу для экономического роста и социальной стабильности.

Чрезмерное неравенство в России является следствием как возросшего уровня концентрации богатства, так и значительной бедности. Поэтому получить более точное представление о такой сложной и многоплановой проблеме, как проблема социально-экономического неравенства, позволяют сведения, включающие наиболее полную информацию о доходах и накоплениях не только богатых граждан, но и беднейшей части населения.

По данным RLMS-HSE, удельный вес домохозяйств с доходом ниже официального прожиточного минимума в декабре 2019 г., как и в декабре 2017 г., составил 1,8%, что было немного больше, чем 1,7%, зафиксированных в декабре 2018 г., и 1,6% — в декабре 2016 г. При этом доля домохозяйств из числа обследованных с доходом меньше половины прожиточного минимума за последний год увеличилась с 0,9% в декабре 2018 г. до 1% в декабре 2019 г., вернувшись на уровень декабря 2017 г. Наибольшая доля домохозяйств с доходом ниже величины прожиточного минимума на протяжении последних лет постоянно фиксируется в Сибири и на Дальнем Востоке (3,4% против 3,2% в декабре 2018 г. и 2,9% в декабре 2017 г.).

В декабре 2019 г. жили в семьях с доходом ниже величины прожиточного минимума 3,1% российских детей в возрасте до 7 лет, что было больше, чем 2,8% в декабре 2018 г., 1,8% в декабре 2017 г. (минимум за все время наблюдений) и 2% в декабре 2016 г. При этом доля детей в возрасте до 7 лет, которые проживали в семьях с доходом меньше половины прожиточного минимума, сократилась с 2,2% в декабре 2018 г. до 1,1% в декабре 2019 г. Доля пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше прожиточного минимума, после увеличения с 0,7% в декабре 2017 г. до 1,9% в декабре 2018 г., в декабре 2019 г. вновь упала до 0,6%, т. е. до минимального значения за время наблюдений. Доля пенсионеров, живущих в семьях с доходом меньше половины величины прожиточного минимума, после увеличения годом ранее с 0,5 до 1%, в декабре 2019 г. снизилась до минимальных 0,3%.

Для полноты картины также заметим, что, согласно данным Росстата, численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума с 2012 по 2016 г. выросла с 15,4 до 19,4 млн человек, или с 10,7 до 13,2% от общей численности населения. Однако за следующие три года численность таких граждан последовательно сократилась, составив в 2019 г. 18,1 млн человек, или 12,3% от общей численности населения. За последний год это сокращение составило 0,3 п.п. Величина прожиточного минимума за последний год выросла с 10 287 до 10 890 руб. Но при этом в ряде регионов местные власти манипулировали с размером прожиточного минимума,

чтобы занизить социальные доплаты, назначаемые пенсионерам для доведения их доходов до регионального прожиточного минимума. Разница между фактическими выплатами и теми, которые должны были быть на самом деле, иногда оказывалась существенной. По данным Росстата, в 2019 г. в 16 регионах прожиточный минимум пенсионера был выше установленного в целом по России; в 17 регионах он совпадал со среднероссийским; в остальных более чем 50 регионах прожиточный минимум пенсионера не дотягивал до среднероссийского уровня.

Обращаясь к этим данным, важно иметь ввиду, что сегодня огромная масса людей, которые формально не относятся к бедным, в действительности живут в крайне стесненных условиях, находясь рядом с установленной границей бедности. В любой момент каждый из них может оказаться за этой чертой из-за потери заработка, болезней, рождения ребенка или по другим жизненным обстоятельствам. Таким людям приходится постоянно балансировать на грани выживания. Их доходы хотя и не считаются нищенскими, но фактически эти граждане мало что могут себе позволить. Считается также, что люди, получающие разного рода социальную поддержку, уже не относятся к бедному населению. Однако и в этом случае их отделяет от черты бедности очень узкая полоса, поскольку российские пособия совсем не заоблачные.

На рисунке 7 показаны изменения в распределении душевого дохода в период с декабря 2018 по декабрь 2019 г.

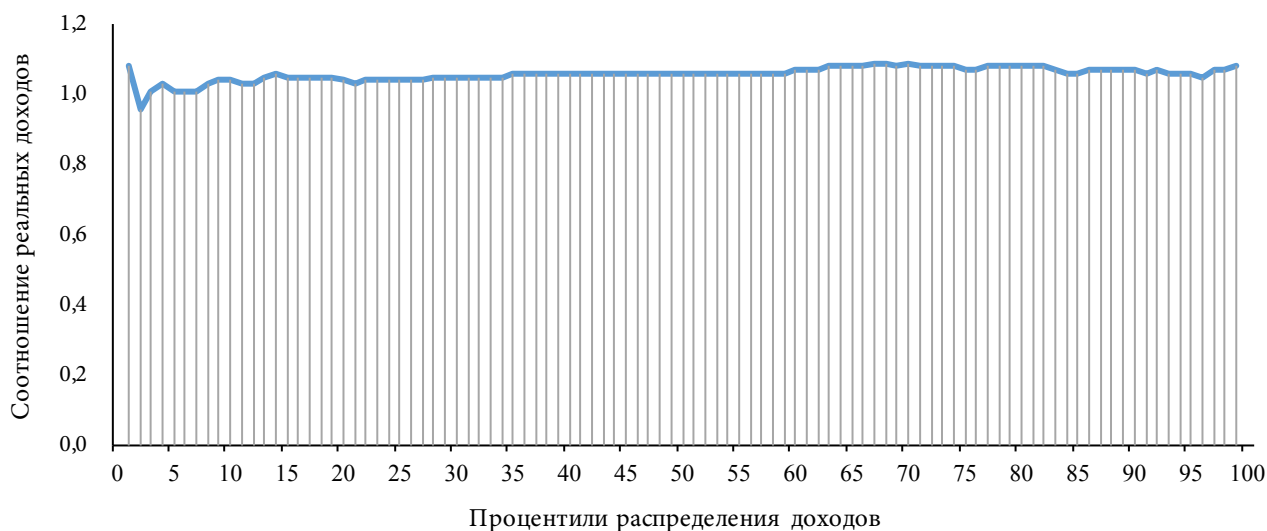

Рис. 7. Соотношение роста доходов каждого процентиля (реальный доход процентиля в 2019 г., деленный на реальный доход процентиля в 2018 г.), декабрь 2018 г. — декабрь 2019 г.

На рисунке показано соотношение реального дохода каждого процентиля в 2019 г. к реальному доходу того же процентиля в 2018 г. Рассматривая представленные данные, следует учитывать, что на рисунке приведены данные относительно душевого дохода, в то время как в предыдущих графиках и таблицах использованы данные по доходам обследованных домохозяйств. В 2019 г. реальный душевой доход быстро снижался, затем медленно рос и после стабилизации к концу распределения (60-й процентиль и выше) был подвержен определенным колебаниям.

Таким образом, в 2019 г. в России получил развитие сценарий достаточно вялого экономического роста. Влияние негативных факторов на экономику оставалось очень высоким, а большинство позитивных событий, происходящих в экономике,

не имели высокого мультипликативного эффекта на повышение уровня и качества жизни населения. Одной из наиболее беспокоящих проблем были низкие реальные доходы населения, выступающие главным тормозом экономического роста. За прошедший год доходы российских домохозяйств немного выросли, но оказались в большей зависимости от государственных источников, в том числе от социальных выплат, доля которых в общей структуре доходов домохозяйств выросла. Наблюдался медленный рост зарплат, что привело к увеличению их доли в структуре доходов домохозяйств. Но в то же время снизилась роль альтернативных источников доходов, в том числе доходов от домашнего производства и неформального сектора, помощи родственников и благотворительной помощи. Упали ставки по вкладам, снизились поступления от сдачи жилья в аренду. К позитивным тенденциям можно отнести то, что опережающий рост доходов наименее обеспеченных групп населения привел к некоторому сокращению неравенства по доходам.

Расходы домохозяйств

В условиях неопределенности, характерной для кризисного общества, и неспешного повышения доходов населения рост потребительского спроса оставался достаточно сдержанным. Из-за отсутствия у большинства семей денег сложная ситуация сложилась в сфере конечного потребления. Одни стремились переходить на более дешевые марки любимившихся товаров, другие перестраивались на более дешевые продукты питания, третьи просто отказывались от привычных товаров и некоторых видов продовольствия. В целом очень многие семьи и отдельные граждане продолжали экономить на самых основных продуктах. В список товаров, от покупки которых отказывались очень многие россияне, стали входить даже одежда и обувь. Многие отказывались от развлечений, т. е. от походов на выставки, в музеи, театры, кинотеатры, или старались обходить стороной рестораны, кафе, бары и другие предприятия общественного питания. В целом в ситуации растущих цен, повышения налогов, коммунальных тарифов семьи научились еще более тщательно экономить с расчетом на то, что впереди может случиться новый кризис, произойти новая девальвация рубля, очередное повышение налогов.

Но, несмотря на то что доходы населения «двигались очень медленно» или стагнировали и многим приходилось экономить на самом необходимом, потребительские настроения россиян в течение года постепенно улучшались. К концу года наметилось даже оживление потребительского спроса, повлекшее за собой увеличение расходов семей. При этом рост расходов населения в большей мере был связан не с резко улучшающимся положением большинства граждан, а с реализацией отложенного спроса на те товары и услуги, приобретение которых уже невозможно было игнорировать или откладывать дальше. Однако такое повышение потребительского «оптимизма» не стало началом нового позитивного тренда общественного оптимизма, который обычно способствует ускорению экономического роста.

Согласно данным RLMS-HSE, расходы российских домохозяйств после остановки роста в 2017 г. и небольшого сокращения в 2018 г. на 1,1% в следующем году продемонстрировали более заметное повышение. Как следует из таблицы 6, в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. ежемесячные расходы обследо-

ванных домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров выросли на 3,6%. При этом в 2019 г. расходы домохозяйств стали превышать на 17,6% уровень 2008 г. и на 19,4% уровень 2011 г.

Таблица 6

Ежемесячные расходы домохозяйств по отдельным статьям, 1992–2019 гг., в руб. декабря 2019 г.

Категории расходов	Период сбора данных						
	1992	1998	2004	2008	2011	2018	2019
Расходы на продукты питания							
Молочные продукты	1438	915	1174	1605	1737	2292	2421
Мясо, птица, рыба	4772	2676	3647	4886	4897	6149	6398
Картофель	623	139	388	320	274	313	292
Хлеб	2285	1566	1495	1416	1107	1544	1655
Фрукты, овощи	2334	697	1245	1687	1580	1911	2158
Прочие продукты питания	6092	2683	2694	3156	2950	3669	3769
Питание в столовых, ресторанах, кафе	996	754	1729	2398	2523	2818	2777
Продукты домашнего изготовления	2082	2861	1754	1854	1584	2317	1626
Алкоголь	1153	445	520	576	527	537	594
Всего расходов на продукты питания	21 775	12 747	14 647	17 899	17 088	21 550	21 691
Расходы на непродовольственные товары							
Табачные изделия	612	455	480	555	697	1459	1533
Одежда	3274	2420	2815	4185	3505	3623	3453
Горючее, топливо*	423	580	1249	1897	1975	2655	2816
Электроника и другие товары длительного пользования	1701	1904	4665	8516	6900	3541	3955
Услуги и отдых	534	2583	4989	8740	8217	6658	6835
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	1434	744	1306	5996	7138	10103	11177
Оплата жилья и коммунальных услуг	445	979	2068	3825	4683	5768	6226
Акции, облигации	203	7	0	0	25	0	0
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	1943	–	897	1263	1281	1477	1490
Сбережения	662	683	1085	2452	2566	2096	1941
Всего расходов на непродовольственные товары	11 227	10 355	19 558	37 432	37 414	41 300	43 401
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	33 002	23 102	34 205	55 332	54 502	62 851	65 090

*Начиная с декабря 1994 г. категория «Топливо» включает в себя бензин, газ в баллонах и дрова. Во время предыдущих опросов газ в баллонах и дрова учитывались в категории коммунальных услуг. Опросы указанных выше годов показывают долю каждого вида топлива: 12/1994: бензин – 49%, дрова – 19%, газ в баллонах – 32%; 10/1996: бензин – 56%, дрова – 18%, газ в баллонах – 26%; 11/1998: бензин – 58%, дрова – 16%, газ в баллонах – 26%; 10/2000: бензин – 71%, дрова – 11%, газ в баллонах – 18%; 10/2002: бензин – 72%, дрова – 11%, газ в баллонах – 17%; 10/2003: бензин – 71%, дрова – 13%, газ в баллонах – 16%; 10/2004: бензин – 73%, дрова – 13%, газ в баллонах – 13%; 10/2005: бензин – 73%, дрова – 14%, газ в баллонах – 13%; 10/2006: бензин – 75%, дрова – 12%, газ в баллонах – 12%; 10/2007: бензин – 77%, дрова – 12%, газ в баллонах – 11%; 11/2008: бензин – 83%, дрова – 10%, газ в баллонах – 7%; 11/2009: бензин – 84%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%; 12/2010: бензин – 85%, дрова – 9%, газ в баллонах – 7%; 12/2013: бензин – 88,6%, дрова – 7,6%, газ в баллонах – 3,8%; 12/2015: бензин – 89,4%, дрова – 6,9%, газ в баллонах – 3,7%; 12/2018: бензин – 91,1%, дрова – 6,4%, газ в баллонах – 2,5%; 12/2019: бензин – 90,7%, дрова – 6,5%, газ в баллонах – 2,8%.

Дальнейший анализ показал, что в 2019 г. росли расходы домохозяйств как на продукты питания, так и на непродовольственные товары, но совершенно разными темпами. Так, ежемесячные расходы домохозяйств на продукты питания, после многолетнего роста, в том числе в 2018 г. по сравнению с 2017 г. на 3,2%, в 2019 г. вновь увеличились, но только на небольшие 0,7%. В 2019 г. ежемесячные расходы домохозяйств на приобретение продуктов питания были на 21,2% выше, чем в 2008 г., и на 26,9% больше, чем в 2011 г., но меньше на 0,4%, чем в 1992 г., когда было зафиксировано самое высокое значение данного показателя за все время наблюдений в рамках мониторинга. В то же время ежемесячные расходы домохозяйств на непродовольственные товары, вслед за сокращением в 2017 г. на 3,2% и в 2018 г. еще на 3,3%, в 2019 г. показали значительный рост на 5,1%. В 2019 г. эти расходы домохозяйств были на 15,9% выше, чем в 2008 г., на 16% больше, чем в 2011 г., и в 3,9 раза выше, чем в 1998 г.

Анализ динамики расходов российских домохозяйств на отдельные виды продуктов питания показывает, что несмотря на значительные перемены в жизни россиян, их рацион все еще далек от оптимального и в большей мере соответствует рациону бедных стран. Структура расходов домохозяйств на продовольствие меняется очень медленно и во многом напоминает структуру, характерную для начала 1990-х годов, когда россияне испытывали огромные материальные трудности.

После стремительного падения расходов в кризисном 1998 г. домохозяйства до сих пор, спустя два десятилетия, не могут выйти на уровень расходов 1992 г. по многим видам продуктов питания. Так, в 2019 г. расходы домохозяйств превышали уровень 1992 г. на молочные продукты в 1,7 раза, на мясо, птицу и рыбу — в 1,3 раза, на питание вне дома, т. е. в ресторанах, столовых, кафе, барах и т. п., — в 2,8 раза. И в то же время россияне тратили меньше, чем в 1992 г.: на картофель — более чем в 2 раза, на продукты домашнего изготовления — в 1,3 раза, на хлеб — в 1,4 раза, на алкоголь — в 1,9 раза, на фрукты и овощи — на 7,5%. При этом наиболее значительные изменения коснулись расходов на питание вне дома. Если в 1992 г. они занимали в структуре расходов домохозяйств одно из последних мест, то в 2019 г. — уже одно из первых. Что касается расходов на такие важнейшие виды продуктов питания, как мясо, птица и рыба, молочные продукты, фрукты и овощи, то их место в общей структуре расходов домохозяйств не изменилось или изменилось, но незначительно.

Данные, приведенные в таблице 6, свидетельствуют о росте в 2019 г. расходов домохозяйств на многие виды продуктов питания, который в большинстве случаев продолжил длительные тенденции, начатые еще в 1998 г. Так, расходы домохозяйств на молочные продукты последовательно выросли за 1998–2017 гг. в 2,6 раза и только в 2018 г. было отмечено их снижение на небольшие 0,8%. Однако уже в следующем 2019 г. эти расходы вновь выросли на 5,7%. Расходы домохозяйств на мясо, птицу и рыбу, после некоторых колебаний в последние годы, выросли за 1998–2018 гг. в 2,4 раза, в том числе за 2018 г. — на 9,6%. В 2019 г. этот рост продолжился, составив около 4%.

Достаточно последовательный и устойчивый рост демонстрировали также ежемесячные расходы обследованных домохозяйств на фрукты и овощи. За 1998–2018 гг. их рост составил 2,7 раза, в том числе за предпоследний 2018 г. — 1,5%. Вслед за этим в 2019 г. последовал новый и более значительный рост на 13%, продливший долгосрочную позитивную тенденцию.

Расходы домохозяйств на хлебобулочные изделия, несмотря на существенный рост в последние годы, в 2018 г. оставались ниже показателя 1998 г. на 1,4%. В 2019 г. было выявлено очередное увеличение этих расходов на 7,1%, в результате которого наконец-то был превышен уровень особенно трудного для россиян, но уже очень далекого 1998 г. Это превышение составило 5,7%. Что касается расходов домохозяйств на картофель, то они после трехлетнего предшествующего роста в течение 2015–2017 гг. сократились в 2018 г. на 10,6% и в 2019 г. — еще на 6,7%. Но и после такого существенного падения эти расходы оставались вдвое выше уровня 1998 г.

Вслед за длительным периодом роста расходов домохозяйств на продукты домашнего изготовления, в том числе в 2018 г. по сравнению в 2017 г. на 12,1%, в 2019 г. было отмечено значительное сокращение этих расходов на 29,8%. После такого огромного падения расходы домохозяйств на продукты домашнего изготовления оказались ниже уровня 1998 г. в 1,8 раза.

Что касается расходов обследованных домохозяйств на питание вне дома, то они после предыдущего двухлетнего роста (с начала в 2016 г. на 5,2% и затем в 2017 г. на 12,7%) в 2018 г. немного уменьшились — на небольшие 0,3%, а в 2019 г. снизились еще на 1,5%. В 2019 г. по своей величине эти доходы были на 15,8% больше, чем в 2008 г., и в 3,7 раза выше, чем в 1998 г.

Одними из наиболее значительных остаются ежегодные колебания расходов домохозяйств на алкоголь. В 2016 г., после сокращения в предыдущем году, они выросли на 17,1% и в 2017 г. — еще на 0,9%. Но в 2018 г. эти расходы снижались на 6,1%, а в 2019 г. вновь выросли на 10,6%. После таких чувствительных колебаний расходы обследованных домохозяйств на алкогольную продукцию в 2019 г. были на 3,1% больше, чем в 2008 г., и на 33,4% больше, чем в 1998 г.

Анализ данных RLMS-HSE выявил в 2019 г. очередной рост ежемесячных расходов домохозяйств по большинству групп непродовольственных товаров. Причем в отличие от расходов на продукты питания расходы на различные виды непродовольственных товаров, за редким исключением, намного превзошли уровень 1992 г.

Наиболее значительным в 2019 г. был рост расходов российских домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования, который, однако, не смог компенсировать огромное падение этих трат в предыдущие годы. После длительного снижения, в том числе в 2018 г. по сравнению с 2017 г. на 21,2%, расходы домохозяйств на эти товары были в 2,4 раза меньше, чем в 2008 г. И наконец, только в 2019 г. был отмечен существенный рост на 11,7%. В результате такого стремительного подъема указанная разница в расходах домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования сократилась до 2,2 раза.

Таким же значительным был, согласно данным мониторинга, рост расходов домохозяйств на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам, т. е. расходов, которые уже много лет являются самыми затратными для домохозяйств. После сокращения в 2017 г. на 7,9% эти расходы выросли в 2018 г. на небольшие 0,7% и затем в 2019 г. на более значительные 10,6%. В 2019 г. они стали в 1,9 раза выше, чем в 2018 г., и в 8,6 раза выше, чем в 2004 г.

К наиболее значимым и устойчивым тенденциям, выявленным в ходе анализа данных мониторинга, относится последовательный рост расходов домохозяйств на оплату жилья и коммунальных услуг. После ощутимого роста в 2016 г. на

10,7% темпы роста расходов домохозяйств по этой расходной статье в 2017–2018 гг. замедлились до 3,5 и 4,3% соответственно, но в 2019 г. вновь выросли до 7,9%, достигнув нового максимального значения за весь постсоветский период. В целом по сравнению с 2008 г. эти расходы выросли в 1,6 раза, а по сравнению с 1998 г. — почти в 6,5 раза.

Не менее последовательным и заметным остается рост ежемесячных расходов российских домохозяйств на топливо, горючее. Однако темпы роста расходов по этой бюджетной статье в последние годы существенно замедлились. Так, в 2016 г. по сравнению с 2015 г. они увеличились на 12%, в 2017 г. — уже на 9,9%, а в 2018 г. — только на 2,5%. И лишь в 2019 г. темп роста расходов домохозяйств на топливо увеличился до 6,1%. В целом по сравнению с 2008 г. эти расходы домохозяйств выросли в 1,5 раза, а по сравнению с 1998 г. — в 4,9 раза.

Практически незаметным оказалось в 2019 г. увеличение расходов домохозяйств на услуги и отдых, которые постоянно занимают вторую строку по своей весомости среди статей, составляющих структуру потребительских расходов. После роста в 2016 г. по сравнению с 2015 г. на 11,4% и в 2017 г. — еще на 21,6%, в 2018 г. эти расходы сократились сразу на 21,1%. В 2019 г. по сравнению с 2018 г. они вновь увеличились, но только на очень скромные 2,7%. После такого медленного восстановительного роста расходы домохозяйств на услуги и отдых оставались более чем на четверть меньше, чем в 2008 г., когда они были максимальными.

К тенденциям, демонстрирующим наиболее последовательный рост на протяжении многих лет, относится повышение расходов на табачную продукцию. После роста в 2018 г. по сравнению с 2017 г. на 9,7%, в 2019 г. они опять выросли на 5,1%. В целом по сравнению с 2008 г. расходы домохозяйств на табачную продукцию выросли в 2,8 раза, а по сравнению с 1998 г. — в 3,4 раза.

Согласно данным RLMS-HSE, в 2019 г. отмечен также небольшой рост расходов домохозяйств на приобретение различных товаров повседневного спроса. Повышение этих расходов наблюдается на протяжении нескольких лет, но его темп постоянно падает. Так, после увеличения в 2016 г. на 10,6%, в 2017 г. — на 8,6%, в 2018 г. — еще на 2,2%, в 2019 г. эти расходы вновь увеличились, но только на 0,9%. В целом за 2008–2019 гг. расходы домохозяйств на различные товары повседневного спроса выросли на 18%.

Одной из немногих статей бюджета, по которой в 2019 г. было отмечено снижение, являются расходы на одежду и обувь. После двухлетнего роста в течение 2016–2017 гг. на 15,8 и 4,3% соответственно, в 2018 г. увеличение расходов на эти товары практически полностью остановилось. И наконец, в 2019 г. расходы на одежду и обувь сократились на 4,7%. В 2019 г. они были меньше, чем в 2008 г., на 17,5%.

В ходе анализа данных RLMS-HSE было выявлено также очередное сокращение расходов домохозяйств, предназначенных для сбережений. В 2014 г. они уменьшились на 8,3%, в 2015 г. — на 6,9%, в 2016 г. — еще на 2,6%, и только в 2017 г. был отмечен рост данных расходов на 5,4%. Однако уже в следующем 2018 г. расходы, направляемые на формирование сбережений, сократились на 4,1%, а в 2019 г. снизились еще на 7,4%. В результате такого значительно совокупного падения эти расходы оказались в 2019 г. почти на 20% меньше, чем в 2008 г., и на четверть меньше, чем в 2011 г. Поскольку непрекращающаяся череда экономических кризисов приучила россиян экономить в трудных обстоятельствах, у многих при падении доходов этот

механизм срабатывает как привычная модель поведения. При этом большинству россиян трудно делать накопления. Мало кто в нынешних условиях полагает, что сейчас подходящее время для формирования сбережений, а большинству просто нечего откладывать после расходов на текущие нужды. Во многом по этой причине подавляющее большинство граждан не имеют каких-либо сбережений.

На рисунке 8 показаны долгосрочные изменения в общей структуре расходов российских домохозяйств. Они, в частности, показывают, что за годы постсоветского периода структура потребления населения России существенно трансформировалась¹.

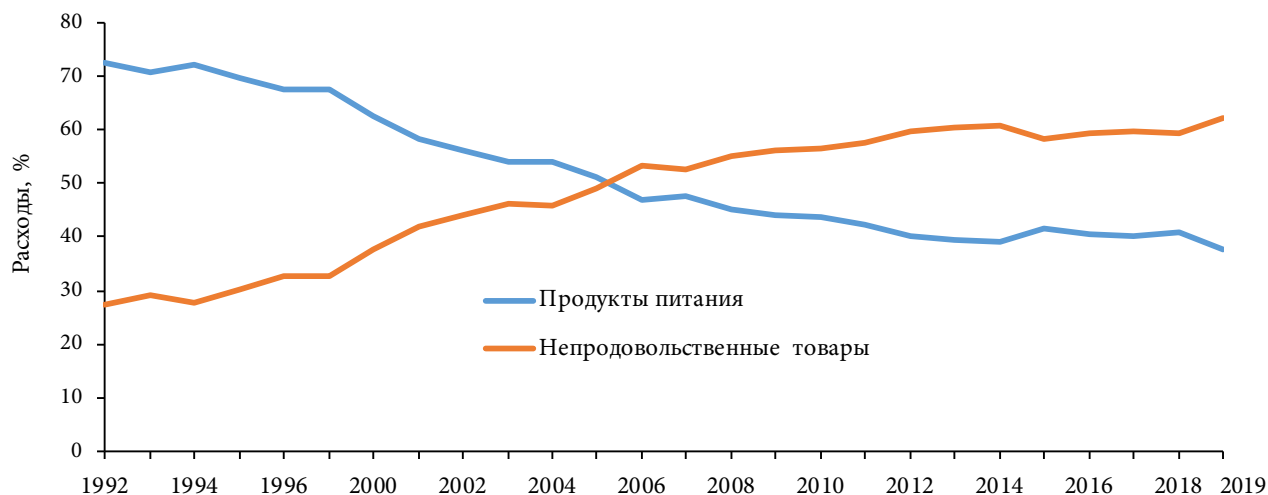

Рис. 8. Структура расходов: продукты питания и непродовольственные товары, 1992–2019 гг., %

В 1990-е гг. структура потребления была больше смещена к модели выживания с большим преобладанием доли продуктов питания. Но при этом с середины 1990-х годов наблюдалось медленное сокращение доли продовольствия и увеличение доли непродовольственных товаров. В период восстановительного экономического роста нулевых годов начался ускоренный переход от модели выживания к модели развития со значительным снижением доли расходов на продовольствие. В самом начале кризиса 2008–2009 гг. эти тенденции прервались, но затем продолжили свое развитие, хотя и не такими быстрыми темпами, как до кризиса. С началом нового экономического кризиса в 2014 г. наметился новый отскок, который, однако, быстро сменился определенной стабилизацией рассматриваемых показателей. В ситуации затянувшейся кризисной неопределенности и нарастания жизненных трудностей одни россияне стали меньше покупать и старались больше экономить, тогда как другие просто «законсервировали» свои расходы, отказавшись от ранее запланированных покупок. Так, доля расходов российских домохозяйств на продукты питания уменьшилась с 41,5% в 2015 г. до 40,1% в 2017 г., т. е. на 1,4 п.п., но в 2018 г. она увеличилась на 0,7 п.п. — до 40,8%, а в 2019 г. практически не изменилась, сократившись до 40,7%.

¹ Средние по статьям расходов, представленные на рисунках 8–11 и в таблице 7, получены путем расчета средних отдельно по каждой статье по всем домохозяйствам в выборке. Соотношение средних расходов, представленных в таблице 6, соответствует взвешенным средним данным долей в бюджете, где веса пропорциональны общим расходам домохозяйства. Расходы на одежду, электронику и другие товары длительного пользования учитывались за трехмесячный срок.

По доле расходов граждан на продукты питания Россия все еще значительно отличается от большинства высокоразвитых стран. Как хорошо известно, чем выше уровень жизни в стране, тем меньшую долю ресурсов население этой страны тратит на продовольствие. И в целом ряде стран, таких, например, как Австралия, Канада, США, эта доля в конечном потреблении домохозяйств составляет лишь десятую часть или еще меньше. Среди европейских стран лидируют Люксембург (8,4%), Нидерланды, Великобритания (по 10,6%), Ирландия (11,5%), Финляндия (11,7%)¹. В России проблема низких доходов семей и высокой доли расходов на продовольствие решается отдельными домохозяйствами разными путями, в том числе нередко путем неформального, серого заработка.

Более детальное представление о долгосрочных тенденциях в структуре ежемесячных расходов российских домохозяйств дают рисунки 9–11, содержащие необходимый для этого подробный иллюстративный материал.

Из данных мониторинга, представленных на рисунке 9, в частности, следует, что доля расходов на питание вне дома (в ресторанах, столовых, кафе, барах и т. п.) в бюджете российских домохозяйств, достигнув максимума в 2010 г., равного 4,7%, затем постепенно, но с некоторыми колебаниями, снизилась до 3,4% в 2016 г. В дальнейшем, после небольшого подъема, она, несмотря на рост цен в ресторанах, кафе, барах, столовых и других учреждениях общественного питания, практически не менялась, составив в 2017 г. 3,9% и в 2018 г. 4%. Но в 2019 г. доля расходов на питание вне дома вновь снизилась на 0,2 п.п. — до 3,8%.

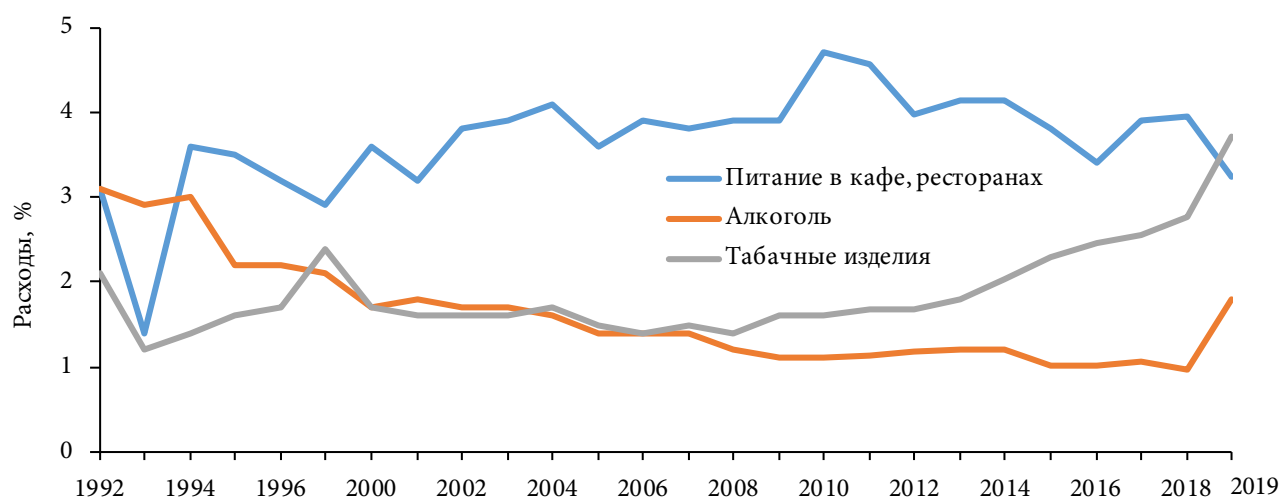

Рис. 9. Структура расходов: питание вне дома, алкоголь, табачные изделия, 1992–2019 гг., %

Это снижение произошло несмотря на новый рост цен, о котором свидетельствовало увеличение доходов, после двухлетнего снижения на рынке общественного питания. Такое увеличение доходов говорило о том, что данный рынок сумел восстановиться после недавних кризисных потрясений. Так, согласно данным Росстата, в 2019 г. оборот предприятий общественного питания увеличился в сопоставимых ценах на 4,9% — до 1,656 трлн руб. В декабре 2019 г. этот показа-

¹ Расходы семей на еду в странах Европы — рейтинг 2019 // РИА Рейтинг : [сайт]. 17.12.2019. URL: <https://riarating.ru/infografika/20191217/630147021.html> (дата обращения: 15.02.2021).

тель увеличился в годовом выражении на 5,1%, — до 167,6 млрд руб. По сравнению с ноябрем рост составил 15,4%. При расчете оборота Росстат учитывает результаты работы ресторанов, кафе, баров, столовых при предприятиях и учреждениях, а также предприятий, поставляющих продукцию общественного питания.

Достаточно длительной и устойчивой остается тенденция роста весоности статьи расходов домохозяйств на табачные изделия. За 2008–2018 гг. она последовательно выросла вдвое — с 1,4 до 2,8%, прибавляя ежегодно приблизительно по 0,1 п.п. В 2019 г. эта доля практически не изменилась, составив 2,7%, т. е. уменьшилась на минимальные 0,1 п.п. Такой последовательный рост во многом объясняется постоянным повышением табачных налогов и цен на табачную продукцию. Так, с 1 января 2019 г. ставка акциза на различные виды табачной продукции выросла на 10 и более процентов. Помимо этого, с 19 февраля 2019 г. на 50 руб. увеличилась стоимость акцизных марок для табачной продукции (до 200 руб. за тысячу штук, без НДС). По данным Аналитического центра при правительстве РФ, среди непродовольственных товаров самый значительный рост цен наблюдается именно в категории «табачные изделия» (11% к декабрю 2018 г.)¹. В ответ на это многие российские курильщики не бросают курить или не начинают курить меньше, а переходят на нелегальную продукцию, в результате чего растут продажи нелегальной табачной продукции. Значимым фактором в переходе на контрафактные сигареты, папиросы и т. п. являются низкие доходы россиян. Если бы не эти причины, расходы домохозяйств на табачную продукцию были бы еще весомее.

В то же время доля расходов домохозяйств на алкоголь в последние годы практически не менялась, составляя около 1%, что было намного меньше, чем в 1990-е годы, когда она достигала 2–3%. В 2019 г., как и годом ранее, доля расходов домохозяйств на алкогольную продукцию не превышала 1%. Но при этом, как было показано выше, расходы домохозяйств на алкогольную продукцию выросли. Одной из главных причин этого роста стало повышение цен на алкогольную продукцию. По данным официальной статистики, в 2019 г. их рост составил 1,2%, что было, однако, меньше, чем 6,4% в 2016 г., 2,9% в 2017 г. и 1,3% в 2018 г.

Данные мониторинга, представленные на рисунке 10, показывают, что доля расходов обследованных домохозяйств на оплату различных услуг — одной из самых весомых статей бюджета — после роста в 2013–2017 гг. до максимальных 15,8% в 2018 г. сократилась на 0,4 п.п. — до 15,4%. Вместе с тем в 2019 г. она вновь увеличилась, но только на минимальные 0,1 п.п. — до 15,5%, что, однако, не позволило выйти по данному показателю на прежний максимальный уровень, достигнутый в 2017 г. Заметим, что, по данным Аналитического центра при правительстве РФ, в 2019 г. в секторе услуг инфляция продемонстрировала рост на 3,8% против 4,9% в 2016 г., 4,4% в 2017 г. и 3,9% в 2018 г. В 2019 г. самыми быстрыми темпами росли услуги пассажирского транспорта (6,1%) и услуги образования (5,6%).

Доля расходов на одежду и обувь в самые последние годы меняется в пределах узкого коридора значений. После заметного сокращения за 2010–2015 гг. на 2,2 п.п. — с 7,1 до 4,9%, в следующие два года она увеличилась, но только на 0,4 п.п. — до 5,3% в 2017 г. Но в 2018 г. она опять уменьшилась до 5,1%, а затем

¹ Динамика потребительских цен: итоги 2019 года. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Вып. 57. Январь 2020 г. / Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_jan_2020.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

в 2019 г. еще раз сократилась до 4,8%. Заметим, что после тяжелых 1990-х годов максимальные значения доли расходов домохозяйств на одежду и обувь были зафиксированы дважды — в 2000 и 2006 гг., когда они составляли 8,2 и 8,1% соответственно. Согласно данным официальной статистики, в 2019 г. инфляция здесь составила 2,2% против 7,3% в 2016 г., 3% в 2017 г. и 2,3% в 2018 г.

К важным тенденциям последнего времени, как видно из рисунка 10, относится постепенное сокращение удельного веса расходов российских домашних хозяйств на электронику и другие товары длительного пользования, которое наблюдается, с небольшими перепадами, начиная с 2013 г.

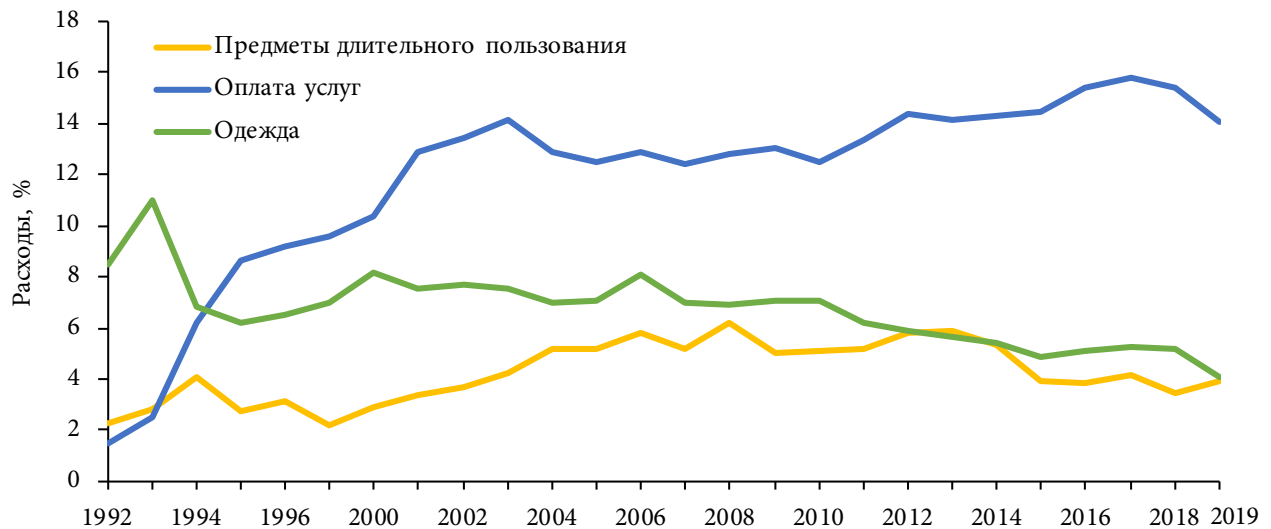

Рис. 10. Структура расходов: предметы длительного пользования, оплата услуг, одежда, 1992–2019 гг., %

В целом за 2013–2018 гг. доля этих расходов домохозяйств уменьшилась более чем в полтора раза — с 5,8 до 3,5%. И лишь в 2019 г. было выявлено ее повышение на 0,2 п.п. — до 3,7%. Ниже сегодняшнего уровня расходы на электронику и другие товары длительного пользования были только в 1990-х годах. Примечательно, что, как показывают официальные данные, в последние годы инфляция в данном сегменте товаров получила отрицательные значения. Так, потребительские цены на телерадиотовары в 2016 г. выросли на 0,2%, а затем только снижались. В 2017 г. это падение составило 2,3%, в 2018 г. — 0,6%, а в 2019 г. — 5,7%.

Данные, приведенные на рисунке 11, убеждают, что среди наиболее затратных статей расходов российских домохозяйств второе место принадлежит тратам на содержание жилья. Эти расходы, от которых проблематично или невозможно отказаться, постоянно растут, практически ежегодно обновляя новый максимум. В 2019 г. по сравнению с 2018 г. доля расходов на оплату жилья и коммунальных услуг вновь увеличилась, но только на 0,2 п.п., достигнув максимальных 13,8%. Данные официальной статистики демонстрируют ежегодный и неумолимый рост потребительских цен в данном сегменте услуг. Так, в 2016 г. цены на жилищно-коммунальные услуги выросли на 5,3%, в 2017 г. — на 4,6%, в 2018 г. — на 3,7% и в 2019 г. — на 4,3%.

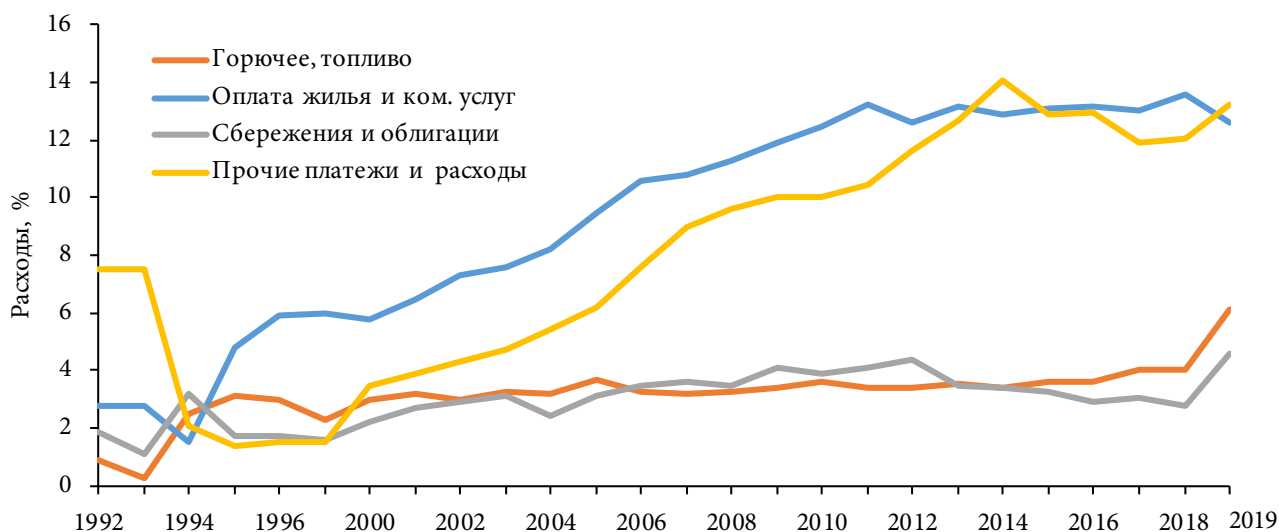

Рис. 11. Структура расходов: топливо, сбережения и облигации, оплата жилья и коммунальных услуг, прочие платежи и расходы, 1992–2019 гг., %

Постепенно также растет, но не такими высокими темпами, как доля расходов на оплату жилья и коммунальных услуг, доля расходов домохозяйств на горючее, топливо. С 2014 по 2018 г. доля этих расходов увеличилась на 0,7 п.п. — с 3,4 до 4,1%, и в 2019 г. не изменилась. В то же время доля расходов домохозяйств, предназначенная для сбережений, в последние годы менялось очень мало. С 2012 г., когда было достигнуто максимальное значение, по 2019 г. она уменьшилась на немалые 1,6 п.п. — с 4,4 до 2,8%. При этом в течение последнего года она не менялась. Что касается прочих платежей и расходов, то в 2019 г. они показали снижение на 0,1 п.п. — с 12,1 до 12%.

В следующей таблице 7 представлены данные RLMS-HSE о расходах обследованных домохозяйств из различных квинтилей распределения душевых расходов за декабрь 2019 г.

Данные мониторинга, представленные в таблице 7, свидетельствуют о дальнейшем снижении в 2019 г. дифференциации российских домохозяйств по уровню расходов. Так, накануне последнего экономического кризиса в 2012–2013 гг. наиболее состоятельные двадцать процентов домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 7,5 раза больше, чем наименее состоятельные двадцать процентов домохозяйств, в дальнейшем эта разница поступательно сократилась до 4,8 раза в 2018 г. и до 4,7 раза в 2019 г. Довольно четко прослеживается также тенденция, демонстрирующая сокращение дистанции по уровню расходов между самыми состоятельными и всеми остальными российскими домохозяйствами. В частности, если в 2014 г. расходы домохозяйств, принадлежащих к верхнему квинтилю, превышали расходы домохозяйств предыдущего четвертного квинтиля приблизительно в 2,4 раза, то в 2015–2017 гг. этот разрыв неизменно составлял 2,1 раза, а в 2018 г. он уменьшился до 1,9 раза и затем в 2019 г. — до 1,8 раза. При этом в 2019 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили в 2,6 раза больше, чем домохозяйства второго квинтиля, и в 3,4 раза больше, чем домохозяйства третьего квинтиля.

Таблица 7

Ежемесячные расходы домохозяйств по квинтилям распределения душевых расходов, декабрь 2019 г.,
в руб. декабря 2019 г.

Категории расходов	Квинтили душевых расходов, %				
	Нижний 20	21–40	41–60	61–80	Верхний 20
Расходы на продукты питания					
Молочные продукты	1482	2120	2498	2914	3078
Мясо, птица, рыба	4141	5168	6307	7532	8847
Картофель	157	213	324	430	331
Хлеб	1583	1517	1647	1790	1737
Фрукты, овощи	1098	1601	2039	2685	3374
Прочие продукты питания	2434	3264	3966	4505	4651
Питание в столовых, ресторанах, кафе	1553	2009	2501	3295	4551
Продукты домашнего изготовления	1535	1503	1737	1757	1594
Алкоголь	181	388	464	821	1121
Всего расходов на продукты питания	14 164	17 783	21 484	25 729	29 285
Расходы на непродовольственные товары					
Табачные изделия	1044	1266	1438	1821	2101
Одежда	1959	2492	3143	4355	5332
Горючее, топливо	1235	1953	2645	3176	5105
Электроника и др. товары длительного пользования	415	1276	1773	4156	12 390
Услуги и отдых	3771	5612	7345	11 782	25 912
Оплата обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам	561	1793	5037	11323	37942
Оплата жилья и коммунальных услуг	4336	5584	5977	7080	8152
Акции, облигации	0	0	0	0	0
Различные товары (мыло, игрушки, газеты и т. п.)	1021	1246	1374	1693	2121
Сбережения	113	579	1423	2409	5251
Всего расходов на непродовольственные товары	14 455	21 802	30 154	47 796	104 307
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары	28 616	39 583	51 636	73 524	133 591
Всего расходов на продукты питания, декабрь 2018 г., в руб. 2019 г.	13 078	16 899	21 074	26 276	30 443
Всего расходов на непродовольственные товары, декабрь 2018 г., в руб. 2019 г.	14 188	21 141	29 796	43 624	99 322
Всего расходов на продукты питания и непродовольственные товары, декабрь 2018 г., в руб. 2019 г.	27 269	38 041	50 869	69 907	129 772

Как и годом ранее, в 2019 г. снижение дифференциации домохозяйств по уровню общих расходов на все виды продуктов и товаров происходило за счет опережающего роста расходов наименее платежеспособных домохозяйств. Но

если в конце 2018 г. рост расходов на продукты питания и непродовольственные товары затронул главным образом домохозяйства первых четырех квинтилей, то в 2019 г. — домохозяйства всех квинтилей. Последний раз подобная ситуация наблюдалась в 2016 г. При этом в 2019 г. расходы домохозяйств всех квинтилей росли гораздо быстрее, чем годом ранее. Так, если в 2018 г. этот рост колебался для первых четырех квинтилей в пределах от 0,6 до 2,5%, то в 2019 г. — от 1,5 до 4,9%. В то же время у домохозяйств самого верхнего квинтиля, после сокращения расходов на 4,7% в 2017 г. и на 4,3% в 2018 г., в 2019 г. был отмечен рост на 2,9%. Из этих данных видно, что в 2019 г. рост расходов двадцати процентов наименее состоятельных домохозяйств по своим темпам был более чем в полтора раза выше, чем рост расходов двадцати процентов наиболее состоятельных домохозяйств (4,9 раза против 2,9 раза), что могло способствовать сокращению имущественного неравенства.

В 2019 г. было выявлено некоторое сокращение разрыва в величине расходов на продукты питания между домохозяйствами полярных квинтилей. В 1990-х и в начале 2000-х годов эта дистанция достигала 5–6 раз, но в 2008–2009 гг. она сократилась до 3,5 раза, а в последующем и до 2,3–2,5 раза. В 2018 г. двадцать процентов наиболее платежеспособных домохозяйств стали ежемесячно тратить на продовольствие в 2,3 раза больше, чем двадцать процентов наименее платежеспособных домохозяйств, однако в 2019 г. этот разрыв стал еще немного меньше, сократившись до 2,2 раза. Немного уменьшилась также величина разрыва в расходах на продукты питания между домохозяйствами верхнего квинтиля и домохозяйствами ближайшего к нему четвертого квинтиля. В 2012–2018 гг. она составляла около 1,2 раза, но в 2019 г. уменьшилась до минимальных 1,1 раза.

Если двадцать процентов самых состоятельных домохозяйств расходуют на продукты питания намного больше, чем двадцать процентов наименее состоятельных, то по доле, которую занимают эти расходы в бюджете домохозяйств противоположных квинтилей, наблюдается иная картина. При этом прослеживается последовательное сокращение «продовольственной» доли расходов по мере роста платежеспособности домохозяйств. В 2019 г. доля расходов на продукты питания в общих расходах на продукты питания и непродовольственные товары у домохозяйств наименее состоятельного квинтиля была в 2,3 раза больше, чем у домохозяйств наиболее состоятельного квинтиля, — 49,5% против 21,9%. Причем за последний год эта разница увеличилась. В 2018 г. доля расходов на продовольствие у домохозяйств нижнего квинтиля составляла 48%, т. е. была на 1,5 п.п. меньше, чем годом ранее, тогда как у домохозяйств верхнего квинтиля — 23,5%, т. е. была на 1,6 п.п. больше, чем в 2018 г.

Таким образом, у наименее состоятельных домохозяйств расходы на продовольствие стали еще более обременительными, тогда как для наиболее состоятельных домохозяйств весомость этого вида расходов снизилась. Хотя здесь следует заметить, что еще совсем недавно, в 2016 г., доля расходов на продукты питания у домохозяйств самого платежеспособного квинтиля составляла только 16,6%. Характерно также то, что за последний год доля «продовольственных» расходов у домохозяйств ближайшего к нижнему второму квинтиля увеличилась с 44,4 до 44,9%; у домохозяйств третьего квинтиля увеличилась, но совершенно незначительно — с 41,4 до 41,5%, тогда как у домохозяйств четвертого квинтиля, т. е. ближайшего к самому состоятельному, эта доля уменьшилась с 37,6 до 35%.

Отмеченные тенденции обусловлены изменениями в величине расходов на продукты питания между домохозяйствами, принадлежащими к разным квинтилям. Так, в 2018 г. был выявлен очередной, но различный по величине рост расходов на продукты питания у домохозяйств всех квинтилей. При этом темпы этого роста были существенно ниже, чем в 2017 г. Однако в 2019 г. у менее состоятельных домохозяйств наблюдался рост расходов на продукты питания, в то время как у более состоятельных — их снижение. Так, у домохозяйств нижнего квинтиля расходы на продовольствие за последний год выросли на 8,3%, у домохозяйств второго квинтиля — только на 5,2%, а у домохозяйств третьего квинтиля — всего лишь на 1,9%. И в то же время у домохозяйств четвертого квинтиля эти расходы сократились на 2,1%, а у домохозяйств верхнего квинтиля снизились на 3,8%.

В 2019 г. двадцать процентов наиболее состоятельных домохозяйств тратили на молочные продукты в 2,1 раза больше, чем двадцать процентов наименее состоятельных домохозяйств. Примерно на таком же уровне эта дистанция сохранялась в предыдущие два года, что было, однако, намного меньше, чем 3,7 раза в 2008 г. Практически такая же картина наблюдалась в отношении изменения различий в расходах на мясо, птицу и рыбу. Разрыв в величине этих расходов между домохозяйствами полярных квинтилей уменьшился с 3,7 раза в 2008 г. до 2,1 раза в 2018 г. и в 2019 г. не менялся. Более значительными оказались эти изменения в отношении расходов на фрукты и овощи. Дистанция в расходах на эту продукцию между домохозяйствами наиболее и наименее обеспеченных квинтилей за 2008–2017 гг. сократилась с 5,7 до 3,4 раза. В 2018 г. она осталась на прежнем уровне, увеличившись только лишь до 3,5 раза, но в 2019 г. опять сократилась до минимальных 3,1 раза.

Весьма динамично менялась разница в расходах домохозяйств, относящихся к противоположным квинтилям, на картофель. За 2008–2018 гг. со значительными перепадами она сократилась более чем вдвое — с 5 до 2,4 раза, и далее в 2019 г. — до 2,1 раза. Характерно, что одной из самых незначительных во все годы была разница между домохозяйствами полярных квинтилей в величине расходов на хлебобулочную продукцию, не превышающая обычно 1,1–1,2 раза. В 2019 г. она, как и во многие предыдущие годы, составляла 1,1 раза.

Но наиболее значительным оказался в течение последнего года рост дистанции между двадцатью процентами наиболее платежеспособных и двадцатью процентами наименее платежеспособных домохозяйств в расходах на алкоголь. С 2012 по 2018 г., то сокращаясь, то увеличиваясь, она упала с 7,8 до 3,4 раза. В 2019 г. был отмечен новый скачек в величине этой дистанции до 6,2 раза. Во многом похожая картина наблюдалась и в отношении изменения разницы в величине расходов на питание вне дома. С 2008 по 2018 г. с такими же значительными перепадами она сократилась с 8,8 раза до минимальных 2,4 раза. Но в 2019 г. этот разрыв немного увеличился — до 2,9 раза.

В 2019 г. значительными оставались различия и в структуре расходов на питание между наиболее и наименее платежеспособными домохозяйствами. При этом, как и во все предыдущие годы, у домохозяйств всех квинтилей первую строчку по величине расходов на продовольственные товары занимали траты на такие дорогие, но важные для сбалансированного рациона продукты, как мясо, птица и рыба. И в то же время на последних позициях у домохозяйств всех квинтилей располагались расходы на картофель и алкоголь. Но на этом все сходство и закан-

чивается. В то время когда у домохозяйств нижнего квинтиля высокую вторую позицию в структуре расходов занимали в 2019 г. расходы на хлебобулочную продукцию, у домохозяйств второго и третьего квинтилей на этой позиции располагались молочные продукты, а у домохозяйств четвертого и верхнего квинтилей — расходы на питание вне дома. Домохозяйства нижнего квинтиля тратили на хлебобулочную продукцию больше денег, чем на молочные продукты, фрукты и овощи, тогда как у более состоятельных домохозяйств наблюдалась противоположная картина.

Одной из позитивных тенденций, наблюдающихся на протяжении достаточно длительного периода, является сокращение неравенства между домохозяйствами с разными потребительскими возможностями по уровню расходов на непродовольственные товары. Так, если за 2010–2012 гг. разница в расходах на непродовольственные товары между двадцатью процентами самых состоятельных и двадцатью процентами наименее состоятельных домохозяйств выросла с 10,3 до 13,2 раза, то к концу 2018 г. она сократилась до 7 раз. В 2019 г. она оставалась примерно такой же, увеличившись до 7,2 раза. При этом разрыв в расходах на непродовольственные товары между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2018 г. составлял 2,3 раза, тогда как в 2019 г. он немного уменьшился до 2,2 раза.

Рост расходов на непродовольственные товары в 2019 г. был отмечен у всех обследованных домохозяйств, независимо от их потребительских возможностей. Но при этом у более состоятельных домохозяйств этот рост был намного выше, чем у менее состоятельных. Так, у домохозяйств нижнего квинтиля эти расходы в 2018 г. увеличились на минимальные 0,2%, а в 2019 г. еще раз поднялись на небольшие 1,9%. У домохозяйств второго квинтиля расходы на непродовольственные товары, после минимального снижения в 2018 г. на 0,2%, в 2019 г. выросли на 3,1%. У домохозяйств третьего квинтиля рост расходов на непродовольственные товары, составивший в 2018 г. сравнительно небольшие 1,1%, продолжился в 2019 г. увеличением на такие же небольшие 1,2%. В то же время у домохозяйств четвертого квинтиля эти расходы, после двухгодичного спада на 1,8% в 2017 г. и на 2,1% в 2018 г., в 2019 г. резко выросли на 9,6%, с лихвой превзойдя предыдущее падение. А у домохозяйств верхнего квинтиля, вслед за значительным падением в 2017 г. на 8,1% и в 2018 г. на 6,1%, в 2019 г. они выросли более чем на 5%.

В 2019 г. были выявлены новые изменения, характеризующие различия между наиболее и наименее платежеспособными домохозяйствами в величине расходов на отдельные виды непродовольственных товаров. Так, анализ данных мониторинга показал, что, как и в предыдущие годы, наибольшим остается разрыв между домохозяйствами верхнего и нижнего квинтилей в расходах на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. При этом в 2018 г. по сравнению с предыдущим годом эта разница выросла с 45 до 51 раз и далее в 2019 г. — до 68 раз. В 2019 г. домохозяйства самого состоятельного квинтиля превосходили также по величине расходов на обучение, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля в 3,4 раза, что было больше, чем 2,9 раза в 2018 г. Эти расходы продолжают составлять самую затратную статью семейного бюджета наиболее обеспеченных домохозяйств, относящихся к верхнему квинтилю. Но с падением уровня платежеспособности их место в структуре непродовольственных расходов домохозяйств снижается: до второго у домохозяйств четвертого

квинтиля, до третьего у домохозяйств третьего квинтиля и до пятого у домохозяйств второго квинтиля. А у домохозяйств нижнего квинтиля эти расходы находятся на одном из последних мест. Но при этом все же нельзя сказать, что бедные слои населения полностью отказываются от расходов на образование, однако у них значительно меньше для этого возможностей, чем у других групп граждан.

Другой наиболее затратной статьей бюджета домохозяйств, весомость которой непосредственно зависит от уровня семейных доходов, являются расходы на услуги и отдых. Среди статей бюджета домохозяйств трех средних квинтилей они занимают по своей величине первое место, а в бюджете домохозяйств нижнего и верхнего квинтилей стоят на втором месте. При этом обращает на себя внимание то, что разрыв в расходах на услуги и отдых между домохозяйствами противоположных квинтилей постепенно сокращается. Так, с 2012 по 2019 г. он поступательно снизился почти вдвое — с 13 до 7 раз. В 2019 г. домохозяйства верхнего квинтиля тратили на услуги и отдых больше, чем домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля, в 2,2 раза, что было существенно меньше, чем 2,7 раза, зафиксированных в 2018 г.

Еще одной весьма затратной статьей для бюджета домохозяйств, весомость которой в условиях экономического кризиса для бедных семей не только не снижается, а постоянно повышается, являются расходы на оплату жилья и коммунальных услуг. У домохозяйств нижнего квинтиля, т. е. у наименее обеспеченных домохозяйств, эта расходная статья уже длительное время неизменно стоит на первом месте. У домохозяйств второго и третьего квинтилей она занимает вторую позицию, тогда как у домохозяйств третьего квинтиля — третью строку, а у домохозяйств верхнего квинтиля — четвертую. Но при этом в 2019 г. двадцать процентов наиболее платежеспособных домохозяйств тратили на оплату жилья и коммунальных услуг в 1,9 раза больше, чем двадцать процентов наименее платежеспособных домохозяйств. До этого с 2012 по 2017 г. эта разница сократилась с 2,4 до 1,8 раза и в 2018 г. оставалась на уровне предыдущего года. В то же время в 2019 г., как и в предыдущие несколько лет, домохозяйства наиболее состоятельного квинтиля тратили на оплату жилья и коммунальных услуг только в 1,2 раза больше, чем домохозяйства ближайшего к ним четвертого квинтиля.

Двадцать процентов наименее состоятельных домохозяйств тратили в 2019 г. на оплату жилья и коммунальных услуг в 10,4 раза больше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования (2018 г. — в 9,5 раза больше), в 7,7 раза больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам (2018 г. — в 6,4 раза больше), и в 2,2 раза больше, чем на приобретение таких предметов первой необходимости, как одежда и обувь (2018 г. — в 2 раза больше). И в то же время домохозяйства наиболее обеспеченного квинтиля расходовали на оплату жилья и коммунальных услуг в 4,7 раза меньше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам (в 2018 г. — в 4,5 раза меньше), в 3,2 раза меньше, чем на оплату услуг и отдыха (2018 г. — в 3,8 раза меньше), и в 1,5 раза меньше, чем на оплату электроники и других товаров длительного пользования (2018 г. — в 1,6 раза меньше).

В последние годы заметно упала весомость расходов домохозяйств на электронику и другие товары длительного пользования. В 2019 г., как и годом ранее, эти траты располагались в структуре расходов на непродовольственные товары на

третьем месте только у домохозяйств верхнего квинтиля, тогда как у домохозяйств других квинтилей они размещались на самых дальних позициях. Разрыв между самыми обеспеченными и наименее обеспеченными домохозяйствами в величине расходов на электронику и другие товары длительного пользования за последние годы заметно сократился. Так, в течение многих предыдущих лет эта разница колебалась в пределах 82–99 раз, но к концу 2017 г. она уменьшилась до 29 раз и далее практически не менялась, составляя в 2018 г. 28 раз и в 2019 г. 30 раз. Разрыв в величине расходов на электронику и другие товары длительного пользования между домохозяйствами верхнего и ближайшего к нему четвертого квинтиля в 2019 г. по сравнению с 2018 г. сократился с 3,6 до 3 раз.

В 2019 г., как и во все предыдущие годы, огромной оставалась дистанция в объемах средств, направляемых домохозяйствами, принадлежащими к полярным квинтилям, на сбережения. По сравнению с 2018 г. эта разница практически не изменилась, сократившись с 49 до 47 раз. В 2019 г. различия в объеме средств, предназначенных для сбережений, между домохозяйствами верхнего квинтиля и ближайшего к нему четвертого квинтиля достигали 2,2 раза, что было, однако, немного меньше, чем 2,9 раза в 2018 г. Доминирующую сегодня модель потребительского поведения малообеспеченных семей лишь условно можно назвать сберегательной, так как в действительности они не имеют сбережений. Причем многим из них даже пришлось влезть в большие долги, о чем говорит рост кредитованности населения. Такое непростое положение с потребительской активностью становится одним из основных факторов, тормозящих развитие экономики, наряду с нехваткой инвестиций в экономике.

Высокий спрос на потребительские кредиты характерен не только для бедных, но и для многих более состоятельных семей, где он также имеет четко выраженный вынужденный характер, когда в условиях кризиса заемные средства используются в качестве такой меры, которая дает возможность гражданам хоть как-то поддержать привычный для них уровень жизни. В ситуации роста обязательных платежей, включающих налоги, расходы на содержание жилья, кредиты выступают в качестве своеобразного ответа на риски падения качества жизни, обусловленное снижением реальных доходов. При этом кредитная нагрузка распределяется между россиянами с разными потребительскими возможностями неравномерно. Более состоятельные чаще берут кредиты для осуществления крупных покупок, тогда как менее обеспеченные, погрязшие в долгах, зачастую вынуждены брать займы для обслуживания накопившихся задолженностей.

Но если рассматривать ситуацию с кредитованием в целом, то, согласно оценкам Банка России, в 2019 г. произошло сжатие долговой нагрузки ввиду сжатия потребительского кредитования, что оказало положительное влияние на динамику реальных располагаемых доходов. Увеличение розничного кредитования замедлилось с 22,8% в 2018 г. до 18,6% в 2019 г., причем снижение темпов прироста кредитного портфеля наблюдалось как в рамках необеспеченных (беззалоговых) займов ввиду ужесточения требований Банка России, так и в сфере жилищного кредитования¹.

¹ О развитии банковского сектора Российской Федерации в 2019 г. Информационно-аналитический материал / Банк России. М., 2020. URL: http://cbr.ru/Collection/Collection/File/25854/razv_bs_19_12.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

В усложнившихся жизненных условиях бедные и малообеспеченные домохозяйства вынуждены тратить немалую часть своих средств на приобретение одежды и обуви. В 2019 г. эти расходы занимали у домохозяйств нижнего и ближайшего к нему второго квинтиля третью строку в структуре расходов на непродовольственные товары. В то же время у домохозяйств очередных двух квинтилей они располагались на четвертом месте, а у домохозяйств самого платежеспособного верхнего квинтиля — на пятом месте. В 2019 г. домохозяйства самого обеспеченного квинтиля тратили на покупку одежды и обуви в 2,7 раза больше, чем домохозяйства наименее обеспеченного квинтиля. Это было немного меньше, чем 2,8 раза, зафиксированные в 2017 г., и 3 раза в 2018 г. Характерно, что в 2019 г. домохозяйства наименее платежеспособного квинтиля расходовали на покупку одежды и обуви в 4,7 раза больше, чем на приобретение электроники и других предметов длительного пользования, и в 3,5 раза больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам. И в то же время домохозяйства самого обеспеченного квинтиля, наоборот, в 2019 г. тратили на покупку одежды и обуви в 2,3 раза меньше, чем на приобретение электроники и других товаров длительного пользования.

В 2019 г. увеличилась разница между наиболее и наименее обеспеченными домохозяйствами в расходах на топливо, горючее. С 2008 по 2017 г. она достаточно последовательно уменьшилась с 10 до 3,3 раза и в 2018 г. не изменилась. Но в 2019 г. этот разрыв увеличился до 4,1 раза. Заметим также, что в 2019 г. двадцать процентов самых обеспеченных домохозяйств тратили на топливо в 1,6 раза больше, чем домохозяйства ближайшего четвертого квинтиля (2018 г. — в 1,3 раза). При этом в структуре расходов на непродовольственные товары беднейших домохозяйств эти расходы переместились с третьей на четвертую позицию.

Анализируемая разница в расходах на табачную продукцию за последний год увеличилась с 1,7 раза в 2018 г. до 2 раз в 2019 г. Если обратиться к более длительным тенденциям, то можно увидеть, что в течение 2008–2019 гг. данный показатель колебался в пределах 1,5–2,5 раза. В 2019 г. домохозяйства наименее платежеспособного квинтиля тратили на табачную продукцию в 2,5 раза больше, чем на электронику и другие предметы длительного пользования (2018 г. — в 2,7 раза), и в 1,9 раза больше, чем на оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам (2018 г. — в 1,8 раза). Разрыв в расходах на разного рода непродовольственные товары повседневного спроса (мыло, шампуни, игрушки, газеты, журналы, посуда и т. п.) между домохозяйствами, принадлежащими к крайним квинтилям, в последние годы практически не менялся. В 2019 г. он составил 2,1 раза. Примерно такой же эта разница была в 2013–2018 гг.

Таким образом, за последний год выросли расходы домохозяйств как на продукты питания, так и на непродовольственные товары, но темпы роста расходов на непродовольственные товары были намного выше темпов роста расходов на продовольствие. Домохозяйства увеличили расходы на все виды продуктов питания (наибольшим был рост расходов на фрукты и овощи), за исключением картофеля, и расходы на питание вне дома, а также на все виды непродовольственных товаров (особенно значительно выросли расходы: на предметы длительного пользования; оплату обучения, выплаты по займам, кредитам и страховым полисам; оплату жилья и коммунальных услуг), исключая расходы на одежду и сбереже-

ния. Практически остановилось сокращение доли расходов на продукты питания в структуре общих расходов домохозяйств, которая остается чрезмерно высокой. Повышение общих расходов на продукты питания и непродовольственные товары отмечено у всех домохозяйств, независимо от их потребительских возможностей, но более высокими темпами повышались расходы менее обеспеченных домохозяйств. Темпы роста расходов на непродовольственные товары были выше у более обеспеченных домохозяйств, тогда как расходы на продукты питания быстрее росли у менее обеспеченных домохозяйств. При этом у наиболее обеспеченных домохозяйств расходы на продовольствие за последний год заметно снизились. В конце года было выявлено некоторое снижение дифференциации обследуемых домохозяйств по уровню расходов.

Безработица, участие в рабочей силе и перемена места работы

В таблице 8 приводится подробная информация RLMS-HSE по безработице, работе без выплаты заработной платы и продолжительности безработицы в период с 1992 по 2019 г. В ней содержатся как данные по общей безработице (по определению BLS/ILO), так и сведения по скрытой безработице.

Таблица 8

Уровень безработицы среди экономически активного населения:
мужчины 18–60 лет, женщины 18–55 лет, 1992–2019 гг., %

Категории	Период сбора данных										
	1992	1998	2000	2002	2004	2008	2010	2012	2014	2018	2019
Уровень безработицы (по определению BLS/ILO)	5,6	10,8	8,4	6,9	6,9	5,0	6,1	5,1	4,8	3,2	3,6
Уровень безработицы (включая скрытую безработицу)*	–	11,2	8,5	7,0	6,9	5,1	6,1	5,1	4,8	3,2	3,6
Уровень скрытой безработицы	–	0,5	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0
Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение последних 30 дней	5,8	17,1	10,8	8,8	5,1	3,5	3,4	2,9	2,2	1,5	1,7
Длительность периода безработицы (исключая скрытую безработицу)											
Менее 1 месяца	–	5,4	9,0	6,8	11,4	13,4	9,6	12,6	13,3	11,3	14,2
1–3 месяца	–	20,6	15,8	20,9	20,1	20,5	19,7	22,3	20,3	20,8	27,4
Более 3 месяцев	–	74,0	75,3	72,3	68,5	66,2	70,7	65,1	66,5	67,9	58,4
Участие в рабочей силе	86,7	82,6	82,4	82,4	82,2	82,2	83,2	83,0	82,4	81,0	81,5
Доля работников, заявивших о смене места работы	–	9,9	11,2	13,1	12,9	11,3	11,8	12,1	11,6	8,7	9,0
Доля работников, заявивших о смене профессии	–	7,5	8,1	9,3	7,9	8,3	7,3	7,8	7,5	5,8	5,7

*«Скрытая безработица» определяется как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка.

Данные таблицы 8, в частности, показывают, что, уровень безработицы в России, после снижения в течение ряда лет, в 2019 г. немного вырос, но продолжал оставаться низким. Так, за 2014–2015 гг. доля экономически активного населения, не имеющего работы и ищущего ее, выросла на 1,5 п.п. — с 4 до 5,5%, но затем в течение 2016–2018 гг. она сократилась до 3,2%. В результате такого значительного снижения, составившего за эти три года 2,3 п.п., уровень безработицы оказался самым низким за все время наблюдений в рамках мониторинга. Однако в 2019 г. эта тенденция исчерпала себя и был отмечен новый, но довольно умеренной рост безработицы до 3,6%.

Что касается так называемой «скрытой безработицы», которая определяется в исследовании как нахождение в вынужденном неоплачиваемом отпуске без альтернативного заработка, то она в 2019 г., как, впрочем, и во многие предыдущие годы, практически отсутствовала. Поправки на скрытую безработицу играли весьма существенную роль только в первые несколько лет проведения экономических и социальных реформ в России, а в более поздние годы проведения опросов RLMS-HSE они были несущественны, что в определенной мере свидетельствовало об оздоровлении ситуации на рынке труда.

Низкий уровень безработицы, как полагают многие специалисты, является следствием не столько достоинств, сколько недостатков российской экономики, в частности — результатом того, что в стране сохраняется очень большое количество неэффективных рабочих мест. В целом ряде статистических отчетов прослеживается взаимосвязь между показателями производительности труда и безработицы. В них показывается, что в России на периоды высокой безработицы обычно приходились периоды более быстрого роста производительности труда, и наоборот — снижение безработицы зачастую сопровождалось замедлением роста или даже спадом производительности труда. В России достаточно часто встречаются ситуации, когда работникам мало платят и при этом сохраняют избыточную занятость, понимая, что этим людям просто некуда податься.

Но при этом, конечно, следует иметь ввиду, что ситуация с безработицей в различных регионах, в разных населенных пунктах и даже на отдельно взятых предприятиях может складываться своеобразно. В зависимости от тех или иных конкретных обстоятельств безработица может проявляться в виде всплесков, а может носить застойный характер. Существенное влияние на локальные рынки труда оказывают такие факторы, как региональные различия возрастного состава населения, уровень урбанизации территорий, движение миграционных потоков, экономические особенности региона, спрос на рабочую силу по видам деятельности и т. д.

Помимо общих сведений об уровне безработицы, в таблице 8 приведены данные RLMS-HSE относительно длительности периодов безработицы (исключая скрытую безработицу). Эти данные показывают, что в течение 2019 г. структура безработицы претерпела заметные изменения в сторону сокращения ее длительности. А если рассматривать эти изменения за более длительный период, то они оказываются еще ощутимее. Так, хотя, как во все предыдущие годы, здесь преобладала «длительная безработица», продолжительностью более трех месяцев, ее роль за последний год заметно снизилась. Если в 2010 г. на долю безработицы длительностью более трех месяцев приходилось 70,7%, то к концу 2019 г. эта доля

сократилась на 12,3 п.п. — до 58,4%. Причем самое большое падение пришлось на последний год, когда данный показатель резко уменьшился на 9,5 п.п. В то же время доля среднесрочной безработицы, длительностью от одного до трех месяцев, за 2010–2019 гг. увеличилась на 7,7 п.п. — с 19,7 до 27,4%, в том числе за последний год на значительные 6,6 п.п. Что касается краткосрочной безработицы, длительностью менее месяца, то ее доля за 2010–2019 гг. увеличилась на 4,6 п.п. — с 9,6 до 14,2%. Почти половина этого роста пришлась на последний год, когда доля краткосрочной безработицы выросла на 2,9 п.п.

На рисунке 12 представлены данные RLMS-HSE, которые демонстрируют динамику уровня безработицы (официальной и скрытой) отдельно для мужчин и для женщин за 1992–2019 гг. Анализ этих данных убеждает, что на протяжении многих лет различия в уровне безработицы между мужчинами и женщинами проявляются только при сопоставлении данных об официальной безработице, тогда как сведения по скрытой безработице настолько малы, что выявить какие-либо существенные различия не представляется возможным.

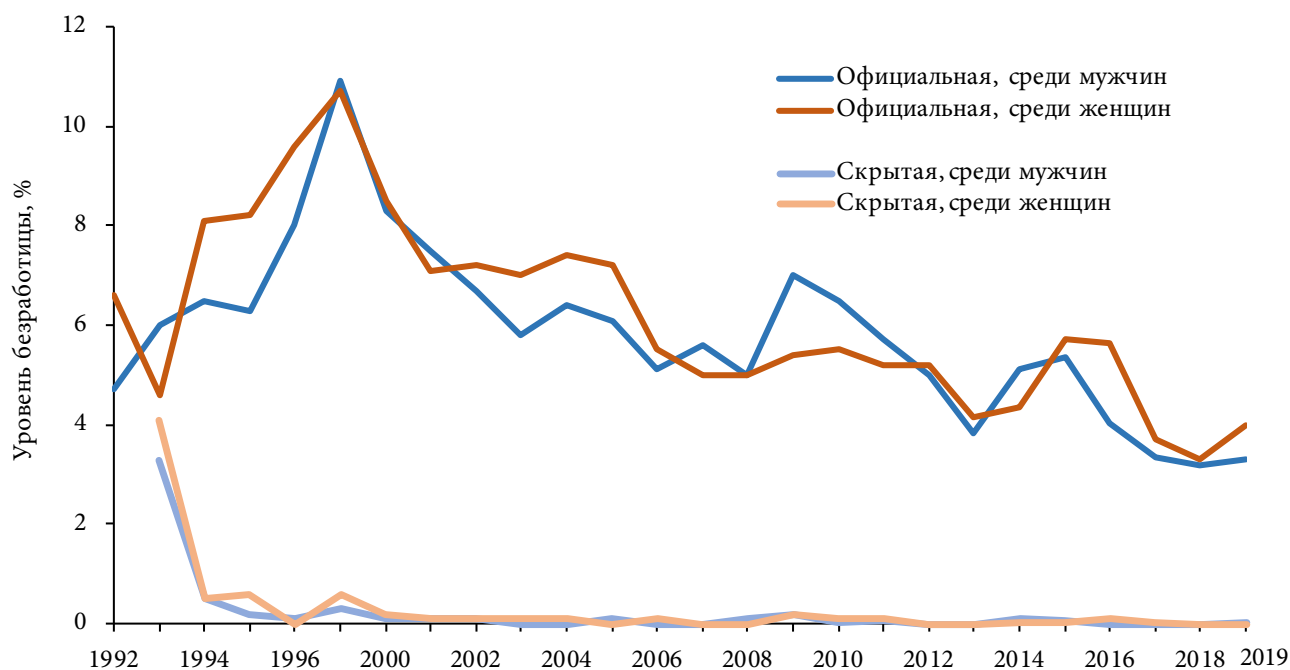

Рис. 12. Уровень безработицы среди мужчин и женщин за 1992–2019 гг., %

Из данных, представленных на рисунке 12, хорошо видно, что если в 2014–2015 гг. уровень безработицы как среди мужчин, так и среди женщин повышался, то в 2016–2018 гг. — только снижался. В целом с 2015 по 2018 г. официальная безработица среди мужчин сократилась на 2,2 п.п. — с 5,4 до 3,2%, тогда как среди женщин это снижение составило 2,4 п.п. — с 5,7 до 3,3%. В результате этих изменений уровни безработицы среди мужчин и среди женщин практически сравнялись и достигли минимальных значений за весь постсоветский период. Однако в 2019 г. безработица выросла — как среди мужчин, так и среди женщин, но у женщин этот рост оказался немного выше. Так, за последний год официальная безработица среди мужчин увеличилась только лишь с 3,2 до 3,3%, в то время как среди женщин этот рост изменился с 3,3 до 4%.

Дальнейший анализ данных RLMS-HSE, представленных в таблице 8, показал, что в 2019 г., как и годом ранее, проблема долгов по заработной плате беспокоила небольшую часть работающих граждан и их семей. Доля работников, заявивших о невыплате им заработной платы в течение 30 дней, предшествующих опросу, уменьшилась с 2% в декабре 2017 г. до 1,5% в декабре 2018 г., но в декабре 2019 г. она немного увеличилась — до 1,7%. Эти данные показывают, что проблема долгов по зарплате сегодня стоит не так остро, как в 1990-х и в начале 2000-х годов, когда о невыплате заработной платы в течение последних 30 дней заявлял каждый десятый, а в отдельные годы каждый шестой или даже каждый седьмой работник.

Две нижние строки таблицы 8 демонстрируют величины оборота рабочей силы и профессиональной мобильности. Из них, в частности, следует, что в декабре 2019 г. только 9% работающих россиян сообщили, что сменили свое место работы. Это оказалось на 0,3 п.п. больше, чем в декабре 2018 г., когда таких работников было 8,7%. В то же время доля заявивших о смене своей профессии в 2019 г. составила 5,7%, сократившись по сравнению с декабрем 2018 г. (с 5,8%) на 0,1 п.п. Это было одно из минимальных значений данного показателя, зафиксированных в ходе мониторинга.

Анализ данных RLMS-HSE, представленных в таблице 8, которые характеризуют изменения уровня участия в рабочей силе (отношение численности рабочей силы к общей численности взрослого населения, выраженное в процентах), свидетельствует о прекращении в 2019 г. снижения данного показателя, которое наблюдалось в последние несколько лет. Начиная с 1998 г. уровень участия в рабочей силе колебался в границах узкого коридора значений, но после 2009 г. он начал постепенно уменьшаться. За указанный период данный показатель сократился на 2,2 п.п. — с 83,2% в декабре 2010 г. до 81% в декабре 2018 г. Однако в декабре 2019 г. уровень участия в рабочей силе вновь повысился на 0,5 п.п. — до 81,5%.

На рисунке 13 представлены данные RLMS-HSE, характеризующие участие в рабочей силе мужчин и женщин трудоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее).

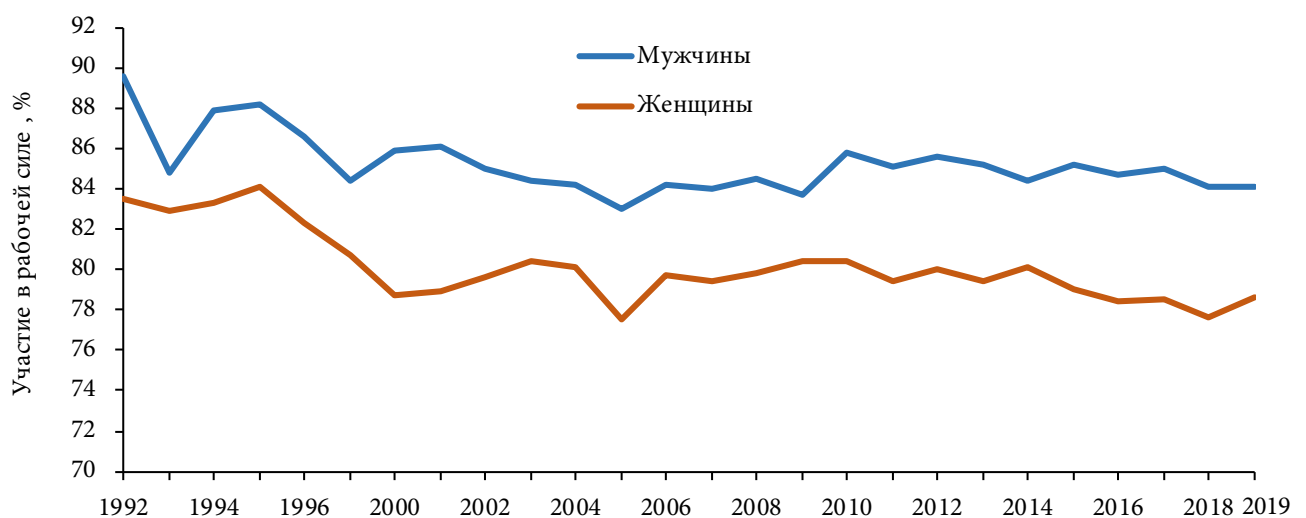

Рис. 13. Участие в рабочей силе населения работоспособного возраста (имеющих работу или ищущих ее), 1992–2019 гг., %

Данные рисунка 13 показывают, что в 2019 г. показатель участия в рабочей силе женщин вырос, в то время как у мужчин этот показатель не изменился. Так, в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. коэффициент участия в рабочей силе женщин уменьшился с 78,5 до 77,7%, тогда как в декабре 2019 г. он вновь увеличился до 78,6%, вернувшись на прежний уровень. Что касается мужчин, то у них этот показатель, после уменьшения в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. с 85 до 84,1%, в декабре 2019 г. не изменился. В результате этих изменений преобладание мужчин над женщинами по показателю участия в рабочей силе сократилось с 6,4 п.п. в декабре 2018 г. до 5,5 п.п. в декабре 2019 г.

На рисунке 14 приведены данные RLMS-HSE о занятости мужчин и женщин, получающих пенсию.

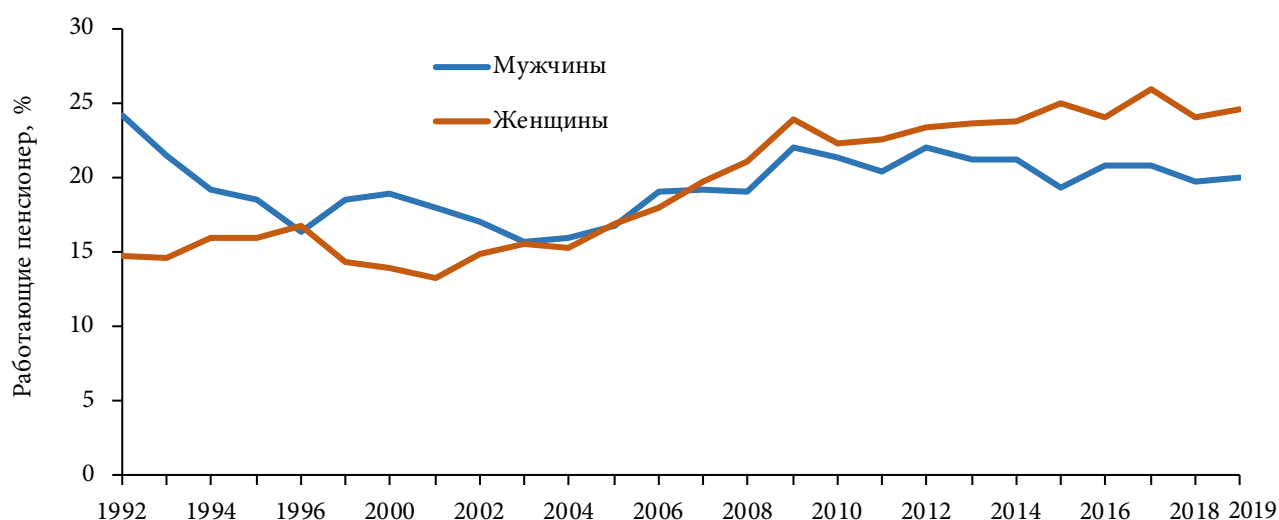

Рис. 14. Доля работающих пенсионеров, 1992–2019 гг., %

Данные рисунка 14 показывают, что в декабре 2019 г. уровень занятости у мужчин и женщин, получающих пенсию, после одновременного снижения в предыдущем году так же синхронно увеличился. Так, в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. доля занятых среди мужчин-пенсионеров уменьшилась с 20,8 до 19,7%, т. е. на 1,1 п.п., но в декабре 2019 г. она опять увеличилась до 19,9%, т. е. на 0,2 п.п. В то же время доля занятых среди женщин-пенсионеров, после сокращения в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. с 25,9 до 24%, т. е. на 1,9 п.п., в декабре 2019 г. увеличилась до 24,6%, т. е. на 0,6 п.п. Преобладание женщин-пенсионеров над мужчинами-пенсионерами по доле занятых за последний год увеличилось с 4,3 п.п. в декабре 2018 г. до 4,7 п.п. в декабре 2019 г.

Для более полной характеристики анализируемой картины отметим, что, согласно данным Росстата, численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в декабре 2019 г. составила 75,9 млн человек (декабрь 2018 г. — 76,3 млн человек). Из них 72 млн человек классифицировались как занятые экономической деятельностью и 3,5 млн человек — как безработные, соответствующие критериям Международной организации труда (т. е. не имели работы или доходного занятия, искали работу и были готовы приступить к ней в обследуемую неделю). В декабре 2018 г. таких было 72,6 млн и 3,7 млн. соответственно.

Уровень безработицы (отношение численности безработных к численности рабочей силы) в декабре 2019 г. составил 4,6% как для населения в возрасте 15 лет и старше, так и для населения в возрасте 15–72 лет (декабрь 2018 г. – 4,8%). При этом уровень занятости населения (отношение численности занятого населения к общей численности населения в возрасте 15 лет и старше) в декабре 2019 г. составил 59,8%.

В конце декабря 2019 г. в органах занятости населения (по данным Роструда) состояло на учете в качестве безработных 691 тыс. человек, что было на 4,1% больше по сравнению с ноябрем 2019 г. и на 0,3% меньше по сравнению с декабрем 2018 г. Среди безработных в возрасте 15 лет и старше доля женщин в декабре 2019 г. составила 47,7%, городских жителей – 65,9%, молодежи до 25 лет – 21,7%, лиц, не имеющих опыта трудовой деятельности, – 26,2%. Уровень безработицы среди сельских жителей (6,9%) превышал уровень безработицы среди городских жителей (3,9%).

Таким образом, безработица в России, после сокращения в 2018 г. до рекордно низкого уровня, в 2019 г. немного выросла. При этом наметился рост краткосрочной безработицы и сокращение долгосрочной. Но эти изменения никак не повлияли на ситуацию на рынке труда, которая продолжала оставаться довольно спокойной. По сути, рынок труда находился в стагнации, не происходило ни резких сокращений, ни заметного расширения штатов. Выявлено увеличение уровня участия в рабочей силе, которое произошло за счет роста участия в рабочей силе женщин. Доля работников, которые сталкивались с невыплатами заработной платы, хотя и немного увеличилась, но оставалась невысокой. Отмечено также увеличение доли работающих среди получающих пенсию мужчин и женщин.

Некоторые другие социально-экономические аспекты

В этом разделе представлены результаты RLMS-HSE, позволяющие прояснить ряд важных вопросов, характеризующих условия жизни российских семей. К ним относятся, в частности, сведения о невыплатах заработной платы, о пенсионных выплатах, гендерных различиях в размере и источниках заработков, задолженности по квартплате и оплате коммунальных услуг.

Невыплаты заработной платы

Согласно данным мониторинга, за последний год число работников предприятий и организаций, имеющих какую-либо задолженность по заработной плате на основной работе, опять уменьшилось, тогда как средняя сумма задолженности перед такими работниками за указанный период в очередной раз увеличилась. При этом темпы этого роста в 2019 г. оказались намного медленнее, чем в предыдущем году. Из рисунка 15 видно, что с декабря 2018 по декабрь 2019 г. доля работников, не полностью получивших зарплату, сократилась до минимума – с 1,2 до 1,1%. В то же время средняя сумма задолженности по зарплате перед этими работниками выросла за последний год на 4,9% – с 44 087 до 46 229 руб. И это было намного

меньше, чем 19,6% роста, зафиксированных годом ранее. В результате средняя сумма задолженности по зарплате достигла новой рекордной величины, тогда как число работников с задолженностью по заработной плате стало минимальным.

Рис. 15. Невыплаты заработной платы основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2019 гг.

В таблице 9 представлены данные мониторинга за 1994–2019 гг. о распределении работников, которым на основном месте работы задерживалась заработная плата, по сроку задолженности.

Данные таблицы 9, в частности, показывают, что если в 2017–2018 гг. наряду с ростом средней суммы задолженности по зарплате увеличились и сроки указанной задолженности, то в 2019 г. эти сроки сократились. Так, в 2018 г. по сравнению с 2016 г. доля работников, которым заработная плата задерживалась на минимальные сроки, т. е. на 1 месяц и менее, уменьшилась на весьма значительные 20,7 п.п. — с 78,2 до 57,5%, но в 2019 г. она выросла до 66,8%, т. е. на 9,3 п.п. В то же время доля тех, кому зарплата задерживалась на 1–2 месяца, с 2016 по 2018 г. выросла с 8,3 до 10,4% и далее в 2019 г. — до 12,7%. При этом наблюдалось значительное сокращение удельного веса работников, которые не получали вовремя заработную плату на основном месте работы в течение более значительных сроков. Если с 2016 по 2018 г. доля работников, которым заработная плата задерживалась на 2–3 месяца, увеличилась почти втрое — с 5,6 до 15,8%, то в 2019 г. она резко упала до 9,8%. И наконец, доля работников, которым зарплата задерживалась на срок более 3 месяцев, с 2016 по 2018 г. увеличилась более чем вдвое — с 7,8 до 16,3%, однако к концу 2019 г. она также стремительно сократилась до 10,6%.

В 2019 г., как и во все предыдущие годы, женщинам заработная плата задерживалась реже, чем мужчинам. При этом с 2016 по 2018 г. доля лиц, не полностью получивших заработную плату на основном месте работы, среди мужчин уменьшилась с 3,1 до 1,2%, но в 2019 г. она немного увеличилась — до 1,4%. В то же время аналогичная доля работников среди женщин уменьшилась с 2,1% в 2016 г. до 1,1% в 2018 г. и затем до 0,8% в 2019 г., т. е. в целом на 1,3 п.п.

Таблица 9

Невыплаты зарплаты основным работодателем трудоспособному населению, 1994–2019 гг.*

	Доля не полностью получивших зарплату, %	Распределение работников по сроку задолженности, %				Средняя сумма задолженности (если имеется), в руб. декабря 2019 г.
		1 месяц и менее	1–2 месяца	2–3 месяца	Больше 3 месяцев	
1994						
Мужчины	40,3	35,6	29,6	16,9	18,0	28 963
Женщины	35,8	41,6	25,4	14,9	18,1	14 939
Всего работников	38,1	38,3	27,7	16,0	18,0	22 291
1998						
Мужчины	65,1	19,4	19,3	18,7	42,6	37 318
Женщины	62,8	21,2	21,0	17,0	40,7	19 198
Всего работников	63,9	20,3	20,2	17,8	41,7	27 842
2000						
Мужчины	33,1	38,0	18,9	10,8	32,4	19 430
Женщины	25,9	46,3	21,8	9,1	22,8	11 569
Всего работников	29,6	41,5	20,1	10,1	28,3	16 053
2004						
Мужчины	16,8	42,1	26,9	12,9	18,1	22 298
Женщины	12,6	54,0	22,7	13,2	10,1	14 796
Всего работников	14,7	47,2	25,1	13,0	14,7	18 992
2012						
Мужчины	3,6	56,3	18,4	10,8	14,5	37 987
Женщины	2,1	50,8	13,5	16,7	19,0	26 963
Всего работников	2,9	54,5	16,8	12,8	16,0	34 233
2016						
Мужчины	3,1	76,9	9,2	7,2	6,7	40 393
Женщины	2,1	80,2	7,0	3,2	9,6	22 817
Всего работников	2,6	78,2	8,3	5,6	7,8	33 639
2018						
Мужчины	1,2	55,0	13,1	18,9	13,0	52 364
Женщины	1,1	61,7	6,0	10,6	21,7	30 191
Всего работников	1,2	57,5	10,4	15,8	16,3	44 087
2019						
Мужчины	1,4	69,8	14,4	7,4	8,4	52 207
Женщины	0,8	59,0	8,3	16,2	16,5	31 347
Всего работников	1,1	66,8	12,7	9,8	10,6	46 229

*Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

Хорошо заметное сокращение в 2019 г. сроков задолженности по заработной плате на основном месте работы очень четко проявилось только у опрошенных мужчин. Так, среди мужчин за последний год доля работников, которым заработная плата задерживалась на 1 месяц и менее, резко увеличилась на 14,8 п.п. — с 55 до 69,8%, а среди тех, кто не получал вовремя зарплату в течение 1–2 месяцев, — только лишь с 13,1 до 14,4%. И в то же время у мужчин заметно уменьшилась доля тех, кому заработная плата задерживалась на 2–3 месяца, — с 18,9 до 7,4%, т. е. более чем в 2,5 раза, а также доля тех, кому зарплата задерживалась на срок свыше 3 месяцев, — с 13 до 8,4%, т. е. в 1,5 раза.

Что касается женщин, то здесь анализируемая картина оказалась довольно размытой. При относительно небольших изменениях за последний год долей работников, имеющих краткосрочные задолженности (1 месяц и менее — уменьшение с 61,7 до 59%; 1–2 месяца — увеличение с 6 до 8,3%), был отмечен значительный рост доли лиц, которым зарплата задерживалась на 2–3 месяца (с 10,6 до 16,2%), и одновременно не менее существенное сокращение доли тех, кому заработная плата задерживалась на срок более 3 месяцев (с 21,7 до 16,5%).

Размеры средних сумм задолженности по заработной плате у мужчин и женщин в течение последних лет менялись по-разному. Так, у мужчин средняя сумма задолженности по зарплате с 2016 по 2018 г. выросла почти на 30%, но затем в 2019 г. уменьшилась на едва различимые 0,3%. В то же время у женщин она только росла, увеличившись с 2016 по 2019 г. на 37%, в том числе за последний год — на 3,7%.

В 2019 г., как и во все предыдущие годы, женщины не только реже, чем мужчины, сталкивались с задержками заработной платы, но у них были меньше и суммы задолженностей по зарплате. При этом изменения, которые проявились в 2019 г., практически не повлияли на величину этой дистанции. Так, в 2014 г. средняя сумма задолженности по зарплате у мужчин была больше, чем у женщин, почти в 1,6 раза, в 2015 г. — более чем в 1,5 раза, а в 2016 г. — почти в 1,8 раза. И только в 2017 г. этот разрыв сократился до минимальных 1,1 раза, но уже в 2018 г. он опять вырос до 1,7 раза и в 2019 г. практически не изменился. То, что женщинам задерживаются меньшие суммы, вероятно, является следствием их отставания от мужчин по размерам заработной платы.

Данные Росстата, как и данные RLMS-HSE, убеждают, что в 2019 г., как и во все последние годы, проблема задолженности по заработной плате в России не являлась угрожающей. Так, по данным официальной статистики, на 1 декабря 2019 г., по сведениям, представленным организациями (не относящимися к субъектам малого предпринимательства), суммарная задолженность по заработной плате по кругу наблюдаемых видов экономической деятельности составила 2 млрд 907,8 млн руб. и по сравнению с 1 ноября 2019 г. увеличилась на 10,2%. С начала 2019 г. задолженность по зарплате выросла на 20,2%. При этом задолженность по заработной плате на 1 декабря 2019 г. имела перед 43,1 тыс. человек, которые составляли менее 1% работников по обследуемым видам экономической деятельности. Из общей суммы невыплаченной заработной платы на долги, образовавшиеся в 2019 г., приходилось 58,3%, в 2018 г. — 19,9%, в 2017 г. и ранее — 21,8%.

Источники трудового дохода и гендерные различия

В таблице 10 представлены данные RLMS-HSE о распределении мужчин и женщин трудоспособного возраста, имеющих трудовой доход, с разбивкой по источникам дохода (доля сообщивших о получении того или иного вида дохода), которые дают представление об отдельных важных проблемах гендерного характера, относящихся к теме данного исследования.

Таблица 10

Источники доходов от трудовой деятельности трудоспособного населения, 1992–2019 гг.*

Категория дохода	Период сбора данных						
	1992	1998	2004	2008	2013	2018	2019
Мужчины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	64,2	31,6	30,9	31,2	32,3	27,3	25,1
Средний размер получаемого дохода**	17 981	10 718	19 127	30 867	33 233	41 382	45 595
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	15,7	20,9	32,9	38,4	40,2	42,5	45,2
Средний размер получаемого дохода**	16 896	13 348	25 917	36 432	37 443	47 798	51 214
Доход от работы в неформальном секторе, %	2,4	10,0	12,4	9,0	8,6	12,0	11,3
Средний размер получаемого дохода**	26 625	6021	13 697	3220	20 529	28 728	26 465
Доход от трудовой деятельности, %	80,3	58,3	72,7	75,9	78,7	79,3	79,4
Средний размер получаемого дохода**	18 469	11 611	22 173	33 614	35 012	44 208	47 343
Женщины							
Доход от работы на государственных предприятиях, %	60,0	34,4	37,6	37,3	38,1	33,6	33,3
Средний размер получаемого дохода**	12 103	6946	11 732	19 504	23 817	30 842	34 283
Доход от работы на частных или на предприятиях смешанной формы собственности, %	9,7	17,5	26,0	30,2	30,5	33,3	34,2
Средний размер получаемого дохода**	11 989	9960	17 209	27 166	29 041	35 279	37 767
Доход от работы в неформальном секторе, %	1,8	5,9	6,6	5,5	4,6	7,1	6,8
Средний размер получаемого дохода**	16 053	3292	8676	16 355	13 223	18 426	20 351
Доход от трудовой деятельности, %	70,0	55,4	67,7	70,3	70,9	71,8	72,3
Средний размер получаемого дохода**	12 480	7822	13 953	23 276	26 112	32 660	35 585

*Мужчины в возрасте 18–60 лет, женщины в возрасте 18–55 лет.

**Средний размер получаемого дохода рассчитывается по доходу тех, кто имел доход, в руб. декабря 2019 г.

Анализ данных, представленных в таблице 10, показывает, что в конце 2019 г., как и во все предыдущие годы, мужчины трудоспособного возраста превосходили женщин аналогичного возраста как по доле получающих тот или иной вид дохода от трудовой деятельности, так и по величине среднего размера получаемого дохода от трудовой деятельности. Но за последний год это преобладание по доле получающих доход от трудовой деятельности немного сократилось. Так, в 2019 г. оно составило 7,1 п.п. (79,4% против 72,3%), что было лишь немного больше, чем 6,9 п.п. в 2015 г., но меньше, чем 9,4 п.п. в 2016 г., 7,9 п.п. в 2017 г. и 7,5 п.п. в 2018 г.

В целом за 1998–2017 гг. доля респондентов с доходом от трудовой деятельности у мужчин выросла на огромные 21,4 п.п. (с 58,3 до 79,7%), но в конце 2018 г. она сократилась до 79,3% и в 2019 г. практически не изменилась, показав едва заметный рост на 0,1 п.п. — до 79,4%. В то же время у женщин эта доля за 1998–2017 гг. выросла на значительные 16,4 п.п. (с 55,4 до 71,8%). В конце 2018 г. она осталась на прежнем уровне, но в конце 2019 г. увеличилась на 0,5 п.п. — до 72,3%.

В 2019 г. продолжились долгосрочные тенденции, демонстрирующие нарастание удельного веса мужчин и женщин трудоспособного возраста, занятых на частных предприятиях, и сокращение удельного веса мужчин и женщин аналогичного возраста, работающих на предприятиях государственного сектора. В целом за 1992–2019 гг. доля занятых на частных предприятиях или предприятиях смешанной формы собственности среди мужчин трудоспособного возраста выросла в 2,9 раза — с 15,7 до 45,2%, в том числе за последний год — на 2,7 п.п., тогда как среди женщин аналогичного возраста этот рост составил 3,5 раза (с 9,7 до 34,2%), в том числе за последний год — 0,9 п.п. В то же время за указанный период доля получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора среди мужчин трудоспособного возраста сократилась более чем в 2,5 раза (с 64,2 до 25,1%), в том числе за последний год — на 2,2 п.п., тогда как среди женщин трудоспособного возраста это сокращение составило только 1,8 раза (с 60 до 33,3%), в том числе за последний год — небольшие 0,3 п.п.

В 2019 г. мужчины трудоспособного возраста продолжали заметно превосходить женщин такого же возраста по доле получающих доход от работы на частных предприятиях или на предприятиях смешанной формы собственности. В конце 2019 г. данное превышение составило 11 п.п. (45,2% против 34,2%), что было меньше, чем 11,4 п.п. в конце 2017 г., но больше, чем 9,2 п.п. в конце 2018 г. В то же время женщины превосходили мужчин по доле получающих доход от работы на государственных предприятиях. В конце 2019 г. это преобладание составило 8,2 п.п. (33,3% против 25,1%), что оказалось гораздо больше, чем 7,3 п.п. в конце 2017 г., и еще больше, чем 6,3 п.п. в конце 2018 г. Из этих данных также хорошо видно, что если у женщин доли получающих доход от работы на частных предприятиях, включая получающих доход от работы на предприятиях смешанной формы собственности, и получающих доход от работы на предприятиях государственного сектора приблизительно равны, то у мужчин занятые на частных предприятиях вдвое превышают по своей численности занятых на государственных предприятиях.

Устойчивым остается преобладание мужчин трудоспособного возраста над женщинами трудоспособного возраста по доле лиц, получающих какой-либо доход от работы в неформальном секторе. С 2012 по 2018 г. доля таких работников среди мужчин трудоспособного возраста достаточно последовательно увеличилась с 8,6 до 12%, но к концу 2019 г. уменьшилась до 11,3%. Менее последовательно менялась в последние годы доля лиц, занятых в неформальном секторе, среди женщин трудоспособного возраста. С 2013 по 2017 г. она поступательно выросла с 4,6 до 8,1%, но к концу 2018 г. уменьшилась до 7,1% и далее в 2019 г. — до 6,8%. Дистанция между мужчинами и женщинами трудоспособного возраста по данному показателю за последний год уменьшилась с 4,9 до 4,5 п.п.

Согласно данным мониторинга, в среднем российские женщины уже длительное время получают примерно на четверть меньше, чем мужчины. В 2019 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого занятыми женщинами трудоспособного возраста, составлял 75,2% от среднего размера дохода занятых мужчин аналогичного возраста. В 2018 г. данный показатель составлял 73,9%. Среди тех, для кого источником дохода является трудовая деятельность, средний размер получаемого дохода вырос у мужчин с 2017 по 2018 г. на 1,7% и затем к концу 2019 г. — еще на 7,1%. У женщин рост среднего размера получаемого дохода с 2017 по 2018 г. составил 6,1% и далее к концу 2019 г. — еще почти 9%.

Примечательно, что если раньше различия в заработках между мужчинами и женщинами были наименьшими на предприятиях частного сектора и смешанной формы собственности, то в последние годы показатели соотношения доходов, получаемых мужчинами и женщинами от трудовой деятельности на частных и на государственных предприятиях, выровнялись. Так, в 2017–2019 гг. средний размер дохода от трудовой деятельности на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности, получаемого женщинами, постоянно составлял около 74% от аналогичного дохода мужчин. В то же время на предприятиях государственного сектора это соотношение в 2017 г. составило около 70%, в 2018 г. — почти 75%, а в 2019 г. — немногим более 74%. Что касается неформального сектора, традиционно являющегося сферой женского доминирования, то здесь до самых последних лет наблюдалось постепенное увеличение преобладания мужчин над женщинами по уровню доходов. Так, если в конце 2012 г. средний размер дохода, получаемого от работы в неформальном секторе, составлял у женщин около 69% от соответствующего дохода мужчин, то к концу 2017 г. этот показатель упал до 56%. И только к концу 2018 г. он вновь вырос до 64% и в конце 2019 г. оставался на этом же уровне.

В 2018 г. по сравнению с 2017 г. заработки на государственных предприятиях у мужчин увеличились на 3,9% и затем к концу 2019 г. они поднялись еще на 10,1%. В то же время у женщин эти доходы выросли с 2017 по 2018 г. на 10,9% и далее к концу 2019 г. — еще на 11,2%. Средний размер дохода от работы на частных предприятиях и предприятиях смешанной формы собственности увеличился у мужчин в 2018 г. по сравнению с 2017 г. только на 2,4%, тогда как к концу 2019 г. он сразу вырос еще на 7,1%. У женщин этот рост составил 2,2 и 7,1% соответственно. Доход, получаемый работающими в неформальном секторе, с 2017 по 2018 г. у мужчин уменьшился на 3,9% и за последний год упал еще на 7,8%. В то же время у женщин данный показатель вырос в 2018 г. по сравнению с 2017 г. на 9,3% и затем к концу 2019 г. поднялся еще на 10,4%.

Таким образом, несмотря на то, что уровень занятости женщин в нашей стране остается достаточно высоким, российские женщины уже длительное время получают в среднем примерно на четверть меньше, чем мужчины. Такое неравенство сохраняется длительное время, при том что уровень образования женщин в среднем выше, чем у мужчин. Подобная гендерная картина обусловлена рядом известных факторов, среди которых, прежде всего, стабильное сохранение низкого уровня представительства женщин на руководящих должностях и преимущественная занятость женщин в тех сферах, где заработки не очень высокие или откровенно низкие (здравоохранение, культура, образование, государственные

социальные службы)¹. Женщины больше представлены на тех позициях, которые сильнее всего пострадали из-за автоматизации, они реже приобретают профессии, где более выражен зарплатный рост. На сложившейся ситуации сказывается и то, что безработные женщины дольше мужчин не могут найти работу и чаще соглашаются на меньшую оплату труда. При этом зарплатные амбиции россиянок чаще оказываются ниже мужских. В результате всего этого женщины слишком часто оказываются в категориях лиц со средними и низкими зарплатами, которые практически стоят на месте с начала длительной кризисной полосы.

Пенсии и невыплаты пенсий

На рисунке 16 представлены данные RLMS-HSE, демонстрирующие динамику среднего размера пенсий и масштаба невыплат пенсий мужчинам и женщинам в России с ноября 1993 г. Эти данные убедительно доказывают, что уже давно проблема невыплат (задержек выплат) пенсий в России не относится к категории беспокоящих. Но при этом в 2019 г. данная проблема стала чувствительной для большего числа пенсионеров. Как следует из данных мониторинга, если в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. доля лиц, не получивших пенсию за последний месяц, среди мужчин-пенсионеров сократилась с 2,3 до 1,5%, то в декабре 2019 г. она выросла до 2,6%. В то же время среди женщин-пенсионеров доля оставшихся без пенсии в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. сократилась с 1,8 до 1,4%, тогда как в декабре 2019 г. эта доля выросла вдвое — до 2,8%.

Рис. 16. Доля пожилых людей, не получивших пенсию за последний месяц, %, и средний размер ежемесячной пенсии для получающих пенсию, в руб. декабря 2019 г., 1993–2019 гг.

¹ Наемный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. С. 269–279.

Из рисунка 16 также видно, что в 2019 г. произошло очередное повышение размера пенсий и при этом темпы этого роста стали выше, чем годом ранее. Так, в 2018 г. по сравнению с 2017 г. средний размер ежемесячной пенсии для мужчин-пенсионеров вырос всего лишь на 1,1%, тогда как в 2019 г. этот рост составил 5,1% (до 15 913 руб.). В то же время у женщин-пенсионеров рост среднего размера ежемесячной пенсии в 2018 г. по сравнению с 2017 г. составил только 2,0%, но в 2019 г. этот рост увеличился до 6,6% (до 15 241 руб.).

Но, несмотря на этот рост, размер пенсии у большинства пенсионеров остается достаточно скромным. Он сегодня таков, что не позволяет обеспечить бывшим работникам действительно комфортный, привычный уровень жизни после выхода на пенсию. Как показывает практика, если исключить получателей специальных пенсий (госслужащие высокого ранга, летчики, военные) и двух пенсий одновременно (досрочники из силовых ведомств), то сохранить привычный образ жизни, выйдя на пенсию, обычному работнику практически невозможно. И поскольку одной пенсии зачастую оказывается недостаточно для поддержания приемлемого уровня жизни, многие рассматривают ее скорее как некое дополнение к какому-либо иному доходу (от заработной платы, сдачи личной собственности в аренду и т. п.).

В результате изменений, произошедших в последние годы, средний размер пенсии для женщин-пенсионеров еще больше приблизился к среднему размеру пенсии для мужчин-пенсионеров. Так, если в 2014 г. средний размер пенсии для женщин составлял только 86,1% от среднего размера пенсии для мужчин, то к концу 2019 г. данный показатель вырос до 89,7%. Таким большим он не был еще никогда ранее.

Задолженность по квартплате и оплате коммунальных услуг

В таблице 11 приведены обобщенные данные о распределении обследованных домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, за 1995–2019 гг. Они, в частности, показывают, что за последний год доля домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, не изменилась. Так, за 2015–2018 гг. доля домохозяйств, испытывающих трудности со своевременной оплатой услуг жилищно-коммунального хозяйства, последовательно сократилась с 8,4 до 6,2% и в конце 2019 г. сохранилась на прежнем уровне.

Как уже давно замечено, домохозяйства во главе с мужчинами или женщинами трудоспособного возраста обычно чаще попадают в разряд должников по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами или женщинами, достигшими пенсионного возраста. При этом домохозяйства во главе с женщинами трудоспособного возраста чаще оказываются должниками, чем домохозяйства, возглавляемые мужчинами аналогичного возраста.

С 2016 по 2018 г. доля должников по квартплате и/или оплате коммунальных услуг среди домохозяйств во главе с мужчинами трудоспособного возраста уменьшилась с 10 до 7,8%, но в 2019 г. увеличилась до 8,1%. В то же время среди домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста доля должников в 2016–2019 гг. без остановок падала с 12,4 до 8,8%. Что касается домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, то доля должников среди них за 2016–2018 гг. уменьшилась с 2,7 до 1,2%, но в конце 2019 г. увеличилась до 1,8%. При этом доля должников среди домохозяйств во главе с женщинами пенсионного возраста в эти годы менялась очень мало, составив в конце 2019 г. 2,7%, что было всего лишь на 0,1 п.п. больше, чем годом ранее.

Таблица 11

**Распределение домохозяйств,
имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, 1995–2019 гг.**

	Все домо- хозяйства	В том числе			
		Домохозяйства во главе с мужчиной работоспособ- ного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной работоспособ- ного возраста	Домохозяйства во главе с мужчиной пенсионного возраста	Домохозяйства во главе с женщиной пенсионного возраста
1995					
Доля домохозяйств-должников, %	22,0	25,2	30,6	7,6	13,4
Сумма задолженности (если есть)*	2779	3003	2907	1342	1039
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	1502	1761	1487	982	904
1998					
Доля домохозяйств-должников, %	37,5	43,1	43,4	19,6	24,9
Сумма задолженности (если есть)*	5427	6227	5199	2320	1505
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	1537	1925	1502	925	808
2004					
Доля домохозяйств-должников, %	16,3	19,3	23,8	3,7	7,2
Сумма задолженности (если есть)*	11 985	13 170	11 793	1982	3672
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	3046	3680	3053	2039	1665
2014					
Доля домохозяйств-должников, %	7,2	8,6	11,8	3,2	2,6
Сумма задолженности (если есть)*	20 131	20 177	21 131	5783	27 208
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	5092	5793	5501	4078	3690
2017					
Доля домохозяйств-должников, %	7,3	9,3	11,1	2,2	3,1
Сумма задолженности (если есть)*	26 262	24 931	34 358	16 622	26 020
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	5843	6565	6245	4832	4494
2018					
Доля домохозяйств-должников, %	6,2	7,8	10,4	1,2	2,6
Сумма задолженности (если есть)*	29 180	26 351	37 564	23 888	34 995
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	6003	6630	6587	5295	4576
2019					
Доля домохозяйств-должников, %	6,2	8,1	8,8	1,8	2,7
Сумма задолженности (если есть)*	41 670	43 069	43 667	15 480	40 887
Средняя сумма месячной платы за жилье и коммунальные услуги*	7163	7512	5576	4914	7163

*Средние суммы месячной платы за жилье и коммунальные услуги и суммы задолженности указаны в руб. декабря 2019 г.

В 2019 г., как и в предыдущие годы, средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг самой высокой была у домохозяйств-должников во главе с женщинами трудоспособного возраста. Но если годом ранее ее размер почти в полтора раза превышал аналогичную сумму задолженности домохозяйств-должников, возглавляемых мужчинами трудоспособного возраста, то в 2019 г. эта разница сократилась до минимума. А самой низкой средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг была, как и прежде, у домохозяйств-должников, возглавляемых мужчинами-пенсионерами. В 2018 г. она была в полтора раза меньше, чем у домохозяйств-должников во главе с женщинами-пенсионерами, тогда как в 2019 г. эта разница стала больше двух с половиной раз.

Несмотря на то, что число домохозяйств-должников за последний год не увеличилось, долговая нагрузка на эти домохозяйства существенно выросла. Так, в конце 2019 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года размер средней суммы задолженности домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг резко вырос почти на 43%. При этом особенно значительным оказался рост суммы этой задолженности у домохозяйств-должников, которые возглавляют мужчины трудоспособного возраста. После роста годом ранее на 5,7% в конце 2019 г. она вновь выросла на огромные 63,4%. У домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста, большую часть которых составляют одинокие матери, размер задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг в 2018 г. увеличился на 9,3% и затем в 2019 г. — еще на 16,2%. В то же время у домохозяйств-должников, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, после роста средней суммы задолженности с 2016 по 2018 г. в 1,7 раза в 2019 г. она резко упала на 35,2%. И наконец, у домохозяйств-должников, возглавляемых женщинами пенсионного возраста, средняя сумма задолженности по оплате жилья и/или коммунальных услуг за 2016–2019 гг. выросла в 1,6 раза, в том числе за последний год на 17%.

Исследование выявило также в конце 2019 г. очередной рост средней суммы месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги. Если с 2017 по 2018 г. она увеличилась только на 2,7%, то в конце 2019 г. — на 19,3%. В результате был достигнут новый максимум анализируемого показателя за все время наблюдений, а темпы его роста были намного выше, чем в предыдущем году. При этом в 2019 г. самые большие расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг несли домашние хозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, а наименьшие — домохозяйства, возглавляемые мужчинами пенсионного возраста.

В конце 2019 г. расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг, которые несут домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, превышали аналогичные расходы домохозяйств, возглавляемых женщинами трудоспособного возраста, на 34,7%, тогда как годом ранее это превышение составляло всего лишь 0,6%. В отношении домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста, такое превалирование в 2018 г. составляло 25,2%, но в 2019 г. оно выросло до максимальных 1,5 раза. И в то же время разница в расходах на оплату жилья и/или коммунальных услуг между домохозяйствами во главе с мужчинами трудоспособного возраста и домохозяйствами, возглавляемыми женщинами пенсионного возраста, сократилась до минимальных 4,9%.

Заметим, что, согласно данным Росстата, тарифы на жилищно-коммунальные услуги в России в 2019 г. выросли в среднем на 4,3%. При этом жилищные услуги за год стали дороже на 3,1%, коммунальные — на 5,1%. В результате тарифы на жилищно-коммунальные услуги превысили инфляцию.

Задолженность российских граждан за жилищно-коммунальные услуги к концу 2019 г. составила около 615 млрд руб. Из них почти 290 млрд руб. составляли долги населения управляющим компаниям, ТСЖ и ЖСК, в том числе 142 млрд руб. было недоплачено за содержание жилого помещения, 60 млрд — за отопление, 14 млрд — за холодную и 24 млрд — за горячую воду, 15,5 млрд — за водоотведение, 11 млрд — за электричество и всего 0,9 млрд руб. — за газ. Кроме того, еще 325 млрд руб. — это долги жителей непосредственно ресурсоснабжающим организациям. Задолженность в этой сфере, которую фиксирует Росстат, является плавающей и не меняется существенно уже несколько лет подряд.

Удовлетворенность жизнью и оценка жизненных перспектив

В начале 2019 г. общий фон, влияющий на формирование социального самочувствия россиян, во многом был задан негативной информацией предыдущего года о повышении пенсионного возраста, увеличении налога на добавленную стоимость, дальнейшем росте цен, усилении угрозы безработицы и др. Но затем население убедилось, что повышение пенсионного возраста пока коснулось лишь немногих; снизилось влияние таких шоковых факторов, как увеличение налога на добавленную стоимость; не наблюдалось нарастающего раскручивания инфляционной спирали. Немаловажное значение имело и то, что россияне не столкнулись с новыми подобными раздражителями. Уже само отсутствие внезапных потрясений стало фактором, улучшающим социальное самочувствие россиян. Многие были уверены, что в стране продолжается вялотекущий, затяжной экономический кризис, но стали относиться к этому гораздо спокойней, чем раньше. В результате постепенно начали нарастать позитивные настроения, произошел отскок оценок, характеризующих массовые настроения. Сказалось также повышение уровня адаптированности граждан к изменившимся условиям. Россияне постепенно привыкли к сформировавшейся ситуации, когда доходы практически не росли, но и резких скачков цен также не было, что воспринималось в целом позитивно.

Неслучайно в ходе проведения очередной волны мониторинга в декабре 2019 г. многие показатели социального самочувствия продемонстрировали позитивную динамику. Анализ данных RLMS-HSE, в частности, показал (рис. 17), что если с декабря 2017 по декабрь 2018 г. доля лиц из числа респондентов в возрасте 14 лет и старше, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, уменьшилась на 1,5 п.п. — с 51,1 до 49,6%, то к концу 2019 г. она увеличилась на 2,4 п.п. — до 52%. При этом доля респондентов, полностью удовлетворенных своей жизнью, за последний год увеличилась с 7,5 до 8,1%.

В то же время доля тех, кто был в той или иной мере недоволен своей жизнью, с декабря 2017 по декабрь 2018 г. увеличилась на 0,5 п.п. — с 24,2 до 24,7%, тогда как к концу 2019 г. она уменьшилась до 23,2%. Главными причинами нега-

тивного настроения этих людей оставались такие тенденции и явления, как крайне низкий рост реальных доходов, значительный рост цен на отдельные виды товаров и некоторые продукты питания, высокая закредитованность. Среди них было очень много людей, которые так и не смогли добиться всего того, что планировали осуществить к данному времени. Нарастание кризисных явлений во всех сферах жизни общества, происходившее в течение кризисного десятилетия, в той или иной мере затронуло существование огромного числа россиян. Характерными особенностями мироощущения, пронизывающего сознание значительной части представителей различных групп населения, стали социальная неудовлетворенность и недовольство многими аспектами собственной жизни, которые во многом обусловлены сокращением ресурсной базы, затрудняющим реализацию жизненных целей.

Таблица 12

Удовлетворенность своей жизнью в целом, 1994–2019 гг., %

Оценка	1994	1998	2000	2002	2004	10/06	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019
Полностью удовлетворены	3,6	2,2	3,8	6,9	5,2	7,0	6,7	9,0	9,1	9,3	7,8	7,5	8,1
Скорее удовлетворены	10,8	9,7	13,8	26,7	30,3	29,8	36,1	37,0	43,0	42,0	40,3	42,1	43,9
И да, и нет	20,5	18,0	22,1	23,9	24,1	23,3	22,0	22,8	21,6	22,7	24,7	25,3	24,3
Не очень удовлетворены	40,2	33,4	36,6	30,6	28,8	27,4	24,2	22,2	19,4	18,6	19,6	18,4	16,8
Совсем не удовлетворены	23,6	35,9	22,7	11,5	11,1	12,0	10,3	8,3	6,4	6,4	7,1	6,3	6,4
Затруднились ответить	1,3	0,8	1,0	0,4	0,5	0,5	0,7	0,7	0,5	1,0	0,5	0,4	0,5

Рассматривая данные таблицы 12, важно также обратить внимание на то, что за последний год на 1 п.п. (с 25,3 до 24,3%) сократилась доля респондентов, которые в условиях сохраняющейся неопределенности жизненных обстоятельств и неясности собственных и семейных жизненных перспектив ответили на вопрос об удовлетворенности своей жизнью в целом довольно уклончиво — «и да, и нет».

Таким образом, в декабре 2019 г. свыше половины респондентов заявили, что их в большей или меньшей степени устраивает та жизнь, которую они ведут в настоящее время. Позитивные настроения многих из них, особенно из числа людей старшего возраста, можно объяснить тем, что немало россиян сегодня руководствуются принципом «могло быть и хуже». Они сравнивают текущую ситуацию в стране с трудными 1990-ми годами, которые оставили не просто неприятные, а тяжелейшие воспоминания. В начале 2000-х годов россиянам вернули стабильность и даже определенную заботу государства о человеке, в частности — индексацию пенсий, зарплат бюджетников, некоторые социальные льготы для малоимущих и социально уязвимых групп населения и др. Но при этом нельзя не заметить, что, демонстрируя удовлетворенность своей жизнью, многие сохраняют опасения, что стабильность может разрушиться и тогда вернутся лихие 1990-е.

К концу 2019 г. субъективные оценки и мнения россиян относительно социально-экономической ситуации в стране немного улучшились, выросло число граждан, которые почувствовали некое облегчение, частично адаптировались к экономическим трудностям. И хотя в действительности очень многие оценивали ситуацию в экономике как кризисную, а условия жизни населения стали ненамного легче (цены продолжали расти, доходы стагнировали), люди жили надеждой на скорые позитивные перемены.

Как следует из данных, представленных на рисунке 17¹, в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своим материальным положением, уменьшилась на 2,3 п.п. — с 23,2 до 20,9%, тогда как в декабре 2019 г. она вновь выросла на 1,7 п.п. — до 22,6%. В то же время доля, тех кто были не очень удовлетворены или совсем не удовлетворены материальной стороной своей жизни, после увеличения с 57,1% в декабре 2017 г. до 57,9% в декабре 2018 г., т. е. на 0,8 п.п., в декабре 2019 г. уменьшилась до 56,9%. За последний год немного уменьшилась также доля респондентов, выражающих половинчатое мнение «и да, и нет», — с 21,1 до 20,5%.

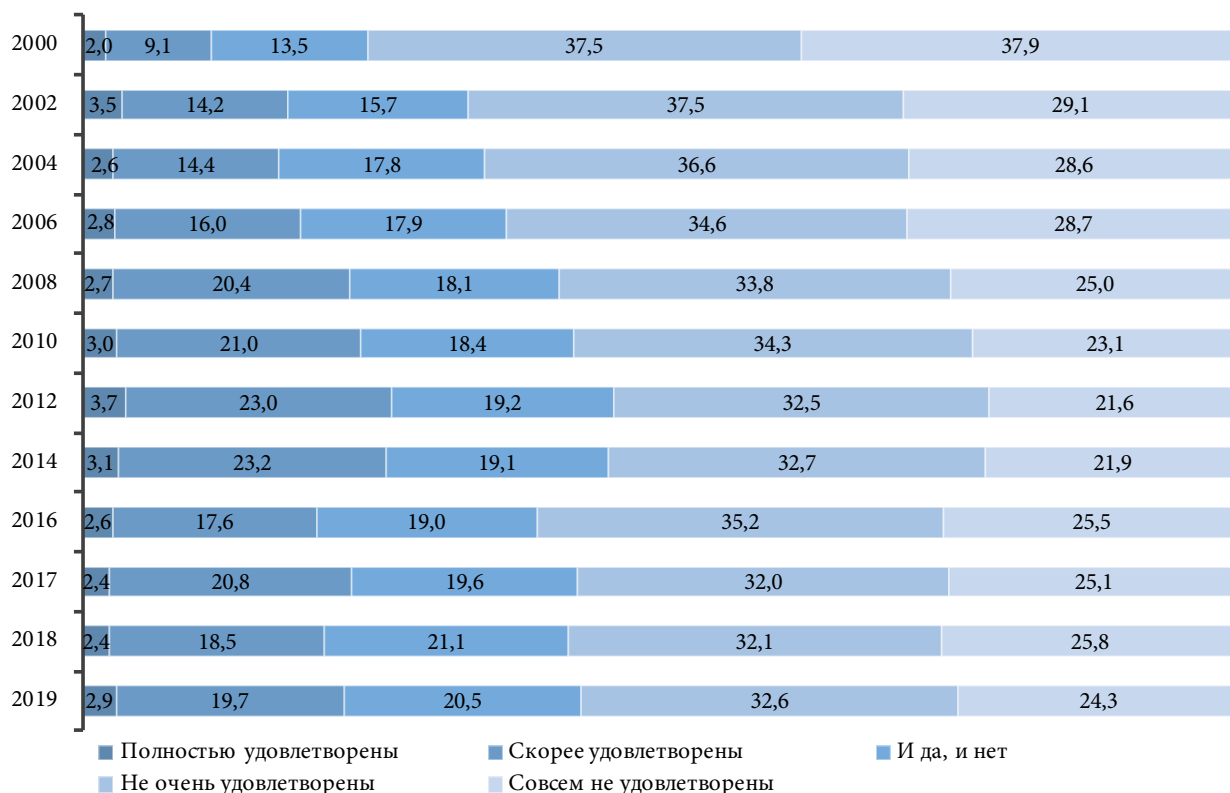

Рис. 17. Удовлетворенность своим материальным положением, 2000–2019 гг., %

Таким образом, в декабре 2019 г. число респондентов, неудовлетворенных своим материальным положением, в 2,5 раза превышало число довольных материальной стороной своей жизни, что было немного меньше, чем 2,8 раза, зафиксированных годом ранее.

¹ Вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько вы удовлетворены своим материальным положением в настоящее время?» задавался с 2000 г.

Заметными оказались также позитивные сдвиги в оценках респондентов, касающихся изменения материального положения своих семей за 12 месяцев, предшествующих опросу, о которых позволяют судить данные мониторинга, представленные на рисунке 18¹.

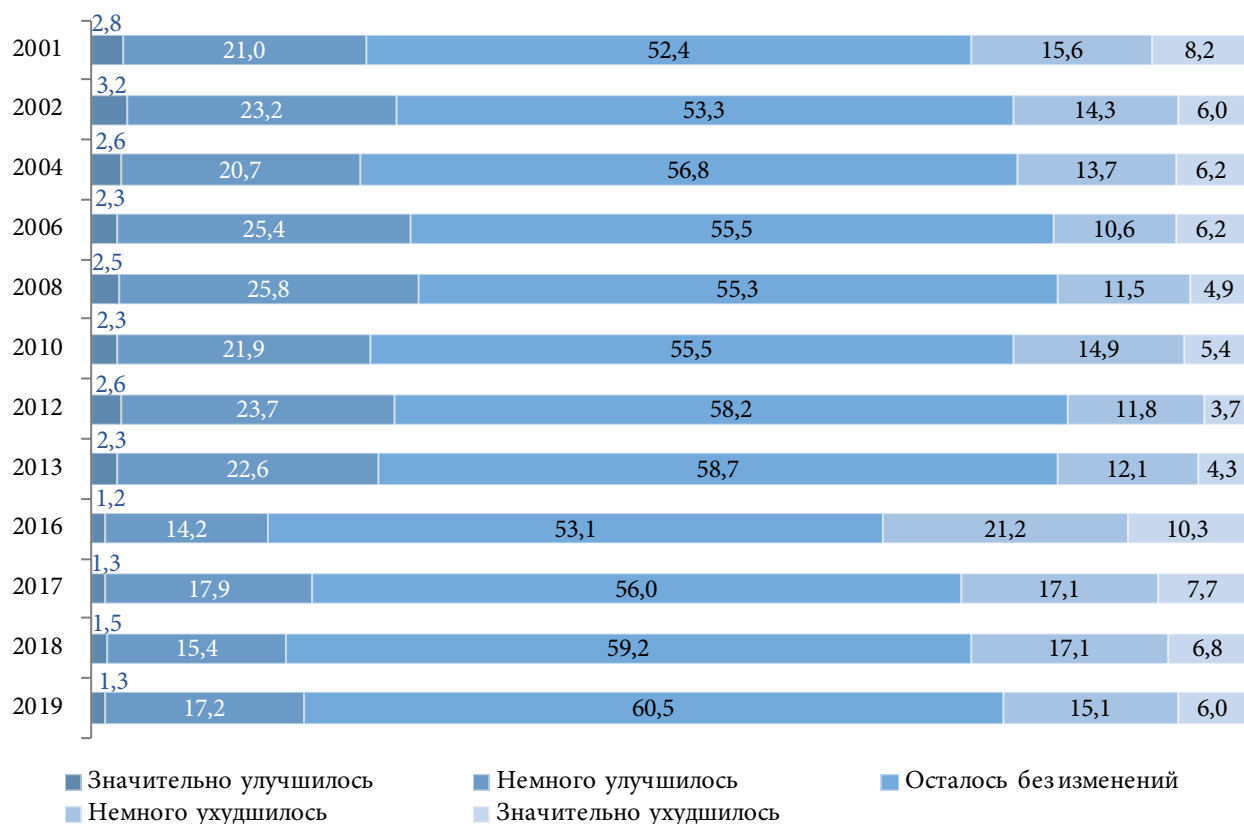

Рис. 18. Оценка изменения материального положения своей семьи за последние 12 месяцев, 2001–2019 гг., %

Из рисунка 18, в частности, видно, что с декабря 2017 по декабрь 2018 г. удельный вес респондентов, заметивших улучшение материального положения своих семей за предшествующий год, сократился на 2,3 п.п. — с 19,2 до 16,9%, но в декабре 2019 г. их доля выросла до 18,5%, т. е. на 1,6 п.п. За последний год увеличилось также число тех, кто не увидел каких-либо изменений в материальной стороне жизни своих семей, — с 59,2 до 60,5%. Что касается респондентов, которые заметили ухудшение материального положения собственных семей за последний год, то их доля с декабря 2017 по декабрь 2018 г. уменьшилась с 24,8 до 23,9%, а в декабре 2019 г. она упала еще ниже — до 21,1%, т. е. в целом на 3,7 п.п.

На следующем рисунке 19 представлены данные RLMS-HSE за 2005–2019 гг., которые характеризуют то, как респонденты (к кому это относится) оценивают свои возможности или возможности своих семей по приобретению дорогостоящих предметов и услуг (вопрос включен в «Вопросник для взрослых» в 2005 г.). Эти данные показывают, что в 2019 г. позитивные сдвиги в оценках материального положения респондентов и их семей, о которых говорилось выше, подкрепляются улучшением оценок, характеризующих возможности респондентов по приобретению таких дорогостоящих товаров и услуг, как семейный отпуск за границей, новое жилье, легковой или грузовой автомобиль и т. п.

¹ Вопрос: «Скажите, пожалуйста, как изменилось материальное положение вашей семьи за последние 12 месяцев?» задавался с 2001 г.

Выявлено, в частности, некоторое улучшение оценок, раскрывающих возможности респондентов по приобретению дорогих товаров длительного пользования, таких как легковой автомобиль, мебель, ювелирные изделия и другие дорогостоящие предметы культурного и бытового назначения. В 2018 г. по сравнению с 2017 г. доля респондентов, которые могут откладывать деньги на такие крупные покупки, увеличилась с 16 до 16,7%, а в 2019 г. — еще раз до 17,2%, т. е. в целом на 1,2 п.п.

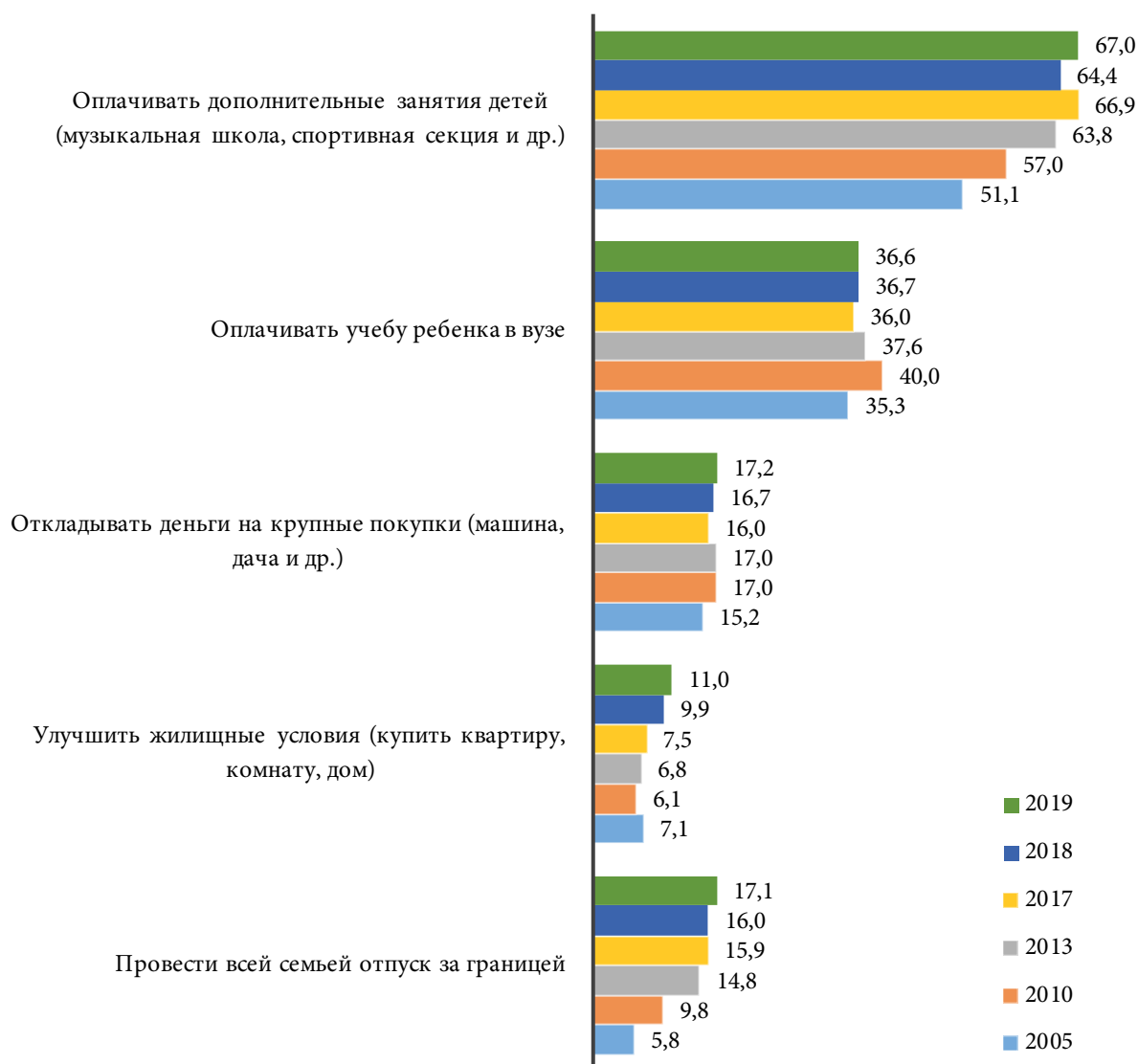

Рис. 19. Оценка возможности по приобретению дорогостоящих предметов и услуг, 2005–2019 гг., в % к тем, к кому это относится

Хорошо заметно также улучшение оценок респондентов, характеризующих возможности своих семей по улучшению жилищных условий. В 2018 г. по сравнению с 2017 г. доля респондентов, указывающих, что их семьи способны радикально улучшить свои жилищные условия, т. е. купить квартиру, комнату, дом (часть дома), коттедж и т. п., выросла почти на треть — с 7,5 до 9,1%, и далее в 2019 г. — до 11%. В целом с 2010 г., когда число респондентов с такими высокими покупательскими возможностями было минимальным, по 2019 г. их доля выросла в 1,7 раза.

После увеличения в 2018 г. по сравнению с 2017 г. оценок, раскрывающих возможности респондентов по проведению всей семьей заграничного отпуска, на 0,1 п.п. — с 15,9 до 16%, в 2019 г. отмечен их новый рост до 17,1%. Что касается

возможностей по проведению отпуска всей семьей на российском курорте, то они в очередной раз оказались существенно выше. Если в 2017–2018 гг., отмечали, что располагают такими возможностями, 24,4% респондентов, то в 2019 г. их доля увеличилась до 25,9%. Таким образом, семейный отдых за границей в 2019 г. мог себе позволить примерно каждый седьмой россиянин, тогда как располагал возможностью провести отпуск всей семьей на российском курорте — каждый четвертый.

Рассматривая эти данные, важно учитывать, что наряду с выявленным ростом потребительского оптимизма весьма значительной оставалась возросшая за кризисный период готовность россиян быстро реагировать на потенциальное ухудшение экономических условий. Очень многие были готовы в случае ухудшения своего материального положения отказаться от дорогостоящих покупок и сервисов, таких как покупка недвижимости, легкового автомобиля, ювелирных украшений, предметов мебели, посещение баров и ресторанов, путешествия. При этом значительное большинство российских граждан, как и прежде, не могли позволить себе ни высококачественные продукты питания, ни товары широкого потребления, многие из которых, несмотря на импортозамещение, имеют иностранное происхождение. Многим приходилось экономить на отдыхе, на приобретении нового автомобиля и т.п. К категориям товаров и услуг, от которых россияне были не готовы отказываться, относились, прежде всего, оплата коммунальных услуг, покупка лекарств и оплата медицинских услуг, покупка продуктов питания, оплата мобильной связи и образовательных услуг.

Но, несмотря на это, оценки респондентов в отношении возможностей по оплате обучения своих детей в высших учебных заведениях после некоторого улучшения в 2018 г. по сравнению с 2017 г. — с 36 до 36,7%, в 2019 г. практически не изменились (36,6%). В целом с 2010 по 2019 г. доля респондентов, которые способны оплачивать обучение своих детей в том или ином вузе (из числа тех, к кому это относится), снизилась на 3,4 п.п.

В 2019 г. немного увеличилось также число респондентов, способных оплачивать дополнительные занятия своих детей в музыкальной школе, спортивной секции, изостудии, творческом кружке и т. п. По сравнению с 2018 г. доля таких респондентов (из числа тех, к кому это относится) увеличилась с 64 до 67%, т. е. на 3 п.п. Но если рассматривать изменения за последние несколько лет, то можно отметить, что доля таких респондентов, т. е. способных нести меньшие расходы по сравнению с оплатой учебы в вузе, менялась очень мало. В целом с 2005 по 2013 г. удельный вес респондентов, располагающих подобными возможностями, вырос на 12,7 п.п. — с 51,1% до 63,8%, но затем к концу 2019 г. увеличилась, но всего лишь на 3,2 п.п.

Самоопределение респондентов в социальном пространстве в RLMS-HSE осуществляется в трех основных измерениях — по шкалам богатства (материального благосостояния), власти и уважения, которые включают 9 ступеней (от низшей до высшей). Ответы на идентификационные вопросы служат основанием для определения субъективных статусов, точнее — статусных характеристик, которые фиксируют положение людей на социальной лестнице и отражают переплетающиеся, но в то же время относительно автономные системы неравенства: собственности, власти и уважения.

Анализ данных, приведенных в таблице 13¹, показывает, что за последний год самооценки, характеризующие положение респондентов на шкале материального благосостояния, изменились незначительно. При этом в декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. доля респондентов, занимающих три ступени нижнего уровня шкалы материального благосостояния, уменьшилась с 39,4 до 38,9%, а доля занимающих три верхние ступени сократилась с 5,1 до 4,2%. И только в среднем сегменте был отмечен рост с 55,5 до 56,9%.

Таблица 13

Распределение респондентов по уровням и ступеням шкалы материального благосостояния: текущая самооценка, 1994–2019 гг., в % от ответивших

Год	Нижний уровень			Средний уровень			Верхний уровень		
	Низшая ступень	2-я ступень	3-я ступень	4-я ступень	5-я ступень	6-я ступень	7-я ступень	8-я ступень	Высшая ступень
1994	12,6	15,4	24,1	22,5	19,4	4,1	1,5	0,3	0,1
1996	14,3	16,1	22,4	20,4	20,4	4,4	1,6	0,3	0,1
1998	16,8	19,0	23,7	19,2	16,7	2,8	1,2	0,4	0,2
2000	10,4	14,4	22,6	20,3	22,9	6,5	2,3	0,4	0,2
2001	6,9	11,3	23,1	25,0	23,8	6,5	2,4	0,5	0,3
2002	6,3	12,4	24,0	25,0	23,1	6,2	2,5	0,4	0,1
2003	6,7	13,0	23,5	25,5	21,9	6,0	2,5	0,5	0,5
2004	5,2	11,9	22,3	24,0	24,6	7,0	3,6	1,2	0,2
2005	4,6	12,6	22,6	24,6	23,5	7,2	3,7	1,0	0,2
2006	5,8	11,4	23,2	25,2	23,8	7,0	2,9	0,4	0,3
2007	5,0	12,5	22,4	24,3	23,8	8,2	3,0	0,7	0,1
2008	3,8	10,6	22,1	25,1	25,0	8,5	3,7	0,6	0,6
2009	3,6	10,9	23,6	25,8	24,0	8,1	3,3	0,5	0,2
2010	3,1	10,4	22,0	27,6	24,2	8,4	3,5	0,7	0,1
2011	4,1	11,1	21,9	24,5	23,7	9,7	4,2	0,7	0,1
2012	3,6	10,1	22,0	23,4	25,5	9,9	4,3	1,0	0,2
2013	4,6	10,5	21,4	22,8	24,5	10,7	4,5	0,7	0,3
2014	4,1	10,8	22,0	24,1	24,4	10,1	3,7	0,7	0,1
2015	4,4	10,7	22,4	23,8	23,3	10,9	4,0	0,4	0,1
2016	5,5	13,4	25,5	23,5	21,2	8,1	2,5	0,3	0,0
2017	5,2	13,4	25,5	23,6	21,0	7,5	3,5	0,3	0,0
2018	4,0	11,3	24,1	24,0	22,0	9,5	4,3	0,7	0,1
2019	3,8	11,1	24,0	24,2	22,7	10,0	3,6	0,5	0,1

¹ В таблице представлены ответы респондентов на вопрос: «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой, ступени стоят нищие, а на высшей, девятой – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня вы лично?». В ходе анализа полученных данных респонденты были распределены не только по ступеням, но и по трем иерархическим уровням материального благосостояния.

Более заметными и последовательными в данном случае оказались изменения, произошедшие за последние три года, которые свидетельствуют о значительном улучшении анализируемых оценок. Так, с 2016 по 2019 г. доля респондентов, занимающих три ступени нижнего уровня шкалы материального благосостояния, уменьшилась на 5,5 п.п. — с 44,4 до 38,9%. В то же время доля лиц, занимающих три средние ступени шкалы, увеличилась на 4,1 п.п. — с 52,8 до 56,9%, а в верхнем сегменте был отмечен рост на 1,4 п.п. — с 2,8 до 4,2%.

Данные мониторинга о распределении респондентов на основании самооценок по шкалам материального благосостояния («бедные» — «богатые»), власти («совсем бесправные» — «те, у кого большая власть») и уважения («совсем не уважают» — «очень уважают»), полученные в 2019 г., приведены на рисунке 20.

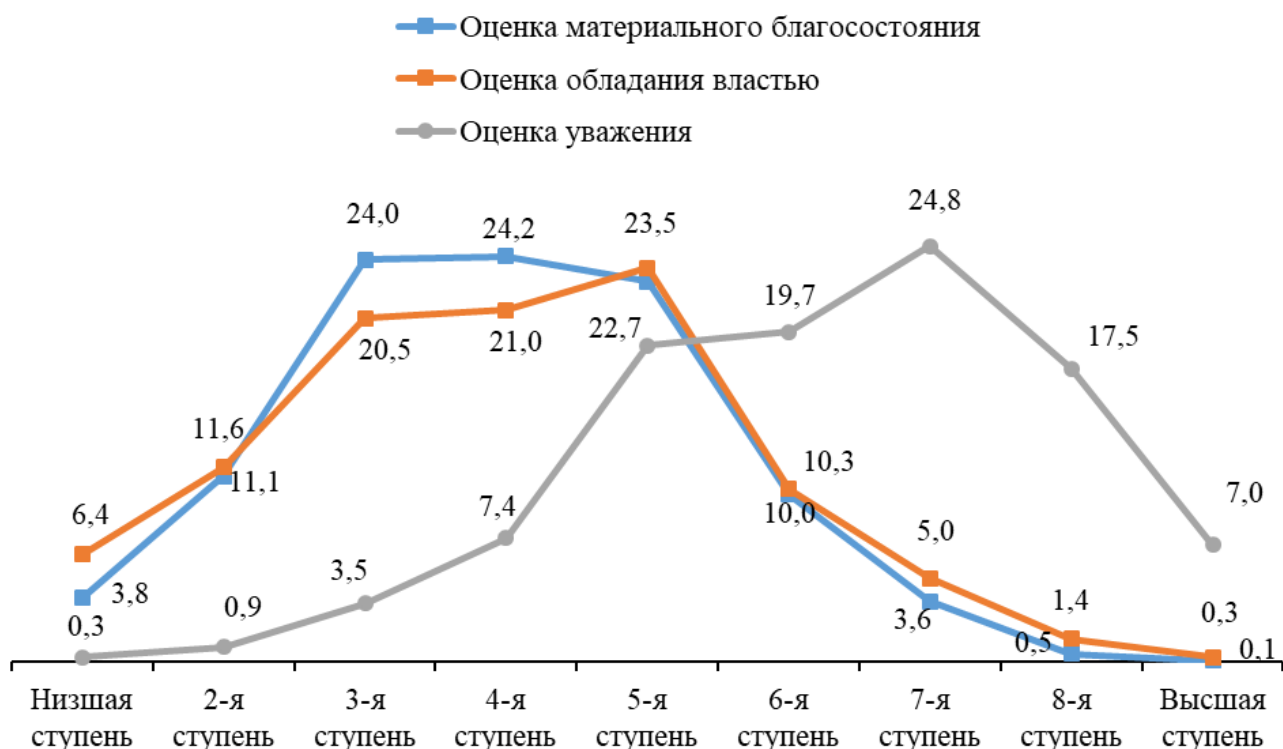

Рис. 20. Распределение респондентов по ступеням шкал материального благосостояния, власти и уважения: текущие самооценки, 2019 г., в % от ответивших

Анализ представленных на этом рисунке данных показывает, что за последний год в рассматриваемой структуре произошли некоторые изменения, но не особенно серьезные. Так, если в 2018 г., респонденты немного чаще относили себя к людям, обладающим минимальной или незначительной властью, чем к бедным и малообеспеченным категориям населения (41,2% против 39,4%), то в 2019 г. здесь наблюдалось практически полное равенство (38,5% против 38,9%).

Как и прежде, наиболее высокими оставались самооценки положения на шкале уважения. Но при этом они стали еще выше, чем в предыдущем году. Так, если в 2018 г. располагали себя на трех верхних ступенях этой шкалы, соответствующих наиболее высокому уровню уважения со стороны окружающих, 47,6% респондентов, то в 2019 г. — уже 49,3%. И это было заметно больше, чем 47% в 2015 г., 43,3% в 2016 г., 44,1% в 2017 г. И всего лишь 4,7% опрошенных (2015 г. — 4,7%; 2016 г. — 7,2%; 2017 г. — 6,4%; 2018 г. — 5,8%) отнесли себя к категории людей, которых посторонние не совсем уважают или почти не уважают.

Об особенностях социального самочувствия россиян свидетельствуют также ответы респондентов на вопрос «Как вы думаете, через 12 месяцев вы и ваша семья будете жить лучше или хуже, чем сегодня?» (табл. 14). Анализ этих данных RLMS-HSE выявил небольшой рост в 2019 г. позитивных ожиданий в обществе. Немного увеличилось число тех респондентов, у которых присутствует убежденность в том, что они все же добьются своего, и уменьшилось число тех, кто не собирается добиваться задуманного или не верит, что сможет реализовать свои жизненные цели.

Так, доля респондентов, полагающих, что через год они и их семьи будут жить намного или немного лучше, чем сегодня, после сокращения с декабря 2017 по декабрь 2018 г. на 1,9 п.п. — с 21,5 до 19,6%, в декабре 2019 г. увеличилась на 2,2 п.п. — до 21,8%, вернувшись на прежний уровень. Уверенность в будущем, в свой способности реализовать жизненные планы выступает для этих людей позитивным фактором восприятия благополучия и во многом определяет уровень их социального самочувствия. В то же время доля респондентов, полагающих, что через 12 месяцев они и их семьи будут жить немного или намного хуже, после небольшого увеличения с декабря 2017 по декабрь 2018 г. на очень скромные 0,4 п.п. — с 12,9 до 13,3%, в декабре 2019 г. с лихвой компенсировала этот рост, уменьшившись до 12%, т. е. на 1,3 п.п.

Таблица 14

Оценка личных и семейных жизненных перспектив, 1994–2019 гг., %

Оценка	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019
Будут жить намного лучше	2,4	1,5	3,0	3,8	3,6	3,1	3,0	4,0	4,1	2,7	1,7	2,1	1,8
Будут жить немного лучше	14,4	9,1	15,7	21,6	20,4	22,1	20,5	24,6	25,6	20,9	18,0	17,5	20,0
Ничего не изменится	34,7	28,3	44,1	46,8	46,0	47,1	41,3	45,3	44,2	40,1	46,5	49,5	49,7
Будут жить немного хуже	20,0	17,7	11,1	8,3	9,7	5,8	8,9	6,9	7,0	12,4	9,7	9,2	7,9
Будут жить намного хуже	20,8	25,7	7,7	3,4	4,0	2,5	4,4	2,5	2,2	5,0	5,7	4,1	4,1
Затруднились ответить	7,7	17,7	18,4	16,1	16,3	19,4	21,9	16,7	16,9	18,9	18,4	17,6	16,5

Но наибольшей, как и прежде, оставалась доля опрошенных россиян, уверенных, что в их жизни ничего не изменится. За два года, с декабря 2016 по декабрь 2018 г., их удельный вес увеличился на 3 п.п. — с 46,5 до максимальных 49,5%, а затем в 2019 г. еще раз — до 49,7%. В целом с декабря 2014 по декабрь 2019 г. доля таких респондентов выросла на весьма увесистые 9,6 п.п. При этом доля опрошенных, затруднившихся определить свои личные или семейные перспективы, за 2014–2019 гг. сократилась с 18,9 до 16,5%, в том числе за последний год — на 1,1 п.п.

Значительную часть этих респондентов составляют люди, которые привыкли с большой долей скептицизма оценивать не только перспективы развития общества, но и свои собственные жизненные перспективы. Постоянная концентрация в течение длительного кризисного периода различных негативных явлений в жизни российского общества вызвала в довольно широких слоях населения

рост социального разочарования. Распространение и углубление пессимистических настроений было стимулировано не только реальным ухудшением условий жизни россиян, снижением уровня благосостояния семей и отдельных граждан, но и возникающим за этим безрадостным образом будущего, ощущением серьезности и масштабности кризисных явлений. По мере укрепления подобных ощущений снизилась уверенность граждан в своей способности противостоять негативным процессам и явлениям, в возможности реализовать свои жизненные цели. Увеличилось количество людей, которые не способны ни убедительно сформулировать свои цели, в полной мере определить их смысл, ни представить или обозначить даже свои самые ближайшие перспективы.

В следующей таблице 15 приведены обобщенные сведения, характеризующие ответы респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы не сможете обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев?». Из них, в частности, видно, что в конце 2019 г. значительное большинство россиян не верили в реальность радужных перспектив. Почти две трети опрошенных россиян, отвечая на поставленный вопрос, указали, что они в большей или меньшей степени обеспокоены отсутствием реальной возможности обеспечить себя в течение ближайшего года самым необходимым для нормальной жизни.

Таблица 15

Обеспокоенность невозможностью обеспечивать себя самым необходимым в ближайшие 12 месяцев, 1994–2019 гг., %

Оценка	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019
Очень беспокоит	53,6	64,0	49,6	41,6	40,1	39,2	37,3	32,4	30,4	33,0	32,9	32,2	31,4
Немного беспокоит	22,1	20,2	22,8	31,0	31,0	31,3	31,5	32,4	34,4	33,5	35,1	35,2	33,1
И да, и нет	7,8	6,3	10,7	9,1	11,1	11,8	11,0	1,8	12,1	11,4	12,9	13,4	13,9
Не очень беспокоит	11,2	6,6	11,4	12,6	12,1	12,3	14,4	16,1	15,5	14,7	12,9	13,5	14,9
Совсем не беспокоит	5,3	2,9	5,5	5,7	5,7	5,4	5,8	7,3	7,6	7,4	6,2	5,7	6,7

Вместе с тем к позитивным тенденциям можно отнести то, что за последний год число таких респондентов заметно сократилось. Так, с декабря 2017 по декабрь 2019 г. доля россиян, в той или иной степени обеспокоенных тем, что не смогут обеспечивать себя самым необходимым в течение ближайших 12 месяцев, уменьшилась на 3,9 п.п. — с 68,4 до 64,5%, в том числе за последний год — на 2,9 п.п. В то же время доля тех, кого не беспокоила или практически не беспокоила эта проблема, после сокращения с декабря 2017 по декабрь 2018 г. на минимальные 0,2 п.п. — с 19,4 до 19,2%, в декабре 2019 г. выросла до 21,6%, т. е. на хорошо заметные 2,4 п.п.

Таким образом, в течение последнего года в социальном самочувствии россиян произошли небольшие, но хорошо заметные позитивные сдвиги. 2019 г. принес людям немало экономических проблем, но в их оценках просматривалось немного больше позитива, чем годом ранее. Несмотря на то, что условия жизни подавляющего большинства семей за прошедший год практически не изменились, увеличилось число граждан, удовлетворенных своей жизнью в целом и отдельными ее сторонами, прежде всего материальной стороной своей жизни. При этом выросло число и таких россиян, которые стали замечать улучшение материального

положения своих семей. Повысились, хотя и ненамного, оценки, характеризующие возможности семей по приобретению таких дорогостоящих товаров и услуг, как семейный отпуск за границей, жилье, легковой автомобиль и т. п. Рост социального оптимизма происходил не только за счет текущих позитивных оценок, но и за счет прогнозов в отношении своей семьи. Россияне стали более оптимистично смотреть в будущее, надеясь на улучшение жизни в течение ближайшего года. При этом для формирования социальных настроений оказались очень важными факторы, тесно связанные не только с контролируруемыми, но и с неконтролируемыми параметрами собственной жизни. Но, несмотря на некоторые позитивные сдвиги, большинство россиян все же были очень сдержаны в своих оценках, не столько надеясь на лучшее, сколько боясь потерять имеющееся.

Проблемы адаптации в сфере занятости и труда

В течение последнего года, наряду с повышением уровня удовлетворенности россиян своей жизнью, снизился градус тревожности по поводу угрозы безработицы. Об этом свидетельствует, в частности, анализ ответов респондентов на вопрос «Насколько вас беспокоит то, что вы можете потерять работу?», который выявил в декабре 2019 г. очередное снижение уровня обеспокоенности занятого населения угрозой потери работы. Как видно из рисунка 21, с декабря 2016 по декабрь 2019 г. доля респондентов из числа занятых, которых очень или немного тревожит угроза потери своего рабочего места, последовательно уменьшилась на 5,4 п.п. — с 65,4 до 60%, в том числе за последний год — на 1,9 п.п. При этом удельный вес респондентов, выражающих крайнюю степень беспокойства возможной потерей рабочего места, за 2016–2019 гг. сократился на 2,8 п.п. — с 31 до 28,2 %.

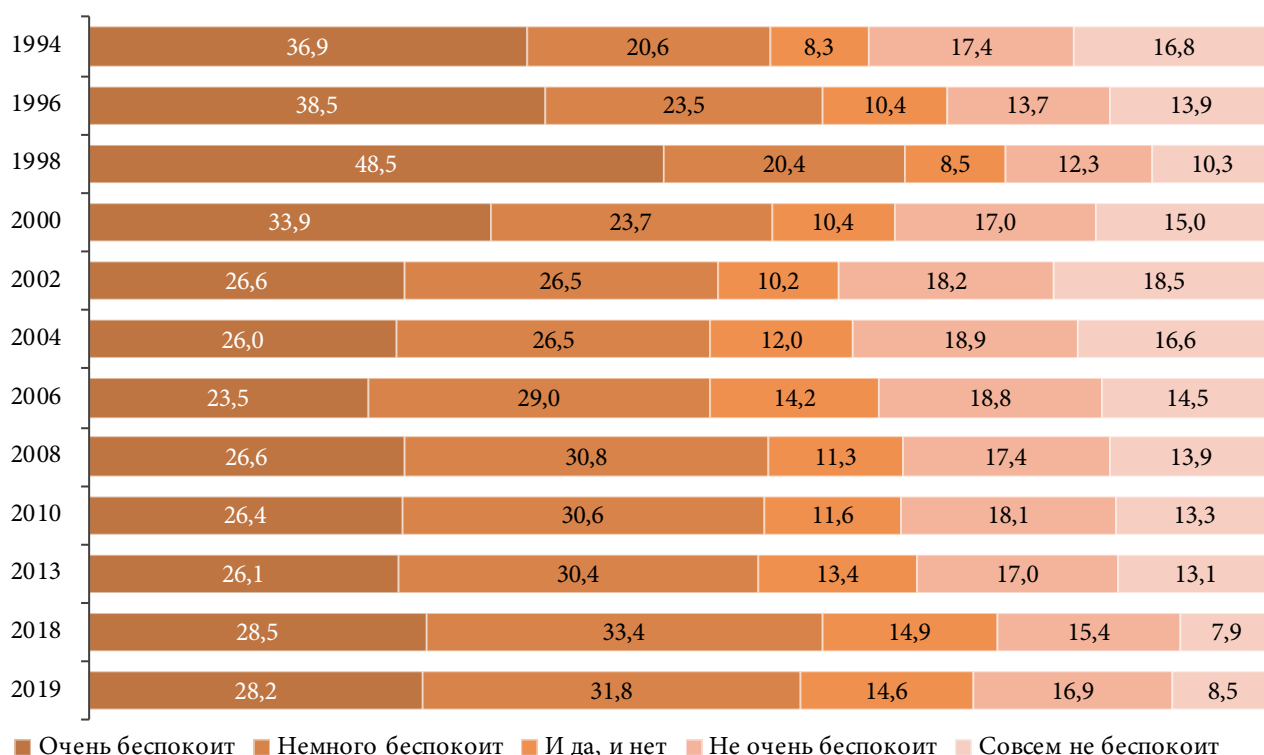

Рис. 21. Обеспокоенность угрозой потери работы, 1994–2019 гг., %

Отмеченное сокращение «тревожного» контингента сопровождалось не менее последовательным ростом доли респондентов, не очень или совсем не обеспокоенных угрозой потери работы, которая за 2016–2019 гг. выросла на 2,6 п.п. — с 21,8 до 25,4%, в том числе за последний год — на 2,1 п.п. Примерно такими же темпами шло увеличение удельного веса респондентов, которые не могли выразить какое-либо определенное мнение, выбрав промежуточный ответ «и да, и нет». Их доля за 2016–2019 гг. увеличилась на 1,8 п.п. — с 12,8 до 14,6%.

На следующем рисунке 22 представлены обобщенные сведения о распределении ответов респондентов на следующий вопрос: «Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, организация, где вы работаете, по каким-то причинам завтра закроется и все работники будут уволены. Насколько вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?».

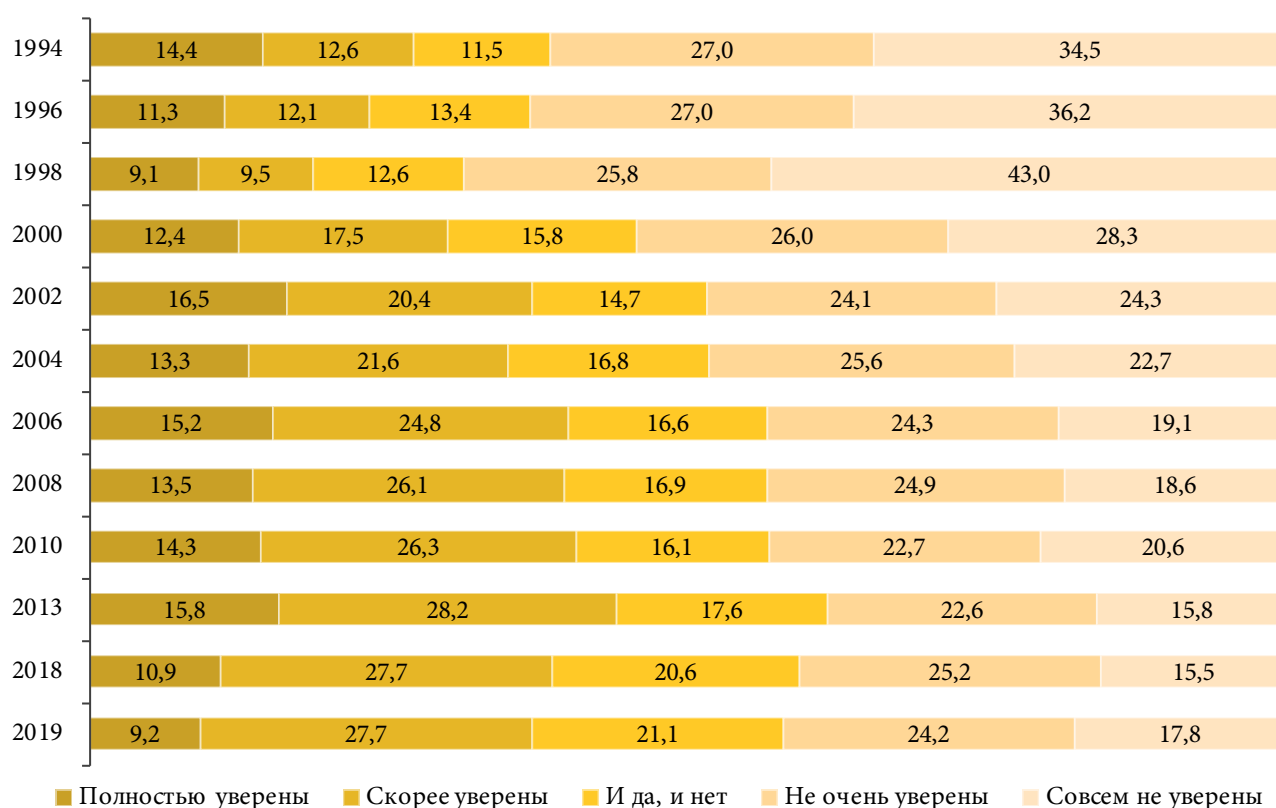

Рис. 22. Степень уверенности в возможности трудоустройства в случае потери работы, 1994–2019 гг., %

В 2019 г. по сравнению с предыдущим годом ситуация на рынке труда практически не изменилась. Но продолжилось сокращение числа граждан, выражающих желание найти работу (в том числе новую или другую), среди респондентов в возрасте 14 лет и старше. Если в 2017 г. по сравнению с 2016 г. доля таких респондентов уменьшилась с 16,9 до 14,5%, то в 2018 г. она снизилась до 13,4%, а в 2019 г. — до 12,7%. При этом доля респондентов, которые затруднялись определиться с ответом в отношении данной проблемы, из года в год составляла около 3–4%. Из тех, кто хотели найти работу, 52% (2018 г. — 50,1%) продолжали трудиться, а у 46,1% (2018 г. — 48%) на момент опроса не было работы. Остальные находились в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком до 3 лет, а также в любом другом оплачиваемом отпуске.

С другой стороны, выясняется, что из числа респондентов, уже имеющих работу, 13,8% хотели бы найти иное, более привлекательное рабочее место. 63,5% этих работников-соискателей не удовлетворены на текущем рабочем месте размером заработной платы, и еще 23,8% ответили на данный вопрос «и да, и нет». Помимо этого, очень многим из них не хватает условий для карьерного роста. На отсутствие возможностей для профессионального роста указали 50,6% работников-соискателей. И еще 22,6% таких работников выбрали ответ «и да, и нет». В условиях огромного дефицита специалистов с современными компетенциями именно квалифицированный персонал имеет больше всего возможностей для того, чтобы сменить работу. Кроме того, 26,2% работников анализируемой категории не устраивают условия труда (37,8% — «и да, и нет»); 25,5% недовольны продолжительностью рабочего дня (26,2% — «и да, и нет»); 29,3% не устраивает соответствие имеющейся работы уровню квалификации (24,9% — «и да, и нет»).

Среди всех желающих найти работу доля тех, кто прилагает для этого реальные усилия, за 2015–2018 гг. сократилась с 29,4 до 24,1%, а в 2019 г. увеличилась до 25,3%. Подавляющее большинство остальных респондентов заявили, что они, несмотря даже на наличие у них желания найти какую-либо или другую, новую, работу, пока не занимаются решением данной проблемы. В 2019 г. так ответили 62,4% (2018 г. — 65,3%) респондентов из числа всех выразивших желание найти работу. И еще 12,3% опрошенных (2018 г. — 10,6%) уклонились от определенного ответа.

Обращает на себя внимание также тот факт, что если с 2015 по 2018 г. доля лиц, которые обращались в целях поиска рабочего места куда-либо или к кому-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу, из числа тех, кто старался найти работу, сократилась с 76 до 63,9%, то в 2019 г. она выросла до 75,8%. Среди этих респондентов доля тех, кто наиболее активно занимался поиском работы, обращаясь куда-либо или к кому-либо в поисках работы в течение последних 7 дней, составляла в 2015 г. 56%, в 2016 г. 60,7%, в 2017 г. 53,6%, в 2018 г. 55% и в 2019 г. 59,3%.

Дальнейший анализ показал, что среди всех респондентов, которые выражали желание найти работу, доля тех, кто обращался в целях поиска рабочего места куда-либо или к кому-либо в течение 30 дней, предшествующих опросу, последовательно, год за годом, сократилась за 2015–2018 гг. с 32 до 24,2%, но в 2019 г. увеличилась до 28,5%. Что касается тех, кто обращался куда-либо или к кому-либо в поисках работы в течение последних 7 дней, то их доля среди всех респондентов, которые выражали желание найти работу, в 2019 г. составила 16,9%.

О том, какие способы поиска работы являются сегодня наиболее популярными, дают представление данные таблицы 16. Они, в частности, показывают, что, как и многими годами ранее, ведущее место среди способов поиска работы принадлежит обращениям за помощью к друзьям, товарищам и знакомым. Причем весомость этого способа остается достаточно стабильной. В 2019 г. к нему прибегали 80,1% респондентов из числа обращавшихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней, что было больше, чем 76,5%, зафиксированных годом ранее. Вместе с тем сопоставление данных всех волн мониторинга убеждает, что уже длительное время этот показатель остается достаточно стабильным, меняясь на протяжении двух десятилетий в довольно узком коридоре значений.

Таблица 16

Распространенность способов поиска работы, 1994–2019 гг., %*

Обращались в поисках работы	1994	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019
В государственные службы занятости	38,2	35,1	26,0	30,5	31,0	24,4	20,4	27,7	19,7	20,0	34,2	24,3	20,2
В негосударственные службы занятости	13,1	15,6	15,9	16,7	13,1	13,4	10,1	9,2	9,8	8,1	12,1	11,2	11,4
К друзьям, знакомым	60,5	75,6	76,5	78,8	76,0	82,9	78,2	81,9	81,3	81,7	79,8	76,5	80,1
К родственникам	29,5	40,6	42,7	37,3	36,5	42,1	39,4	50,0	46,1	50,5	40,6	44,6	49,5
Непосредственно на предприятия	45,0	47,8	52,0	48,9	48,3	50,5	47,7	47,2	45,7	39,7	44,5	49,4	50,1
К рекламным объявлениям	29,6	41,5	41,0	44,2	40,9	51,8	44,2	40,1	33,8	37,9	40,2	39,3	43,1
К рекламным объявлениям в Интернете	–	–	–	–	–	13,1	19,6	32,9	44,8	48,8	53,8	62,6	69,4
В социальные сети	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	29,8

*Доля обращающихся к способам поиска работы оценивается относительно всех лиц, обращающихся куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней.

Еще прочнее закрепился на второй позиции такой способ поиска работы, как обращение к рекламным объявлениям в Интернете, весомость которого с каждым годом растет. В целом с 2006 по 2019 г. доля соискателей, обращавшихся к этому способу, выросла более чем в 5 раз – с 13,1 до 69,4%, в том числе только за последний год на 6,8 п.п. Обретает также популярность, особенно у молодых людей, поиск работы с использованием социальных сетей. Замер, проведенный по данному показателю первый раз в 2019 г., показал, что этим способом сегодня пользуются 29,8% соискателей.

Практически одинаковыми по своей значимости остаются такие способы поиска работы, как обращения непосредственно на предприятия и помощь родственников. В 2019 г. ими пользовались около половины респондентов из числа занятых поиском работы (50,1 и 49,5% соответственно). Немного уступает этим способам поиск рабочего места с помощью традиционных рекламных объявлений – печатных и распространяемых через электронные средства массовой информации. В 2019 г. им пользовались 43,1% кандидатов, что было немного больше, чем 39,3%, зафиксированных годом ранее.

И наконец, на последних позициях, как и прежде, находятся такие способы поиска работы, как обращения в государственные и негосударственные службы занятости. В 2019 г. ими воспользовались 20,2 и 11,4% респондентов соответственно из числа занимавшихся поиском работы в течение последнего месяца.

На рисунках 23–26 представлены данные RLMS-HSE, характеризующие динамику уровня удовлетворенности российских работников работой в целом и частных удовлетворенностей своим трудом за 2002–2019 гг. Вопросы об удовлетворенности работников предприятий и организаций своей работой и отдельными ее сторонами (условиями труда, оплатой труда и возможностями для своего профессионального роста), раскрывающие эмоциональные аспекты отношения к трудовой деятельности, включаются в «Вопросник для взрослых» RLMS-HSE с 2002 г.

Как следует из данных мониторинга, представленных на рисунке 23, в 2019 г. продолжился рост уровня удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей работой в целом.

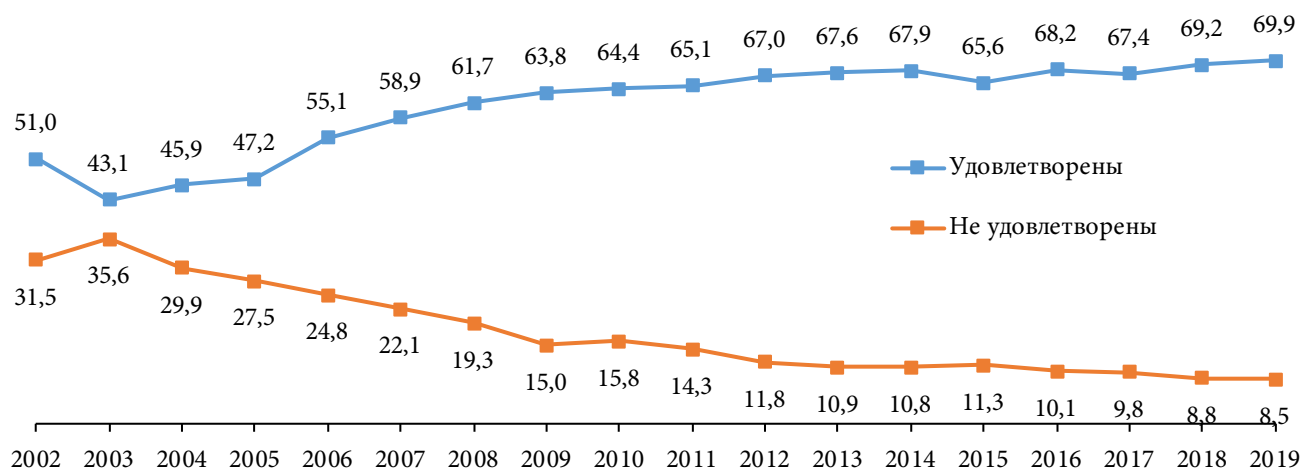

Рис. 23. Удовлетворенность работой в целом, 2002–2019 гг., %

Так, за последний год доля работников, полностью или скорее удовлетворенных своей нынешней работой, увеличилась с 69,2 до 69,9%, тогда как доля скорее или совсем недовольных своей работой уменьшилась с 8,8 до 8,5%. В результате таких изменений в 2019 г. был достигнут самый высокий уровень удовлетворенности российских работников своей работой в целом, начиная с 2002 г. В 2019 г. доля респондентов, удовлетворенных своей трудовой деятельностью, в 8,3 раза превышала долю тех, кто был недоволен своей работой.

В 2019 г. выявлен также рост удовлетворенности работников различными сторонами труда, за исключением удовлетворенности заработной платой. Так, как видно из рисунка 24, в 2019 г. по сравнению с 2018 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных условиями труда, выросла с 67,4 до максимальных 69,5%, тогда как доля лиц, скорее или совсем неудовлетворенных условиями труда, уменьшилась с 10,1 до 9,7%, т. е. до нового минимума.

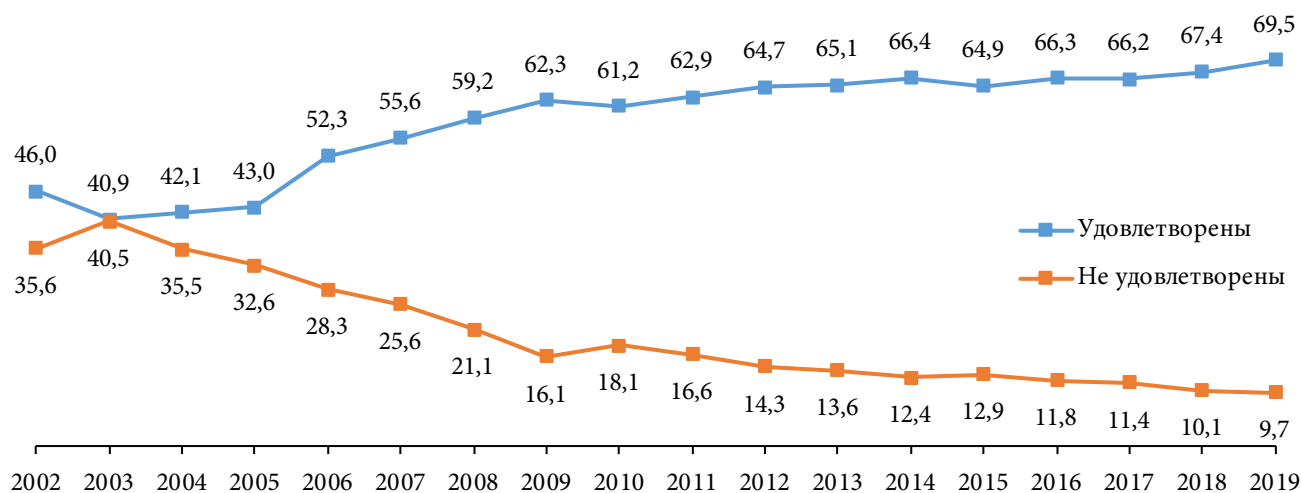

Рис. 24. Удовлетворенность условиями труда, 2002–2019 гг., %

Разрыв между группами, объединяющими работников предприятий и организаций, в большей или меньшей степени удовлетворенных и не удовлетворенных условиями своего труда за последний год, вырос с 6,8 до 7,4 раза, значительно превзойдя прежний максимум.

Анализ данных RLMS-HSE, представленных на рисунке 25, показал, что одной из главных претензий россиян к их текущему месту работы остается недостаточный уровень зарплаты.

Только немногим более трети опрошенных работников удовлетворены размером своего заработка, тогда как другая треть выражает явное недовольство оплатой своего труда, а остальные или дают невнятный ответ «и да, и нет», или вообще не могут определиться с ответом. За последний год доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных оплатой своего труда, немного сократились – с 38,1 до 36,1%, в то время как доля скорее или совсем недовольных уровнем заработка немного подросла – с 35,4 до 36,1%. В связи с этим следует также отметить, что в России медианная зарплата почти в полтора раза меньше, чем средняя. Если исходить из того, что в 2019 г. средний показатель немного превышал 40 тыс. руб. в месяц, то медиана находилась около отметки 30 тыс. руб. Это значит, что половина работников получала заработную плату ниже 30 тыс. руб. в месяц.

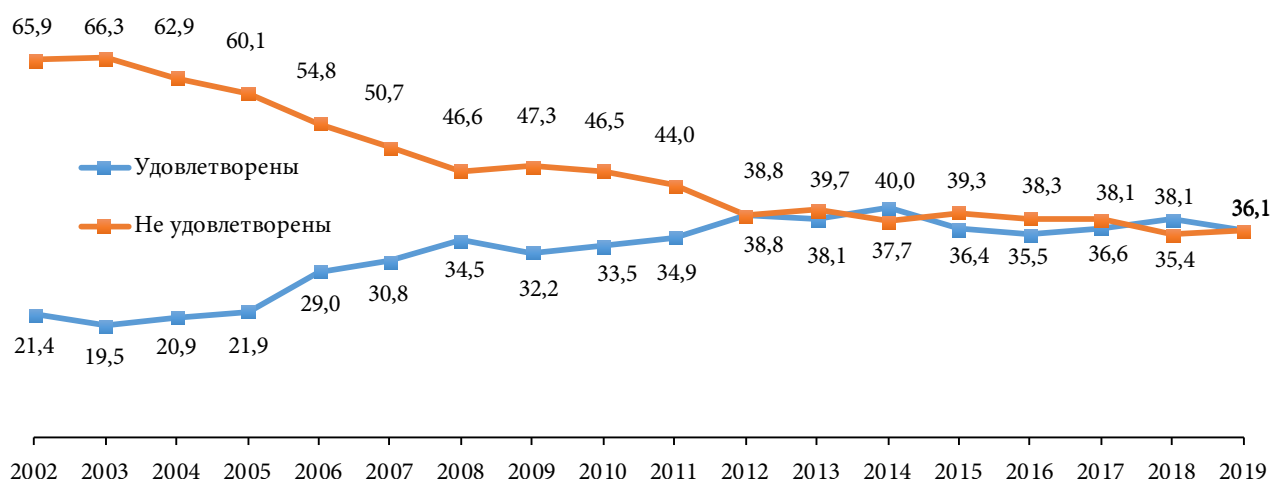

Рис. 25. Удовлетворенность оплатой труда, 2002–2019 гг., %

Низкие заработки в совокупности с постоянным ростом цен вынуждают многие семьи сокращать свои расходы и экономить даже на самом необходимом. Особенно тяжело в условиях кризиса приходится бедным и малообеспеченным семьям, которые экономят не только на продуктах питания, но и на бытовой химии, одежде и других товарах, так как им в первую очередь необходимо оплатить услуги жилищно-коммунального хозяйства и взятые ранее кредиты.

На рисунке 26 представлены данные мониторинга за 2003–2019 гг., раскрывающие основные тенденции, характеризующие изменения в уровне удовлетворенности работников предприятий и организаций возможностями для профессионального роста.

Анализ данных рисунка 26 показывает, что уровень удовлетворенности работников этой стороной своего труда на протяжении всех лет исследования менялся довольно хаотично. Но при этом в 2019 г. был выявлен его существенный рост, о чем свидетельствует значительное увеличение доли респондентов,

полностью или скорее удовлетворенных возможностями для профессионального роста, — с 49,8 до 53,5 %, т. е. на 3,7 п.п. При этом доля работников, недовольных условиями для профессионального роста, сократилась с 23 до 22,7%.

Рис. 26. Удовлетворенность возможностями профессионального роста, 2002–2019 гг., %

В 2019 г. был осуществлен также повторный замер (после первого измерения в 2009 г.) уровня удовлетворенности работников российских предприятий и организаций такими сторонами труда, как продолжительность рабочего дня, соответствие имеющейся работы уровню профессиональной квалификации, график работы. Кроме того, впервые был задан вопрос об удовлетворенности работников соотношением между временем, которое они тратят на работу, и временем, которое занимают другие стороны жизни работника.

Анализ полученных данных показал, что за прошедшие десять лет уровень удовлетворенности работников указанными сторонами своего труда практически не изменился или изменился немного в лучшую сторону. Так, за 2009–2019 гг. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных продолжительностью рабочего дня, увеличилась с 68,3 до 69,7%, тогда как доля в большей или меньшей степени недовольных этой стороной труда сократилась с 14 до 10,8%. При этом доля полностью удовлетворенных продолжительностью рабочего дня увеличилась с 15,7 до 16,4%, а доля полностью недовольных сократилась с 3 до 2,5%.

Что касается соответствия имеющейся работы уровню квалификации, то доля полностью или скорее удовлетворенных этой стороной труда за последние десять лет выросла с 65 до 70,2%, в том числе полностью удовлетворенных — с 14,8 до 16,7%. В то же время доля тех, кого скорее или совсем не устраивает соответствие своей работы достигнутому уровню квалификации, сократилась с 16,1 до 10,8%, в том числе совсем не удовлетворенных — с 4,9 до 2,9%. Практически не изменился за 2009–2019 гг. уровень удовлетворенности работников графиком своей работы. Здесь доля полностью или скорее удовлетворенных уменьшилась с 72,9 до 72,5%, т. е. на мало различимые 0,4 п.п., а доля скорее или совсем недовольных тоже сократилась — с 11 до 8,6%.

И наконец, в 2019 г. были удовлетворены соотношением между временем, которое они тратят на работу, и временем, которое занимают другие стороны жизни, 62,2% опрошенных работников, в том числе полностью удовлетворены — 13,1%. В то же время выразили недовольство этим соотношением 13,7% респондентов анализируемой категории, в том числе наибольшую степень недовольства — 3,4%.

Особенности обращения россиян к различным формам личного или семейного рыночного приспособления, которые основаны на собственном производстве и использовании личных материальных ресурсов, иллюстрируют сведения RLMS-HSE за 2000–2019 гг., представленные в таблице 17.

Таблица 17

Некоторые формы рыночного поведения, 2000–2019 гг., %

Формы рыночного поведения	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014	2016	2018	2019
Работали на дополнительной работе	8,6	10,1	10,0	9,3	6,3	6,4	6,3	7,5	6,7	4,9	4,6
Выращивали что-то на своем участке на продажу или на обмен	8,6	7,1	6,8	6,2	4,4	4,1	3,6	4,1	4,8	2,8	2,3
Разводили скот, птицу, рыбу на продажу	7,8	6,1	6,6	5,8	5,2	4,5	4,0	4,1	3,1	2,8	2,1
Оказывали услуги за плату	4,1	5,8	4,4	5,0	4,7	5,2	5,4	4,1	2,6	2,8	4,0
Охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу	–	–	–	–	–	–	–	1,0	1,4	1,0	0,8
Помещали в банк деньги, давали деньги в займы под проценты	1,2	0,9	1,0	1,4	1,2	1,6	1,5	1,3	1,5	1,3	1,2
Сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль	0,6	1,4	1,0	0,8	0,6	0,7	0,8	0,7	0,7	0,8	0,7

Представленные в таблице 17 данные показывают, что сегодня россияне не выбирают какую-то одну стратегию социально-экономической адаптации в кризисной ситуации. Среди них есть не только те, кто экономят, но и те, кто обращаются к дополнительным заработкам. Как показывают разные исследования, последних обычно больше среди более обеспеченных россиян¹. И наоборот, те, кому не хватает на еду и самые необходимые товары, предпочитают ограничиваться в тратах. Возможно, потому что не видят шансов на дополнительный заработок. Характерно, что данные мониторинга указывают на постоянное сокращение числа россиян, занятых на дополнительной работе. За последний год их доля уменьшилась с 4,9 до 4,6%, установив тем самым новый минимум.

Обращает на себя внимание также очередное сокращение удельного веса россиян, занимающихся выращиванием чего-либо (фрукты, овощи, ягоды и др.), а также разведением скота, птицы, рыбы не для личного потребления, а на продажу или обмен. За последний год их доли сократились с 2,8 до 2,3% и с 2,8 до 2,1% соответственно. В целом начиная с 2000 г. удельный вес таких респондентов сократился в 3,7 раза.

Исследование также показало, что в последние годы россияне не стали чаще заниматься охотой и собирательством, помещать деньги в банки, сдавать внаем квартиру, комнату или какое-то имущество, чтобы поправить свое материальное положение. В 2019 г. менее 1% опрошенных россиян охотились или собирали грибы, ягоды, травы и т. п. на продажу, 1,2% помещали в банк деньги, давали деньги в займы под проценты и всего лишь 0,7% сдавали внаем квартиру, комнату, гараж, автомобиль или другое имущество.

¹ Бедность и бедные в современной России / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2014. С. 74.

Единственной сферой, где был выявлен рост, стало оказание другим людям платных услуг. В 2019 г. по сравнению с 2018 г. доля респондентов, оказывающих такие услуги, выросла с 2,8 до 4%, возвратившись к показателям, которые постоянно фиксировались до 2016 г.

Таким образом, в 2019 г. большинство россиян, признавая наличие значительных проблем в экономике, были обеспокоены не только такими проявлениями экономического кризиса, как рост цен, но и низкой заработной платой, угрозой безработицы, обусловленной сокращением персонала и другими причинами, недостаточными возможностями трудоустройства на высокооплачиваемую, престижную работу. Вместе с тем сложившиеся к концу года предпосылки для улучшения экономической ситуации и ускорения темпов роста российской экономики явились хорошей основой для развития ряда позитивных тенденций. Наряду с повышением уровня удовлетворенности россиян своей жизнью немного снизился уровень тревожности по поводу угрозы безработицы. Дальнейшее развитие получили ряд позитивных тенденций, наблюдавшихся ранее на рынке труда, люди стали меньше задумываться о поиске новой, более привлекательной работы. Продолжился рост уровня удовлетворенности работников российских предприятий и организаций своей работой в целом и отдельными ее сторонами, за исключением удовлетворенности размером оплаты труда.

* * *

В 2019 г. российская экономика продолжала испытывать заметно возросшие за последние годы трудности. Негативное влияние на ее развитие оказывали существенное замедление темпов роста мировой экономики, падение цен на сырьевые товары, финансовый кризис в странах с формирующимися рынками, расширение и ужесточение торговых войн, усиление санкционного давления на Россию со стороны западных стран. О трудностях экономического развития свидетельствовали предсказуемо вялый рост промышленного производства, ускорение инфляции, увеличение налоговой и иной нагрузки, что заставляло работодателей снижать издержки на фоне стагнирующего потребительского спроса. Очень трудно было найти сферы экономики, которые могли бы чувствовать себя спокойно и уверенно. В таких непростых экономических условиях стало гораздо сложнее реализовывать планы, направленные на достижение важнейших национальных целей, связанных с повышением уровня жизни населения.

В 2019 г. никаких серьезных изменений в сторону повышения доходов населения, способных заметно повысить уровень жизни россиян, не произошло. В декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. средние реальные доходы домохозяйств выросли на 6%, что было даже немного меньше, чем 6,9% годом ранее. При этом совокупный месячный доход домохозяйств от заработной платы — основного драйвера роста доходов семей, демонстрировал повышение четвертый год подряд. За последний год он вырос на 8,6%, тогда как годом ранее этот рост составил 8,3%. В декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. доход домохозяйств от работы на предприятиях государственного сектора увеличился на 6,3%; от работы на частных предприятиях — на 10,1%; от работы на предприятиях смешанной формы собственности — на 12,6%. В декабре 2019 г. рост государственных трансфертных

платежей составил 7% против 6,1% в декабре 2018 г. Денежный доход от домашнего производства и неформального сектора, после роста годом ранее на 2,9%, в декабре 2019 г. увеличился еще на 2,5%. Натуральный доход домохозяйств от домашнего производства и неформального сектора, после роста в предыдущем году более чем на треть, в декабре 2019 г. сократился на четверть. Помощь от родственников и благотворительная помощь резко снизилась на 10%, тогда как до этого три года подряд она только росла.

Доля дохода домохозяйств от государственных трансфертов, после сокращения за 2017–2018 гг. с 42 до 40,7%, в декабре 2019 г. увеличилась до 41,1%. В то же время доля дохода от заработной платы за последний год увеличилась с 40,7 до 41,5%. При этом доля дохода домохозяйств от работы на госпредприятиях уменьшилась с 21,3 до 20,9%, тогда как доля дохода от работы на частных предприятиях, наоборот, увеличилась с 22,8 до 23,7%. В декабре 2019 г. по сравнению с декабрем 2018 г. выявлено едва заметное увеличение доли денежного дохода от домашнего производства и неформального сектора с 4,3 до 4,4% и сокращение доли аналогичного натурального дохода с 2,3 до 2%. Доля дохода от помощи родственников и благотворительной помощи, после сокращения в предыдущем году с 5,8 до 5,6%, в декабре 2019 г. вновь уменьшилась до 5%. В конце 2019 г. совокупная доля дохода домохозяйств от государственных или смешанных государственно-частных источников, включая государственные трансферты и заработные платы, составила 64,4%.

Довольно стабильной в последние годы остается доля домохозяйств с доходом от заработной платы, которая уменьшилась с 64,3% в 2017–2018 гг. до 64% в 2019 г. При этом доля домохозяйств, получающих доход от работы на предприятиях частного сектора, увеличилась с 36,8% до 37,9%, тогда как доля домохозяйств, имеющих доход от работы на госпредприятиях, сократилась с 38,3 до 37,4%. В результате доля домохозяйств с доходом от работы на частных предприятиях впервые превысила долю домохозяйств с доходом от работы на предприятиях госсектора. Удельный вес домохозяйств, имеющих натуральный доход от домашнего производства и неформального сектора, после увеличения с 37,9% в 2017 г. до 38% в 2018 г., в 2019 г. вновь увеличился до 38,6%. Одновременно доля домохозяйств, располагающих аналогичным денежным доходом, после уменьшения с 14,7% в 2017 г. до 13,8% в 2018 г., в 2019 г. опять уменьшилась до 13,5%. Значительным является сокращение удельного веса домохозяйств, получающих помощь со стороны родственников и различных источников благотворительной помощи, — с 26,5% в 2017–2018 гг. до 23,4% в 2019 г.

Показатели дифференциации доходов населения в России в прошедшем году изменились незначительно. Небольшой опережающий рост доходов у наименее обеспеченных домохозяйств привел к очередному, но очень малому сокращению материального неравенства по данному показателю. В декабре 2019 г. средняя сумма месячного дохода двадцати процентов наиболее обеспеченных домохозяйств в 2,6 раза превышала среднюю сумму месячного дохода двадцати процентов наименее обеспеченных, что было лишь немного меньше 2,7 раза, зафиксированных годом ранее, и 2,9 раза, выявленных в 2014–2017 гг. Ранее в течение 1998–2013 гг. данный разрыв сократился почти вдвое — с 7,5 до 4 раз. К низкодоходной группе относятся не только бедные, но и те, кто балансирует на грани бедности. При этом чаще всего сталкиваются с риском бедности неполные и многодетные семьи, семьи,

где есть инвалиды, одинокие пенсионеры и люди, которые не могут найти работу, обеспечивающую достойный заработок, потому что у них низкая квалификация или там, где они живут, просто нет такой работы. А наиболее высоким стандартом жизни отличаются представители высокодоходной группы, которые могут выбирать, как расходовать средства, а также формировать «подушку безопасности».

Несмотря на сравнительно медленные темпы роста доходов населения, 2019 г. характеризовался некоторым ростом потребительской активности россиян, поддержанный в начале года ростом объемов потребительского кредитования, а затем и повышением реальных доходов. Рост активности на потребительском рынке особенно наглядно прослеживался в увеличении удельного веса домохозяйств, осуществлявших расходы на крупные покупки. Но при этом большинство семей продолжали придерживаться стратегии жесткой экономии и сдерживания расходов. В целом ежемесячные расходы обследованных домохозяйств на приобретение продуктов питания и непродовольственных товаров, после приостановки роста в 2017 г. и небольшого сокращения в 2018 г. на 1,1%, в 2019 г. выросли на 3,6%. При этом расходы на продукты питания, после многолетнего роста, в том числе в 2018 г. по сравнению с 2017 г. на 3,2%, в 2019 г. вновь увеличились, но всего лишь на 0,7%. В то же время ежемесячные расходы домохозяйств на непродовольственные товары, вслед за сокращением в 2017 г. на 3,2% и в 2018 г. еще на 3,3%, в 2019 г. показали значительный восстановительный рост на 5,1%.

Несмотря на некоторые колебания, структура расходов домохозяйств после 2014 г. остается неизменной. Доля расходов обследованных домохозяйств на продукты питания уменьшилась с 41,5% в 2015 г. до 40,1% в 2017 г., но в 2018 г. она немного увеличилась до 40,8%, а в 2019 г. практически не изменилась, сократившись до 40,7%. Как и прежде, покупка продовольственных товаров остается самой главной статьей расходов большинства российских семей. Высокие расходы на продовольствие сокращают возможности семей по приобретению других товаров и услуг. При этом структура расходов домохозяйств на продовольствие во многом напоминает структуру, характерную для 1990-х годов, когда россияне испытывали огромные материальные трудности. Ситуацию с расходами населения ухудшали опережающий рост цен на ряд важных продуктов питания, в наибольшей степени затрагивающий группы с низкими доходами, а также недостаточность мер по социальной поддержке бедных семей. Население в целом не стало свободнее в расходах. Некоторые стали наращивать объем свободных денег, остающихся после трат на еду и обязательных платежей. В ситуации медленного роста или стагнации доходов они сокращали даже самые необходимые расходы, чтобы отложить что-то на черный день. Другие боялись остаться без работы и создавали «подушку безопасности» на всякий случай.

Исследование выявило дальнейшее снижение дифференциации домохозяйств по уровню расходов. Если накануне последнего кризиса в 2012–2013 гг. наиболее состоятельные двадцать процентов домохозяйств тратили на продукты питания и непродовольственные товары в 7,5 раза больше, чем наименее состоятельные двадцать процентов, то к концу 2019 г. эта разница сократилась до 4,7 раза. Как и годом ранее, снижение дифференциации домохозяйств по уровню общих расходов на все виды продуктов и непродовольственных товаров происходило за счет опережающего роста расходов наименее платежеспособных домохозяйств.

За последний год разрыв в величине расходов на продукты питания между домохозяйствами полярных квинтилей сократился с 2,3 до 2,2 раза. Но при этом доля расходов на продукты питания в общих расходах на продукты питания и непродовольственные товары у домохозяйств наименее состоятельного квинтиля была в 2,3 раза больше, чем у домохозяйств наиболее состоятельного квинтиля, — 49,5% против 21,9%. После длительного периода сокращения разница в расходах на непродовольственные товары между домохозяйствами полярных квинтилей за последний год увеличилась с 7 до 7,2 раза.

Уровень безработицы среди экономически активного населения, после снижения в течение ряда предыдущих лет, в 2019 г. по сравнению с 2018 г. вырос с 3,2 до 3,6%. При этом уровень безработицы среди мужчин за последний год увеличился с 3,2 до 3,3%, тогда как среди женщин — с 3,3 до 4%. Структура безработицы претерпела заметные изменения в сторону сокращения ее длительности. Если в 2010 г. уровень безработицы длительностью более трех месяцев составлял 70,7%, то к концу 2019 г. он упал до 58,4%. Причем самое большое падение, на 9,5 п.п., пришлось на 2019 г. В то же время доля среднесрочной безработицы, длительностью от одного до трех месяцев, за 2010–2019 гг. увеличилась с 19,7 до 27,4%, в том числе за последний год на 6,6 п.п. Краткосрочная безработица, длительностью менее месяца, за эти годы увеличилась с 9,6 до 14,2%. Почти половина этого роста пришлась на последний год.

Данные мониторинга свидетельствуют об остановке в 2019 г. сокращения коэффициента участия в рабочей силе, которое наблюдалось в течение последних нескольких лет. После падения в 2018 г. по сравнению с 2017 г. с 81,9 до 81%, в 2019 г. данный показатель увеличился до 81,5%. Если в конце 2018 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года коэффициент участия в рабочей силе женщин уменьшился с 78,5 до 77,7%, то в конце 2019 г. он вернулся на прежний уровень — до 78,6%. У мужчин данный показатель, после уменьшения в 2018 г. по сравнению с 2017 г. с 85 до 84,1%, в конце 2019 г. не изменился. Уровень занятости у мужчин и женщин, получающих пенсию, после одновременного снижения в 2018 г. так же синхронно увеличился в следующем году. За последний год доля занятых среди мужчин-пенсионеров увеличилась с 19,7 до 19,9%, тогда как среди женщин-пенсионеров — с 24 до 24,6%. Эти изменения привели к некоторому увеличению преобладания женщин-пенсионеров над мужчинами-пенсионерами по уровню занятости.

За 2019 г. доля работников, не полностью получивших зарплату, сократилась — с 1,2 до 1,1%, тогда как средняя сумма задолженности по зарплате выросла на 4,9%, что было гораздо меньше, чем 9,6% в конце 2017 г. и 19,6% в конце 2018 г. Как и всегда ранее, женщинам заработная плата задерживалась реже и на меньшие суммы, чем мужчинам. В 2019 г. подавляющему большинству таких работников, составляющему 66,8%, заработная плата задерживалась на 1 месяц и менее. Кроме того, на 1–2 месяца зарплата задерживалась 12,7% работникам; на 2–3 месяца — 9,8%; более 3 месяцев — 10,6% работникам. С 2016 по 2018 г. доля лиц, не полностью получивших заработную плату на основном месте работы, среди мужчин уменьшилась с 3,1 до 1,2%, но в 2019 г. она увеличилась до 1,4%. Доля среди женщин уменьшилась с 2,1% в 2016 г. до 1,1% в 2018 г. и затем до 0,8% в 2019 г.

Как и прежде, мужчины трудоспособного возраста превосходили женщин аналогичного возраста как по доле получающих какой-либо доход от трудовой деятельности, так и по величине среднего размера получаемого дохода от трудовой деятельности, несмотря на высокий уровень образования женщин и их лидерство в отдельных областях. Однако за последний год это преобладание по доле получающих доход от трудовой деятельности немного сократилось, составив 79,4% против 72,3%. Уже длительное время женщины получают в среднем примерно на четверть меньше, чем мужчины. В 2019 г. средний размер дохода от трудовой деятельности, получаемого занятыми женщинами трудоспособного возраста, составил 75,2% от среднего размера дохода занятых мужчин аналогичного возраста, что было немного больше, чем 73,9% годом ранее. В конце года показатели соотношения доходов, получаемых мужчинами и женщинами от трудовой деятельности на частных и на государственных предприятиях, выровнялись, составив около 74%.

За 2019 г. доля домохозяйств, имеющих задолженность по квартплате и/или оплате коммунальных услуг, после сокращения в течение 2015–2018 гг. с 8,4 до 6,2%, не изменилась. Но, несмотря на это, долговая нагрузка на должников существенно выросла, о чем свидетельствует рост в 2019 г. средней суммы задолженности домохозяйств по квартплате и/или оплате коммунальных услуг на 43%. Выявлен очередной рост средней суммы месячной платы домохозяйств за жилье и коммунальные услуги. В декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. она увеличилась на 2,7%, тогда как в конце 2019 г. — на 19,3%. В результате был достигнут новый максимум анализируемого показателя за все время наблюдений, а темпы его роста были намного выше, чем в предыдущем году. Самые большие расходы на оплату жилья и/или коммунальных услуг несли домохозяйства во главе с мужчинами трудоспособного возраста, но средняя сумма задолженности самой высокой была у домохозяйств во главе с женщинами трудоспособного возраста. При этом наименьшими были эти расходы и задолженности у домохозяйств, возглавляемых мужчинами пенсионного возраста.

Если 2018 г. не стал периодом существенного улучшения социального самочувствия россиян, то в декабре 2019 г. многие показатели, характеризующие социальные настроения российских граждан, продемонстрировали позитивную динамику. Улучшение настроений прослеживалось довольно четко и носило восстановительный характер. С декабря 2017 по декабрь 2018 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени удовлетворенных своей жизнью в целом, уменьшилась с 51,1 до 49,6%, но к концу 2019 г. она увеличилась до 52%. При этом доля недовольных своей жизнью с декабря 2017 по декабрь 2018 г. увеличилась с 24,2 до 24,7%, тогда как к концу 2019 г. она уменьшилась до 23,2%. В результате этих изменений «позитивный» контингент стал превосходить по своей численности «негативный» более чем в 2,2 раза. И в то же время очень многих россиян, как и прежде, беспокоили такие проблемы, как постоянный рост цен, бедность и обнищание населения, коррупция и взяточничество, глубокое социальное неравенство, несправедливое распределение доходов, экономический кризис.

К концу года увеличилось число россиян, которые в той или иной мере адаптировались к накопившимся экономическим трудностям и почувствовали определенное улучшение своего материального положения. Если в декабре 2018 г. по сравнению с декабрем 2017 г. доля респондентов, в большей или меньшей сте-

пени удовлетворенных своим материальным положением, уменьшилась с 23,2 до 20,9%, то в конце 2019 г. она выросла до 22,6%. В то же время доля тех, кто был не удовлетворен материальной стороной своей жизни, после увеличения с 57,1 до 57,9% в 2018 г. в декабре 2019 г. упала до 56,9%. В результате превышение числа неудовлетворенных своим материальным положением над удовлетворенными сократилось за год с 2,8 до 2,5 раза. Кроме того, за 2019 г. увеличилась доля заметивших улучшение материального положения своих семей в прошедшем году с 16,9 до 18,5%, а также тех, кто оценивал ситуацию сдержанно, не видя каких-либо изменений в материальной стороне жизни своих семей, — с 59,2 до 60,5%. Это увеличение произошло за счет сокращения доли лиц, заметивших ухудшение материального положения собственных семей, — с 23,9 до 21,1%.

Об улучшении социального самочувствия россиян свидетельствует также хотя и небольшое, но все же повышение позитивных ожиданий в обществе. Доля респондентов, которые смотрели в будущее с оптимизмом, полагая, что через год они и их семьи будут жить намного или немного лучше, чем сегодня, после сокращения с 21,5% в декабре 2017 г. до 19,6% в декабре 2018 г., в декабре 2019 г. увеличилась до 21,8%. В то же время доля респондентов, убежденных в обратном, после предыдущего увеличения с 12,9 до 13,3%, в декабре 2019 г. упала до 12%. Среди последних было много тех, кто опасался резкого скачка цен, потери рабочего места или снижения заработной платы. Но наибольшей, как и прежде, оставалась доля респондентов, уверенных, что в их жизни ничего не изменится, — 49,7% против 49,5% годом ранее. Характерно также, что с декабря 2018 по декабрь 2019 г. доля респондентов, в большей или меньшей степени обеспокоенных тем, что они не смогут обеспечивать себя самым необходимым в течение ближайшего года, уменьшилась с 67,4 до 64,5%, оставаясь, однако, очень высокой. Неопределенность и накопившиеся трудности порождают у многих россиян неуверенность в собственных силах, вызывают рост тревоги, беспокойства и не располагают к осмысленному планированию своей жизни. Люди, постоянно проживающие в крайне стесненных материальных условиях, заняты главным образом решением текущих проблем и даже не пытаются задумываться над тем, что их может ждать в будущем.

Одновременно с повышением уровня удовлетворенности россиян своей жизнью в целом и отдельными ее сторонами продолжилось, отмеченное годом ранее, снижение степени тревожности работающих по поводу угрозы безработицы. С декабря 2017 по декабрь 2018 г. доля респондентов из числа занятых, которые были в большей или меньшей степени обеспокоены угрозой потери работы, уменьшилась с 63 до 61,9% и далее в декабре 2019 г. — до 60%. При этом доля тех, кто не был обеспокоен этой проблемой, уменьшилась с 24% в декабре 2017 г. до 23,3% в декабре 2018 г., но в декабре 2019 г. она увеличилась до 25,4%. Вместе с тем в 2019 г. мнения россиян по поводу возможности нового трудоустройства в случае потери рабочего места не стали оптимистичнее, как это было в предыдущем году. Так, если с декабря 2017 по декабрь 2018 г. доля респондентов, уверенных в том, что им удастся найти работу не хуже прежней, если это потребует, увеличилась с 38,5 до 38,6%, то в декабре 2019 г. она уменьшилась до 36,9%. И одновременно увеличилась, после предыдущего сокращения с 42,6 до 40,7%, доля лиц, неуверенных в этом, — до 42%. Все это еще раз убеждает, что проблема рынка труда в России

заключается не столько в отсутствии работы, сколько в качестве существующих рабочих мест. В связи с этим обращает на себя внимание и тот факт, что медианная зарплата в России почти в полтора раза меньше средней.

Как и ранее, наиболее распространенным способом поиска работы остаются обращения за помощью к друзьям и знакомым, к такому способу в 2019 г. прибегли свыше 80% соискателей. На второй позиции еще прочнее закрепились обращения соискателей к рекламным объявлениям в Интернете. Доля использующих этот способ, ежегодно увеличиваясь, стремительно выросла с 13,1% в 2006 г. до 69,6% в 2019 г. Практически одинаковыми по своей значимости остаются такие способы поиска работы, как обращения непосредственно на предприятия и за помощью к родственникам (50,1 и 49,5% соответственно). Несколько увеличилась за последний год значимость поиска работы с помощью традиционных рекламных объявлений (с 39,3 до 43,1%); 29,8% респондентов пытались найти работу используя социальные сети. И наконец, наименее популярными остаются обращения в государственные и негосударственные службы занятости. В 2019 г. ими воспользовались 20,2 и 11,4% соискателей соответственно.

Исследование выявило дальнейшее повышение уровня удовлетворенности занятых своей работой в целом и отдельными ее сторонами. Так, в 2019 г. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных своей работой в целом, после роста годом ранее с 67,4 до 69,2%, вновь выросла до 69,9%. Также в этом году отмечен рост удовлетворенности работников условиями труда (с 67,4 до 69,5%) и возможностями профессионального роста (с 49,8 до 53,5%). Но в то же время большое недовольство у работников вызывает низкий уровень заработной платы. За 2019 г. доля полностью или скорее удовлетворенных оплатой своего труда сократилась с 38,1 до 36,1%, в то время как доля скорее или совсем не довольных уровнем заработка увеличилась с 35,4 до 36,1%. За 2009–2019 гг. доля респондентов, полностью или скорее удовлетворенных продолжительностью рабочего дня, увеличилась с 68,3 до 69,7%, уровнем квалификации — с 65 до 70,2%. В то же время доля удовлетворенных графиком работы за эти десять лет практически не изменилась (72,9% против 72,5% соответственно). В 2019 г. были удовлетворены соотношением между временем, которое они тратят на работу, и временем, которое занимают другие стороны жизни, 62,2% респондентов.

Список литературы

Бедность и бедные в современной России / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2014. 304 с.

Динамика доходов населения. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Вып. 58. Февраль 2020 г. / Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

Динамика потребительских цен: итоги 2019 года. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Вып. 57. Январь 2020 г. / Аналитический центр при правительстве Российской Федерации. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_jan_2020.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

Ивантер А. Застабилизировались до застоя // Эксперт. 2020. № 4. С. 20–23.

Инфляционные ожидания и потребительские настроения. Информационно-аналитические комментарии. № 1 (25). Январь 2019. М.: Банк России, 2019. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27053/Infl_exp_19-01.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

Наемный работник в современной России / Отв. ред. З. Т. Голенкова. М.: Новый хронограф, 2015. 368 с.

О развитии банковского сектора Российской Федерации в 2019 г. Информационно-аналитический материал / Банк России. М., 2020. URL: http://cbr.ru/Collection/Collection/File/25854/razv_bs_19_12.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

Расходы семей на еду в странах Европы – рейтинг 2019 // РИА Рейтинг : [сайт]. 17.12.2019. URL: <https://riarating.ru/infografika/20191217/630147021.html> (дата обращения: 15.02.2021).

Социально-экономическое положение регионов РФ. Аналитический бюллетень. Вып. 37: Итоги 2019 года. М.: РИА Рейтинг, 2020. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_demo37.pdf (дата обращения: 15.02.2021).

doi: 10.19181/rlms-hse.2021.1

SOCIO-ECONOMIC BEHAVIOR OF RUSSIAN HOUSEHOLDS IN 1994–2019

Voronin G. L., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Nizamova A. E., Sivkova I. V., Smirnov A. I., Sokolova S. B., Tonis E. I., Evgrafova K. O.

Abstract. In this paper, we analyze “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE) for 1994–2019. In 2019, the recovery of real household income continued to slow down. Household income grew only 6.0% in 2019, compared to 7.1% in 2018. Household income from government transfer payments increased from 40.8% in 2018 to 41.1% in 2019; work-related income went up from 46.5 to 47.5%. Income inequality continued to decrease as the top 20-percent of households earned 2.6 times more than the bottoms 20-percent in 2019.

After a moderate decrease in 2018, household expenditures grew by 3.6% in 2019. Although food expenditures stagnated, non-food spending rose by 5.1% and almost offset a 6.5-percent decrease in 2017–2018. The spending gap between the top and the bottoms 20-percent of households remains stable. In 2019, well-off families spent 4.7 times more than low-income households.

The unemployment rate went up from 3.3% in 2018 to 3.3% in 2019. The unemployment rose from 3.2 to 3.3% among men and from 3.3 to 4.0% among women. The growth of short-term unemployment was of particular concern. The workforce participation rate increased by 0.5 p.p. and stood at 81.5% of the adult population. Men continued to outperform women in the labor market. Women earned 75.2% of men average income in 2019, which was an increase of 1.3 p.p., compared to 2018.

In 2019, a positive trend in reported life satisfaction resumed. The proportion of those generally unsatisfied with their life went down from 24.7% in 2018 to 23.2% in 2019. The share of those discontented with the financial standing of their families decreased from 57.9 to 56.2%. On the contrary, the proportion of those who saw future improvement in their financial circumstances rose from 19.6 to 21.8%. Despite that, the majority of respondents (49.7%) expected no changes in household welfare.

In 2019, respondents felt less anxious about losing their job but more concerned over the prospect of not finding another one. The proportion of those who felt that their position was insecure dropped to 61.0%, while the share of those who were pessimistic about their chances to find a new job went up from 42.4 to 43.1%. There was another increase in job satisfaction, although low wages remained the leading cause of discontent at the workplace.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, household, income, expenditure, consumption, employment, unemployment, inequality, attitudes.

References

- Bednost' i bednyye v Rossii / Pod red. M. K. Gorshkova i N. E. Tikhonovoy. M.: Ves' Mir, 2014. 304 s.
- Dinamika dokhodov naseleniya. Byulleten' o tekushchikh tendentsiyakh rossiyskoy ekonomiki. Vypusk 58. Fevral' 2020 g. / Analiticheskiy tsentr pri pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_feb_2020.pdf (data obrashcheniya 15.02.2021).
- Dinamika potrebitel'skikh tsen: Itogi 2019 goda. Byulleten' o tekushchikh tendentsiyakh rossiyskoy ekonomiki. Vypusk 57. Yanvar' 2020 g. / Analiticheskiy tsentr pri pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/rus_jan_2020.pdf (data obrashcheniya 15.02.2021).
- Ivanter A. Zastabilizirovalis' do zastoya // Ekspert. 2020. № 4. S. 20–23.
- Inflyatsionnyye ozhidaniya i potrebitel'skiye nastroyeniya: Informatsionno-analiticheskiye kommentarii. № 1(25). Yanvar' 2019. M.: Bank Rossii, 2019. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/27053/Infl_exp_19-01.pdf (data obrashcheniya 15.02.2021).
- Nayemnyy rabotnik v sovremennoy Rossii / Otv. red. Z. T. Golenkova. M.: Novyy khronograf, 2015. 368 s.
- O razvitii bankovskogo sektora Rossiyskoy Federatsii v 2019 g.: Informatsionno-analiticheskiy material / Bank Rossii. URL: http://cbr.ru/Collection/Collection/File/25854/razv_bs_19_12.pdf (data obrashcheniya 15.02.2021).
- Raskhody semey na edu v stranakh Evropy – reyting 2019: [elektronnyy resurs] / RIA Reyting. URL: <https://riarating.ru/infografika/20191217/630147021.html> (data obrashcheniya 15.02.2021).
- Sotsial'no-ekonomicheskoye polozheniye regionov RF: Analiticheskiy byulleten'. Itogi 2019 goda. Vypusk 37. M.: Ria Reyting, 2020. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/regions_demo37.pdf (data obrashcheniya 15.02.2021).

Рощина Я. М.

ПОВЕДЕНИЕ РОССИЯН В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

doi: 10.19181/rlms-hse.2021.2

Аннотация. Представленная статья посвящена анализу поведения россиян в условиях стремительного развития цифровых технологий в последнее десятилетие. К 2019 г. уровень владения различными цифровыми устройствами (стационарными компьютерами, ноутбуками, мобильными телефонами) заметно вырос по сравнению с концом 2000-х годов. Наибольшую популярность среди россиян приобрели смартфоны. Доля владельцев смартфонов увеличилась с 6,4% в 2012 г. до 62,7% в 2019 г. Несмотря на это, около 26% россиян в 2019 г. не использовали никакие другие устройства, кроме кнопочного мобильного телефона. Особенно высок этот показатель был среди пожилых людей (64,1%). В 2019 г. лица младше 40 лет в среднем проводили перед экранами цифровых устройств от трех до четырех часов в день. Для старших возрастов этот показатель составлял 2–2,5 часа. Чем больше времени люди проводили перед экранами своих устройств, тем с большей вероятностью они испытывали утомление или беспокойство.

Аудитория сети Интернет увеличилась с 10,3% в 2003 г. до 72,0% в 2019 г. среди населения в целом и с 22,4 до 97,8% среди молодежи. При этом неравенство в доступе к сети, обусловленное возрастом, уровнем образования и местом жительства, сохранилось. В наименьшей степени Интернет оказался доступен пожилым жителям села. По сравнению с 2009 г., в 2019 г. Интернет чаще использовался для поиска развлечений, общения, получения информации или совершения покупок; реже — для работы и учебы. В 2019 г. 79,3% всех пользователей сети Интернет посещали те или иные социальные сети онлайн. Доля пользователей, ежедневно посещавших социальные сети, выросла с 62,1% в 2016 г. до 71,3% в 2019 г. среди населения в целом и с 81,9 до 88,0% среди молодежи. Самой востребованной функцией социальных сетей в 2019 г. оставался обмен личными сообщениями (регулярно обменивались такими сообщениями 89% пользователей). Социальные сети воспринимались, прежде всего, как способ обмена информацией, способ отвлечься от повседневных проблем или получить поддержку. Высокая степень интенсивности онлайн-общения в социальных сетях не коррелировала со снижением социальной активности офлайн.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, цифровое общество, цифровые технологии, Интернет, социальные сети.

В последние годы все более значимое место в жизни людей занимают новые коммуникационные возможности, связанные с использованием Интернета и современных гаджетов, таких как смартфон или планшет. Мобильный Интернет позволяет быть постоянно на связи, оставаться включенным в коммуникацию при помощи мессенджеров и социальных сетей. Социальные сети онлайн приходят на место личного общения, выступают источником информации, эмоций, взаимопомощи и т. д. Все большее распространение, особенно среди молодежи, получают также компьютерные и видеоигры, представляя собой новый вид зависимости. В то же время развитие Интернета предоставляет людям все больше возможностей в сфере потребления: становится возможно заказывать товары и услуги, скачивать контент, смотреть фильмы и читать книги, управлять финансами, проходить образовательные курсы, пользоваться государственными услугами и многое другое. Таким образом, общество во все большей степени становится не просто информационным, а цифровым.

В течение XX в. появлялись самые разные теории «обществ нового типа» — новое индустриальное общество (Дж. Гэлбрейт), общество потребления (Ж. Бодрийяр), общество постмодерна (Ж. Ф. Лиотар), постиндустриальное (А. Турен) или информационное общество (Э. Тоффлер), сетевое общество (М. Кастельс) и т. д. Появилась также концепция общества «постинформационного» и «цифрового»¹, важнейшей чертой которого является преобразование информации в цифровую форму, когда вместо носителей старого типа (книг, пластинок, фотографий, картин и т. д.) используются новые, подходящие для оцифрованных данных, а также хранение и передача информации при помощи Интернета. В момент появления этой концепции цифровизация только набирала оборот, Интернет еще не стал глобальным явлением и не было современных смартфонов. В настоящее время, благодаря возможности пользоваться Интернетом через мобильную связь, а также компактности и многофункциональности мобильных устройств (смартфонов, планшетов), «цифровые технологии и цифровые конструкции глобо включены в нашу повседневную жизнь»².

Возникновение «цифрового общества», как отмечает Д. Добринская, принято рассматривать как результат воздействия движущих сил тройной революции (Triple revolution): технологий мобильной коммуникации, Интернета и социальных сетей³. Эта концепция принадлежит Б. Уэллману и Л. Райни⁴. Ранее Б. Уэллман предложил понятие «сетевого индивидуализма»⁵, которое подразумевает, с одной стороны, все меньшее влияние на поведение человека социальных групп, с другой — все большее включение его в социальные сети. Однако надо понимать, что «не Интернет создает модель сетевого индивидуализма, но развитие Интернета

¹ Negroponte N. Being Digital. London: Hodder and Stoughton & Knopf Inc., 1995; Dufva T., Dufva M. Grasping the future of the digital society // Futures. 2019. Vol. 107. P. 17–28.

² Dufva T., Dufva M. Op. cit. P. 25.

³ Добринская Д. Е. Цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2019. № 25 (4). С. 178.

⁴ Rainie L., Wellman B. Networked: The New Social Operating System. Illustrated edition. Cambridge: The MIT Press, 2014. 358 p.

⁵ Wellman B. Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. № 25 (2). Pp. 227–252.

обеспечивает соответствующую материальную поддержку для распространения сетевого индивидуализма в качестве доминирующей формы социальности»¹. Благодаря технологической революции (Интернет плюс мобильные коммуникации) индивид может быть включен во все возрастающее количество разнообразных социальных сетей с большим числом участников, причем он имеет возможность сам выбирать эти сети и с кем из участников взаимодействовать. При этом меняются как сами сети — растет их количество, различаются цели и способы функционирования, увеличивается число участников, которые больше не зависят от своего территориального расположения и часто не знают друг друга лично, так и включенные в них люди — возрастает как их автономность, так и вовлеченность во взаимодействие.

Интернет как вторая движущая сила тройной революции стал неотъемлемой частью повседневной жизни современного человека² вместе с появлением возможности подключаться к «мировой паутине» практически в любое время и в любом месте. Благодаря цифровизации теперь существует почти неограниченный доступ к информационным ресурсам, а также возможность самому создавать так называемый контент, размещать его в облачных хранилищах и делиться с другими. За последние 20 лет мобильное устройство из беспроводного телефона превратилось в многофункциональный гаджет, без которого современный человек немислим. Многочисленные приложения помогают в самых разных ситуациях, заменяют книгу, радио, телевизор, навигатор, дают возможность управлять деньгами и расплачиваться в магазине и многое другое. При этом небольшой размер устройств и возможность мобильного Интернета делает людей независимыми от места и времени для работы, общения, цифрового потребления, коммуникаций.

Таким образом, главные условия цифрового общества и свойственного ему сетевого индивидуализма — это мобильные устройства, Интернет и социальные сети онлайн. Далее мы рассмотрим именно эти три аспекта развития цифрового общества в России на данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) за 2019 г., когда этой теме был посвящен специальный раздел вопросника. Кроме того, мы используем предыдущие волны обследования для отслеживания динамики в тех случаях, где это возможно. Прежде всего, нас интересуют люди в возрасте от 14 лет и старше, хотя ряд вопросов был задан родителям детей до 13 лет³.

В рамках лонгитюдного компонента обследования RLMS-HSE за 2019 г. было опрошено 14 860 индивидов в возрасте от 14 до 101 года; из них во взвешенную выборку вошло 10 519 человек. Далее в ходе анализа будут использованы данные взвешенной выборки. Так как основное различие в степени включенности в цифровое общество связано именно с возрастом, мы будем рассматривать все переменные в разрезе четырех возрастных групп — молодежь 14–25 лет (20,4% выборки), люди среднего возраста 26–40 лет (25,9%), люди старшего возрас-

¹ Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория; Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. С. 157.

² Rainie L., Wellman B. Op. cit.

³ Далее все данные в таблицах и рисунках приводятся на основе данных RLMS-HSE с указанием года опроса для населения в возрасте старше 14 лет (если не указано иначе).

та 41–60 лет (33,7%) и пожилые люди 61 года и старше (20,0% выборки). Среди опрошенных: 54,6% составляли женщины; 45,7% состояли в официальном браке и еще 9,7% – в браке неформальном; 26,4% имели среднее профессиональное образование, 25,6% – высшее; 51,6% работали, 6,8% были студентами вузов или техникумов, 5,3% – учениками школ и училищ; 11,8% проживали в Москве или Санкт-Петербурге, 30,5% – в других областных центрах, 25,2% – в городах – не областных центрах, а 32,3% – в селах или поселках городского типа.

Цифровые устройства и мобильные технологии

В течение довольно долгого времени, до появления смартфонов, единственным способом выхода в Интернет был персональный компьютер. Поэтому в анкете RLMS-HSE до 2011 г. вопрос о пользовании Интернетом задавался только тем, кто использовал ПК. Вопрос о пользовании ПК (независимо от его вида – стационарный или ноутбук) присутствовал в анкете с 2003 по 2015 г. За этот период «доля населения, использовавшая персональный компьютер хотя бы раз за предшествующие 12 месяцев, непрерывно росла, увеличившись чуть более чем в 2 раза, – с 31,5% в 2003 г. до 63,9% в 2015 г.»¹. По данным RLMS-HSE, в 2009 г. в семьях 53,6% россиян 14 лет и старше был стационарный компьютер, в семьях 13,6% – ноутбук, в семьях 2,1% – карманный компьютер-палмтоп, прообраз смартфона и планшета (табл. 1). При этом семьи молодых людей, в первую очередь до 25 лет, были обеспечены гораздо лучше (70,8% имели стационарный ПК, 15,9% – ноутбук, 3,2% – палмтоп), а в семьях людей старше 60 лет обеспеченность была наиболее низкой (27,3% имели стационарный ПК, 6,0% – ноутбук, 1,0% – палмтоп). Однако очевидно, что в это время мобильные устройства с выходом в Интернет были распространены гораздо меньше, чем стационарные. Да и ноутбук для этого нуждался в подключении к Wi-Fi, хотя и не был уже привязан к дому или месту работы.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос:
«У Вас дома – лично у Вас или у кого-либо из членов Вашей семьи – есть...»,
по возрастным группам, 2009 г., вертикальный %

Владение цифровыми устройствами	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
Стационарный компьютер	70,8	61,3	51,8	27,3	53,6
Ноутбук, лэптоп	15,9	19,5	11,9	6,0	13,6
Карманный компьютер – палмтоп	3,2	4,0	0,9	1,0	2,1

Первый прообраз современного смартфона появился, как считается, еще в конце прошлого тысячелетия. Модель Nokia 9000 Communicator 1996 г. уже обладала экраном и кнопочной клавиатурой. В 2000 г. стал продаваться «умный

¹ Богданов М. Б., Лебедев Д. В. Пользование сетью Интернет в России в 2003–2015 гг. // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE): сб. науч. ст. Вып. 7. / Отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 129–145.

телефон» Ericsson R380, а в 2002 г. — смартфоны BlackBerry 5810, Nokia 9210 и некоторые другие, а в 2007 г. появился первый Apple iPhone. Начиная с этого времени пользователи смогли выходить в глобальную паутину с компактных мобильных устройств, со временем появились также мобильные роутеры для ноутбука и человек перестал быть привязанным к своему стационарному компьютеру. Кроме того, если домашний стационарный компьютер и, в меньшей степени, ноутбук и планшет могут использоваться несколькими членами семьи, то смартфон становится практически исключительно предметом индивидуального пользования. Так, среди всех пользователей ноутбуков в 2010 г. 34,0% делили его с другими членами семьи, в 2018 г. таких было 52,6% (мало зависимо от возраста). Для планшета соответствующие цифры составляли 26,0% в 2012 г., 41,0% в 2014 г. и 33,0% в 2018 г. (однако среди тех, кто моложе 26 лет, доля всегда была ниже примерно на 5 п.п.).

Что касается именно личного ноутбука, то доля имеющих его выросла с 8,0% в 2010 г. до 24,6% в 2019 г., причем в младшей возрастной группе — с 14,6 до 34,4%, а в самой старшей — с 1,2 до 10,7% (табл. 2). Очевидно, что между этими группами и по сей день существует огромный разрыв в обеспеченности, хотя он и снизился более чем в три раза.

Таблица 2

**Владение личным ноутбуком, ноутбуком,
по возрастным группам, 2010–2019 гг., вертикальный %**

Год	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
2010	14,6	12,2	4,4	1,2	8,0
2011	20,7	16,4	6,4	1,7	11,1
2012	30,9	23,8	12,1	3,5	17,2
2013	33,6	24,6	14,3	5,0	18,6
2014	34,9	25,3	15,6	6,2	19,6
2015	35,6	26,8	18,4	7,0	21,1
2016	33,2	26,8	19,1	8,4	21,0
2017	35,4	28,2	18,9	9,0	21,8
2018	36,7	28,3	20,7	10,3	22,7
2019	34,4	31,0	22,3	10,5	24,6

Данные о собственном стационарном компьютере имеются только за 2019 г.: в группе 14–25-летних стационарный компьютер имеют 15,6%, в группе 26–40-летних — 15,7%, в группе 41–60-летних — 15,3%, среди лиц старше 61 года — 7,5%. Среди пожилых лиц старше 61 года тех, кто выбрал ноутбук, на треть больше тех, кто выбрал стационарный компьютер. Среди молодежи и среднего возраста обеспеченность ноутбуками примерно в два раза выше. Всего в 2019 г. 13,9% респондентов заявили о владении стационарным компьютером.

Как свидетельствуют данные, приведенные в таблице 3, сравнительно менее популярен планшет: им владели 2,5% в 2012 г. и 11,5% в 2019 г., соответствующие цифры в младшей возрастной группе были примерно в два раза выше. Можно

также заметить, что в 2019 г. среди тех, кому было от 14 до 25 лет, доля владеющих ноутбуком и планшетом стала чуть ниже, чем в предыдущем году; вероятно, это связано с увеличением размера смартфона, который теперь выполняет те же функции, что и планшет, а частично и лэптоп.

Таблица 3

**Владение личным планшетом,
по возрастным группам, 2012–2019 гг., вертикальный %**

Год	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
2012	4,6	4,2	1,3	0,2	2,5
2013	11,2	6,9	2,4	0,6	4,8
2014	16,7	11,4	4,6	1,4	7,9
2015	21,2	14,6	7,1	1,6	10,4
2016	18,2	12,9	8,2	2,0	9,7
2017	20,7	15,0	10,0	3,3	11,5
2018	20,4	13,1	9,6	3,3	10,6
2019	18,0	14,0	9,9	4,6	11,5

Данные таблицы 4 демонстрируют «триумфальное шествие» смартфонов: доля их владельцев выросла с 6,4% в 2012 г. до 62,7% в 2019 г., среди самых молодых — с 15,0 до 87,3%. Фактически сегодня лишь 13–14% людей до 40 лет и 35% в возрасте 41–60 лет не имеют смартфона.

Таблица 4

**Владение личным смартфоном, коммуникатором,
по возрастным группам, 2012–2019 гг.,
вертикальный %**

Год	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
2012	15,0	9,6	2,4	0,3	6,4
2013	24,2	16,2	4,9	0,6	10,6
2014	38,0	27,8	10,0	1,6	18,1
2015	45,6	37,5	15,6	2,5	23,9
2016	56,6	48,7	23,9	4,9	31,8
2017	66,2	62,0	35,7	8,5	41,5
2018	74,4	72,9	47,6	14,4	50,5
2019	86,4	85,9	63,9	20,3	65,3

Прямо противоположная тенденция характерна для обычного сотового телефона (в 2019 г. в вопросе было уточнение: «по которому можно только звонить и отправлять sms»). Если в 2012 г. он был у 87,4% респондентов 14 лет и старше, то в 2019 г. — у 37,3%, причем преимущественно у людей старше 61 года (табл. 5).

Таблица 5

Владение личным мобильным сотовым телефоном
(с 2019 г. — «по которому можно только звонить и отправлять sms»),
по возрастным группам, 2012–2019 гг., вертикальный %

Год	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
2012	91,5	93,7	91,8	68,3	87,4
2013	85,3	90,0	92,3	73,9	86,4
2014	76,2	81,7	89,8	75,9	82,0
2015	66,5	71,8	84,3	78,8	76,4
2016	53,8	61,6	78,6	80,4	70,1
2017	42,7	48,5	69,3	79,3	61,5
2018	33,1	35,2	58,1	75,5	52,2
2019	16,5	17,9	38,3	70,6	35,1

Значительно меньше смартфонов распространены «умные часы» — относительно новый гаджет, который позволяет своим владельцам частично использовать функции смартфона — не только определять время, но и оплачивать покупки, измерять пройденное расстояние и т. д. Как показано в таблице 6, в 2018 г. «умные часы» имели всего 1,5% опрошенных (среди самых молодых — 3,2%), в 2019 г. — 3,0% (6,0% среди молодых).

Таблица 6

Владение личными «умными часами»,
по возрастным группам, 2018–2019 гг., вертикальный %

Год	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
2018	3,2	2,5	0,9	0,3	1,5
2019	6,0	4,2	1,6	0,7	3,0

Если говорить не о владении, а о пользовании, то в 2019 г. не пользовались никакими цифровыми устройствами, кроме кнопочного мобильного телефона, 24,0% респондентов 14 лет и старше, хотя среди пожилых (старше 61 года) эта доля составила 64,6%, а среди лиц старшего возраста (41–60 лет) — 22,1% (табл. 7–8).

Как мы уже отмечали, наибольший охват гаджетами в 2019 г. можно найти среди самых молодых (14–25 лет): среди них 87,4% пользовались смартфоном, 64,9% — ноутбуком, 50,5% — стационарным компьютером, 27,6% — планшетом, 7,8% — игровой приставкой, 6,5% — «умными часами». Близкие доли наблюдались среди людей среднего возраста (26–40 лет), примерно в полтора раза меньшие доли — в старшей возрастной группе (41–60 лет) и в 3–4 раза меньшие — среди пожилых. При этом те, кому не более 40 лет, чаще всего используют 2–3 устройства (табл. 8).

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос:
«Приходилось ли Вам в течение последних 12 месяцев пользоваться в любых целях,
включая печатание текстов, компьютерные игры и другое...»,
по возрастным группам, 2019 г., вертикальный %

Пользование цифровым устройством	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
Планшетом	27,6	24,8	15,8	6,6	18,7
Ноутбуком, ноутбуком	64,9	59,8	40,8	16,5	45,7
Стационарным персональным компьютером	50,5	48,2	41,6	15,2	39,8
Смартфоном, коммуникатором, айфоном	87,4	86,7	64,5	20,7	66,0
«Умными часами»	6,5	4,7	1,9	0,8	3,3
Игровой приставкой типа икс-бокс или плейстейшн	7,9	3,0	0,8	0,1	2,7
Мобильным сотовым телефоном, по которому можно только звонить и отправлять смс	18,8	20,3	40,3	72,6	37,4

Таблица 8

Пользование цифровыми устройствами (кроме кнопочного телефона),
по возрастным группам, 2019 г., вертикальный %

Количество устройств	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
0	7,6	8,0	22,1	64,6	24,0
1	12,4	15,4	23,7	19,0	18,3
2	37,4	39,8	30,4	10,9	30,3
3	25,7	23,4	17,3	4,1	17,9
4	13,6	11,2	6,0	1,3	8,0
5	2,8	1,8	0,5	0,1	1,2
6	0,5	0,6	0,0	0,0	0,3

В 2019 г. почти половина пользователей цифровых устройств (кроме кнопочного телефона) ответили, что в течение дня они обычно смотрят на экраны всех электронных устройств, которыми пользуются, от одного до трех часов, вне зависимости от возраста (табл. 9).

Однако если среди пожилых людей 13,8% опрошенных не отрывают глаз от экрана 4–6 часов, а целый день – 3,0%, то среди молодежи – 33,2 и 16,8% соответственно. По самым приблизительным оценкам, «уткнувшись в гаджет» молодежь 14–25 лет в среднем проводит около 4 часов, люди 26–40 лет – более 3 часов, 41–60 лет – более 2,5 часов, а пожилые – около 2 часов. Фактически только каждый пятый тратит менее часа на свое цифровое устройство (а среди самых молодых – только каждый двадцатый). Таким образом, подавляющее большинство пользователей более 4% своей жизни (а если вычесть 8 часов на сон, то и более 6%) проводят, не отрываясь от гаджетов.

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос:
«Сколько примерно времени в течение дня
Вы обычно смотрите на экраны всех электронных устройств, которыми пользуетесь?»,
по возрастным группам, 2019 г., вертикальный %
среди пользователей цифровых устройств (кроме кнопочного телефона)

Продолжительность ежедневного пользования	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
Меньше часа	4,4	14,5	24,3	36,5	17,4
1–3 часа	45,7	48,1	47,4	46,7	47,1
4–6 часов	33,2	24,7	19,6	13,8	24,1
Практически весь день, не выпуская из рук	16,8	12,7	8,7	3,0	11,5
Примерное количество часов пользования в день	3,94	3,29	2,74	2,04	3,15

Почти каждый четвертый из опрошенных отметил, что «часто чувствует усталость, головную боль или напряжение в глазах вечером после использования электронных устройств» (среди пожилых – 29,1%, среди молодежи – 16,6%). Более 9% респондентов сообщили, что часто не могут сосредоточиться на работе, учебе или других делах из-за того, что отвлекаются на пользование электронными устройствами (среди пожилых – 5,3%, среди молодежи – 15,5%). Настоящим бедствием можно считать цифровую зависимость – 33,1% респондентов признали, что «все время проверяют наличие сообщений в смартфоне, планшете» (среди молодежи – 44,4%); 23,8% – что они «проводят слишком много времени, пользуясь электронными устройствами» (среди молодежи – 35,1%), 13,9% – что «без смартфона, планшета и других устройств им часто нечем заняться» (среди молодежи – 24,6%); 9,8% – что «часто не могут оторваться от видеоигр или компьютерных игр» (среди молодежи – 18,8%). Распределение респондентов, согласных с одним из перечисленных утверждений, по возрастам представлено в таблице 10.

Таблица 10

Доля респондентов, согласных со следующими утверждениями,
по возрастным группам, 2019 г., вертикальный %
среди пользователей цифровых устройств (кроме кнопочного телефона)

Согласны ли Вы, что...	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
Часто чувствуете усталость, головную боль или напряжение в глазах вечером после использования электронных устройств	16,6	23,4	28,9	29,1	24,1
Часто не можете сосредоточиться на работе, учебе или других делах из-за того, что отвлекаетесь на пользование электронными устройствами	15,5	8,4	6,8	5,3	9,3
Проводите слишком много времени, пользуясь электронными устройствами	35,1	24,2	18,7	11,2	23,8
Без смартфона, планшета и других устройств вам часто нечем заняться	24,6	14,0	8,2	6,2	13,9
Все время проверяете наличие сообщений в смартфоне, планшете	44,4	34,9	26,7	20,6	33,1
Часто не можете оторваться от видеоигр или компьютерных игр	18,8	9,0	5,8	3,6	9,8

Как свидетельствуют данные, представленные в таблице 11, больше всего проблем отмечают те, кто смотрит на экран электронных устройств практически весь день. Среди них 66,7% отметили, что проводят слишком много времени, пользуясь ими; 59,3% отметили свою зависимость от ожидания сообщений; 44,5% — усталость или головную боль вечером; 32,0% респондентов сообщили, что им нечем заняться без своего гаджета; 25,2% — что гаджеты мешают им сосредоточиться на работе или учебе; 25,4% — что они не могут оторваться от игр. Фактически речь идет о психологической зависимости от цифровых устройств и, возможно, о серьезных проблемах со здоровьем.

Таблица 11

Доля респондентов, согласных со следующими утверждениями, по времени, затраченному на пользование устройствами в течение дня, 2019 г., вертикальный % среди пользователей цифровых устройств (кроме кнопочного телефона)

Согласны ли Вы, что ...	Время пользования цифровыми устройствами				
	Меньше часа	1–3 часа	4–6 часов	Практически весь день	Всего
Часто чувствуете усталость, головную боль или напряжение в глазах вечером после использования электронных устройств	13,1	18,9	33,0	44,5	24,2
Часто не можете сосредоточиться на работе, учебе или других делах из-за того, что отвлекаетесь на пользование электронными устройствами	2,5	5,9	13,6	25,2	9,4
Проводите слишком много времени, пользуясь электронными устройствами	1,9	10,9	45,7	66,7	24,0
Без смартфона, планшета и других устройств вам часто нечем заняться	1,9	11,0	19,9	32,0	13,9
Все время проверяете наличие сообщений в смартфоне, планшете	15,4	28,5	42,8	59,3	33,2
Часто не можете оторваться от видеоигр или компьютерных игр	1,7	7,0	14,1	25,4	9,9

В последние 12 месяцев в любые игры (включая пасьянсы, головоломки, симуляторы и проч.) при помощи электронных устройств (компьютера, телефона, игровой приставки) играли 41,8% опрошенных. Среди 14–25-летних доля таких людей составила 62,4%, среди лиц среднего возраста — 43,4%, старшего возраста — 30,3%, пожилых — 23,3%. При этом большинство респондентов играют на устройствах типа смартфона или компьютерах. Игровой приставкой типа икс-бокс или плейстейшн пользовались всего 2,6% опрошенных, владели ею персонально и того меньше — 1,4%, среди молодежи — 8,6% и 4,8% соответственно.

Если учитывать не только пользователей электронных устройств, но население в целом, можно сказать, что среди россиян доля игроков в 2019 г. достигла 31,6%. Среди молодежи доля игроков составила 57,6%, среди лиц среднего возраста — 39,9%, старшего возраста — 23,5%, пожилых — 8%.

Среди тех, кто играет в компьютерные и видеоигры, почти 34,4% делают это 1–2 раза в неделю и практически столько же — каждый день, но не более часа. Лишь 11,0% играют 1–2 раза в месяц, а 2,8% — еще реже. Но 18,0% игроков тра-

тят на это занятие каждый день по несколько часов, причем среди молодежи эта доля достигает 23,6% (табл. 12). То есть каждый четвертый из тех, кому 14–25 лет, чуть ли не десятую часть своей активной жизни тратит на игры. При этом 47,0% тех, кто играет по несколько часов каждый день, отметили, что часто «не могут от них оторваться».

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос:
«Как часто Вы играете..?»,
по возрастным группам, 2019 г., вертикальный % среди игравших в игры

Как часто играют	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
Несколько раз в год или реже	1,4	3,3	2,5	2,4	2,3
1–2 раза в месяц	9,5	13,5	10,1	6,7	10,8
1–2 раза в неделю	31,0	36,1	37,6	33,3	34,4
Каждый день, но не более часа	34,6	31,4	36,2	42,4	34,4
Каждый день по несколько часов	23,6	15,6	13,6	15,2	18,0

Интернет

Интернет — второй важнейший компонент цифрового общества. Как показывают предыдущие исследования, с начала 2000-х годов его ежегодная аудитория стремительно росла¹ и, по данным RLMS-HSE, к 2019 г. достигла 75,7% населения в возрасте 14 лет и старше, а среди молодежи — 97,6%, при том что соответствующие показатели в 2003 г. составляли 10,3 и 22,4% (табл. 13). Эти цифры сопоставимы с данными Росстата, согласно которым доля когда-либо подключаившихся к Интернету среди людей от 15 до 74 лет выросла с 49,3% в 2010 г. до 83,7% в 2017 г., а доля ежедневных пользователей — с 26,0 до 60,6%, причем охват молодежи оценивался в 98%. По оценкам Росстата, «в 2013–2017 гг. доля “мобильных” пользователей Интернета увеличилась на 9 процентных пунктов и достигла 56,8% взрослого населения», в первую очередь за счет использования смартфонов².

Цифровое неравенство в использовании Интернета существенно снизилось, однако и в 2019 г. разница в доле пользователей по возрасту, месту жительства и образованию сохраняется. Так, в 2019 г. доля пользователей Интернета среди молодежи была более чем в три раза выше, чем среди пожилых. В Москве и Санкт-Петербурге эта доля на 26% выше, чем в сельской местности; среди людей с высшим образованием на 18% выше, чем среди имеющих среднее профессиональное, и на 39% выше, чем среди имеющих законченное среднее образование. Разница между мужчинами и женщинами также есть, однако она связана с тем, что в старших возрастах доля женщин выше. В одних и тех же возрастных группах

¹ Богданов М. Б., Лебедев Д. В. Указ. соч.

² Тенденции развития интернета в условиях формирования цифровой экономики: аналитический доклад / Г. И. Абдрахманова, Н. В. Бондаренко, К. О. Вишневский [и др.]; Координационный центр национального домена сети Интернет; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 43.

доли пользователей в обеих гендерных группах близки. Разрыв между городом и деревней также невелик среди молодежи, но среди пожилых людей существует почти двукратное превосходство горожан (36% против 20%).

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос:
«Вы пользовались Интернетом за последние 12 месяцев?»,
по возрастным группам, 2003–2019 гг., вертикальный %

Год	Возраст респондентов, лет				Всего
	14–25	26–40	41–60	61+	
2003	22,4	12,4	5,9	0,4	10,3
2004	24,3	14,8	6,6	0,6	11,7
2005	28,5	17,7	8,2	0,8	14,0
2006	37,1	23,6	9,5	0,9	17,9
2007	44,0	27,6	12,1	1,6	21,3
2008	55,5	36,7	17,1	2,5	27,8
2009	66,1	47,7	22,9	3,5	34,9
2010	74,8	60,1	29,4	5,2	42,6
2011	83,0	69,5	36,6	7,2	49,3
2012	89,9	77,7	43,9	10,7	55,3
2013	91,0	81,5	48,1	13,2	57,7
2014	94,2	85,6	54,1	15,1	61,5
2015	94,5	86,8	57,7	17,2	63,0
2016	95,6	89,4	64,3	20,0	66,1
2017	96,9	91,0	67,1	22,6	68,0
2018	97,8	92,6	71,8	26,7	70,3
2019	97,6	93,7	75,7	30,3	75,7

На рисунке 1, а также в таблицах 14 и 15 можно увидеть, что в течение 2003–2019 гг. наблюдался значительный рост использования Интернета в следующих целях: с 56,8 до 77,7% — для развлечений; с 40,8 до 89,2% — для общения с другими людьми; с 57,3 до 84,4% — для получения информации о новостях; с 75,9 до 81,9% — для получения справочных материалов; с 12,5 до 47,0% — для покупки товаров и услуг. За 2003–2018 гг. с 54,0 до 84,0% выросла доля тех, кто использовал Интернет для расширения кругозора, повышения культурного уровня; за 2009–2019 гг. с 68,3 до 80,1% выросла доля лиц, использующих Интернет для посещения социальных сетей. Несколько снизилась доля использующих Интернет для работы — с 49,0% в 2003 г. до 43,7% в 2019 г., и, что странно, сильно упала доля использующих Интернет для учебы — с 42,7 до 26,7%.

В 2009 г. в анкету RLMS-HSE был включен специальный блок по инновационным практикам, благодаря которому мы теперь можем сравнить некоторые цели использования Интернета в 2009 и 2019 гг. по более широкому кругу показателей (рис. 2, табл. 14–15).

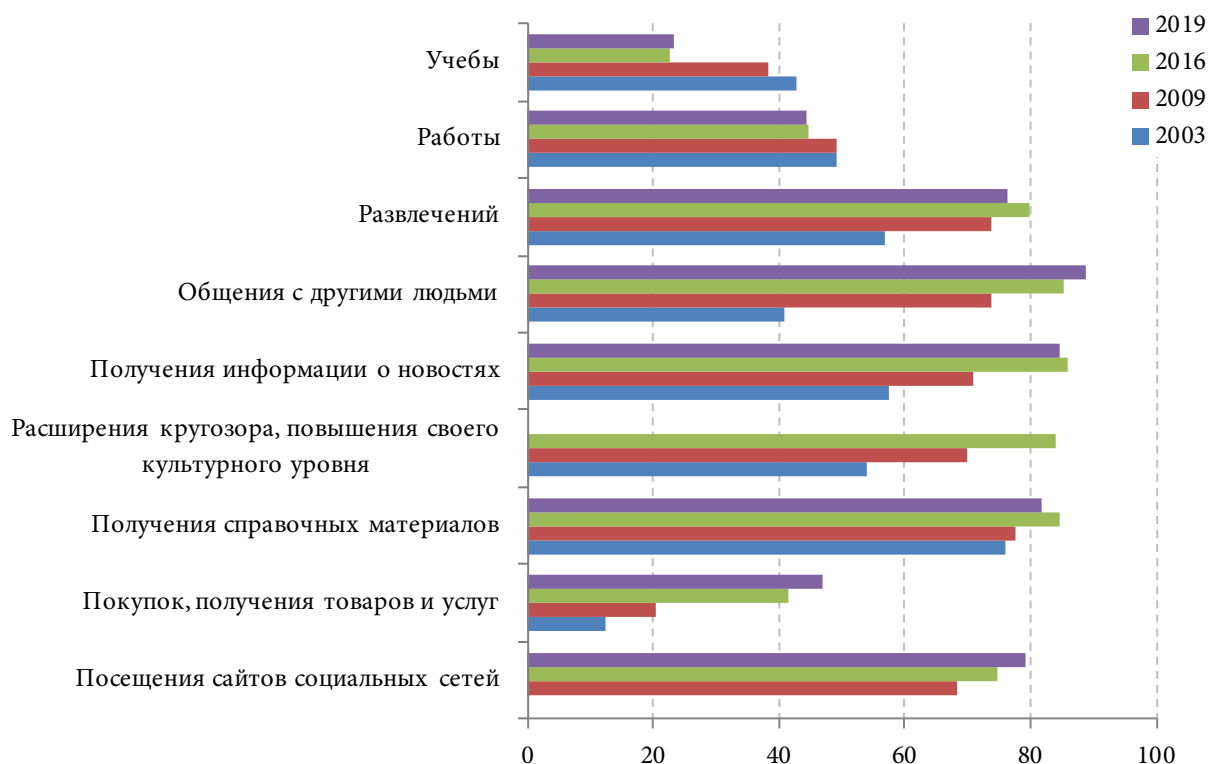

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос:
«Вы пользовались Интернетом в течение последних 12 месяцев для..?»,
 2003, 2009, 2016 и 2019 гг., вертикальный % среди пользователей Интернета

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос:
«Вы пользовались Интернетом в течение последних 12 месяцев для..?»,
 2009 и 2019 гг., вертикальный % среди пользователей Интернета

Как видно из рисунка 2, практически не изменилась доля тех, кто через Интернет смотрел ТВ-программы: таких около 31,5%. Несколько снизилась доля скачивавших картинки, музыку, фильмы, тексты — с 63,0 до 61,3%. Уменьшилась доля игравших в игры онлайн или скачивавших игры — с 38,9 до 30,8%.

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос:

«Вы пользовались Интернетом в течение последних 12 месяцев для..?»,

по возрастным группам, 2003, 2009, 2016 и 2019 гг., вертикальный % среди пользователей Интернета

Цели пользования Интернетом	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
2003					
Учеба	62,7	26,6	13,5	0,0	42,7
Работа	28,2	69,3	74,1	55,6	49,0
Развлечения	69,7	53,1	26,5	22,2	56,8
Общение с другими людьми	44,0	39,5	33,5	44,4	40,8
Получение информации о новостях	52,2	65,8	57,3	55,6	57,3
Расширение кругозора	55,1	54,9	49,7	44,4	54,0
Получение справочных материалов	73,6	79,3	76,8	77,8	75,9
Покупки, получение товаров и услуг	8,8	18,0	14,1	0,0	12,5
Другое	20,4	16,4	17,4	11,1	18,6
2009					
Учеба	70,37	21,31	11,06	12,20	38,29
Работа	28,19	60,47	66,31	56,10	48,99
Развлечения	84,20	76,86	52,19	37,80	73,89
Общение с другими людьми	82,13	75,10	57,04	60,49	73,84
Получение информации о новостях	66,36	75,69	70,26	76,83	70,94
Расширение кругозора	70,16	71,38	66,86	75,61	70,06
Получение справочных материалов	76,09	77,66	80,00	82,93	77,63
Покупки, получение товаров и услуг	13,89	22,68	16,94	13,41	17,87
Другое	70,37	21,31	11,06	12,20	38,29
2016					
Учеба	66,6	12,7	7,5	3,6	22,6
Работа	27,9	53,5	50,3	22,6	44,5
Развлечения	89,8	84,5	70,6	61,6	79,8
Общение с другими людьми	93,9	88,2	77,6	73,2	85,2
Получение информации о новостях	83,0	87,8	86,4	84,8	86,1
Расширение кругозора	86,2	84,8	82,0	81,2	84,0
Получение справочных материалов	86,4	85,6	83,4	79,8	84,7
Покупки, получение товаров и услуг	42,3	48,5	35,9	23,5	41,5
Посещение сайтов социальных сетей	90,9	79,9	62,2	48,1	74,7
Другое	16,5	13,2	8,1	5,9	11,9

Продолжение таблицы 14

Цели пользования Интернетом	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
2019					
Учеба	72,1	14,3	9,2	4,3	26,7
Работа	26,4	57,0	50,0	19,2	43,7
Развлечения	88,9	83,4	68,7	57,7	77,7
Общение с другими людьми	94,3	92,7	84,9	77,3	89,2
Получение информации о новостях	81,9	87,3	83,8	84,2	84,4
Расширение кругозора	86,8	83,1	78,5	75,9	81,9
Получение государственных услуг: запись к врачу, оплата налогов, оформление паспорта и т. д.	34,1	56,9	44,8	34,8	45,1
Оплата коммунальных услуг, мобильного телефона, управление счетом в банке и т. п.	41,4	64,4	52,3	33,5	51,8
Бронирование билетов, гостиниц, заказ турпутевки и т. д.	14,8	23,7	16,4	9,4	17,7
Использование облачных сервисов хранения и передачи данных	34,2	31,9	17,8	8,6	25,8
Просмотр телевизионных программ	36,6	36,5	28,1	23,8	32,6
Просмотр и скачивание картинок, музыки, фильмов, текстов	81,4	69,3	46,4	28,9	61,3
Скачивание книг и чтение онлайн	46,2	31,0	20,6	13,5	30,0
Игры онлайн, просмотр или скачивание игр	51,6	33,7	17,2	10,4	30,8
Дистанционное обучение по какому-либо предмету, прохождение курса онлайн	21,2	13,8	7,8	5,5	13,0
Покупка товаров	43,3	55,3	34,7	19,0	42,2
Получение других услуг	29,6	36,1	23,9	12,8	28,3
Посещение сайтов социальных сетей	92,4	86,9	70,5	54,5	80,1
Другое	13,5	11,9	7,3	8,0	10,4

По остальным показателям наблюдался рост: почти в два раза выросла доля проходивших дистанционное обучение (с 6 до 13%); в два с половиной раза — доля бронировавших билеты, отели и турпутевки онлайн (с 7,6 до 17,7%); в четыре с половиной раза — доля получавших государственные услуги (с 9,7 до 45,1%); почти в десять раз — доля оплачивавших коммунальные услуги, счета за мобильную связь, пользовавшихся мобильным банкингом (с 5,5 до 51,8%). В 2019 г. был также задан вопрос об использовании облачных сервисов для хранения и передачи данных, на него положительно ответили 25,8% пользователей Интернета. В этом же году 30,0% опрошенных скачивали книги или читали их онлайн.

Таблица 15

Распределение ответов на вопрос:
«Вы пользовались Интернетом в течение последних 12 месяцев хотя бы один раз для..?»,
по возрастным группам, 2009 г., вертикальный % среди пользователей Интернета

Цели пользования Интернетом	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
Отправка или получение электронной почты	73,5	71,0	57,4	52,6	68,1
Телефонные звонки через Интернет, видеоконференции	15,3	20,0	13,7	13,2	16,6
Общение в чатах, блогах, на форумах, в социальных сетях типа «Одноклассники», «ВКонтакте», сайтах знакомств и др.	82,0	71,1	46,7	36,8	68,3
Создание личной страницы в Интернете	43,1	38,9	21,6	17,1	35,7
Поиск информации о товарах и услугах	58,7	65,5	59,5	76,3	61,8
Покупка товаров и услуг через Интернет	17,5	23,2	20,3	23,7	20,4
Бронирование билетов, гостиниц, заказ турпутевок и т. п.	4,8	10,5	8,2	0,0	7,6
Прослушивание радио, просмотр телевизионных программ	39,5	33,3	18,1	16,2	31,4
Онлайн-игры, просмотр или скачивание игр	53,4	39,5	17,6	23,7	38,9
Просматривание и скачивание картинок, музыки, фильмов, текстов	81,5	65,5	35,4	23,7	63,0
Скачивание компьютерных программ	53,5	37,5	24,6	15,8	39,7
Чтение новостей, газет, журналов	50,3	51,7	57,4	42,1	52,4
Хранение или размещения личной информации на специализированных сайтах	36,8	25,6	21,0	10,5	28,2
Поиск работы, рассылка резюме и заявлений о приеме на работу	26,9	31,0	15,2	15,8	25,3
Поиск информации, касающейся здоровья, – о питании, травмах, болезнях и т. п.	35,3	39,4	34,1	50,0	36,9
Консультация с врачом в режиме онлайн	1,4	2,9	3,1	5,3	2,4
Продажа товаров и услуг, например – на интернет-аукционах, на сайтах типа «Из рук в руки»	5,7	9,0	5,2	0,0	6,6
Банковские операции – оплата коммунальных услуг, мобильного телефона, управление счетами и т. п.	4,3	5,8	7,2	0,0	5,5
Поиск информации об образовательных учреждениях, курсах и т. п.	38,0	27,5	27,9	18,4	31,2
Дистанционное обучение по какому-либо предмету, прохождение курсов онлайн	10,5	3,5	3,8	0,0	6,0
Получение информации на веб-сайтах органов государственной власти, местного самоуправления	8,6	17,0	18,2	15,8	14,2
Скачивание форм, образцов документов с веб-сайтов органов государственной власти, местного самоуправления	10,3	23,1	20,0	13,2	17,4
Отправка файлов с заполненными формами документов на различные сайты	4,1	12,8	14,7	0,0	9,8

Хотя, как мы уже отмечали, цифровое неравенство по возрасту в сфере использования Интернета снизилось, тем не менее разрыв остается значительным. Понятно, что самые молодые чаще других возрастных групп пользуются Интернетом для учебы, а люди среднего возраста (26–60 лет) – для работы. Очевидно также, что по большин-

ству целей использования Интернета как в 2003 г., так и в 2019 г. молодежь 14–25 лет обгоняет все остальные группы (за исключением получения государственных услуг, оплаты коммунальных услуг и т. д., бронирования билетов и отелей и покупки товаров). Однако по некоторым практикам разрыв стал сильнее: так, в 2003 г. Интернет для общения использовали 44,0% молодежи и 44,4% пожилых людей, а в 2009 г. соответствующие цифры составили 94,1% и 77,3%. Существенной остается разница в развлечениях, использовании облачных сервисов, скачивании контента, книг и чтения онлайн, игр, посещения сайтов социальных сетей. В данном случае речь идет только о пользователях Интернета, каковых среди молодежи 97,7%, а среди пожилых — 30,9%. Таким образом, важным аспектом социальной политики должно стать продвижение Интернета и его преимуществ среди пожилых людей, их обучение в местах, расположенных близко к дому. Это особенно важно становится в условиях пандемии коронавируса, когда Интернет мог бы помочь пожилым людям заказывать товары и услуги с доставкой на дом, оплачивать счета и коммунальные услуги, а также читать, смотреть фильмы и т. д.

Социальные сети онлайн

Третий важнейший элемент цифрового общества и сетевого индивидуализма — распространение социальных сетей онлайн. Конечно, социальные сети общения и поддержки существовали во все времена, однако их функционирование ограничивалось доступностью каналов связи. В течение последних двухсот лет появление новых видов транспорта (поезда, самолеты), почты, телеграфа и телефона, и наконец, Интернета и мобильной связи привело к невиданному ранее ускорению передвижения людей и информации. Эти достижения не только упростили, но и удешевили связь между людьми, сделали возможным общение практически в любом месте и в любое время по низким ценам, а также включение в контакты огромного количества людей, в том числе лично не знакомых. При этом зачастую контакт может быть ограничен по времени и цели, незнакомые люди могут обсудить важную для них проблему и никогда больше не общаться; стало возможно просить совета или поддержки, в том числе материальной, у огромного круга незнакомых людей. Все это совершенно изменило характер взаимосвязей в сетях — количество так называемых «слабых связей», по выражению М. Грановеттера, резко выросло. Кроме того, человек может теперь быть включенным в большое количество разнообразных «групп по интересам», фактически сам решая, когда, в какую группу вступить и насколько активно в ней общаться.

Соцсети онлайн, такие как «Фейсбук», «ВКонтакте», «Твиттер», а теперь и «Ютьюб», «Телеграм» и другие, фактически для многих участников служат и источником информации и новостей, и возможностью проявить себя и выразить свои эмоции, и способом найти единомышленников, и многим другим. Как мы уже отмечали, в 2009 г. среди пользователей Интернета 68,3% опрошенных ответили, что посещают социальные сети онлайн (или 29,9% от всех опрошенных старше 14 лет); в 2019 г. эти доли достигли 79,3 и 56,5%. Таким образом, в настоящее время более половины населения России в возрасте старше 14 лет включены в какие-либо социальные сети онлайн.

Как и в 2012 г., и позже, сохраняется поляризация аудиторий: «Одноклассники» — сеть преимущественно для тех, кому за 40 и даже за 60; «ВКонтакте» — для тех, кому 14–25 лет и, в несколько меньшей степени, 26–40 лет (табл. 16). При этом популярность

сети «Одноклассники» несколько снизилась (с 78,0 до 62,3%), а «ВКонтакте» — выросла (с 63,7 до 72,9%). Аудитория «Фейсбук» стабильно держится на уровне около 15% и значительно меньше зависит от возраста, хотя заметно, что популярность этой сети среди молодежи выросла (с 15,8 до 20,1%). «Твиттер» стал несколько менее популярен (5,6% в 2019 г. против 6,6% в 2012 г.), и его больше используют молодые. «Живой Журнал» «умер» уже к 2016 г., зато появились новые ресурсы, которые становятся все более популярны: «Инстаграм» в 2019 г. использовали 41,7% посетителей социальных сетей (среди молодежи — 58,1%); «Телеграм», создававшийся сначала как мессенджер, — 9,7% (среди молодежи — 15,7%); «Ютьюб», также ставший более похожим на социальную сеть, а не просто на видеоресурс, — 38,9% (среди молодежи — 50,4%).

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос:
«Вы посещаете эти социальные сети онлайн?»,
по возрастным группам, 2012, 2016 и 2019 гг., вертикальный % среди посетителей социальных сетей

Посещение соцсетей	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
2012					
«Одноклассники»	66,2	84,6	86,1	81,5	78,0
«ВКонтакте»	82,1	58,3	41,0	43,6	63,7
«Фейсбук»	15,8	14,5	12,6	11,5	14,5
«Живой Журнал»	2,9	3,9	2,8	4,5	3,3
«Твиттер»	9,7	5,4	3,4	4,5	6,6
2016					
«Одноклассники»	50,8	72,1	83,5	86,2	69,8
«ВКонтакте»	90,0	72,7	50,7	35,7	70,2
«Фейсбук»	17,0	14,7	12,7	15,3	14,8
«Живой Журнал»	1,4	1,8	1,0	1,4	1,5
«Твиттер»	9,1	4,6	2,8	2,0	5,3
2019					
«Одноклассники»	42,7	63,7	76,9	83,6	62,3
«ВКонтакте»	89,9	78,5	55,1	38,7	72,9
«Фейсбук»	20,1	16,7	13,6	13,4	16,6
«Твиттер»	9,7	5,1	2,5	3,6	5,6
«Инстаграм»	58,1	46,1	25,7	14,3	41,7
«Ютьюб»	50,4	41,0	28,6	20,1	38,9
«Телеграм»	15,7	9,9	4,6	3,6	9,7

При этом достаточно много людей не просто вступают в разные сообщества («группы») внутри одной социальной сети, но одновременно пользуются несколькими: так, в 2019 г. из семи сетей, включенных в анкету RLMS-HSE, 28,9% респондентов отметили только одну, 30,1% — две, 19,6% — три, 13,2% — четыре, а 7,7% — пять и более. Заметно также, что люди старшего возраста более «лояльны»

и чаще выбирают только одну сеть, а молодежь предпочитает плюрализм, находя в разных сетях что-то свое или, возможно, еще только решая, какая из соцсетей им больше подходит (табл. 17).

Таблица 17

Посещение респондентами социальных сетей онлайн,
по возрастным группам, 2019 г., вертикальный % среди посетителей социальных сетей

Количество посещаемых соцсетей	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
0 из перечисленных	0,1	0,5	0,8	2,0	0,5
1	19,8	23,6	39,4	55,7	28,9
2	25,7	31,7	33,4	26,6	30,1
3	26,4	20,2	14,2	7,3	19,6
4	17,1	15,5	8,2	5,0	13,2
5	7,1	5,6	2,7	1,4	5,0
6	2,8	1,6	0,8	0,6	1,7
7	1,0	1,3	0,5	1,4	1,0
Среднее	2,78	2,56	2,03	1,71	2,42

Как видно из таблицы 18, лишь немногие из опрошенных пользуются социальными сетями онлайн менее года: 3,7% в 2016 г. и 1,9% в 2019 г., и эти доли еще меньше среди молодежи. Если среди тех, кому 14–25 лет, в 2016 г. половина отметили стаж от 2 до 5 лет, то в 2019 г. таких стало 35,7%, еще 35,9% пользуются соцсетями онлайн 6–9 лет. То есть сегодняшние 14-летние начали пользоваться соцсетями в возрасте младше 10 лет. Самый большой стаж, 10 и более лет, наиболее характерен для среднего возраста (26–40 лет).

Таблица 18

Распределение ответов на вопрос:
«Сколько примерно лет назад Вы впервые стали пользоваться социальной сетью?»,
по возрастным группам, 2016 и 2019 гг., вертикальный % среди посетителей социальных сетей

Количество лет пользования соцсетями	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
2016					
1 год и менее	2,7	2,1	6,8	7,1	3,7
2–5 лет	50,0	35,8	46,2	58,0	43,4
6–9 лет	33,2	36,7	26,9	22,7	32,6
10 и более лет	7,6	17,8	13,1	8,8	13,4
2019					
1 год и менее	1,3	0,9	3,2	3,9	1,9
2–5 лет	35,7	15,0	27,2	35,2	26,0
6–9 лет	35,9	30,6	28,3	29,9	31,5
10 и более лет	18,2	43,2	30,2	23,9	30,8
Затруднились ответить	8,9	10,2	11,1	7,2	9,9

Социальные сети для их адептов превратились в ежедневное занятие. Еще в 2016 г. 62,1% респондентов отметили, что посещают их практически каждый день, среди молодежи — 81,9%. В 2019 г. соответствующие цифры достигли 73,6 и 88,7% (табл. 19). Примерно каждый пятый в 2019 г. заходил в соцсети 1–2 раза в неделю (среди молодежи — каждый десятый) и лишь 2,1% опрошенных делали это раз в месяц или реже.

Таблица 19

Распределение ответов на вопрос:
«Как часто Вы посещаете социальную сеть, которой пользуетесь чаще всего?»,
по возрастным группам, 2016 и 2019 гг., вертикальный % среди посетителей социальных сетей

Частота посещения соцсетей	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
2016					
Раз в год или реже	0,0	0,4	0,6	0,6	0,4
Несколько раз в год	0,3	1,0	2,5	2,8	1,3
Раз в месяц	0,4	2,2	4,5	4,8	2,4
2–3 раза в месяц	1,7	6,4	10,1	9,4	6,2
1–2 раза в неделю	15,6	30,6	34,5	31,3	27,6
Практически каждый день	81,9	59,4	47,8	51,1	62,1
2019					
Раз в год или реже	0,0	0,0	0,2	0,6	0,1
Несколько раз в год	0,2	0,6	1,5	1,8	0,8
Раз в месяц	0,3	0,9	2,3	1,5	1,2
2–3 раза в месяц	1,0	4,2	6,2	8,4	4,1
1–2 раза в неделю	9,8	20,0	28,7	31,0	20,2
Практически каждый день	88,7	74,2	61,1	56,7	73,6

Сравнивая 2016 и 2019 гг., можно сказать, что за это время у пользователей соцсетей увеличилось количество друзей: если в 2016 г. у 49,0% пользователей было не более 50 друзей, то в 2019 г. их доля составила 41,1%. Распределение респондентов по возрастам и количеству друзей в социальных сетях в 2016 и 2019 гг. представлено в таблице 20. Как свидетельствуют данные таблицы, у молодежи ожидаемо больше друзей, чем у людей старшего возраста, и особенно пожилых.

Какие же практики в социальных сетях наиболее востребованы? Как можно заметить из данных, приведенных в таблице 21, самая востребованная — это общение при помощи личных сообщений (что, по сути, является заменой телефонному разговору или сообщению по электронной почте), таким способом общения пользовались 88,6% (среди молодежи — 92,2%).

Таблица 20

Распределение ответов на вопрос: «Сколько примерно у Вас друзей, не считая подписчиков, в социальной сети, которой Вы пользуетесь чаще всего?», по возрастным группам, 2016 и 2019 г., вертикальный % среди посетителей социальных сетей

Количество друзей в соцсетях	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
2016					
Менее 10	9,4	13,8	20,4	27,9	15,0
11–20	11,1	12,7	20,2	21,7	14,6
21–50	15,7	18,7	23,4	24,6	19,4
51–100	25,2	23,4	18,1	13,9	22,1
101–200	24,3	18,8	12,0	7,4	18,0
201–500	12,1	10,4	5,2	3,9	9,2
501–1000	1,4	1,4	0,4	0,0	1,1
Более 1000	0,8	0,8	0,3	0,6	0,7
2019					
Менее 10	6,1	10,3	15,3	21,9	11,1
11–20	9,7	9,6	16,0	21,6	12,2
21–50	17,5	15,4	20,6	19,7	17,8
51–100	23,2	23,8	23,8	17,9	23,3
101–200	23,4	24,8	16,4	11,6	21,2
201–500	15,6	12,7	6,4	5,6	11,3
501–1000	3,3	2,0	1,0	1,3	2,1
Более 1000	1,4	1,4	0,5	0,3	1,1

Таблица 21

Распределение ответов на вопрос:
«За последние 12 месяцев в социальных сетях Вы..?»,
по возрастным группам, 2019 г., вертикальный % среди посетителей социальных сетей

Действия в социальных сетях	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
Просматривали чужие посты, новости	90,8	87,7	78,5	68,5	84,8
Делали перепосты, лайки или комментарии к чужим постам	81,4	73,9	58,7	44,9	70,0
Публиковали собственные посты	69,7	55,3	34,3	23,7	51,5
Размещали свои фотографии, селфи, видео	81,2	71,1	56,9	47,1	68,5
Общались при помощи личных сообщений	92,2	90,3	84,7	79,9	88,6
Скачивали различные материалы: видео, фото, книги и т. д.	76,9	64,5	46,3	33,5	61,0

Как видно из таблицы 21, на втором месте находится просмотр постов и новостей (84,8%, среди молодежи – 90,8%) – это «пассивная», потребительская практика, как и скачивание различных материалов (61,0%). Несколько менее

распространены «полуактивные» практики, а именно — перепосты, лайки и комментарии, — 70,0% (среди молодежи — 81,4%). Примерно такая же доля людей размещает свои личные материалы (фото, селфи, видео и т. д.) — 68,5% (среди молодежи — 81,2%). Меньше всего тех, кто публиковал собственные посты (как правило, это тексты, которые могут сопровождаться визуальными материалами) — 51,5% (среди молодежи — 69,7%).

Как показывают ответы респондентов на вопросы о согласии или несогласии с рядом высказываний, представленных в таблице 22, социальные сети онлайн — это в первую очередь источник информации (71,8%) и возможность поделиться информацией или эмоциями (71,6%). Обе эти цели чуть более важны для молодежи и чуть менее — для людей в возрасте 41–60 лет.

Таблица 22

Доля респондентов, согласных со следующими высказываниями,
по возрастным группам, 2019 г., вертикальный % среди посетителей социальных сетей

Согласны ли Вы, что...	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
не можете себе представить свою жизнь без социальных сетей	58,1	46,2	33,0	31,6	45,0
Вам трудно оторваться от социальных сетей	35,7	21,7	11,6	11,6	22,2
в социальных сетях Вы получали поддержку или совет	54,9	44,0	33,6	35,1	43,6
у Вас уходит слишком много времени на социальные сети	36,1	19,6	11,3	10,1	21,5
социальные сети помогают Вам отвлечься от повседневных проблем	59,4	58,9	49,1	54,7	55,9
социальные сети иногда вызывают у Вас негативные эмоции	41,4	44,7	38,9	44,2	41,9
в социальных сетях Вы следите за новостями, событиями	76,6	73,4	65,4	69,9	71,8
социальные сети позволяют Вам поделиться эмоциями, фотографиями, информацией	80,7	72,3	63,4	61,7	71,6

Для более чем половины опрошенных социальные сети — это способ отвлечься от повседневных проблем (55,9%), но в то же время 41,9% респондентов считают, что соцсети иногда вызывают у них негативные эмоции (оба эти ответа менее типичны для людей среднего возраста). Довольно значительная доля респондентов отметили, что они смогли получить поддержку или совет, — 43,6%, среди молодежи — 54,9%. Обобщая, можно сказать, что около 45% опрошенных уже не могут себе представить жизнь без социальных сетей онлайн, причем среди молодежи так считают 58,1%. Но в то же время каждый пятый считает, что на соцсети тратит слишком много времени (среди молодых — каждый третий), что ему трудно оторваться от социальных сетей (также каждый третий среди молодежи). Таким образом, соцсети онлайн — это не только источник информации, поддержки и возможность самовыражения, но также и причина негативных эмоций, и, очевидно, еще один фактор формирования зависимости, от которой трудно избавиться.

Конечно, ожидаемо, что и распространенность отдельных практик в социальных сетях, и признаки аддиктивности, и возможности поддержки, как и релакса и негативных эмоций, существенно зависят от частоты их посещения (табл. 23).

Таблица 23

Типы активности в социальных сетях онлайн за последние 12 месяцев и согласие со следующими высказываниями, в зависимости от частоты посещений социальных сетей, 2019 г., вертикальный % среди посетителей социальных сетей

	«Как часто Вы посещаете социальную сеть, которой пользуетесь чаще всего?»					
	Раз в год или реже	Несколько раз в год	Раз в месяц	2–3 раза в месяц	1–2 раза в неделю	Каждый день
Активность за последние 12 месяцев						
Просматривали чужие посты, новости	72,7	56,2	62,6	66,8	73,0	89,6
Делали перепосты, ставили лайки или писали комментарии к чужим постам	34,1	20,3	28,0	37,9	51,3	77,8
Публиковали собственные посты	18,7	16,6	16,0	31,6	33,1	57,8
Размещали свои фотографии, селфи, видео	18,7	28,9	26,1	48,8	51,6	75,0
Общались при помощи личных сообщений	44,5	64,4	72,3	76,7	83,5	91,1
Скачивали различные материалы: видео, фото, книги и т. д.	29,2	14,7	32,7	43,9	43,8	67,0
Доля согласных с высказываниями						
Вы не можете себе представить свою жизнь без социальных сетей	0,0	21,8	24,4	37,6	30,7	51,2
Вам трудно оторваться от социальных сетей	0,0	5,0	5,9	21,8	12,4	26,1
В социальных сетях Вы получали поддержку или совет	18,7	15,3	24,1	31,1	32,5	48,8
У Вас уходит слишком много времени на социальные сети	18,7	5,1	2,2	3,1	8,5	27,2
Социальные сети помогают Вам отвлечься от повседневных проблем	18,7	22,6	28,2	37,9	49,0	61,0
Социальные сети иногда вызывают у Вас негативные эмоции	29,2	28,6	28,1	52,0	37,8	43,3
В социальных сетях Вы следите за новостями, событиями	44,5	31,6	45,3	45,8	62,4	78,0
Социальные сети позволяют Вам поделиться эмоциями, фотографиями, информацией	10,4	27,9	39,0	50,0	59,1	78,6

В первую очередь выделяются те, кто подключаются к сети каждый день или как минимум 1–2 раза в неделю. Среди них наиболее высока доля тех, кто общается при помощи личных сообщений, просматривает чужие посты, новости и размещает свои фотографии, селфи и видео. Этим людям социальные сети позволяют, прежде всего, отвлечься от повседневных проблем, поделиться эмоциями, следить за новостями и событиями.

Частота общения онлайн

Довольно часто в литературе можно встретить гипотезу, что люди стали меньше общаться, особенно лично, по мере с проникновения мобильной связи и социальных сетей в их жизнь. Так как более активными пользователями и первой, и вторых являются молодые люди, следовало бы ожидать, что они будут реже общаться. В 2016 г. в анкете RLMS-HSE был задан вопрос о частоте общения (лично или посредством телефона, электронной почты, скайпа и т. п.) с родственниками, живущими отдельно, и друзьями (табл. 24). Оказалось, что частота общения с родственниками не очень сильно зависит от возраста, хотя доля тех, кто общается с ними реже, чем раз в 1–2 недели, выше среди людей старшего возраста (11,1% респондентов), тогда как среди молодежи таких 9,1%, а среди людей среднего возраста – 7,5% респондентов. Еще более яркие возрастные различия наблюдаются по частоте общения с друзьями: так, 53,2% молодежи в возрасте 14–25 лет общаются с друзьями каждый день, тогда как среди людей среднего возраста эта доля составляет 22,8%, старшего возраста – 16,2%, пожилых – 13,8%.

Таблица 24

Распределение ответов на вопрос:
«Как часто Вы общаетесь, то есть встречаетесь, переписываетесь по электронной почте или разговариваете по телефону, скайпу... (с кем общаетесь чаще всего)?»,
по возрастным группам, 2016 г., вертикальный %

Частота общения	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
С родственниками, живущими отдельно					
Каждый день	31,4	34,3	31,2	31,8	32,3
Несколько раз в неделю	30,1	31,2	29,6	28,6	29,9
Раз в одну-две недели	24,1	22,2	22,4	22,4	22,6
Реже одного-двух раз в неделю	9,1	7,5	10,9	11,1	9,6
Никогда	0,5	0,7	0,8	0,8	0,7
Нет родственников, живущих отдельно	4,7	4,2	5,1	5,3	4,8
С друзьями					
Каждый день	53,2	22,8	16,2	13,8	23,3
Несколько раз в неделю	25,9	35,4	31,1	23,7	29,8
Раз в одну-две недели	12,2	24,5	26,2	21,5	22,4
Реже одного-двух раз в неделю	1,7	4,5	7,0	7,5	5,5
Никогда	0,2	0,2	0,5	0,5	0,4
Нет близких друзей	6,8	12,6	19,1	32,9	18,6

В отличие от 2016 г., в 2019 г. в вопросе о частоте общения с родственниками и друзьями отдельно учитывалось «очное» и «заочное» общение (табл. 25–27) Как свидетельствуют данные RLMS-HSE за 2019 г., между частотой личного общения (как с друзьями, так и с родственниками) и возрастом существует значимая отрицательная взаимосвязь. Отрицательной является связь между частотой личного общения и частотой пользования социальными сетями онлайн, а также временем пользования цифровыми устройствами (все коэффициенты корреляции значимы).

Таблица 25

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы общаетесь лично, при встрече с ..?»,
по возрастным группам, 2019 г., вертикальный %

Частота личного общения	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
С друзьями, знакомыми					
Каждый день	62,4	35,3	26,9	15,1	33,8
Несколько раз в неделю	25,1	34,9	34,7	31,4	32,2
Раз в одну-две недели	6,9	18,6	18,7	20,6	16,7
Реже одного-двух раз в неделю	4,5	10,7	18,4	27,9	15,5
Никогда или не относится	1,1	0,5	1,3	5,0	1,8
С родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	75,6	67,2	53,6	39,3	58,7
Несколько раз в неделю	11,7	17,5	20,6	26,2	19,1
Раз в одну-две недели	6,8	7,1	10,4	14,2	9,6
Реже одного-двух раз в неделю	4,9	6,9	12,7	16,2	10,3
Никогда или не относится	1,1	1,3	2,7	4,1	2,3

Как видно из таблицы 25, в 2019 г. каждый день лично общались с друзьями и знакомыми 62,4% молодежи, 35,3% лиц среднего возраста, 26,9% лиц старшего возраста и 15,1% пожилых людей. Напротив, раз в 1–2 недели или реже лично общались с друзьями 11,4% молодежи и 48,5% пожилых людей. Примерно также обстоят дела с личным общением с родственниками: каждый день их видят 75,6% молодых и 39,3% пожилых людей; раз в 1–2 недели или реже — 11,7% молодых и 30,4% пожилых людей.

Данные, приведенные в таблице 26, свидетельствуют о том, что среди тех, кто затрачивает на пользование электронными устройствами почти весь день или 4–6 часов в день, достаточно высока доля лиц, лично общающихся с друзьями (более 70% респондентов) и родственниками (около 66% респондентов) каждый день или несколько раз в неделю. Вероятно, это объясняется тем, что большинство активных пользователей электронных устройств составляет молодежь. Среди тех, кто посвящает своим гаджетам меньше часа в день, 56,6% респондентов общаются с друзьями и родственниками несколько раз в неделю или чаще. Сравнительно редко лично общаются с друзьями и родственниками те, кто не пользуется электронными устройствами: среди них каждый день видятся с друзьями 19,2% опрошенных, с родственниками — 43,9%.

Таблица 26

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы общаетесь лично, при встрече с ..?»,
в зависимости от времени, ежедневно затрачиваемого на пользование цифровыми устройствами,
2019 г., вертикальный %

Частота личного общения	Время пользования цифровыми устройствами				
	Не пользуется	Меньше часа	1–3 часа	4–6 часов	Весь день
С друзьями, знакомыми					
Каждый день	19,2	23,4	38,1	46,4	45,1
Несколько раз в неделю	32,6	33,2	34,7	28,1	26,9
Раз в одну-две недели	18,1	21,6	15,9	14,8	13,0
Реже одного-двух раз в неделю	24,5	20,5	10,9	9,7	14,7
Никогда или не относится	5,6	1,3	0,5	1,0	0,2
С родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	43,9	56,6	62,9	66,8	66,4
Несколько раз в неделю	22,5	19,7	19,1	15,7	15,8
Раз в одну-две недели	12,4	10,4	8,2	8,5	8,9
Реже одного-двух раз в неделю	15,7	11,6	8,4	7,8	7,9
Никогда или не относится	5,5	1,6	1,4	1,3	1,0

Также заметна положительная связь между частотой посещений социальных сетей и частотой личного общения с друзьями и родственниками (табл. 27). Реже всего о личном общении сообщают те респонденты, кто пользуется социальными сетями несколько раз в год или вообще ими не пользуется.

Таблица 27

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы общаетесь лично, при встрече с ..?»,
в зависимости от частоты посещений социальных сетей, 2019 г., вертикальный %

Частота личного общения	Частота посещений соцсетей					
	Не пользуется	Несколько раз в год	Раз в месяц	2–3 раза в месяц	1–2 раза в неделю	Каждый день
С друзьями, знакомыми						
Каждый день	22,4	21,2	25,0	27,6	31,9	46,0
Несколько раз в неделю	31,9	30,8	30,6	28,8	32,2	31,0
Раз в одну-две недели	19,0	26,9	18,1	24,3	20,4	13,4
Реже одного-двух раз в неделю	23,1	19,2	25,0	18,9	15,0	8,9
Никогда или не относится	3,7	1,9	1,4	0,4	0,5	0,6
С родителями, детьми, другими родственниками						
Каждый день	48,3	49,1	65,8	64,2	61,2	67,4
Несколько раз в неделю	21,9	24,5	9,6	16,9	16,8	16,6
Раз в одну-две недели	12,0	15,1	11,0	9,1	9,3	7,8
Реже одного-двух раз в неделю	13,9	11,3	13,7	9,1	11,3	7,1
Никогда или не относится	4,0	0,0	0,0	0,8	1,5	1,1

То же самое относится к общению по телефону или с помощью сети Интернет. По скайпу, ватсапу, в социальных сетях как с друзьями, так и с родственниками чаще контактируют молодые люди, а также те, кто чаще подключаются к социальным сетям и чаще пользуются цифровыми устройствами (табл. 28–30). Вероятно, молодой возраст в первую очередь объясняет частоту дистанционного общения. Онлайн или по телефону каждый день общаются с друзьями 65,0% молодых людей; с родственниками каждый день общается 70,9% молодежи. Напротив, среди пожилых людей в дистанционном формате ежедневно общаются с друзьями только 18,1% опрошенных, с родственниками – 44,6% опрошенных в данной возрастной группе.

Реже всего общаются дистанционно респонденты, не пользующиеся электронными устройствами. Среди респондентов, заявивших о том, что они не используют гаджеты, ежедневно общаются онлайн и по телефону с друзьями 17,7% опрошенных, с родственниками – 41,2%. Среди тех, кто, напротив, использует гаджеты на протяжении всего дня, ежедневно общаются с друзьями 63,1% опрошенных, с родственниками – 71,3%. Аналогично, активнее всего общаются онлайн те, кто посещает соцсети каждый день: среди них ежедневно общаются с друзьями 56,1% респондентов, с родственниками – 69,7%. Среди тех, кто не имеет профиля в социальных сетях, ежедневно дистанционно общаются с друзьями 23,2% респондентов, с родственниками – 47,0%.

Кроме того, была обнаружена и значимая взаимосвязь между личным и дистанционным общением (по телефону или при помощи Интернета). Таким образом, гипотеза о замещении «очного» общения «заочным» не подтвердилась, напротив – Интернет, телефон и различные мессенджеры помогают людям чаще общаться.

Таблица 28

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы общаетесь по телефону или с помощью Интернета: по Skype, WhatsApp, в социальных сетях с...?», по возрастным группам, 2019 г., вертикальный %

Частота общения по телефону или с помощью Интернета	Возраст респондентов, лет				
	14–25	26–40	41–60	61+	Всего
С друзьями, знакомыми					
Каждый день	65,0	44,0	30,7	18,1	38,8
Несколько раз в неделю	24,8	35,1	37,5	33,2	33,5
Раз в одну-две недели	4,7	11,5	14,5	16,5	12,1
Реже одного-двух раз в неделю	3,8	5,9	11,8	18,4	10,0
Никогда или не относится	1,8	2,5	5,5	13,9	5,6
С родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	70,9	63,2	55,0	44,6	58,3
Несколько раз в неделю	17,3	21,4	24,3	27,8	22,8
Раз в одну-две недели	3,9	5,0	7,7	8,9	6,5
Реже одного-двух раз в неделю	3,6	5,5	6,5	6,9	5,7
Никогда или не относится	4,3	4,8	6,4	11,8	6,7

Таблица 29

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы общаетесь по телефону или с помощью Интернета: по Skype, WhatsApp, в социальных сетях с...?», в зависимости от времени, ежедневно затрачиваемого на пользование цифровыми устройствами, 2019 г., вертикальный %

Частота общения по телефону или с помощью Интернета	Время пользования цифровыми устройствами				
	Не пользуется	Меньше часа	1–3 часа	4–6 часов	Весь день
С друзьями, знакомыми					
Каждый день	17,7	28,8	42,3	54,0	63,1
Несколько раз в неделю	31,6	38,6	38,1	29,0	21,1
Раз в одну-две недели	15,7	16,1	10,5	9,5	8,4
Реже одного-двух раз в неделю	18,1	13,0	6,5	5,6	6,7
Никогда или не относится	16,9	3,4	2,6	1,9	0,8
С родителями, детьми, другими родственниками					
Каждый день	41,2	57,0	61,7	66,6	71,3
Несколько раз в неделю	25,6	24,6	23,4	20,2	16,7
Раз в одну-две недели	8,8	7,3	5,8	5,7	4,0
Реже одного-двух раз в неделю	8,7	6,3	4,6	4,0	5,6
Никогда или не относится	15,7	4,9	4,5	3,4	2,5

Таблица 30

Распределение ответов на вопрос: «Как часто Вы общаетесь по телефону или с помощью Интернета: по Skype, WhatsApp, в социальных сетях с...?», в зависимости от частоты посещений социальных сетей, 2019 г., вертикальный %

Частота общения по телефону или с помощью Интернета	Частота посещений соцсетей					
	Не пользуется	Несколько раз в год	Раз в месяц	2–3 раза в месяц	1–2 раза в неделю	Каждый день
С друзьями, знакомыми						
Каждый день	23,2	26,4	39,7	29,2	30,8	56,1
Несколько раз в неделю	32,6	39,6	32,9	39,1	41,2	31,2
Раз в одну-две недели	15,9	17,0	15,1	18,9	16,5	7,3
Реже одного-двух раз в неделю	16,5	15,1	8,2	11,9	9,7	4,0
Никогда или не относится	11,8	1,9	4,1	0,8	1,9	1,5
С родителями, детьми, другими родственниками						
Каждый день	47,0	47,2	65,8	57,5	57,0	69,7
Несколько раз в неделю	25,1	32,1	16,4	29,2	25,8	18,5
Раз в одну-две недели	8,5	11,3	4,1	5,8	7,1	4,8
Реже одного-двух раз в неделю	7,7	7,5	6,8	5,4	5,7	3,8
Никогда или не относится	11,6	1,9	6,8	2,1	4,4	3,2

Рассмотренные нами данные говорят о том, что цифровое общество в России находится в процессе формирования с начала 2000-х годов, но особенно после 2010 г. характерные его черты становятся свойственными все большему количеству людей. В первую очередь это молодежь и люди среднего возраста, которые в наибольшей степени подвержены инновациям. Однако за последние лет пять Интернет и социальные сети охватывают людей старшего возраста, а также пожилых. Частично это происходит за счет старения возрастных когорт — сегодня к группе старшего возраста (41–60 лет) относятся те, кто 20 лет назад относились к группе молодого или среднего возраста, т. е. имели возможность в то время активно осваивать гаджеты, Интернет и социальные сети. Пожилым людям, которым сейчас за 60, это сделать сложнее, однако и они все чаще становятся их пользователями. Причем социальные сети онлайн и мобильные устройства не являются заменой очному общению, а, напротив, дополняют его и способствуют более тесным социальным связям. Так как три движущие силы цифрового общества в России набирают все больший оборот, мы полагаем, что и важнейшая его характеристика — сетевой индивидуализм — также присутствует, о чем свидетельствует, в первую очередь, развитие социальных сетей онлайн: рост времени, которое люди проводят в них, и их роль в социальной жизни. Фактически многим они заменяют традиционные СМИ, дают возможность самовыражения, существенно дополняют или даже заменяют соседские и очные дружеские связи. При этом важнейшими чертами соцсетей онлайн являются свобода выбора кругов общения и возрастание роли слабых связей, что дает возможность человеку оставаться одновременно обособленным и включенным в группы.

Список литературы

Богданов М. Б. Пользование сетью Интернет в России в 2003–2015 гг. / М. Б. Богданов, Д. В. Лебедев // Вестник Российского мониторинга экономическо-го положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE): сб. науч. ст. Вып. 7. / Отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ ВШЭ, 2017. С. 129–145.

Добринская Д. Е. Цифровое общество в социологической перспективе // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2019. № 25 (4). С. 175–192.

Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева; под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория; Изд-во Гуманит. ун-та, 2004. 327 с.

Тенденции развития интернета в условиях формирования цифровой экономики: аналитический доклад / Г. И. Абдрахманова, Н. В. Бондаренко, К. О. Вишневский [и др.]; Координационный центр национального домена сети Интернет; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 204 с.

Dufva T. Grasping the future of the digital society / T. Dufva, M. Dufva // Futures. 2019. Vol. 107. P. 17–28.

Negroponte N. Being Digital. London: Hodder and Stoughton & Knopf Inc., 1995. 272 p.

Rainie L. Networked: The New Social Operating System. Illustrated edition / L. Rainie, B. Wellman. Cambridge: The MIT Press, 2014. 358 p.

Wellman B. Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. № 25 (2). P. 227–252.

doi: 10.19181/rlms-hse.2021.2

THE DEVELOPMENT OF DIGITAL SOCIETY IN RUSSIA

Roshchina Ya. M.

Abstract. The article analyses the use of digital technologies in Russia in the decade between 2009 and 2019. The use of digital devices (personal computers, laptops, mobile phones) spread rapidly during the last decade, with mobile phones enjoying considerable popularity. The proportion of people who own a mobile phone skyrocketed from 6.4% in 2012 to 62.7% in 2019. Nonetheless, 26.6% of respondents still had no other digital devices except for a basic mobile phone without an Internet connection. About 64.1% of the elderly had only such phones in 2019. In 2019, people under 40 on average spent three to four hours a day using digital devices; the older people spent two or two and a half hours a day in front of their devices. Those who used digital devices longer were more likely to report tiredness and anxiety. The number of Internet users increased dramatically, from 10.3% in 2003 to 72.0% in 2019 in general and from 22.4 to 97.8% among the youth. The digital divide persisted as age, education and residence remained a critical factor in getting an Internet connection. In 2019, the elderly who lived in the countryside had the lowest chances to access the Internet. In 2019, compared to 2009, people more often searched the web to network and communicate, to find entertainment and information, to purchase goods and services. An Internet connection became less important when it comes to work and education. In 2019, 79.3% of Internet users had an account on social media. The number of people checking their social media profiles on a daily basis increased from 62.1% in 2016 to 71.3% in 2019 in general and from 81.9 to 88.0% among the youth. The majority of respondents (89.0%) used social media to send private messages. People regarded social media as a convenient tool for sharing and receiving information, keeping their mind off everyday routine, and finding emotional and financial support. The high level of online networking did not correspond to the decreasing level of social activities offline.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, digital society, digital technologies, Internet, social networks.

References

Abdrakhmanova G. I., Bondarenko N. V., Vishnevskiy K. O., Gokhberg L. M. i dr. Tendentsii razvitiya interneta v usloviyakh formirovaniya tsifrovoy ekonomiki: analiticheskiy doklad / Koordinatsionnyy tsentr natsional'nogo domena seti Internet, Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki», 2018. 204 s.

Bogdanov M. B., Lebedev D. V. Pol'zovaniye set'yu Internet v Rossii v 2003–2015 gg. // Vestnik Rossiyskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VSh-E (RLMS HSE): sb. nauch. st. / otv. red. P. M. Kozyreva. M.: Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki», 2017. Vyp. 7. C. 129–145.

Dobrinskaya D. E. Tsifrovoye obshchestvo v sotsiologicheskoy perspektive // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2019. № 25 (4). S. 175–192.

Kastel's M. Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve : per. s angl. / M. Kastel's. Ekaterinburg: U-Faktoriya, Izd-vo Gumanit. un-ta, 2004. 327 s.

Dufva T., Dufva M. Grasping the future of the digital society // Futures. 2019. Vol. 107. Pp. 17–28.

Negroponte N. Being Digital. London: Hodder and Stoughton & Knopf Inc., 1995. 272 pp.

Rainie L., Wellman B. Networked: The New Social Operating System. Illustrated edition. Cambridge: The MIT Press, 2014. 358 pp.

Wellman B. Physical Place and Cyberplace: The Rise of Personalized Networking // International Journal of Urban and Regional Research. 2001. № 25 (2). Pp. 227–252.

Колегова И. Е., Рощина Я. М.

МИЛЛЕНИАЛЫ И ИХ РОДИТЕЛИ: СРАВНЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СТАТУСОВ

doi: 10.19181/rlms-hse.2021.3

Аннотация. Данная работа преследует цель сравнить субъективные оценки социального статуса поколения миллениалов и их родителей — представителей реформенного поколения, — опираясь на данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)». В исследовании в группу миллениалов были включены респонденты в возрасте от 18 до 35 лет, хотя бы один раз принимавшие участие в опросе RLMS-HSE в 2016–2018 гг.; группу родителей составили респонденты, в том же возрасте участвовавшие в опросе в 1994–1996 гг. Субъективный социальный статус определялся на основании того, как респонденты оценивали свое положение по шкалам материального благосостояния, доступа к власти и уважения.

Полученные результаты показали, что поколение миллениалов в целом выше оценивает свое положение по всем трем шкалам по сравнению с представителями реформенного поколения. Тем не менее респонденты из обеих групп чаще всего помещают себя на средние (3–5) ступени шкалы материального благосостояния и средневысокие (5–7) ступени шкалы уважения. Наибольший разрыв наблюдается в случае субъективных оценок по шкале доступа к власти: 61,4% представителей реформенного поколения помещают себя на низшие (1–3) ступени, в то время как 64,3% миллениалов помещают себя на средние (3–5) ступени шкалы.

Как показал корреляционный и регрессионный анализ, за исключением оценок по шкале уважения между субъективными социальными статусами родителей реформенного поколения и детей-миллениалов в одном и том же возрасте не существует значимой связи. Субъективная оценка родителями своего социального статуса не оказывает влияния на субъективный социальный статус детей. Исключением является влияние высоких оценок по шкале доступа к власти у отцов реформенного поколения на высокие оценки детей-миллениалов по той же шкале. К сожалению, из-за смещения выборки родителей и детей в сторону населения, проживающего в менее развитых регионах, пгт и селах, с более низким уровнем образования и территориальной мобильности, полученные результаты нельзя распространять на всю генеральную совокупность, однако они представляют интерес как экспериментальный кейс.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, субъективный социальный статус, миллениалы, реформенное поколение, межпоколенная мобильность.

Субъективный социальный статус или то, как индивид воспринимает собственное место в социальной структуре¹, позволяет социологам изучать строение общества и социальную динамику, не ограничиваясь «сухими характеристиками денежных доходов и материального благосостояния»². Использование данного инструмента для социального анализа оказывается особенно актуальным в условиях возрастания социальной нестабильности, когда объективные индикаторы социального статуса, такие как доход, престиж и доступ к власти, оказываются не так чувствительны к изменениям³. Например, то, как высоко или низко человек оценивает свое положение в обществе, может быть связано с «социально-экономическими настроениями людей и их оценкой качества собственной жизни» в целом⁴. Поскольку восприятие и осознание индивидом своего места в обществе складывается из частных оценок различных сторон жизни человека, которые сливаются в субъективный социальный статус, то вполне закономерно встает вопрос об изучении этих оценок⁵.

Актуальность изучения субъективного социального статуса россиян и его детерминант обусловлена масштабными трансформациями, произошедшими в России в политической, экономической и социальной сферах за последние несколько десятилетий. Смена политического режима в 1990-х гг., провозглашение демократических ценностей и переход к рыночной экономике трансформировали не только внешние, но и внутренние особенности жизни россиян, их систему ценностей и восприятие своего места в социальной структуре⁶. С началом осознания трансформаций российского общества и их влияния на процесс самоидентификации современной молодежи поколенческий анализ оказался одной из наиболее привлекательных исследовательских единиц описания⁷. Это может быть объяснено тем, что поколения являются «калькой» того времени и той исторической эпохи, в которой живут их представители⁸. Таким образом, актуальность данного исследования связана с тем, что, исследуя российские поколения, мы исследуем и изменения, которые происходят с российским обществом и его социальной структурой.

Цель данного исследования — сравнить поколение миллениалов и их родителей посредством сопоставления субъективных социальных статусов. При выделении единиц межпоколенческого анализа мы будем опираться на *годы*

¹ Jackman M. R., Jackman R. W. An interpretation of the relation between objective and subjective social status // American sociological review. 1973. № 38(5). P. 569–582.

² Зудина А. А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 30.

³ Adolescents' perceptions of social status: development and evaluation of a new indicator / E. Goodman, N. E. Adler, I. Kawachi [et al.] // Pediatrics. 2001. № 108(2). E31. DOI: 10.1542/peds.108.2.e31

⁴ Шперлинь А. В. Роль уровня дохода и отношения к деньгам в детерминации субъективного экономического благополучия // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 58.

⁵ Бочарова Е. Е. К вопросу о внутренних детерминантах субъективного благополучия личности // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2008. № 10. С. 226–231.

⁶ Данилова Е. Проблема социальной идентификации населения постсоветской России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 3. С. 12–19; Рассолова И. В. Социальная идентификация личности в условиях трансформации современного российского общества: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2005. 220 с.

⁷ Ядова М. А. Миллениалы: социологический портрет поколения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 140–144.

⁸ Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 224 с.

взросления каждого из поколений: для представителей реформенного поколения (1968–1981 г.р.) они находятся в промежутке между 1985 и 1999 гг., а для миллениалов (1982–2000 г.р.) – между 2000 и 2016 гг.¹

Научный интерес к изучению поколений обусловлен не только желанием изучить их отличительные особенности, но и понять взаимоотношения, возникающие между представителями смежных поколений, проследить межпоколенческую динамику. Понятие поколений неразрывно связано с социально-историческим контекстом и коллективным опытом, разделяемым всеми людьми определенной эпохи. Значимую роль также играют «дух времени» и «идеи эпохи»: перенимаемые от других членов социума, они позволяют каждому отдельно взятому представителю поколения стать частью коллективного мира².

Российское реформенное поколение, поколение X или «неизвестное поколение»³ – это совокупность индивидов, рожденных в период «зрелого социализма» 1970–1980-х гг., чей период взросления и молодости приходился на 1985–1999 гг. – время горбачевской перестройки и последующих либеральных реформ⁴. Российская молодежь реформенного поколения испытала особые трудности ресоциализации. Не до конца усвоенные социалистические нормы и ценности необходимо было менять на полностью противоположные, те, что основывались на идеях капитализма. Важную роль в процессе ресоциализации сыграли не только внутренние, но и международные события: продолжение холодной войны, война в Афганистане и популяризация наркотиков⁵. Как следствие, представителей российского поколения реформ часто характеризуют как тех, кто ориентируется на ценности частной жизни в противовес коллективной, тех, кто предпочитает тесные социальные связи с представителями первичных неформальных групп (друзья или семья) в противовес вторичным формальным группам (рабочий коллектив или партия), а также тех, кто «живет настоящим, не желая нести ответственность за будущее»⁶. Самоидентификация представителей реформенного поколения сопряжена с воспроизведением определенного набора черт: «индивидуализм, готовность к изменениям, возможность выбора, техническая грамотность, стремление учиться в течение всей жизни, надежда на себя, неформальность взглядов, поиск эмоций, прагматизм, равноправие полов, глобальная информированность»⁷.

Миллениалы – поколение, которое приходит на смену реформенному поколению. Некоторые представители реформенного поколения также являются родителями миллениалов, что вызывает особый интерес для проведения межпоколенческого анализа. Годы рождения миллениалов варьируются от 1982 до 2000 г., а период их взросления приходится на 2000–2016 гг.⁸ Современная молодежь за-

¹ Радаев В. В. Указ. соч.

² Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Избранные труды / Пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевич. М.: Весь мир, 1997. 704 с.

³ Howe N., Strauss W. Millennials rising: The next great generation. New York: Vintage Books, 2000. 432 p.

⁴ Радаев В. В. Указ. соч. С. 45.

⁵ Howe N., Strauss W. Op. cit.

⁶ Емельянова Т. П., Дробышева Т. В. Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. С. 83.

⁷ Шамис Е., Антипов А. Теория поколений // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6. С. 42–46.

⁸ Радаев В. В. Указ. соч.

метно отличается от своих предшественников по ряду характеристик. Во-первых, миллениалы оказываются более образованными по сравнению со своими предшественниками, их культурный капитал заметно шире, что можно объяснить широким ассортиментом возможностей, которые предоставляет современный мир. Во-вторых, миллениалы становятся по-настоящему «цифровым поколением», практически всегда взаимодействуя с миром сквозь призму технологий. Данный аспект накладывает свой отпечаток не только на способы коммуникации, но и на образ жизни — миллениалы совершают больше онлайн-покупок, пользуются большим количеством социальных сетей и намного быстрее адаптируются к технологическим новинкам по сравнению с представителями поколения реформ¹. В-третьих, вследствие технологического прогресса миллениалы более разнообразно проводят свой досуг, нежели их предшественники. Они меньше потребляют алкоголь, по сравнению с представителями поколения реформ, несмотря на то что начинают впервые его пробовать намного раньше. В отличие от представителей старших поколений «социальный статус» для миллениалов оказывается важнее «материального статуса»². Иными словами, высокий заработок перестает быть главной жизненной ценностью, уступая ориентации на сбалансированное сочетание личной жизни и работы (work-life balance)³.

Однако если рассматривать два смежных поколения в один и тот же возрастной период, например в период взросления или вторичной социализации, мы сможем наблюдать ряд сходств. Для миллениалов так же, как и для реформенного поколения, характерны откладывание и усложнение процесса взросления⁴, снижающаяся религиозность, рост оценок уровня обобщенного доверия и субъективного благополучия⁵.

Так как фокус нашей работы направлен на сравнение двух смежных поколений, нам необходимо определить, как происходит трансмиссия норм и ценностей между представителями реформенного поколения и поколения миллениалов и существует ли она вообще. Преемственность поколений — это «процесс взаимной передачи, усвоения, сохранения и использования материальных и духовных ценностей, социальной информации и опыта предшествующих и сосуществующих поколений»⁶.

С одной стороны, трансмиссия ценностей может быть присуща каждому поколению вне зависимости от особенностей эпохи. Согласно теории социальной солидарности Дюркгейма, для сохранения стабильности и устойчивости общества как структуры необходимо поддержание социальной солидарности, передаваемой от поколения к поколению⁷. Согласно данному подходу, поколение миллениалов

¹ Водошнянова Е. В. Миллениалы: российская и европейская версии // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2020. № 1(13). С. 129–133; Радаев В. В. Указ. соч.

² Аврамова Е. М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 3. С. 82.

³ Радаев В. В. Указ. соч. С. 211.

⁴ Омельченко Е. Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв.: автореф. дис. ... доктора социол. наук: 22.00.06 / Ин-т социологии РАН. Москва, 2004. 48 с.

⁵ Радаев В. В. Указ. соч. С. 131.

⁶ Глотов М. Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 46.

⁷ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр.; сост. А. Б. Гофман; примеч. В. В. Сапова. М: Наука, 1991.

является «копией» предыдущего поколения, воспроизводя определенные ценности, транслируемые своими предшественниками, «реставрируя образ советского человека»¹. Также распространено мнение, что у современной молодежи отсутствует собственный символический дискурс, который мог бы выделить данное поколение как самостоятельное и уникальное².

С другой стороны, очевидный «поколенческий разрыв» между миллениалами и представителями реформенного поколения, их непохожесть в поведении, стиле жизни и самоидентификации заставляют нас усомниться в сохранении преемственности поколений³. Миллениалы социализируются в условиях, совершенно отличных от тех, в которых выросли их предшественники. Рост возможностей у миллениалов прямо пропорционален росту их тревог и разочарований⁴. Межпоколенная преемственность сменяется внутривозрастной, когда современная российская молодежь вынуждена полагаться только на себя и своих сверстников как наиболее приспособленных к современным условиям жизни⁵. Крушение авторитета старшего поколения в глазах молодого, девальвация духовных ценностей и норм окончательно подрывают межпоколенческую преемственность. Родительский авторитет также ставится миллениалами под сомнение. Меняется и поведение самих родителей, которые перестают играть роль «родителя» и начинают играть роль «друга», получая «взаимное удовольствие от общения»⁶. Таким образом, преемственность поколений не исчезла, а, скорее, существенно трансформировалась. Данный факт ставит под сомнение эффективность использования традиционных показателей при оценке характера межпоколенческой динамики, а также повышает необходимость использования новых инструментов для выявления межпоколенческих различий.

Методология исследования

Данное исследование осуществлено на основе данных, собранных в ходе «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)»⁷. В анкете RLMS-HSE на протяжении всех волн обследования задаются три вопроса о субъективном социальном статусе:

- Представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней, первой ступени стоят нищие, а на высшей, девятой — богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?

¹ Гудков Л. Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // *Общественные науки и современность*. 2007. № 6. С. 16–30.

² Пипия К. Куда пропал конфликт отцов и детей // *Ведомости*. 25.09.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/09/25/782022-kuda-propal-konflikt-ottsov-i-detei> (дата обращения: 25.03.2021).

³ Авраамова Е. М. Указ. соч.; Готов М. Б. Указ. соч.; Омельченко Е. Л. Указ. соч.; Радаев В. В. Указ. соч.

⁴ Радаев В. В. Указ. соч.

⁵ Готов М. Б. Указ. соч.

⁶ Твенге Дж. М. Поколение селфи. Кто такие миллениалы и как найти с ними общий язык. М.: Бомбора, 2018. С. 36.

⁷ Данные находятся в открытом доступе в сети Интернет на официальных страницах обследования RLMS-HSE: URL: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms>; <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 25.03.2021).

- А теперь представьте себе, пожалуйста, лестницу из 9 ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей — те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?
- И еще одна лестница из 9 ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей — те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?

Для проведения межпоколенческого анализа необходимо четко определить объект исследования и временной интервал, в котором мы будем сравнивать два поколения. Так как рассматриваемые нами два поколения — поколение реформ и поколение миллениалов — являются смежными, некоторые представители данных поколений имеют генеалогическую связь, т. е. являются родителями и детьми. Мы хотели проверить, есть ли корреляция между самоидентификацией родителей в 1990-х гг. и их детей в 2010-х гг. Таким образом, объектом данного исследования являются россияне в возрасте от 18 до 35 лет, участвовавшие в опросе в 2016–2018 гг., и их родители — представители реформенного поколения, участвовавшие в опросе RLMS-HSE в том же возрасте в 1994–1996, 1998 и 2000 гг.

Наше исследование имеет несколько методологических ограничений. Во-первых, мы используем выборку небольшого размера (1046 респондентов). Небольшой размер выборки обусловлен тем, что в нее попадали те миллениалы, которые участвовали в опросе хотя бы один год между 2016 и 2018 г., чьи родители также принимали участие в опросе в 1994–2000 гг. Во-вторых, выборка оказалась немного смещена в связи с включением родителей миллениалов, чей возраст не укладывается в обозначенные нами границы «реформенного поколения» даже с учетом его расширительной трактовки, начиная с 1960 года рождения. Однако в данном случае нас больше интересовал именно вопрос преемственности и социальной межпоколенческой динамики, поэтому небольшое расширение выборки в пользу родителей более старших возрастов вполне обоснованно, особенно когда большая часть родителей миллениалов родилась в нужный нам временной интервал.

Отбор кейсов в выборку происходил следующим образом. Сначала в базе данных были отобраны миллениалы, участвовавшие хотя бы в одной из волн обследования в 2016–2018 гг. в возрасте от 18 до 35 лет. Затем по идентификационным номерам были отобраны их родители — в большинстве своем представители реформенного поколения, которые также в возрасте 18–35 лет участвовали хотя бы в одной из волн опроса между 1994 и 2000 г. В результате мы объединяем полученные кейсы в выборку родителей и детей, чтобы выявить, как между собой связаны *субъективные социальные статусы* родителей («реформенного поколения») в середине 1990-х и детей («миллениалов») во второй половине 2010-х гг.

Так как миллениалов 1982–2000 годов рождения, участвовавших в опросах в 1996–2000 гг., немного, мы решили не ограничиваться фиксированным годом опроса и для каждого респондента отобрать последний год, в котором он участвовал. Многие из таких «детей-миллениалов» участвовали в опросе три раза (в 2016–2018 гг.), другие — два, а некоторые — только один. Чтобы не сокращать и без того небольшую выборку, мы включили в нее каждого респондента только один раз. То есть если индивид участвовал во всех трех волнах, мы используем его данные за 2018 г., если в двух первых — за 2017 г. и т. д. Год опроса используется как контрольная переменная. Так как не для всей выборки опрошенных есть данные о родителях за

все года опроса, мы берем переменную социального статуса родителей только за один год, преимущественно за 1996-й, однако в случае отсутствия данных за ближайший доступный год берем переменную за 1995, 1998, 1994 или 2000 гг.

Мы сравниваем субъективный социальный статус миллениалов за один год между 2016 и 2018 г. с субъективным социальным статусом их матерей в 1996–2000 гг., так как практически все респонденты проживали с матерью. У многих миллениалов либо была семья без отца, либо они проживали сначала с отцом, а потом с отчимом, у некоторых было два отчима. Таким образом, с целью унификации содержательных интерпретаций было принято решение сопоставлять восприятие миллениала себя в обществе с восприятием его/ее матери в том же возрасте — в 18–35 лет.

Чтобы выявить, как связаны субъективный социальный статус родителей в середине 1990-х гг. и субъективный социальный статус детей во второй половине 2010-х гг., мы оценим наличие связей между ними на основе корреляционного анализа с применением коэффициента Пирсона. Кроме того, мы оценим три регрессионные модели для зависимых переменных субъективного социального статуса по материальному благосостоянию, власти и уважению миллениалов с включением оценок субъективного статуса их родителей в 1990-е гг. Контрольные переменные — год опроса, экономические условия, социально-демографические характеристики, самооценка здоровья, занятость.

Реформенное поколение в 1994–1996 гг. и миллениалы в 2016–2018 гг.

Прежде чем перейти к анализу межпоколенной статусной мобильности остановимся на сравнении поколения миллениалов в возрасте 18–35 лет в 2016–2018 гг. (10 118 респондентов в выборке RLMS-HSE) и представителей реформенного поколения в том же возрасте в 1994–1996 гг. (7 937 респондентов). Сначала мы сопоставим некоторые их социально-экономические характеристики, а затем самооценку представителей этих поколений по трем шкалам — материального благосостояния, власти и уважения.

В каждом из рассматриваемых нами поколений в одном и том же возрасте доля мужчин и женщин была примерно одинакова (рис. 1).

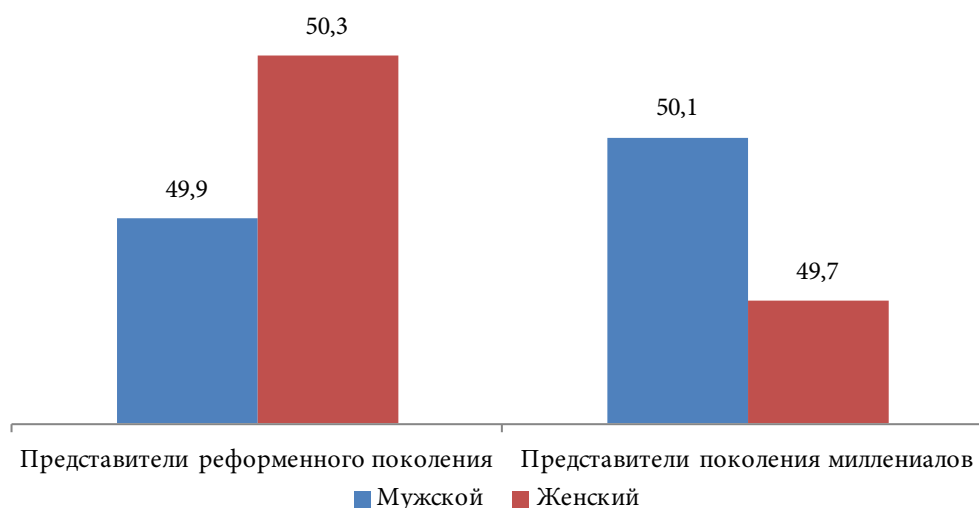

Рис. 1. Распределение по полу представителей реформенного поколения в 1994–1996 гг. и миллениалов в 2016–2018 гг., %

Говоря о семейном положении представителей каждого из поколений, можно отметить ряд отличительных особенностей (рис. 2). Если среди представителей поколения реформ в возрасте 18–35 лет наиболее распространенной формой семейного статуса был зарегистрированный брак (63% респондентов в 1994–1996 гг.), то среди представителей миллениалов данный статус становится менее распространенным (36,6% респондентов в 2016–2018 гг.).

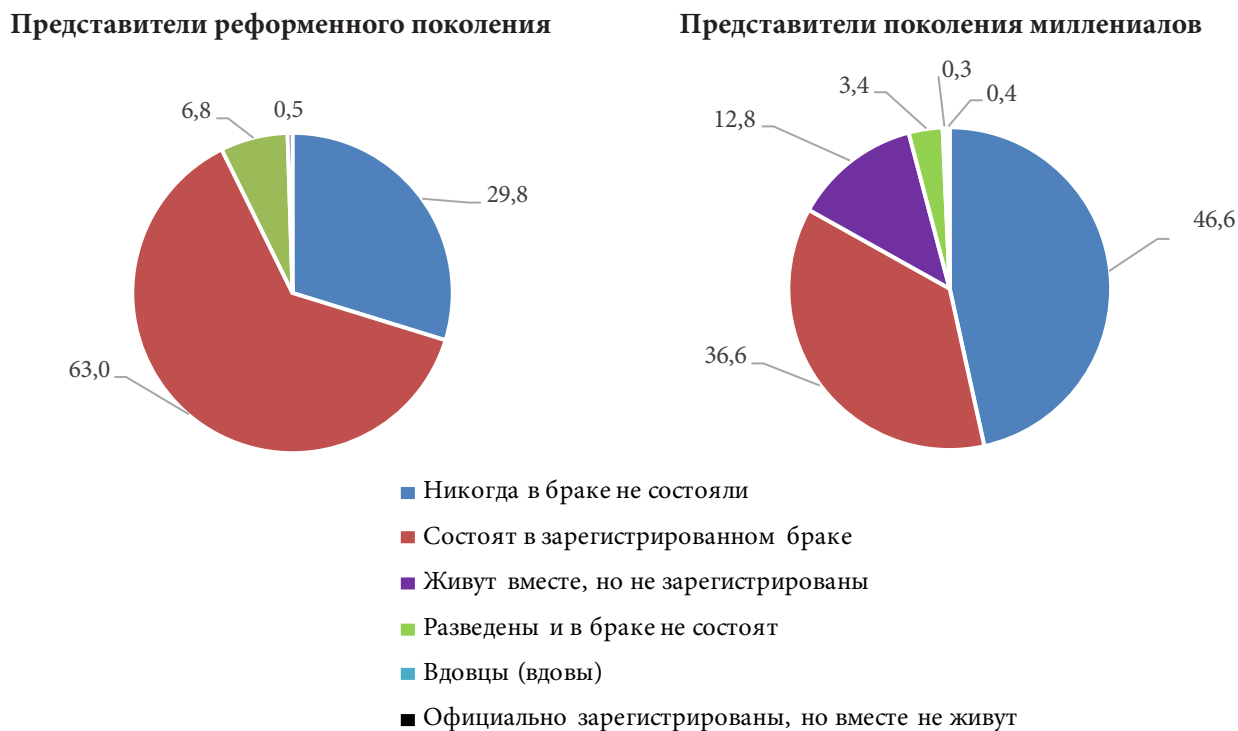

Рис. 2. Распределение по семейному статусу представителей реформенного поколения в 1994–1996 гг. и миллениалов в 2016–2018 гг., %

Среди миллениалов в возрасте 18–35 лет 46,6% респондентов никогда не состояли в браке, в то время как среди представителей реформенного поколения в том же возрасте доля респондентов без опыта вступления в брак составляла 29,8%. Миллениалы предпочитают не торопиться и не связывать себя брачными узами и серьезными отношениями. Это может быть связано как с утратой традиционных ценностей, так и с удлинившимся периодом детства¹. Более того, среди миллениалов в возрасте 18–35 лет заметно сократилась доля разведенных. Если в 1994–1996 гг. доля представителей поколения реформ, которые были разведены, составляла 6,8%, то в 2016–2018 гг. таких респондентов было вдвое меньше – 3,4%. Это может быть объяснено не столько крепостью брачных уз среди миллениалов, сколько сокращением практик вступления в брак в целом.

Также среди миллениалов довольно распространена практика сожительства, позволяющая оценить комфортность проживания с партнером до официальной регистрации брака. Так, в середине 2010-х гг. 12,8% миллениалов проживали с партнером в незарегистрированном браке и всего 0,4% миллениалов были официально зарегистрированы, но вместе не жили. К сожалению, в базе данных RLMS-HSE за 1994–1996 гг. отсутствуют аналогичные сведения о представителях реформенного поколения, что делает невозможным сопоставление миллениалов с реформенным поколением.

¹ Радаев В. В. Указ. соч.; Твенге Дж. М. Указ. соч.

Между двумя изучаемыми поколениями заметна разница в образовании, что подтверждают результаты предыдущих исследований¹. Согласно данным RLMS-HSE, в 2016–2018 гг. 55,1% миллениалов в возрасте от 18 до 35 лет уже имели высшее образование. В то время как в аналогичном возрасте большинство представителей реформенного поколения (59,6%) ограничились получением среднего образования в колледжах, ПТУ и техникумах (рис. 3). Это объясняется возросшим спросом и доступностью высшего образования, а также ростом отдачи от него по сравнению с серединой 1990-х гг.

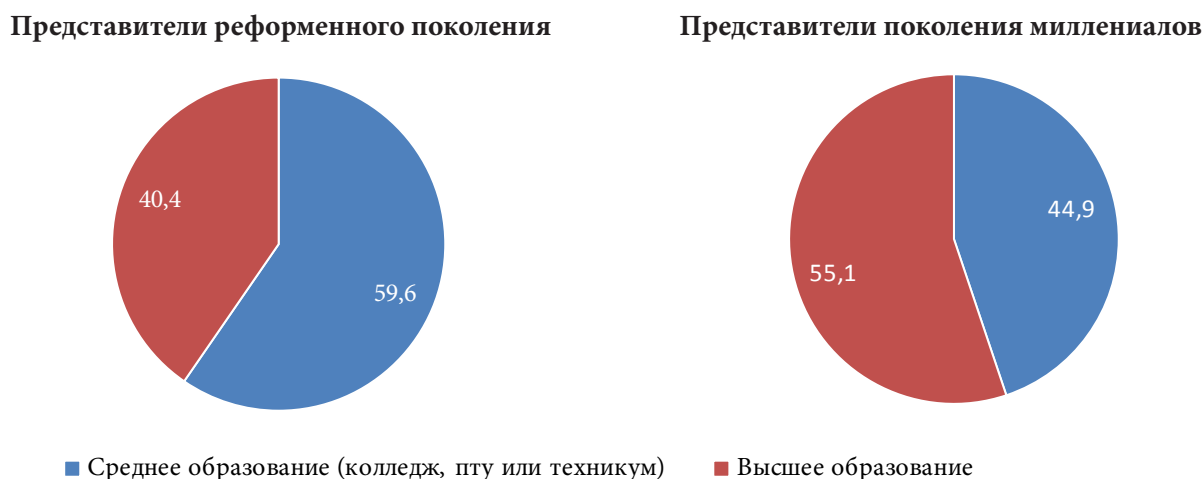

Рис. 3. Распределение по уровню образования представителей реформенного поколения в 1994–1996 гг. и миллениалов в 2016–2018 гг., %

Около 85% представителей как реформенного поколения, так и поколения миллениалов в возрасте 18–35 лет считают себя по национальности русскими, что соответствует национальному составу России, согласно данным Росстата за 2020 г. (табл. 1). Второй по распространенности национальностью оказались этносы Северного Кавказа (их доля в выборке выросла с 4,7% в 1994–1996 гг. до 7,4% в 2016–2018 гг.). На третьем месте – татары и башкиры (2,9% в 1994–1996 гг. и 2,0% в 2016–2018 гг.).

Таблица 1

Распределение по национальной принадлежности представителей реформенного поколения в 1994–1996 гг. и миллениалов в 2016–2018 гг., вертикальный %

	Реформенное поколение	Миллениалы
Русские, смешанные русские	83,6	85,5
Народы Северного Кавказа	4,7	7,4
Татары, башкиры	2,9	2,0
Малые народности Поволжья и Севера	2,9	1,8
Украинцы, белорусы, молдаване	2,5	0,5
Прочие европейские народы	2,1	1,5
Прочие неевропейские народы	1,3	1,3

¹ Радаев В. В. Указ. соч.

Распределение оценок по шкале субъективных оценок материального благосостояния у представителей поколения реформ и миллениалов в возрасте 18–35 лет в изучаемые нами годы довольно схоже. Как свидетельствуют данные, представленные на рисунке 4, большинство респондентов обоих поколений оценивают свое материальное положение как среднее (баллы от 3 до 5 на шкале оценок материального благосостояния). Представители обоих поколений крайне редко помещают себя на высшую ступень субъективного материального благосостояния.

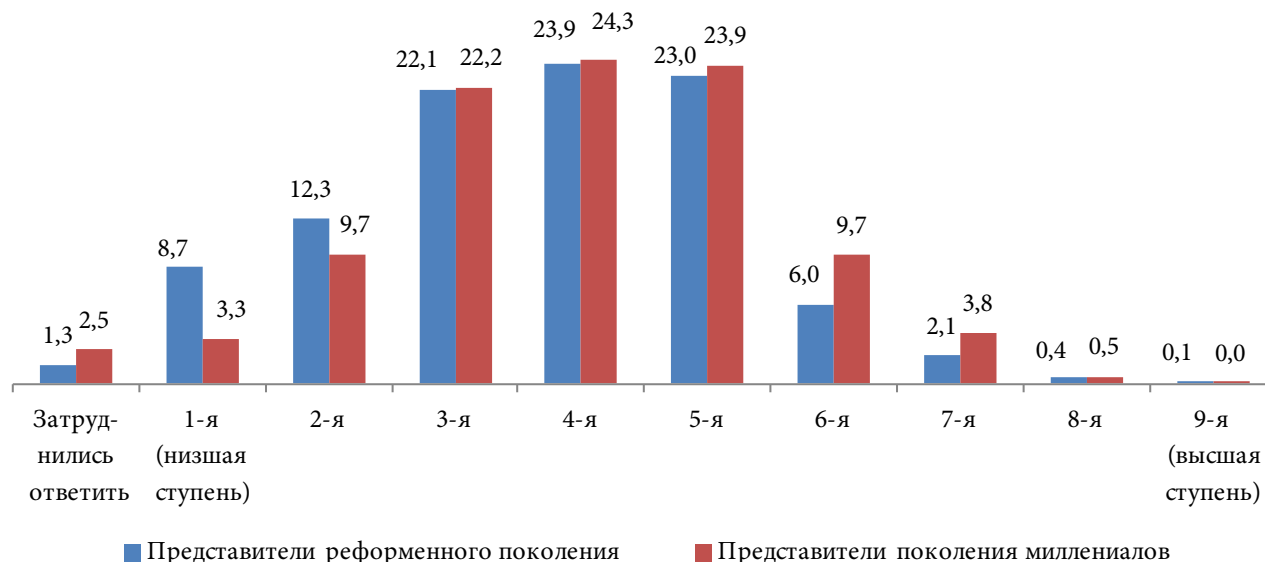

Рис. 4. Распределение оценок по шкале материального благосостояния представителей реформенного поколения в 1994–1996 гг. и миллениалов в 2016–2018 гг., %

Однако существуют и расхождения в восприятии представителями двух поколений своего места на шкале материального благосостояния. Так, представители реформенного поколения в середине 1990-х гг. по сравнению с миллениалами в середине 2010-х гг. в три раза чаще помещали себя на самую низшую ступень материального благосостояния. Это может быть объяснено менее благополучным историческим контекстом, взрослением в период экономического кризиса и дефицита. Напротив, миллениалы склонны оценивать свою позицию на шкале материального благополучия намного лучше, помещая себя на ступени выше среднего. У миллениалов и их родителей в настоящее время есть намного больше возможностей для получения более высоких доходов, чем было у поколения реформ.

Молодежь в середине 1990-х гг. оценивала свой доступ к власти ниже, чем молодежь во второй половине 2010-х гг. (рис. 5).

Более 20% опрошенных представителей поколения реформ поместили себя на низшую ступень шкалы субъективных оценок доступа к власти. Среди миллениалов эта доля была в четыре раза меньше — около 5,5 %. Аналогично представители реформенного поколения почти в три раза реже ставили себя на высшие ступени шкалы оценки доступа к власти по сравнению с представителями поколения миллениалов. Данный факт, вероятно, обусловлен тем, что молодым специалистам в 1990-х гг. было трудно занять руководящие позиции без опыта работы и профессиональной подготовки. Это замедляло карьерный рост и позволяло человеку стать специалистом лишь к 30–40 годам¹. Также это может быть связано

¹ Калинина Ю. Поколение Y // Бизнес-журнал. 2010. № 9 (174). С. 40–48.

с переустройством правящей элиты, нестабильной политической ситуацией в стране, что затрудняло людям доступ к политике. Миллениалы, совмещающие учебу, работу и дополнительные курсы по получению определенных профессиональных навыков, чаще всего выходят на рынок труда уже с опытом работы, что позволяет им намного раньше занимать руководящие должности и получать доступ к власти. Более того, рынок труда в середине 2010-х гг. предоставляет намного больше возможностей, что позволяет большему количеству молодых специалистов найти свое призвание и достичь в нем успехов, помещая себя на более высокие ступени шкалы субъективной оценки доступа к власти. Также для миллениалов более характерно участвовать в политике и осуществлении власти.

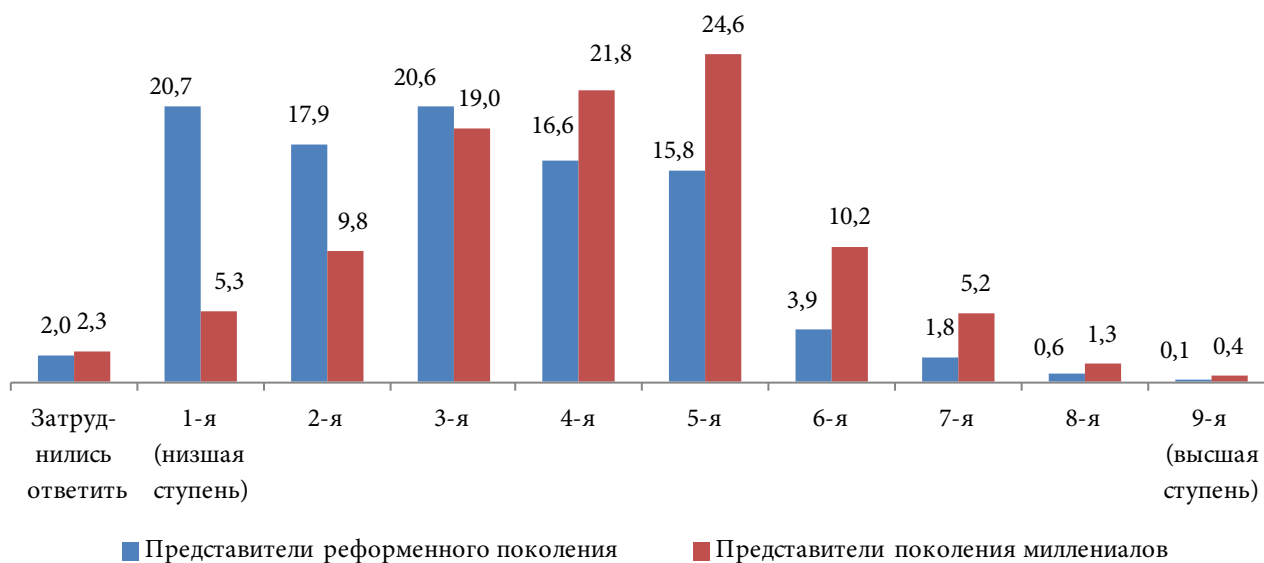

Рис. 5. Распределение оценок по шкале доступа к власти представителей реформенного поколения в 1994–1996 гг. и миллениалов в 2016–2018 гг., %

Представители изучаемых двух поколений практически одинаково оценивали свое положение на шкале уважения (рис. 6).

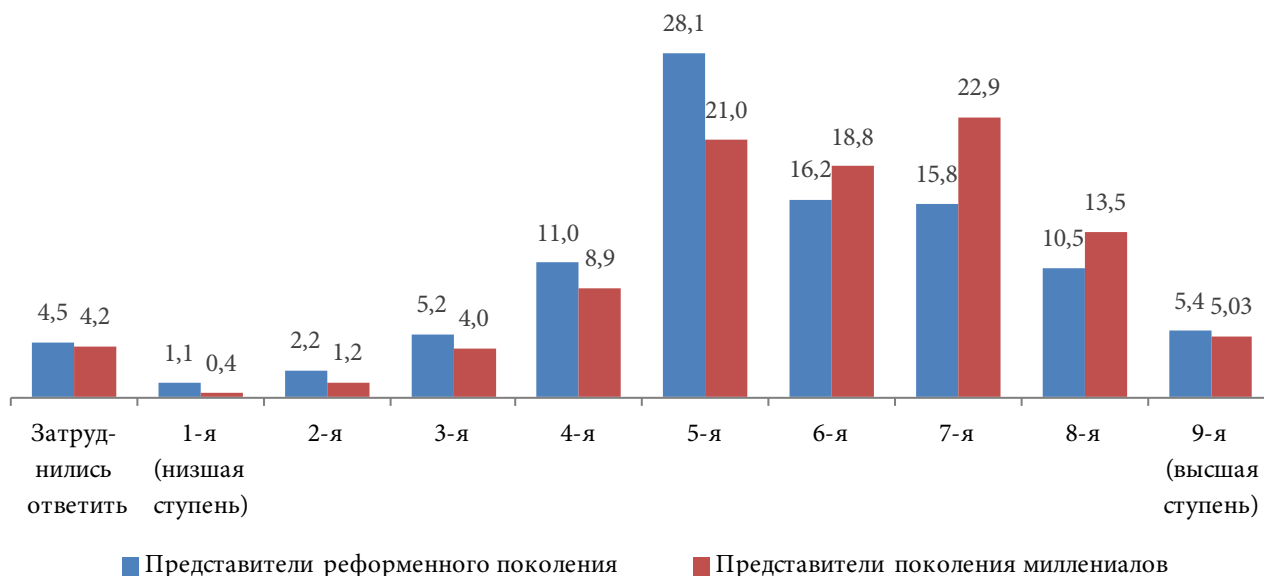

Рис. 6. Распределение оценок по шкале уважения представителей реформенного поколения в 1994–1996 гг. и миллениалов в 2016–2018 гг., %.

Крайне небольшие доли представителей поколения реформ в середине 1990-х гг. и представителей поколения миллениалов в середине 2010-х гг. были склонны оценивать свой статус в интервале от 1 до 4. Больше всего представителей реформ относили себя к пятой ступени, то есть к средней позиции на шкале уважения, в то время как субъективное восприятие миллениалами уважения к себе располагало их значительно выше — самой распространенной ступенью среди молодежи в возрасте 18–35 лет в середине 2010-х гг. была 7-я ступень. Это может быть объяснено как с точки зрения ускорившегося карьерного трека в новом тысячелетии, так и с точки зрения распространения демократических ценностей, способствующих более уважительному отношению друг к другу.

Межпоколенная статусная мобильность миллениалов

Мы рассматриваем статусную мобильность миллениалов по отношению к их родителям на основе специальной выборки, родившихся в 1982–2000 гг. и принимавших участие в опросах RLMS-HSE в 1994–2000 гг., респондентов, о чьих родителях мы также имеем данные опроса RLMS-HSE. Для того чтобы выявить, насколько выборка родителей реформенного поколения и их детей-миллениалов отличается от общей выборки двух поколений, мы провели сравнительный анализ представителей поколения миллениалов (репрезентативная выборка по России) и детей-миллениалов (специальная выборка). Численность выборки представителей миллениалов в России за 2016–2018 гг. составляет 10 118 респондентов, а численность детей-миллениалов, чьи родители участвовали в опросах RLMS-HSE в 1990-е гг., — 1046 респондентов. Одной из задач было выявить, насколько последняя выборка отличается от миллениалов в целом. Таким же образом мы сравнили характеристики родителей миллениалов в 1990-х гг. с характеристиками реформенного поколения в целом.

С одной стороны, демографические характеристики российских миллениалов в целом оказались весьма схожими с характеристиками детей-миллениалов из нашей малой выборки. Распределение по полу в обеих выборках весьма равномерно — доли мужчин и женщин практически равные (рис. 7). Медианный возраст равен 28 годам, а среднее значение возраста составляет примерно 27 лет.

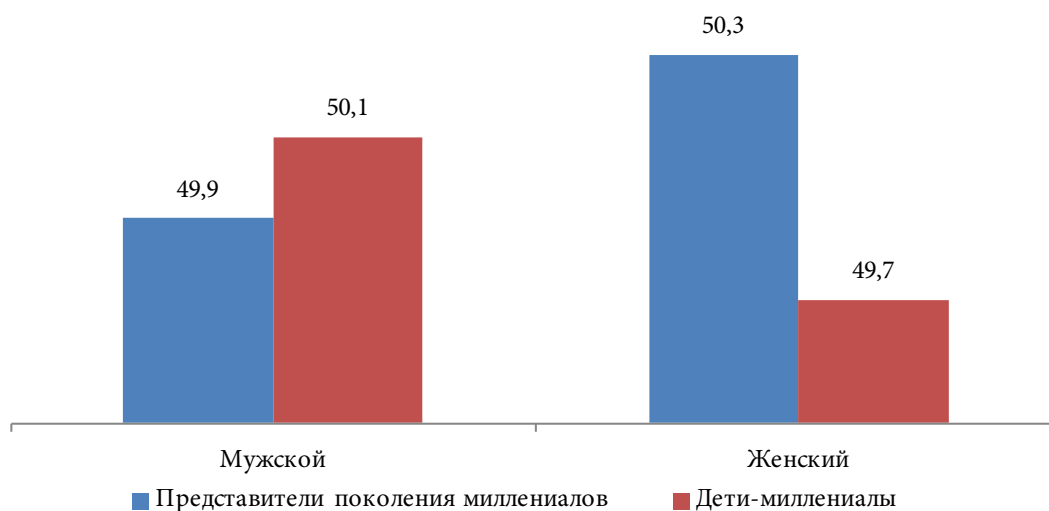

Рис. 7. Распределение по полу представителей поколения миллениалов и детей-миллениалов в 2016–2018 гг., %

С другой стороны, заметно явное смещение выборки детей-миллениалов по таким социально-демографическим характеристикам, как семейное положение, уровень образования, тип поселения, в котором проживает индивид, а также по федеральным округам. Несмотря на то, что общий тренд относительно семейного положения довольно схож с представителями поколения миллениалов в целом, дети-миллениалы в нашей малой выборке реже состояли в браке или жили вместе с партнером (рис. 8). По сравнению с миллениалами в целом они чаще были разведены и чаще отмечали статус вдовца или вдовы.

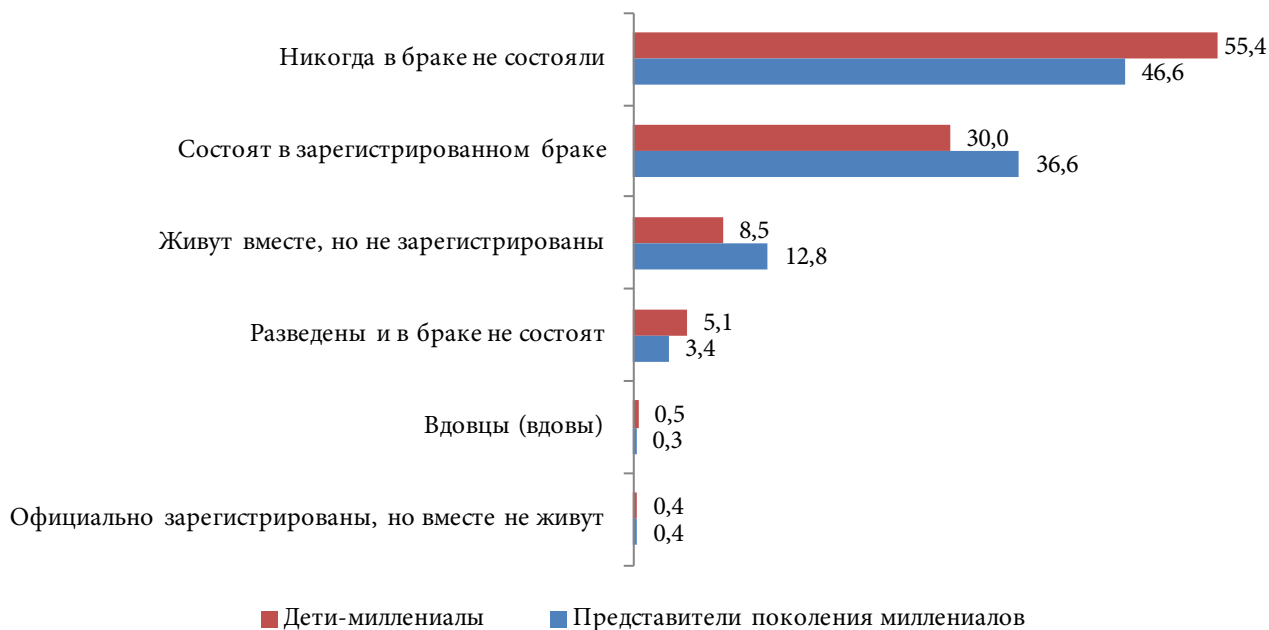
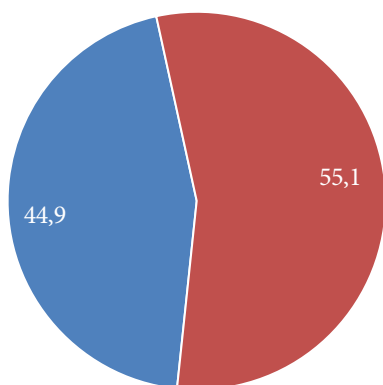

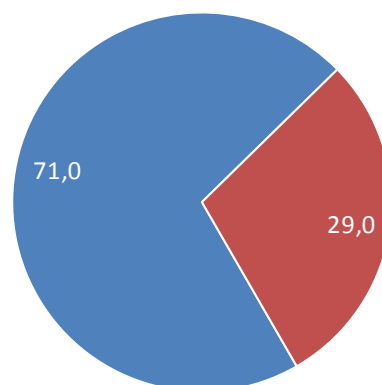
Рис. 8. Распределение по семейному статусу представителей поколения миллениалов и детей-миллениалов в 2016–2018 гг., %

В то время как миллениалы в целом чаще имели высшее образование, в малой выборке детей-миллениалов таких было только 29% респондентов (рис. 9). Почти 70% детей-миллениалов оканчивали колледжи, ПТУ или техникумы, что говорит о довольно сильном смещении выборки детей-миллениалов в сторону людей со средним профессиональным образованием.

Представители поколения миллениалов

Дети-миллениалы

■ Среднее образование (колледж, ПТУ, техникум) ■ Высшее образование

Рис. 9. Распределение по уровню образования представителей поколения миллениалов и детей-миллениалов в 2016–2018 гг., % от тех, кто имел образование

Данный факт может быть объяснен тем, что большинство респондентов из выборки детей-миллениалов проживают в небольших населенных пунктах (рис. 10). Почти половина детей-миллениалов в 2016–2018 гг. проживали в поселках городского типа и селах (43,8%). Всего 2,9% респондентов из этой выборки жили в таких крупных городах, как Москва и Санкт-Петербург. Среди миллениалов в целом доля таких респондентов была почти в пять раз больше (10,1%). Также дети-миллениалы реже по сравнению с миллениалами в целом жили в областных центрах или городах.

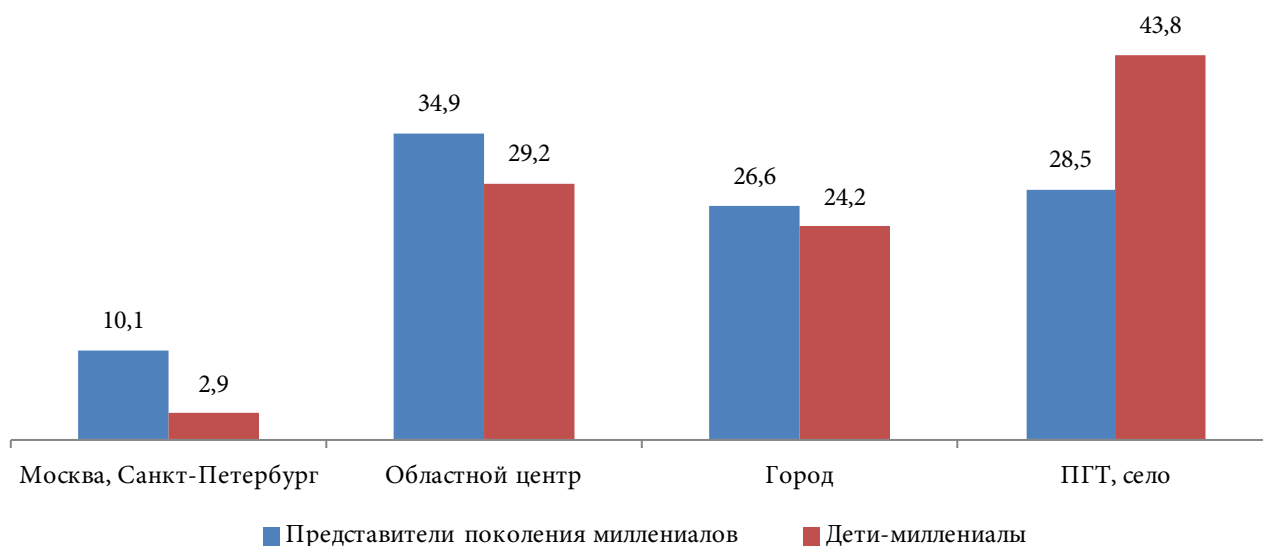

Рис. 10. Распределение по типу населенного пункта представителей поколения миллениалов и детей-миллениалов в 2016–2018 гг., %

Распределение респондентов по федеральным округам также значительно различается (рис. 11). Большинство миллениалов проживают в Приволжском федеральном округе (21,5%), в то время как дети-миллениалы в большей степени живут в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах (29,3%). Таким образом, существует смещение малой выборки по типу населенного пункта и федеральным округам, что не позволяет нам рассматривать представителей детей-миллениалов как репрезентирующих все поколение миллениалов.

В целом распределения респондентов по семейному положению, уровню образования, типу населенного пункта и федеральным округам довольно сильно различаются в рассматриваемых двух выборках, что говорит о невозможности обобщения результатов, полученных для выборки детей-миллениалов, на все поколение миллениалов. Несмотря на довольно схожий медианный возраст и гендерное распределение, дети-миллениалы в нашей выборке чаще живут в Южном федеральном округе, в сельской местности, принадлежат к народам Северного Кавказа. Это также объясняет меньшую доступность для них высшего образования. Таким образом, результаты, полученные в ходе анализа выборки детей-миллениалов, применимы лишь к изучаемым 1046 респондентам, что позволит расценивать их как экспериментальный кейс.

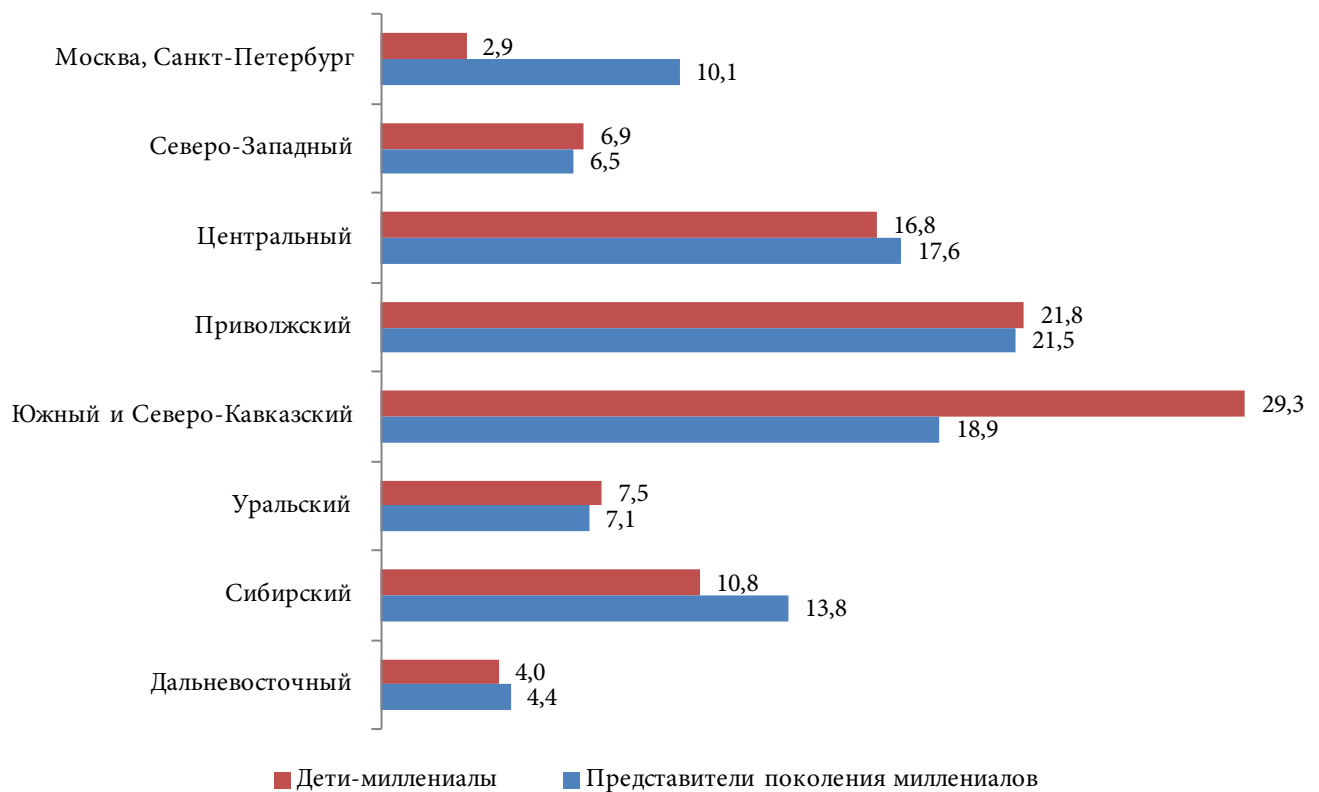

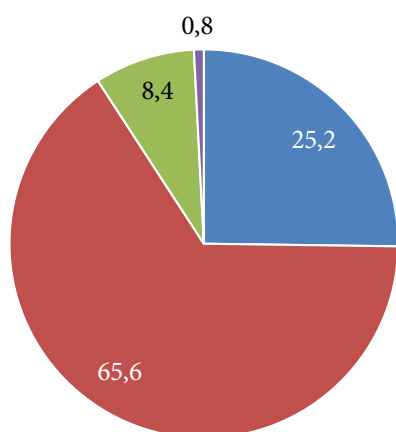
Рис. 11. Распределение по федеральным округам и городам федерального значения представителей поколения миллениалов и детей-миллениалов в 2016–2018 гг., %

Смещение выборки детей-миллениалов вполне объяснимо при условии понимания механизма отслеживания панели в RLMS-HSE. Дело в том, что переехавшие семьи и индивиды отслеживаются только в пределах того же населенного пункта, где проживала семья, изначально попавшая в выборку. Таким образом, мы видим, что наименьшая территориальная мобильность характерна для жителей ЮФО, народов Северного Кавказа, прежде всего из сельской местности. Хуже всего удавалось поддерживать панель для жителей Москвы и Санкт-Петербурга, несмотря на то что для них в меньшей степени характерен переезд в другие города. Но и в рамках этих мегаполисов, очевидно, оказалось трудно найти переехавшие семьи. Очевидно, что и из выборки детей-миллениалов исключены респонденты, которые сменили место жительства, уехав от родителей (например, после получения высшего образования, в поисках более высокооплачиваемой работы), что также существенно ограничивает возможность распространения полученных нами результатов на все поколение миллениалов.

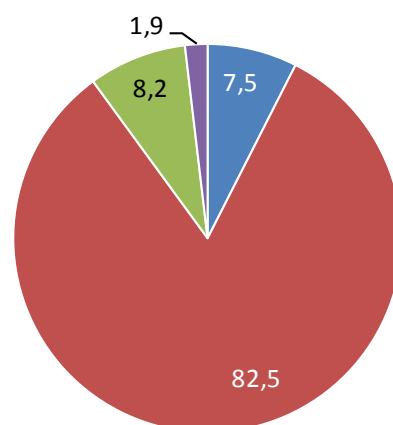
Чтобы убедиться в том, что наша выборка детей-миллениалов смещена, мы проанализировали основные различия между родителями отобранных миллениалов и представителями поколения реформ в основной выборке в 1994–1996 гг. Так как социальный статус ребенка во многом связан с социальным статусом матери, уровнем ее образования и другими факторами, при сопоставлении двух выборок мы использовали ответы матерей. Чтобы сравниваемые выборки были более равнозначны, мы сравнивали матерей миллениалов с женщинами реформенного поколения. Численность матерей миллениалов в нашей специальной выборке — 1016 респондентов, а численность женщин поколения реформ в основной выборке 1994–1996 гг. — 4205 человек.

Как показано на рисунке 12, распределение респондентов по семейному статусу в двух выборках заметно отличается.

Женщины реформенного поколения

Матери миллениалов

■ Никогда в браке не состояли
■ Состоят в зарегистрированном браке
■ Разведены и в браке не состоят
■ Вдовы

Рис. 12. Распределение по семейному статусу женщин поколения реформ и матерей миллениалов, 1994–1996 гг., %

Большинство матерей миллениалов состоят в браке (82,5%); для женщин реформенного поколения этот показатель в целом ниже (65,6%). В выборке матерей миллениалов в два раза больше женщин оказались вдовами по сравнению с женщинами реформенного поколения в 1994–1996 гг. Доля тех, кто никогда в браке не состоял, среди матерей миллениалов почти в три раза меньше, нежели среди основной выборки женщин реформенного поколения.

Несмотря на различия в семейном статусе, распределение по уровню образования в двух выборках довольно схожее (рис. 13).

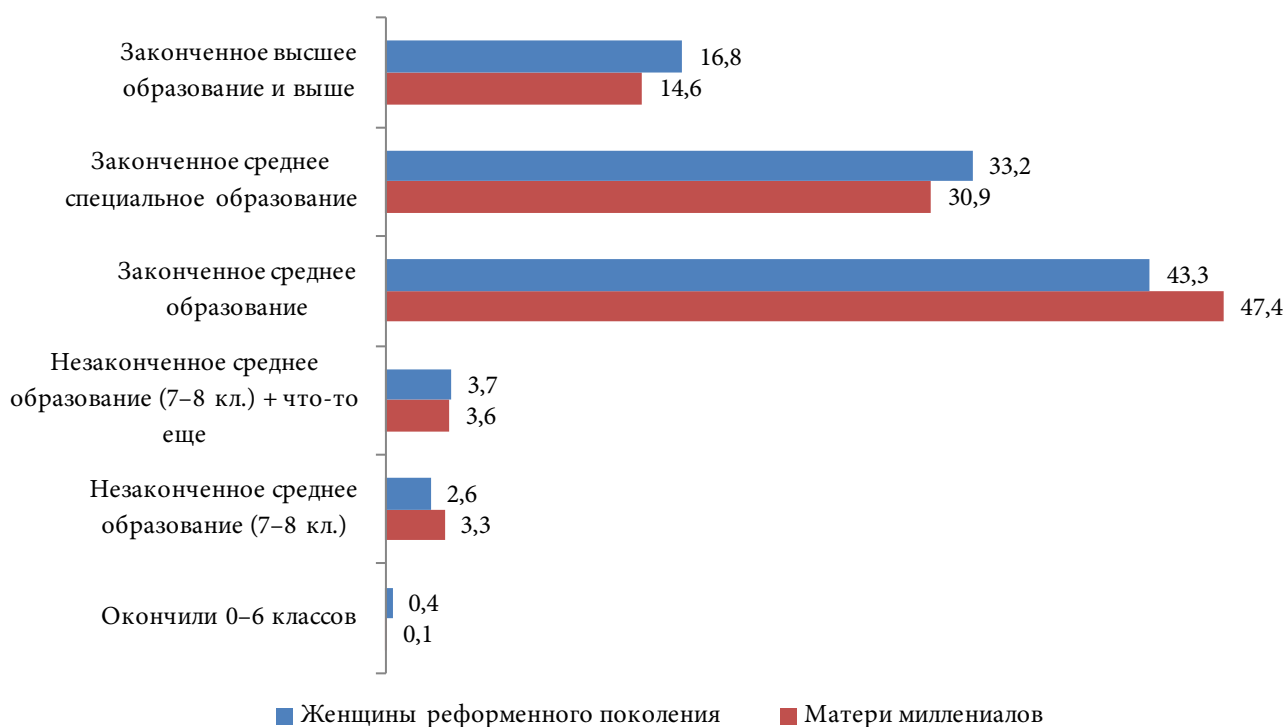

Рис. 13. Распределение по уровню образования женщин поколения реформ и матерей миллениалов, 1994–1996 гг., %

Меньше всего в обеих выборках оказалось респондентов, окончивших только 6 классов средней школы и получивших незаконченное среднее образование до 8-го класса. Большинство респондентов имели законченное среднее образование: 43,3% опрошенных женщин в основной выборке и 47,4% женщин в специальной выборке матерей миллениалов. Около 15% респондентов в обеих выборках имели законченное высшее образование. Таким образом, мы можем говорить о крайней схожести матерей миллениалов и женщин реформенного поколения по уровню образования.

Тип занятости и профессиональный статус женщин реформенного поколения в 1994–1996 гг. и матерей миллениалов довольно схожи. Большинство респондентов в обеих выборках имеют какие-либо заработки: 52,6% женщин реформенного поколения и 55,7% матерей миллениалов работают (рис. 14 и 15). Доля безработных среди женщин реформенного поколения и матерей миллениалов довольно мала — около 9% респондентов в обеих выборках. Однако в выборке матерей миллениалов оказывается почти в три раза меньше респондентов, находящихся в каком-либо оплачиваемом или неоплачиваемом отпуске, за исключением декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком, по сравнению с женщинами реформенного поколения в основной выборке. Это говорит о смещении выборки матерей миллениалов по сравнению с женщинами реформенного поколения в целом.

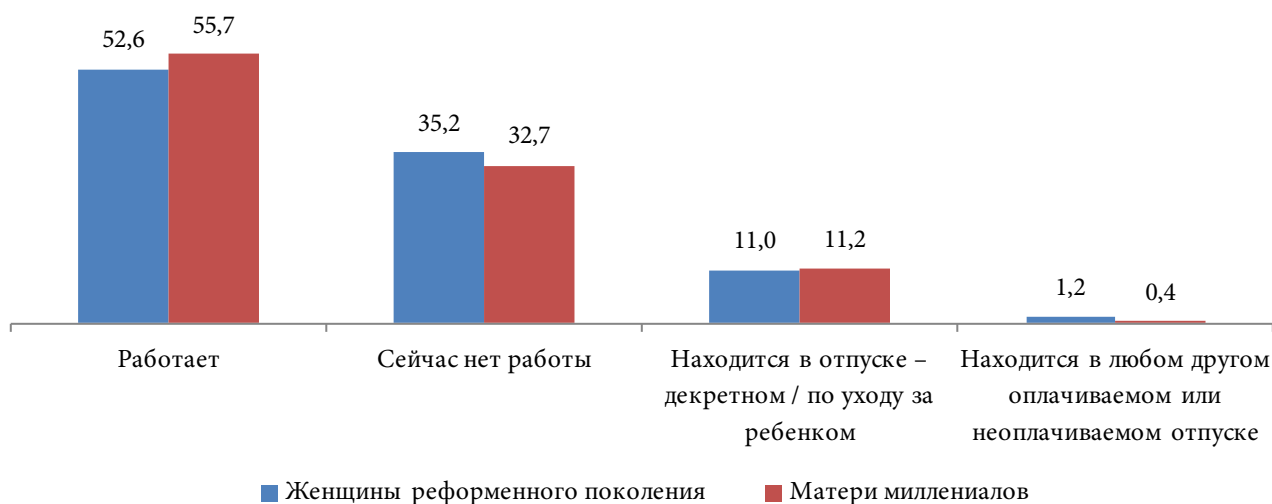

Рис. 14. Распределение по типу занятости женщин поколения реформ и матерей миллениалов, 1994–1996 гг., %

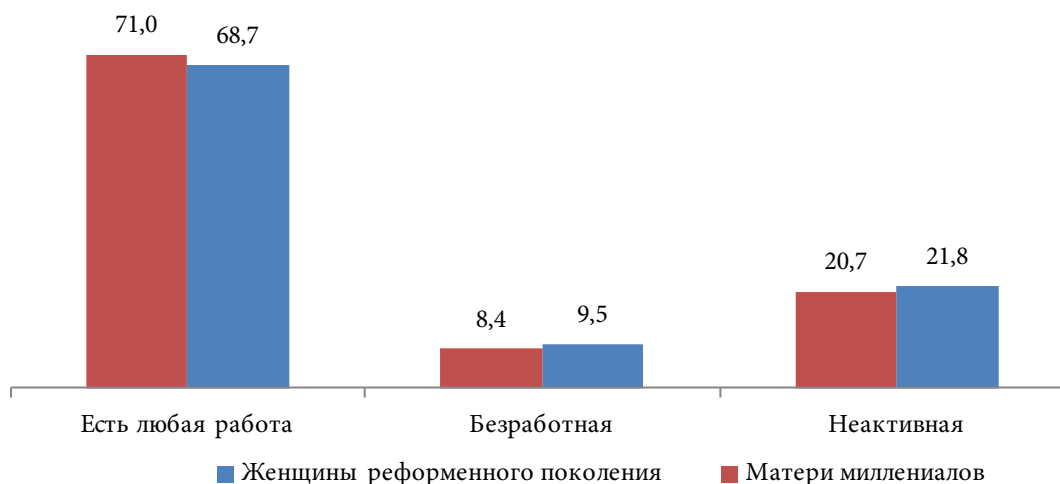

Рис. 15. Положение на рынке труда женщин поколения реформ и матерей миллениалов, 1994–1996 гг., %

Распределение по национальной принадлежности респондентов в двух выборках оказывается довольно неравномерным (рис. 16).

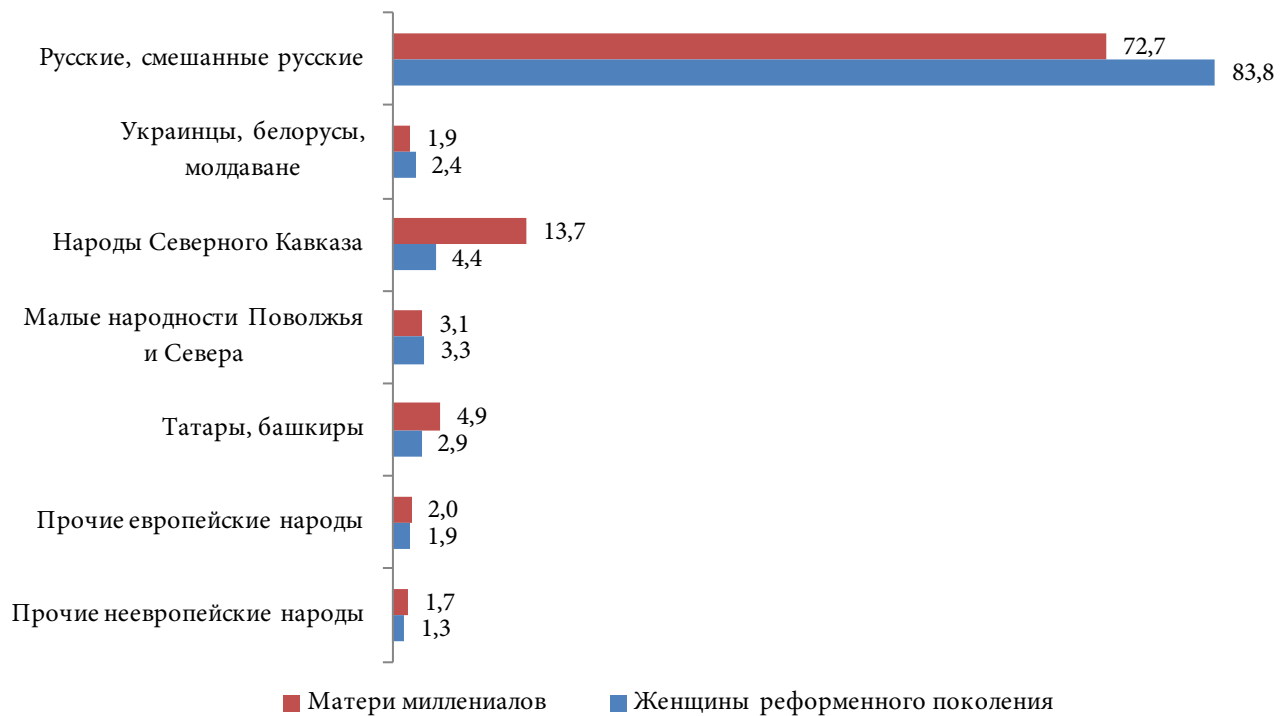

Рис. 16. Распределение по национальной принадлежности женщин поколения реформ и матерей миллениалов, 1994–1996 гг., %

Очевиден существенный перекося в сторону представителей народностей Северного Кавказа в специальной выборке: матерей миллениалов, принадлежащих к народам Северного Кавказа, оказывается в три раза больше, нежели таковых в основной выборке. Также в специальной выборке более представлены такие национальности, как татары и башкиры (4,9% матерей миллениалов по сравнению с 2,9% среди женщин в целом). Среди женщин реформенного поколения оказывается больше респондентов русской и смешанной русской национальности, украинцев, белорусов и молдаван, а также малых народов Севера. Таким образом, распределение по национальной принадлежности в рамках двух выборок оказывается довольно неоднородным.

Таким образом, женщины реформенного поколения в основной выборке и матери миллениалов в специальной выборке оказались схожи по таким характеристикам, как уровень образования, тип занятости и профессиональный статус. Несмотря на это, мы выявили значительные смещения в распределениях по национальной принадлежности и семейному статусу, что не позволяет нам использовать выборку матерей миллениалов для описания всего российского поколения реформ в 1994–1996 гг.

Из-за смещений в характеристиках как самих миллениалов, так и их родителей, мы будем интерпретировать дальнейшие результаты применимо исключительно к данному конкретному кейсу. Далее мы более подробно остановимся на сравнении субъективных социальных статусов родителей реформенного поколения и детей миллениалов, подразумевая лишь тех 1046 респондентов, которые составляют нашу выборку.

Сравнение субъективных социальных статусов родителей реформенного поколения и детей-миллениалов

Проведем сравнительный анализ субъективных социальных статусов родителей и детей в рамках нашей малой выборки, состоящей из 1046 респондентов. Выборка состоит из детей-миллениалов — россиян в возрасте 18–35 лет в 2016–2018 гг. и их родителей — представителей реформенного поколения, участвовавших в опросе RLMS-HSE в 1994–1996 гг. В качестве ответов родителей будут использоваться ответы матерей.

Сначала обратимся к распределению субъективных оценок материального благополучия среди родителей реформенного поколения и детей-миллениалов (рис. 17).

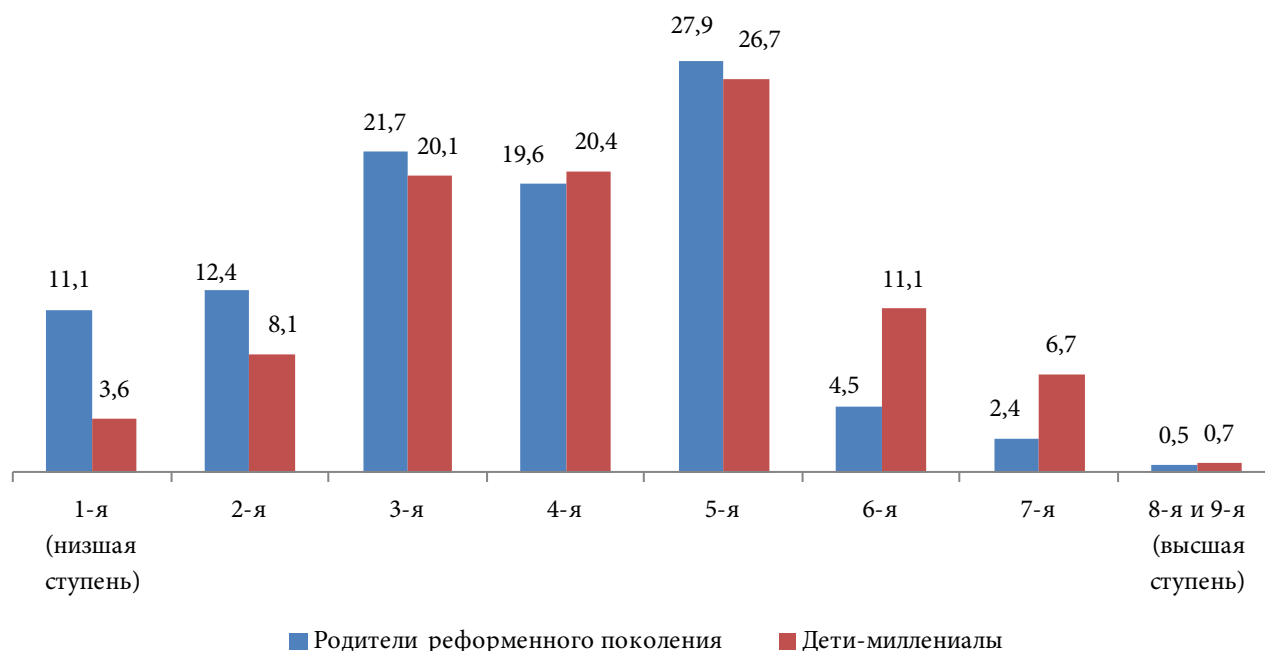

Рис. 17. Распределение оценок по шкале материального благосостояния родителей реформенного поколения в 1994–1996 гг. и детей-миллениалов в 2016–2018 гг., %

Родители и дети в большей степени склонны ставить средние оценки своему материальному благополучию, что также характерно и для представителей реформенного поколения, и миллениалов в целом. Однако в рамках нашей выборки, где представители поколения реформ и миллениалы состоят в родственных отношениях, также есть несколько важных закономерностей, отражающих отличия в восприятии родителями и детьми своего места в социальной структуре с точки зрения материального благополучия. Дети-миллениалы в большей мере склонны выбирать более высокие оценки, нежели их родители. Так, по сравнению с родителями почти в два раза больше детей отнесли себя на шестую ступень и в три раза больше детей отнесли себя на седьмую ступень материального благополучия. Напротив, родители миллениалов были склонны ставить более низкие оценки своему материальному благополучию: 1,1% всех родителей отнесли себя на низшую ступень, что почти в три раза больше показателя для детей.

Различия субъективных оценок по шкале доступа к власти оказались более явными (рис. 18), что подтверждает гипотезу о существовании поколенческого разрыва¹.

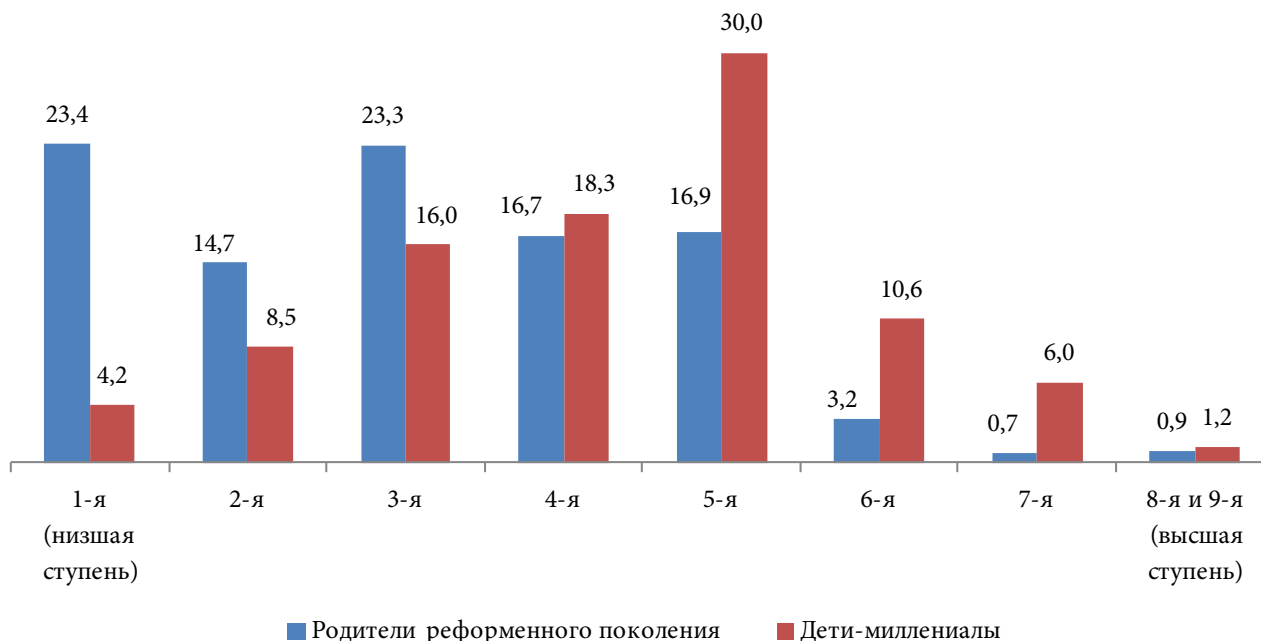

Рис. 18. Распределение оценок по шкале доступа к власти родителей реформенного поколения в 1994–1996 гг. и детей-миллениалов в 2016–2018 гг., %

Более половины родителей миллениалов считали, что они находятся на низших ступенях иерархии с точки зрения доступа к власти. Данный факт может быть объяснен тем, что большинство детей в этой выборке проживают в селах или поселках городского типа; соответственно, с большой вероятностью их родители также проживают в небольших населенных пунктах, что объясняет более низкие оценки доступа к власти. Также родители, отвечавшие на вопросы анкеты RLMS-HSE в 1994–1996 гг., могли сталкиваться с трудностями в самореализации в связи с продолжительным экономическим кризисом. В свою очередь, большинство миллениалов считали, что находятся чуть выше средней ступени с точки зрения доступа к власти. По сравнению с родителями почти в четыре раза больше миллениалов отметили, что их социальный статус соответствует шестой или седьмой ступени.

Ситуация с субъективными оценками по шкале уважения у родителей и детей оказалась противоположной той, что сложилась в случае с оценками доступа к власти (рис. 19).

Родители миллениалов в 1994–1996 гг. были склонны выбирать более высокие оценки по шкале уважения, нежели по шкале власти, однако в сравнении с детьми оценки по-прежнему были немного ниже. Несмотря на то, что почти одинаковая доля родителей и детей относилась к высшей ступени иерархии — около 10,3% для каждой категории, — большинство родителей в выборке считали, что находятся на пятой ступени, а большинство детей на седьмой. Данный факт подтверждает предположение, что субъективные социальные статусы с точки зрения уважения также выше у детей. Это может быть связано с более разнообразными возможностями у миллениалов для самореализации, которые позволяют им чувствовать себя более уважаемыми людьми.

¹ Аврамова Е. М. Указ. соч.; Глотов М. Б. Указ. соч.; Омельченко Е. Л. Указ. соч.

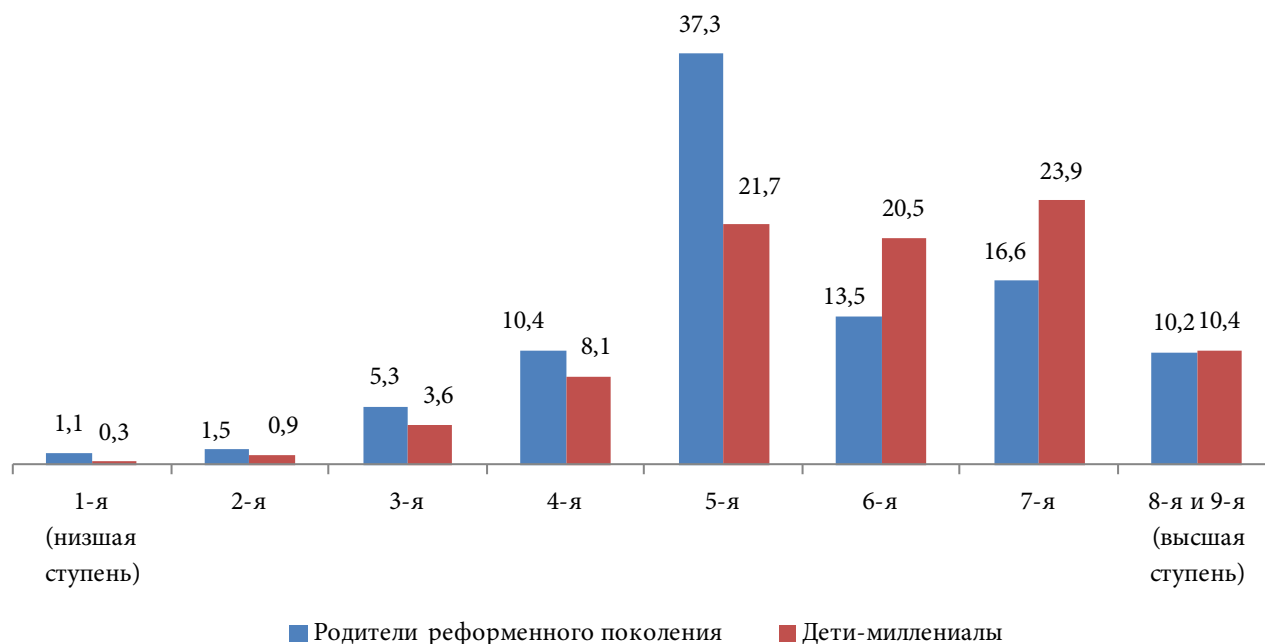

Рис. 19. Распределение оценок по шкале уважения родителей реформенного поколения в 1994–1996 гг. и детей-миллениалов в 2016–2018 гг., %

Таким образом, можно отметить, что по всем трем шкалам (материального благосостояния, доступа к власти и уважения) дети-миллениалы были склонны оценивать свой социальный статус выше, нежели их родители. Ниже всего и родители, и дети оценивали себя по шкале доступа к власти, выше всего по шкале уважения. Из-за смещения выборки мы можем предположить, что большинство респондентов, проживая в наименее развитых регионах, пгт и селах, не могли получить доступ к власти из-за ограниченности рабочих мест, неразвитой инфраструктуры и низкой развитости органов местного самоуправления. В то время как чувствовать себя более уважаемыми родители и дети могли благодаря чувству причастности к традиционному образу жизни.

Связь между субъективными статусами детей и их родителей

Посмотрим, есть ли связь между субъективными статусами детей-миллениалов и их родителей. Для этого мы используем непараметрический корреляционный анализ с помощью критерия хи-квадрат Пирсона. Данный метод позволил нам оценить наличие статистических взаимосвязей между самооценками родителей миллениалов в 1994–1996 гг. и детей-миллениалов в 2016–2018 гг.

При интерпретации полученных результатов мы будем проводить сопоставления с выводами, полученными в рамках исследования Н. Е. Тихоновой «Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян» (2018 г.)¹. Н. Е. Тихоновой был проведен сравнительный анализ субъективного положения в обществе родителей в один и тот же момент времени. Результаты корреляционного анализа самооценок родителей и детей-миллениалов представлены в таблице 2.

¹ Тихонова Н. Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 11–43.

Таблица 2

Коэффициент корреляции субъективных оценок родителей реформенного поколения и детей-миллениалов

		Субъективный социальный статус по материальному благополучию		Субъективный социальный статус по доступу к власти		Субъективный социальный статус по уважению	
		Дети	Родители	Дети	Родители	Дети	Родители
Субъективный социальный статус по материальному благополучию	Дети	Корреляция Пирсона	-0,046	0,698**	-0,054	0,429**	0,042
		Знч. (2-сторон.)	0,153	0	0,091	0	0,191
		N	976	1005	975	1005	975
	Родители	Корреляция Пирсона	1	-0,019	0,551**	0,007	-0,039
		Знч. (2-сторон.)			0	0,817	0,22
		N	976	1012	1010	975	1010
Субъективный социальный статус по доступу к власти	Дети	Корреляция Пирсона	0,698**	-0,019	-0,019	0,494**	0,063*
		Знч. (2-сторон.)	0	0,551	0,558	0	0,048
		N	1005	975	974	1004	974
	Родители	Корреляция Пирсона	-0,054	0,551**	1	0,005	-0,024
		Знч. (2-сторон.)	0,091	0		0,87	0,453
		N	975	1010	1011	974	1009
Субъективный социальный статус по уважению	Дети	Корреляция Пирсона	0,429**	0,007	0,005	1	0,077*
		Знч. (2-сторон.)	0	0,817	0,87		0,016
		N	1005	975	974	1005	974
	Родители	Корреляция Пирсона	0,042	-0,039	-0,024	0,077*	1
		Знч. (2-сторон.)	0,191	0,22	0,453	0,016	
		N	975	1010	1009	974	1011

**Корреляция значима на уровне 0,01 (2-сторон.).

*Корреляция значима на уровне 0,05 (2-сторон.).

Сила связи:	от 0 до 0,2 очень слабая	от 0,3 до 0,4 – слабая	от 0,5 до 0,7 средняя	от 0,8 до 0,9 высокая
-------------	--------------------------	------------------------	-----------------------	-----------------------

Статистически значимыми при уровне доверительной вероятности 99 и 95% оказались несколько переменных. Субъективные оценки по шкале материального благополучия оказались сильно связаны с оценками по шкале доступа к власти как в случае родителей, так и в случае детей. Данный факт может быть объяснен тем, что наличие доступа к власти зачастую является следствием высокого материального положения и наоборот. Это говорит о том, что в ценностной системе родителей и детей преобладают материальные, а не традиционные ценности. Также в случае детей субъективные оценки по шкале уважения оказались связаны с оценками по шкале материального благополучия (слабая сила связи) и доступа к власти (средняя сила связи). Это может свидетельствовать о размывании четких границ понятия уважения у детей-миллениалов и о восприятии ими авторитета через материальное благополучие и объем властных полномочий. Довольно слабая связь также присутствует между субъективными оценками родителей по шкале уважения и оценками детей по шкале уважения и доступа к власти. Таким образом, мы можем говорить о наличии довольно слабой преемственности между поколениями. Полученные результаты противоречат выводам Н. Е. Тихоновой, утверждавшей, что при определении субъективного статуса «на первом месте оказывается статус родительской семьи, который обогнал даже признаки материального благосостояния»¹. Расхождение наших результатов с более ранним исследованием Н. Е. Тихоновой может быть объяснено меньшим количеством респондентов в нашей выборке и смещенностью их ответов по многим вопросам.

Факторы, влияющие на субъективный социальный статус детей-миллениалов

Далее мы покажем, зависит ли субъективный социальный статус миллениалов в 2016–2018 гг. от субъективного социального статуса их матерей и отцов в 1996–2000 гг. В первую очередь мы рассматривали характеристики матерей, так как почти все респонденты в детстве проживали с матерями (кроме проживающих в детстве с другими родственниками, но их доля невелика), и матери у всех респондентов не менялись на мачех на протяжении всего периода наблюдений. В гораздо большей доле семей дети проживали без отцов, а также гораздо чаще вместо отцов у них были отчимы, что затрудняло анализ. Мы построили три регрессионные модели для зависимых переменных субъективной оценки по шкале материального благосостояния, доступа к власти и уважения миллениалов с включением, помимо стандартного набора вспомогательных переменных (пол, возраст, образование и т. п.), оценок субъективного статуса родителей (табл. 3).

¹ Тихонова Н. Е. Указ. соч. С. 33.

Таблица 3

Коэффициенты оценки регрессионных моделей с зависимой переменной «субъективный социальный статус миллениалов» (по трем шкалам), выбор детей-миллениалов и их родителей, экспонента

	Материальное положение				Доступ к власти			Уважение		
	Все матери	Матери 1960–1981 г.р. ¹	Отцы	Все матери	Матери 1960–1981 г.р. ¹	Отцы	Все матери	Матери 1960–1981 г.р. ¹	Отцы	Все матери
Мужской пол	0,875	0,794	0,942	0,932	0,774	1,018	0,8	0,706**	0,826	
Возраст/10*	1,004	0,918	0,947	0,97	0,793	0,984	1,258	1,075	1,246	
Состоят в браке (включая неформальный брак)	1,38	1,142	1,460*	1,3	1,334	1,294	0,929	0,808	1,132	
Среднее профессиональное образование (база – школа и ниже)	0,961	0,839	1,186	0,95	0,844	1,184	1,323	1,349	1,640**	
Высшее образование (база – школа и ниже)	0,957	0,768	1,024	1,046	0,947	1,028	1,221	1,106	1,2	
Оценка здоровья как плохого	1,008	0,67	0,538	0,936	1,043	0,586	0,606	0,374*	0,441**	
Оценка здоровья как хорошего	0,988	0,976	0,988	0,922	0,877	0,891	0,978	0,885	0,968	
Украинцы, белорусы, молдаване (база – русские)	2,809	1,325	3,12	0,51	0,0509	0,662	0,608	0,66	0,504	
Народы Северного Кавказа	44,68***	47,00***	35,23***	51,60***	61,76***	47,55***	6,959***	9,787***	5,372***	
Коренные малочисленные народы Поволжья и Севера	1,829	1,609	1,975	0,984	0,628	1,106	1,409	1,285	1,477	
Татары, башкиры	1,836	2,934**	2,051*	1,868**	1,997*	2,257**	1,526	1,561	1,806*	
Прочие европейские народы	0,918	1,037	1,184	1,417	1,596	3,024**	1,647	1,574	4,036**	
Прочие неевропейские народы	4,070***	5,026***	3,480***	1,51	1,302	1,275	2,433**	1,997	1,477	
Считают себя предпринимателями	1,374	0,86	2,044	0,588*	0,548	0,575*	1,077	0,869	1,801	
Руководители высшего и среднего звена	2,171	2,473**	1,841	1,926	2,222	1,322	1,171	0,699	1,66	
Специалисты высшего и среднего уровня квалификации	1,347	1,48	1,591*	1,560*	1,389	1,826**	1,665**	1,319	2,098***	
Неквалифицированные рабочие всех отраслей	1,569**	1,696**	1,484	1,854***	1,801**	1,757**	1,812***	2,061***	1,960***	

Продолжение таблицы 3

	Материальное положение			Доступ к власти			Уважение		
	Все матери	Матери 1960–1981 г.р. ¹	Отцы	Все матери	Матери 1960–1981 г.р. ¹	Отцы	Все матери	Матери 1960–1981 г.р. ¹	Отцы
Безработные (база – служащие офисные и по обслуживанию клиентов)	1,091	0,977	1,101	1,227	1,338	1,216	1,266	1,282	1,217
Домохозяйки и люди, не ищущие работу	2,292**	1,697	1,968*	1,37	1,61	1,295	3,251***	3,723***	3,501***
В отпуске по уходу за ребенком	0,851	0,622	0,983	1,216	1,085	1,483	1,768**	1,525	2,287***
Занятые (профессиональный статус неизвестен)	2,644*	1,941	4,208**	26,20***	33,68***	44,26***	17,97***	24,92***	64,32***
Учатся и не работают	2,445***	1,889	2,473**	1,656	1,681	1,815*	2,441***	2,267**	2,988***
Наличие подчиненных на работе	1,487	1,39	1,467	1,864**	1,909*	2,126***	2,081***	2,210**	1,838**
Собственник предприятия – государство	1,548*	1,385	1,569*	1,642**	1,992**	1,657**	1,345	1,456	1,406
Иностраный собственник предприятия	1,018	0,788	1,13	0,956	0,824	1,018	1,094	0,84	1,172
Собственник предприятия – частное лицо	1,500**	1,24	1,534*	1,36	1,528	1,533*	1,592**	1,743**	1,640**
Сами являются собственниками предприятий	1,575	1,266	0,408	2,38	2,68	1,888	3,429*	4,986***	1,266
Количество совершеннолетних лиц в домохозяйстве минус респондент (и минус супруг(а) при наличии)	0,944	0,897	0,998	0,824***	0,721***	0,812***	0,767***	0,672***	0,767***
Количество своих детей 0–15 лет в домохозяйстве	1,229**	1,239**	1,281***	1,036	1,013	1,074	1,294***	1,432***	1,310***
Живут с 1 или 2 родителями (включая отчима и/или мачеху)	1,269	1,408	1,072	1,735**	2,031***	1,613*	1,279	1,314	1,296
Душевой доход (дефлированный)	1,737***	1,419	1,752***	1,532**	1,365	1,577**	1,783***	1,971***	1,758***
Индекс коммунальных услуг	0,86	0,926	0,962	0,806	0,858	0,775	0,982	0,867	1,221
Индекс товаров длительного пользования	3,521***	3,359**	4,263***	2,524**	2,559*	3,130**	1,678	1,23	1,428
Наличие автомобиля	1,122	1,202	1,107	1,087	1,117	0,98	1,105	1,292	1,078

Окончание таблицы 3

	Материальное положение			Доступ к власти			Уважение		
	Все матери	Матери 1960–1981 г.р. ¹	Отцы	Все матери	Матери 1960–1981 г.р. ¹	Отцы	Все матери	Матери 1960–1981 г.р. ¹	Отцы
Жилая площадь на человека (м2)	0,997	0,988	1,004	0,984	0,977*	0,986	0,982*	0,981	0,982*
Наличие другой квартиры или части квартиры	1,336	1,373	1,451	1,087	1,15	1,009	1,446	1,36	1,825**
Наличие земли в пользовании	0,868	0,844	1,016	0,978	1,051	1,017	0,965	1,053	1,249
Наличие дачи, другого дома (части) или садового домика	1,142	1,138	1,169	0,974	0,976	1,095	0,734	0,662*	0,660**
Наличие долгов по кредитам или долгов частным лицам	1,175	1,294	1,194	1,129	1,054	1,226	1,380**	1,372*	1,408**
Доля расходов на питание в доходе	1,55	0,999	1,133	1,416	1,311	1,161	4,740***	4,503**	2,701*
Откладывание сбережений за последние 30 дней (да/нет)	1,574**	1,797**	1,641**	1,062	1,066	1,152	1,305	1,122	1,12
Покупка в течение последних 3 месяцев одежды или обуви	0,971	0,891	0,949	0,812	0,696	0,715	1,005	0,794	0,847
В течение последних 7 дней питание вне дома (да/нет)	0,921	0,889	0,966	1,425**	1,446**	1,499**	1,258	1,184	1,353**
2016 г.	0,737	0,769	0,815	0,991	1,168	1,057	0,851	1,022	0,924
2017 г.	0,574***	0,507***	0,588***	0,686*	0,672	0,721	0,444***	0,491***	0,506***
Проживание в региональном центре (база – Москва и Санкт-Петербург)	1,345	0,704	1,653	1,104	0,77	1,361	0,741	0,643	0,572
Проживание в областном центре	1,297	0,749	1,576	1,195	0,825	1,37	1,107	1,126	0,922
Проживание в селе	1,609	0,969	1,871	1,371	1,196	1,673	1,283	1,183	1,038
Субъективный социальный статус матери	1,074	1,085		1,094*	1,091		1,024	1,01	
Субъективный социальный статус отца			0,986			1,124**			1,052
Количество наблюдений	828	624	728	827	622	725	826	621	724

Уровень значимости: *** $p < 0.01$, ** $p < 0.05$, * $p < 0.1$.

¹ Матери, принадлежащие реформенному поколению.

Особый интерес вызывает включение в каждую из моделей субъективных оценок родителей по шкалам материального благосостояния, доступа к власти и уважения и их влияние на субъективные статусы детей. Так как изначально регрессионные модели по каждой из шкал не показали значимой статистической зависимости, было принято решение рассмотреть ответы отцов, а также ответы матерей 1960–1981 годов рождения. В рамках полученных новых регрессионных моделей субъективные статусы родителей никак не влияли на субъективные оценки детей по шкалам материального благополучия и уважения. Однако при уровне доверительной вероятности 95% более высокая субъективная оценка отцов реформенного поколения по шкале доступа к власти оказывает влияние на более высокую оценку по той же шкале у детей-миллениалов. Это подтверждает результаты исследования Н. Е. Тихоновой, которая в рамках покогортного анализа поколений выявила, что «у молодых россиян (до 30 лет включительно) фиксируются максимальные показатели воспроизводящих социальный статус своих родителей, и особенно — у ставящих себя на верхние четыре ступеньки»¹. Также нами было выявлено, что при уровне доверительной вероятности 90% выбор матерью более высокой оценки по шкале доступа к власти влияет на более высокую оценку ребенком в том же возрасте по той же шкале. Данный факт может быть объяснен тенденцией все большего самовоспроизводства верхней части массовых слоев российского общества. Однако из-за получения незначимых коэффициентов в рамках других двух регрессионных моделей мы не можем сделать вывод о преемственности субъективных социальных статусов родителей и детей.

Говоря о значимости контрольных переменных, нужно отметить, что субъективные оценки миллениалов по всем трем шкалам оказываются значимо выше в том случае, если родители миллениалов принадлежали к народностям Северного Кавказа, имели более высокий доход, если отцы миллениалов были профессионально занятыми, будь они специалистами высшего и среднего уровня квалификации или же неквалифицированными рабочими всех отраслей.

Миллениалы были склонны оценивать свой статус с точки зрения материального положения и уважения выше, если их матери могли позволить себе не работать и быть домохозяйками, если в домохозяйстве родителей было большее количество детей в возрасте не старше 15 лет. Если же родители миллениалов учились и не работали или же являлись собственниками предприятий, то их дети также выше оценивали свое материальное положение и степень уважения. Миллениалы также относили себя на более высокие ступени материального статуса, если их родители откладывали сбережения, а также обладали большим количеством товаров длительного пользования.

Миллениалы оценивали значимо выше свой субъективный социальный статус с точки зрения доступа к власти и уважения, если их родители имели подчиненных на работе, а также в течение последних 7 дней могли позволить себе питаться вне дома. Напротив, чем больше в домохозяйстве родителей было совершеннолетних лиц, тем ниже миллениалы оценивали свой субъективный статус с точки зрения доступа к власти и уважения. Миллениалы значимо выше оценивали свое положение по шкале доступа к власти, если они жили с родителями, если их родители работали на государственном предприятии, находились в момент опроса в отпуске по уходу за ребенком (как матери, так и отцы). По шкале уважения миллениалы значимо выше оценивали свое положение, если их родители имели кредиты, дачу, другой дом или садовый домик (особенно значимо в случае отцов).

¹ Тихонова Н. Е. Указ. соч. С. 33.

Таким образом, наша содержательная гипотеза частично подтвердилась. Действительно, преемственность поколений утрачивает свою актуальность в большей мере относительно субъективного социального статуса, определяемого с точки зрения власти и уважения. В то же время частотные распределения ответов родителей и детей относительно материального благополучия сравнительно схожи. Однако отсутствие зависимости между субъективными оценками по большинству шкал не позволяет нам сделать вывод о преемственности между субъективными социальными статусами родителей и детей. Таким образом, поколенческий разрыв между детьми-миллениалами и родителями — представителями реформенного поколения в рамках одних и тех же домохозяйств становится более явным.

Преемственность поколений в рамках нашей выборки детей-миллениалов и их родителей практически не сохраняется. Поколенческий разрыв между миллениалами и представителями реформенного поколения становится более явным, когда мы сравниваем их в одном и том же возрасте на разных временных отрезках. Однако мы должны учитывать, что данные результаты применимы только к нашей специальной выборке, а не к представителям этих поколений в целом. Можно также предположить, что из-за сильного влияния исторической эпохи современные взрослые представители поколения реформ оказываются ближе к образу жизни миллениалов, нежели к своему образу жизни в 1990-е гг. Данное предположение может дать начало новому исследованию.

Список литературы

Авраамова Е. М. Социальное позиционирование и социальные практики российских миллениалов // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 3. С. 78–95.

Бочарова Е. Е. К вопросу о внутренних детерминантах субъективного благополучия личности // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. 2008. № 10. С. 226–231.

Водопьянова Е. В. Миллениалы: российская и европейская версии // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2020. № 1(13). С. 129–133.

Глотов М. Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 42–48.

Гудков Л. Д. «Советский человек» в социологии Юрия Левады // Общественные науки и современность. 2007. № 6. С. 16–30.

Данилова Е. Проблема социальной идентификации населения постсоветской России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 1997. № 3. С. 12–19.

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр.; сост. А. Б. Гофман; примеч. В. В. Сапова. М: Наука, 1991. 572 с.

Емельянова Т. П. Характеристики коллективной памяти в контексте социально-психологических особенностей двух поколений / Т. П. Емельянова, Т. В. Дробышева // Горизонты гуманитарного знания. 2017. № 5. С. 71–85.

Зудина А. А. Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. 2013. Т. 14. № 3. С. 27–63.

- Калинина Ю. Поколение Y // Бизнес-журнал. 2010. № 9 (174). С. 40–48.
- Омельченко Е. Л. Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв.: автореф. дис. ... доктора социол. наук: 22.00.06 / Ин-т социологии РАН. Москва, 2004. 48 с.
- Ортега-и-Гассет Х. Вокруг Галилея (схема кризисов) // Избранные труды / Пер. с исп.; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевич. М.: Весь мир, 1997. 704 с.
- Пипия К. Куда пропал конфликт отцов и детей // Ведомости. 25.09.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/09/25/782022-kuda-propal-konflikt-ottsov-i-detei> (дата обращения: 25.03.2021).
- Радаев В. В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: НИУ ВШЭ, 2019. 224 с.
- Рассолова И. В. Социальная идентификация личности в условиях трансформации современного российского общества: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2005. 220 с.
- Твенге Дж. М. Поколение селфи. Кто такие миллениалы и как найти с ними общий язык. М.: Бомбора, 2018. 336 с.
- Тихонова Н. Е. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. 2018. № 27. С. 11–43.
- Шамис Е. Теория поколений / Е. Шамис, А. Антипов // Маркетинг. Менеджмент. 2007. № 6. С. 42–46.
- Шперлинь А. В. Роль уровня дохода и отношения к деньгам в детерминации субъективного экономического благополучия // Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 58–66.
- Ядова М. А. Миллениалы: социологический портрет поколения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. Реферативный журнал. 2019. № 3. С. 140–144.
- Adolescents' perceptions of social status: development and evaluation of a new indicator / E. Goodman, N. E Adler, I. Kawachi [et al.] // Pediatrics. 2001. № 108 (2). E31. DOI: 10.1542/peds.108.2.e31
- Howe N. Millennials rising: The next great generation / N. Howe, W. Strauss. New York: Vintage Books, 2000. 432 p.
- Jackman M. R. An interpretation of the relation between objective and subjective social status / M. R. Jackman, R. W. Jackman // American sociological review. 1973. № 38(5). P. 569–582.

doi: 10.19181/rlms-hse.2021.3

MILLENNIALS AND THEIR PARENTS: A COMPARISON OF SUBJECTIVE SOCIAL STATUSES

Kolegova I. E., Roshchina Ya. M.

Abstract. The study uses the RLMS-HSE data to compare the subjective social status (SSS) of millennials and their Gen X parents. We analyse millennials aged between 18 and 35 who at least once completed the RLMS-HSE questionnaire in 2016–2018 and their Gen X parents who completed the same questionnaire

in 1994–1996. We assess SSS based on how respondents positioned themselves on the scales of material well-being, access to power and respect. We use correlation and regression analysis to explore the relationship between the status of millennials and their parents.

The results show that millennials generally rated themselves higher on all three scales compared to generation X. However, respondents from both groups most often placed themselves in the middle (rank 3–5) on the material well-being scale and the middle-high (rank 5–7) on the respect scale. The self-assessments on the scale of access to power shows the most obvious gap between generations. While 61.4% of Gen X placed themselves in the lowest (1–3) ranks, 64.3% of millennials position themselves in the middle (rank 3–5) of the scale.

Except for the scores on the respect scale, there is no relationship between the status of Gen X parents and their millennial children. Parents' subjective assessment of their social status didn't affect their children's SSS. Nevertheless, fathers' high self-assessment on the scale of access to power increased the chances that their millennial children also positioned themselves relatively high on this scale. Unfortunately, because of the biased sample, we cannot generalize the results to the whole population. However, we believe that our findings provide an illuminating case study that could guide further research on the topic.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, subjective social status (SSS), millennials, generation X, intergenerational mobility.

References

- Avraamova E. M. Sotsial'noye pozitsionirovaniye i sotsial'nyye praktiki rossiyskikh millenialov // Vestnik Instituta sotsiologii. 2019. T. 10. № 3. S. 78–95.
- Bocharova E. E. K voprosu o vnutrennikh determinantakh sub"yektivnogo blagopoluchiya lichnosti // Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. G. Belinskogo. 2008. № 10. S. 226–231.
- Vodop'yanova E. V. Millenialy: rossiyskaya i evropeyskaya versii // Nauchno-analiticheskiy Vestnik Instituta Evropy RAN. 2020. № 1 (13). S. 129–133.
- Glotov M. B. Pokoleniye kak kategoriya sotsiologii // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2004. № 10. S. 42–48.
- Gudkov L. D. «Sovetskiy chelovek» v sotsiologii Yuriya Levada // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2007. № 6. S. 16–30.
- Danilova E. Problema sotsial'noy identifikatsii naseleniya postsovetskoy Rossii // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny. 1997. № 3. S. 12–19.
- Dyurkgeym E. O razdelenii obshchestvennogo truda; Metod sotsiologii / Per. s fr.; sost. A. B. Gofman; primech. V. V. Sapova]. M.: Nauka, 1991. 572 s.
- Emel'yanova T. P. Kharakteristiki kollektivnoy pamyati v kontekste sotsial'no-psikhologicheskikh osobennostey dvukh pokoleniy / T. P. Emel'yanova, T. V. Drobysheva // Gorizonty gumanitarnogo znaniya. 2017. № 5. S. 71–85.
- Zudina A. A. Neformal'naya zanyatost' i sub"yektivnyy sotsial'nyy status: primer Rossii // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2013. T. 14. № 3. S. 27–63.
- Kalinina Yu. Pokoleniye Y // Biznes-zhurnal. 2010. № 9 (174). S. 40–48.
- Omel'chenko E. L. Identichnosti i kul'turnyye praktiki rossiyskoy molodezhi na grani XX–XXI vv.: avtoref. dis. ... doktora sotsiol. nauk: 22.00.06 / In-t sotsiologii RAN. M., 2004. 48 s.
- Ortega-i-Gasset Kh. Vokrug Galileya (skhema krizisov) // Izbrannyye Trudy / Per. s isp.; sost., predisl. i obshch. red. A. M. Rutkevich. M.: Ves' mir, 1997. 704 s.
- Pipiya K. Kuda propal konflikt ottsov i detey // Vedomosti. 25.09.2018. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/09/25/782022-kuda-propal-konflikt-ottsov-i-detei> (data obrashcheniya: 25.03.2021).
- Radayev V. V. Millenialy: Kak menyayetsya rossiyskoye obshchestvo. M.: Izd. dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2019. 224 s.
- Rassolova I. V. Sotsial'naya identifikatsiya lichnosti v usloviyakh transformatsii sovremennogo rossiyskogo obshchestva: diss. ... kand. sotsiol. nauk: 22.00.04 / Kazan. gos. un-t im. V. I. Ul'yanova-Lenina. Kazan', 2005. 220 s.

Tvenge Dzh. M. Pokoleniye selfi. Kto takiye millenialy i kak nayti s nimi obshchiy yazyk. M.: Bombora, 2018. 336 s.

Tikhonova N. E. Faktory zhiznennogo uspekha i sotsial'nogo statusa v soznanii rossiyan // Vestnik Instituta sotsiologii. 2018. № 27. S. 11–43.

Shamis E. Teoriya pokoleniy / E. Shamis, A. Antipov // Marketing. Menedzhment. 2007. № 6. S. 42–46.

Shperlin' A. V. Rol' urovnya dokhoda i otnosheniya k den'gam v determinatsii sub'yektivnogo ekonomicheskogo blagopoluchiya // Vestnik YuUrGU. Seriya: Psikhologiya. 2014. T. 7. № 1. S. 58–66.

Yadova M. A. Millenialy: sotsiologicheskii portret pokoleniya // Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 11: Sotsiologiya. Referativnyy zhurnal. 2019. № 3. S. 140–144.

Adolescents' perceptions of social status: development and evaluation of a new indicator / E. Goodman, N. E Adler, I. Kawachi [et al.] // Pediatrics. 2001. № 108 (2). E31. DOI: 10.1542/peds.108.2.e31

Howe N. Millennials rising: The next great generation / N. Howe, W. Strauss. New York: Vintage Books, 2000. 432 p.

Jackman M. R. An interpretation of the relation between objective and subjective social status / M. R. Jackman, R. W. Jackman // American sociological review. 1973. № 38 (5). P. 569–582.

Кондратенко В. А.

СТРУКТУРА И ТИПЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ АЛКОГОЛЯ В РОССИИ В 1994–2018 гг.¹

doi: 10.19181/rlms-hse.2021.4

Аннотация. В статье на основании данных RLMS-HSE за 1994–2018 гг. рассмотрены основные изменения в частоте и структуре потребления алкоголя в России. Как свидетельствуют полученные результаты, в рассматриваемый период в целом снизилась распространенность и частота употребления алкоголя. Доля респондентов, в принципе не употребляющих алкоголь, выросла с 23,7% в 2006 г. до 38,8% в 2018 г. При этом особенно резкий рост числа трезвенников наблюдался среди молодежи (лиц моложе 25 лет). Доля респондентов, употреблявших алкоголь за 30 дней до проведения опроса, сократилась с 56,5% в 1994 г. до 40,8% в 2018 г. Между 2002 и 2018 г. заметно снизилась и частота употребления алкоголя: среди мужчин — с 5,9 до 4,8 раза в месяц, среди женщин — с 3,1 до 2,8 раза в месяц. В обоих случаях наиболее заметные изменения были зафиксированы среди молодежи. Самым важным изменением в структуре потребления алкоголя в России между 1994 и 2018 г. стало снижение популярности водки. Среди мужчин доля потребителей водки за этот период упала с 88,9 до 51,5%, среди женщин — с 60,6 до 23,1%. В 2000-х гг. водку в структуре потребления стало замещать пиво в 2010-х гг. к пиву присоединилось вино. На основе кластерного анализа данных RLMS-HSE нами были выделены несколько типов потребления алкоголя. Тип, основанный на потреблении исключительно водки, был наиболее распространен в начале периода (в 1994–1996 гг.). К 2001 г. произошло резкое снижение доли представителей данного типа потребления, после чего доля потребителей исключительно водки оставалась сравнительно стабильной. К концу периода наиболее распространенным типом потребления алкоголя был тип, основанный на потреблении исключительно пива. На протяжении всего рассматриваемого периода типу потребления, где доминируют крепкие алкогольные напитки (водка, самогон), были в большей степени привержены взрослые женатые мужчины; типу, где доминирует пиво, — молодежь; типу, где доминирует вино, — женщины среднего и молодого возрастов.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, потребление алкоголя, алкогольные напитки, крепкие алкогольные напитки, трезвость, типы потребления алкоголя.

¹ Представленная работа основана на результатах, полученных в ходе выполнения дипломной работы под руководством к.э.н., доцента департамента социологии НИУ ВШЭ Я. М. Рощиной. Автор выражает благодарность Я. М. Рощиной за помощь в работе над статьей и ценные замечания.

В России за последние десятилетия наблюдаются значительные изменения в практиках потребления алкоголя: снижается не только объем потребления¹, но и изменяются напитки, которые выбирают россияне². Исследователи отмечают переход от сформировавшейся в 1960–1980-е гг. модели потребления, близкой к так называемому «северному» типу, к новой модели потребления алкоголя³. Если раньше в ситуации низкого спроса на менее качественные вино и пиво в потреблении россиян доминировала водка и домашний самогон, то к 2010 г. более дешевая водка стала конкурировать уже с более качественным пивом. Такой сдвиг от «северного» к «центральноевропейскому» стилю потребления алкоголя соответствует существующим мировым трендам⁴.

В 2000-х гг. в России началось последовательное ужесточение мер по регулированию потребления алкоголя. В 2006 г. были введены акцизные марки и системы контроля ЕГАИС. В 2009 г. создана новая концепция алкогольной политики до 2020 г. Ее целью было обеспечение более чем двукратного снижения потребления алкоголя в России⁵. Данные меры, очевидно, внесли свой вклад в увеличение средней продолжительности жизни россиян и сокращение смертности⁶. Однако достигнутые результаты представляются промежуточными. Так, проект «Трезвая Россия» для выполнения поставленных перед ним задач предполагает, что объем потребления алкоголя в России к 2024 г. будет снижен до 12 млрд литров, а к 2030 — до 7 млрд литров. В проекте говорится не только о сокращении объемов, но и об изменении в структуре потребления алкоголя. Предполагается, что к 2030 г. потребление вина составит 50% всего потребления алкоголя, потребление пива — 30%, потребление крепких алкогольных напитков, таких как водка, снизится до 15%, оставшиеся 5% будут приходиться на иную алкогольную продукцию⁷. Как видно из приведенных цифр, политика регулирования ориентирована на переход от преимущественного потребления крепких алкогольных напитков («северная» модель) к потреблению легких алкогольных напитков («центральноевропейская» и «южная» модели).

¹ Новый доклад ЕРБ ВОЗ: смертность, связанная с употреблением алкоголя, снизилась в Российской Федерации благодаря строгим мерам контроля над алкогольной продукцией // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро [сайт]. 01.10.2019. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/alcohol-use/news/news/2019/10/alcohol-related-deaths-drop-in-russian-federation-due-to-strict-alcohol-control-measures,-new-report-says> (дата обращения: 25.03.2021).

² Радаев В. В., Котельникова З. В. Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 5. С. 92–117.

³ Радаев В. В., Котельникова З. В. Указ. соч.

⁴ Рощина Я. М. Динамика и структура потребления алкоголя в современной России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2012. Т. 2. С. 238–257; Радаев В. В., Котельникова З. В. Указ. соч.; Popova S., Rehm J., Patra J., Zatonski W. Comparing alcohol consumption in central and eastern Europe to other European countries // Alcohol & alcoholism. 2007. Vol. 42. № 5. P. 465–473.

⁵ Радаев В. В., Котельникова З. В. Указ. соч. С. 105.

⁶ Новый доклад ЕРБ ВОЗ...

⁷ Доклад о демографической ситуации в Российской Федерации 2020 г. // Трезвая Россия [сайт]. 15.12.2020. URL: <http://www.trezvros.ru/calendar/954> (дата обращения: 25.03.2021).

В литературе существуют два основных подхода к изучению потребления алкоголя: «количественный» и «структурный». Первый предполагает анализ потребления алкоголя с точки зрения объемов и частоты потребления¹, второй основывается на изучении структуры потребляемого алкоголя, а именно — тех видов алкогольных напитков, которые выбирает население. Данная работа выполнена в рамках второго подхода. Основное внимание в ней уделяется анализу изменений в структуре потребления алкоголя в России с середины 1990-х до конца 2010-х гг. Анализ проведен на основе базы данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE)² за 1994–2018 гг. В выборку включены респонденты 16 лет и старше. Наше исследование развивает выводы, сделанные Я. М. Рощиной в статье «Динамика и структура потребления алкоголя в современной России» (2012 г.)³, однако акцент перенесен с количественного анализа на анализ структуры потребления алкоголя, а также в работе используются данные RLMS-HSE за 2011–2018 гг., что существенно увеличивает длину изучаемого тренда.

Динамика потребления алкоголя россиян

С середины 2000-х гг. в России увеличивается доля людей, которые относят себя к трезвенникам (табл. 1). Если в 2006 г. 16,8% мужчин и 28,9% женщин сообщали, что не употребляют алкоголь, то в 2018 г. так утверждали 32,1% мужчин и 43,7% женщин.

Таблица 1

Доля населения старше 16 лет, не употребляющего алкоголь (абстинентов), 2006–2018 гг., %

Годы	Мужчины	Женщины	До 25 лет	26–40 лет	41–60 лет	Старше 61 года	Общее
2006	16,8	28,9	25,4	14,6	18,3	43,5	23,7
2007	19,0	33,1	29,8	17,5	21,4	47,5	27,1
2008	21,4	36,0	32,2	18,7	25,3	49,9	29,9
2009	21,2	34,8	33,1	19,0	23,2	48,6	29,0
2010	21,7	34,8	34,0	19,1	24,8	47,0	29,3
2011	21,6	34,9	34,8	19,0	24,1	47,4	29,3
2012	23,3	35,7	37,5	21,3	25,4	45,4	30,5
2013	25,0	38,2	43,4	22,8	26,7	47,2	32,7
2014	26,3	38,8	46,6	23,1	26,5	48,7	33,5
2015	30,0	43,7	53,3	27,6	30,0	52,7	37,9
2016	28,1	42,2	51,7	25,6	28,8	51,1	36,3
2017	32,1	44,4	54,7	29,6	31,5	52,8	39,2
2018	32,1	43,7	55,0	28,6	30,7	52,9	38,8

¹ Modeling to assess the effectiveness and cost-effectiveness of public health related strategies and interventions to reduce alcohol attributable harm in England using the Sheffield Alcohol Policy Model version 2.0: Report to the NICE Public Health Programme Development Group, 9 November 2009 / R. Purshouse, A. Brennan, N. Latimer [et al.]; The National Institute for Health and Care Excellence. URL: <https://www.nice.org.uk/guidance/ph24/evidence/economic-modelling-report-371533357> (date of access: 25.03.2021).

² Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms> (дата обращения: 25.03.2021).

³ Рощина Я. М. Указ соч.

Доля трезвенников среди населения в целом выросла за этот период с 23,7 до 38,8%. При этом прирост доли трезвенников среди молодежи составил более 30%, что стало рекордом по сравнению с другими возрастными группами. Согласно данным 2018 г., больше половины молодых людей до 25 лет не употребляют алкоголь (55,0%); примерно такова же доля трезвенников (52,9%) среди лиц старше 61 года; среди людей 26–40 и 41–60 лет трезвенников – около трети (28,6 и 30,7% соответственно). Представленные в таблице 1 данные свидетельствуют об эффективности государственных мер, направленных на снижение доли потребителей алкоголя среди россиян.

Не все люди, которые относят себя к потребителям алкоголя, пили спиртное за тридцать дней перед проведением опроса. Так, в 2018 г. не относили себя к трезвенникам около 60% респондентов старше 16 лет, но употребляли алкоголь хотя бы раз за последние тридцать дней только 40,8% респондентов, в том числе 50,5% мужчин и 33,8% женщин. Как видно из данных, представленных на рисунке 1, в 1994–2000 гг. происходило снижение доли потребителей алкоголя, однако в 2001 г. были отмечены резкий рост потребления и наибольшая доля пьющих среди представителей обоих полов за весь изучаемый период. Затем в течение почти 10 лет доля потребителей оставалась примерно на одном уровне и начиная с 2008–2009 гг. доля пьющих постепенно снижалась, за исключением 2016 г., когда и среди мужчин, и среди женщин наблюдался небольшой рост доли употреблявших алкоголь за месяц до проведения опроса RLMS-HSE.

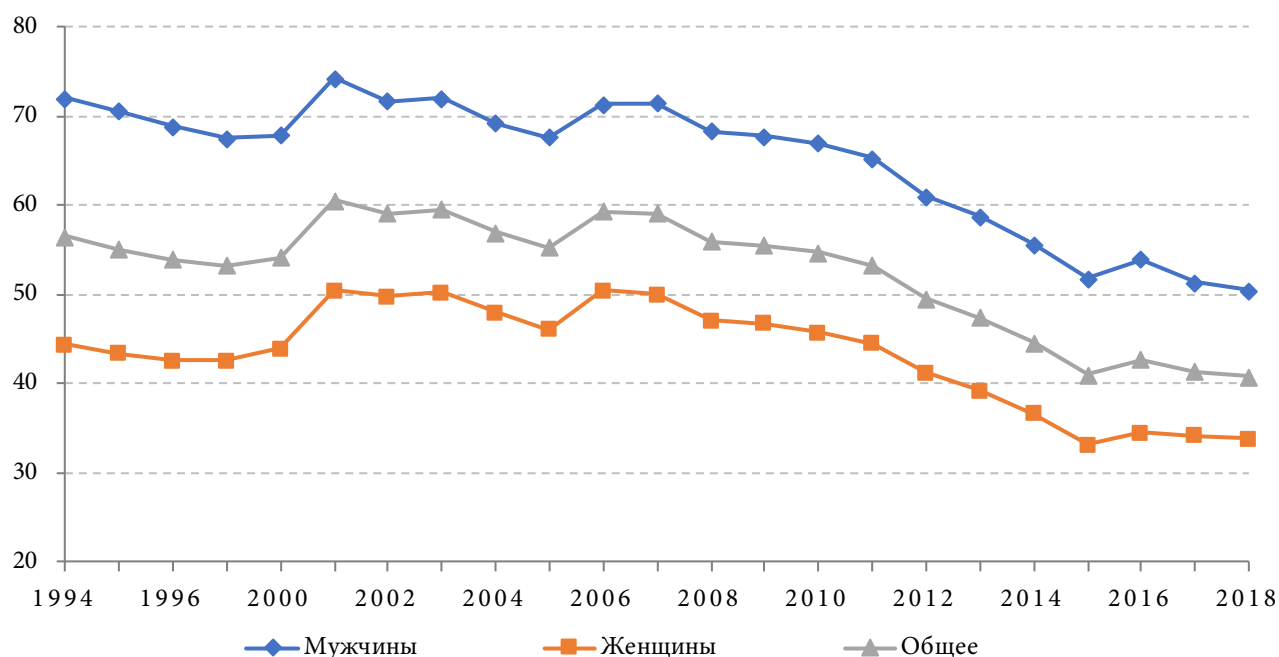

Рис. 1. Доля россиян старше 16 лет, употреблявших алкоголь в течение 30 дней перед проведением опроса RLMS-HSE, с разбивкой по полу, 1994–2018 гг., %

Снижение между 1994 и 2018 г. доли респондентов, употреблявших алкоголь в течение тридцати дней перед проведением опроса, с разбивкой по возрастным группам, представлено на рисунке 2.

Наиболее стабильной доля пьющих респондентов была среди пожилых людей. В 1994 г. эта доля равнялась 32% среди респондентов старше 61 года, в 2001 г. она достигла своего максимума в 38%, но к 2018 г. снизилась до 27%. Наиболее заметные изменения, как и в случае с людьми, не употребляющими алкоголь, происходили среди молодежи. Доля пьющих молодых людей снизилась с 56,1 до 51,0% между 1994

и 1998 г., вновь возросла к 2001 г., достигнув максимума в 63,8%, а затем постепенно снижалась. В 2018 г. доля потребляющих алкоголь среди молодежи достигла своего минимума в 27%, что оказалось в два раза меньше уровня потребления алкоголя молодыми людьми, зарегистрированного в первые годы проведения опросов RLMS-HSE. Изменения доли лиц, употребляющих алкоголь, среди респондентов в возрасте 26–40 и 41–60 лет схожи, хотя люди старшего возраста примерно на 10% реже сообщали об употреблении алкоголя в течение тридцати дней перед проведением опроса. В целом между 1994 и 2018 г. доля пьющих среди людей среднего возраста (26–40 лет) снизилась с 68,6 до 50,5%, среди людей старших возрастов (41–60 лет) — с 61,4 до 48,3%.

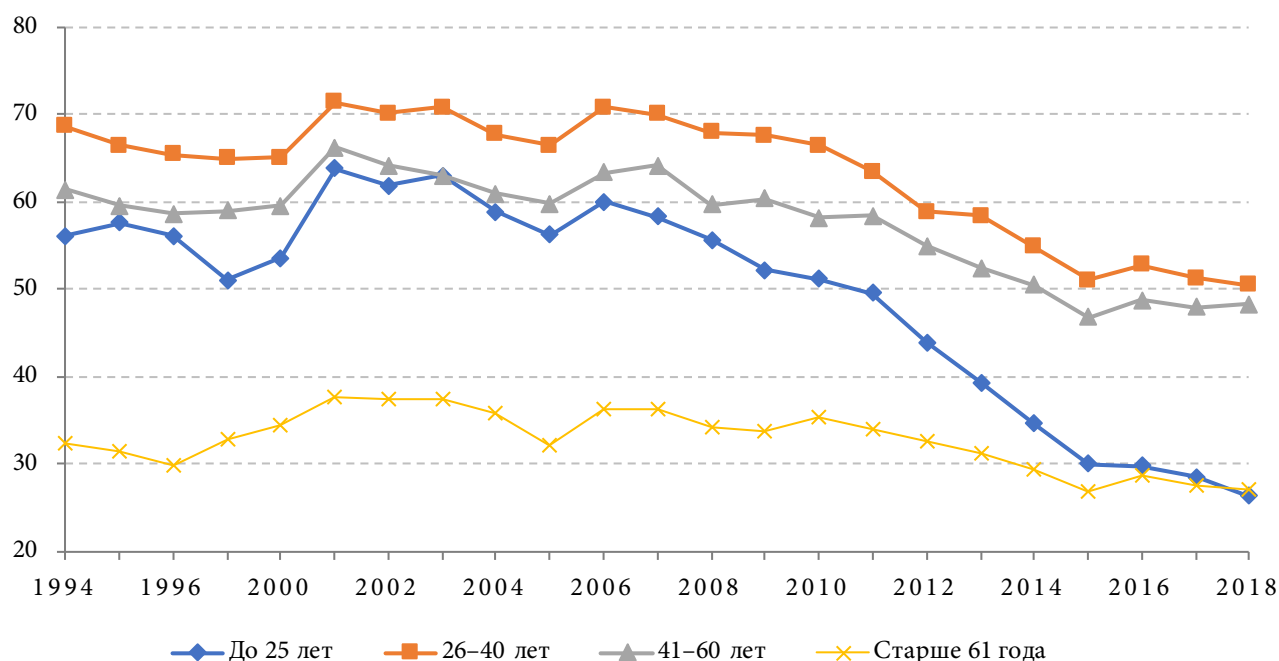

Рис. 2. Доля россиян старше 16 лет, употреблявших алкоголь в течение 30 дней перед проведением опроса RLMS-HSE, с разбивкой по возрастным группам, 1994–2018 гг., %

Таким образом, по сравнению с периодом 1994–2010 гг., рассмотренным в статье Я. М. Рощиной¹, период 2011–2018 гг. характеризовался постепенно увеличивающейся долей трезвенников, снижением доли людей, употреблявших алкоголь в течение тридцати дней перед проведением опроса RLMS-HSE. Судя по всему, в ближайшем будущем не следует ждать окончания данного тренда.

На рисунке 3 представлены данные, отражающие частоту употребления алкогольных напитков мужчинами и женщинами в течение тридцати дней перед проведением опроса.

Сравнительно резкий спад в частоте потребления алкоголя, особенно среди мужчин, наблюдался в 1998 г., затем частота потребления возросла, достигнув своего пика в 2002 г. В этом году женщины употребляли алкоголь в среднем 3 раза в месяц, а мужчины в два раза чаще. Начиная с этого времени средняя частота потребления алкоголя среди женщин изменялась незначительно. Среди мужчин средняя частота в 2003–2009 гг. сохранялась примерно на одном уровне, а затем снижалась в 2010, 2014 и 2018 гг. В среднем в 2018 г. мужчины потребляли алкоголь около 4,8 раза в месяц, а женщины почти в два раза реже — 2,8 раза.

¹ Рощина Я. М. Указ. соч.

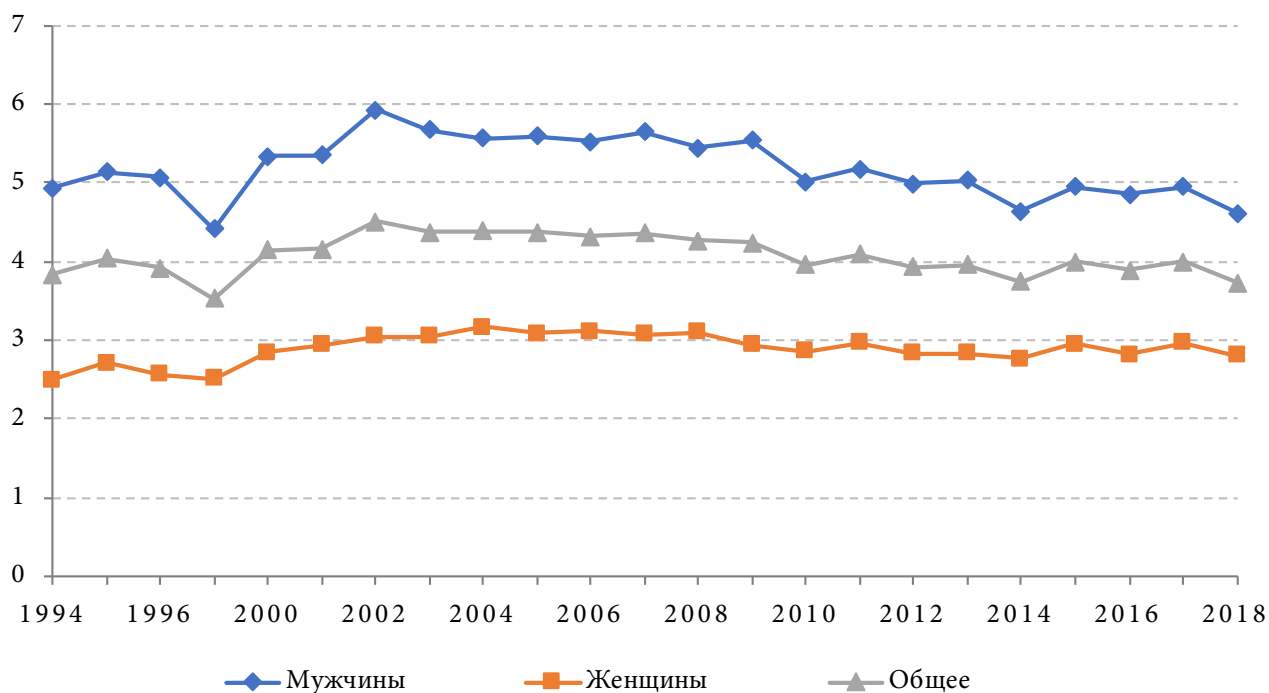

Рис. 3. Частота употребления алкогольных напитков в течение последних 30 дней перед проведением опроса RLMS-HSE среди респондентов старше 16 лет, употреблявших алкоголь, с разбивкой по полу, 1994–2018 гг., среднее количество раз в месяц

Оценивая изменения частоты потребления алкогольных напитков по возрастным группам (рис. 4), следует отметить снижение частоты потребления к концу 1990-х гг., после которого наступил резкий рост (до 2002–2003 гг.), а затем постепенное снижение (до 2010 г.). Несмотря на то, что последующий период между 2010 и 2018 г. характеризовался значительными флуктуациями, все-таки можно отметить тенденцию к снижению частоты потребления алкоголя. В среднем в 2018 г. молодежь потребляла алкоголь около 3 раз в месяц, а представители всех остальных возрастных групп — около 4 раз в месяц.

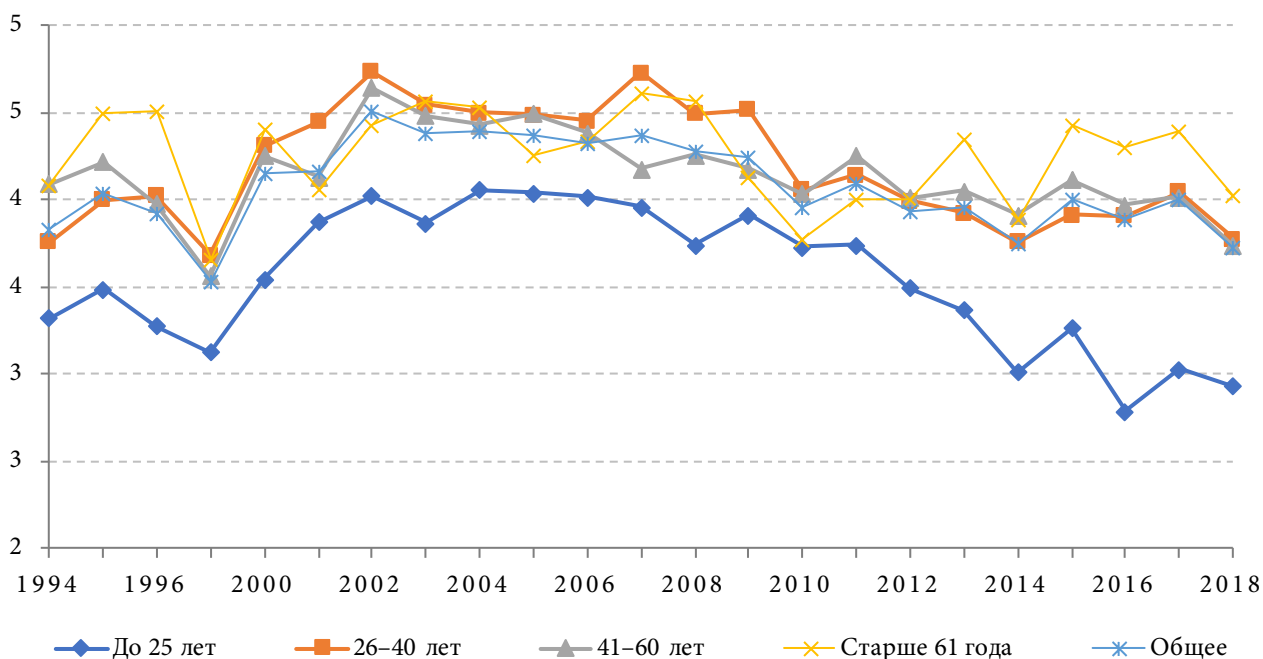

Рис. 4. Частота употребления алкогольных напитков в течение последних 30 дней перед проведением опроса RLMS-HSE среди респондентов старше 16 лет, употреблявших алкоголь, с разбивкой по возрастным группам, 1994–2018 гг., среднее количество раз в месяц

В 2018 г. около 10% лиц, потреблявших алкоголь, сталкивались с проблемами, связанными с его употреблением (табл. 2).

Таблица 2

Наличие у респондентов старше 16 лет проблем, связанных с потреблением алкоголя, с разбивкой по полу и возрастным группам, доля от употреблявших алкоголь, %

Наличие проблем	Мужчины	Женщины	До 25 лет	26–40 лет	41–60 лет	Старше 61 года	Всего
Считают ли окружающие Вас люди, что у Вас есть проблемы с алкоголем?	11,5	2,8	3,6	6,0	9,3	7,2	7,3
Вам когда-нибудь приходила в голову мысль, что Вам стоит меньше пить?	18,9	7,5	9,3	12,6	15,2	12,4	13,3
Раздражал ли Вас кто-то тем, что критиковал Ваше потребление алкоголя?	21,2	5,3	9,5	12,2	15,5	13,4	13,5
Испытывали ли Вы сожаление или чувство вины в связи с тем, что Вы употребляете алкоголь?	13,5	6,3	5,9	9,0	12,5	8,4	10,0
Бывало ли так, что первое, что Вам нужно было сделать утром, это выпить, чтобы избавиться от похмелья или успокоить нервы?	15,5	3,4	4,5	8,1	12,2	9,5	9,6

Мысль о том, что нужно меньше пить, в 2018 г. посещала 18,9% мужчин и 7,5% женщин. О раздражении, связанном с критикой потребления алкоголя окружающими, заявляли 21,2% мужчин и 5,3% женщин. Чаще всего о проблемах, связанных с потреблением алкоголя, сообщали лица среднего возраста (41–60 лет), из них примерно 15% респондентов отмечали, что им приходит в голову мысль о снижении потребления или что их критикует кто-то из окружения. Около 12% респондентов среднего возраста признавали, что утром им необходимо выпить, чтобы справиться с похмельем, или что они чувствуют вину из-за того, что потребляют алкоголь.

Динамика изменений в структуре потребления алкоголя

С 1994 по 2018 г. изменилась структура потребления алкоголя. Заметно снизилось потребление водки: среди мужчин доля потребителей упала с 88,9 до 51,5%, среди женщин — с 60,6 до 23,1%. Водку в структуре потребления заменило пиво. Доля потребителей пива за этот же период выросла с 35,3 до 66,1% среди мужчин, с 16,2 до 40,3% среди женщин. Пик потребления пива среди мужчин пришелся на 2007 г., когда доля потребителей достигла 72,0%, пик потребления среди женщин — на 2001 г., когда 48,9% женщин-респондентов сообщили о потреблении пива.

Изменения в структуре потребления алкогольных напитков мужчинами между 1994 и 2018 г. представлены на рисунке 5.

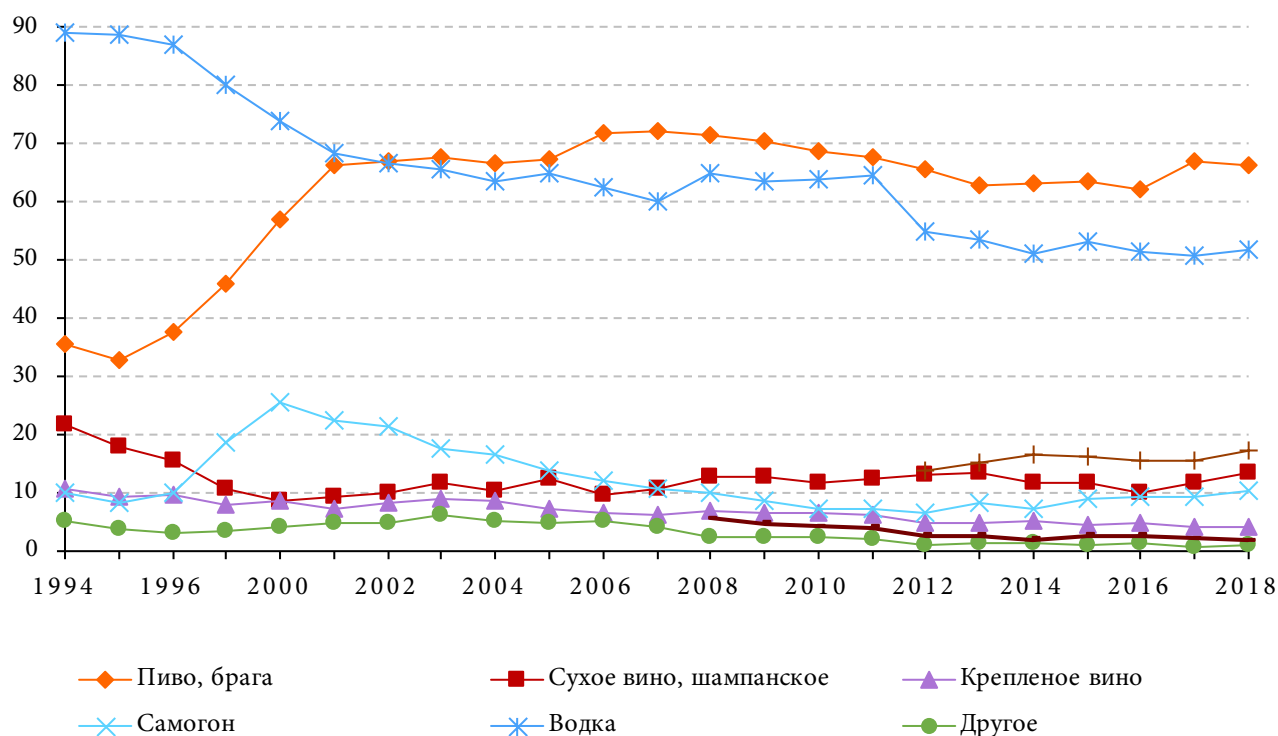

Рис. 5. Доля мужчин старше 16 лет, употреблявших алкогольные напитки в течение 30 дней перед проведением опроса RLMS-HSE, с разбивкой по группам напитков, 1994–2018 гг., %

Как видно из рисунка 5, в 1990-е гг. среди мужчин популярными напитками, помимо водки и пива, были некрепленое вино и шампанское. Однако к 1998 г. доля мужчин — потребителей вина снизилась, уступив место потребителям самогона, доля которых в 2000 г. достигла своего пика. В 2000 г. 25% мужчин потребляли этот напиток, но далее в течение всего периода доля потребителей самогона снижалась. В 2000-х гг. пиво и водка оставались наиболее популярными напитками среди мужчин, остальные алкогольные напитки привлекали население гораздо меньше. С 2012 г., когда в анкету RLMS-HSE был введен вопрос о потреблении таких напитков, как коньяк, виски и ликеры, эта категория напитков стала занимать третье место по потреблению среди мужчин. В 2018 г. 17,0% мужчин заявили об употреблении этих алкогольных напитков.

Для женщин также можно выделить несколько наиболее популярных напитков (рис. 6). Так, несмотря на то что доля потребителей водки среди женщин сократилась за рассматриваемый период в три раза, в 2018 г. этот напиток находился на третьем месте по популярности.

С 2000 по 2009 г. наиболее популярным напитком являлось пиво, заместившее к началу 2000-х гг. водку. В 1990-х гг. доля потребителей вина и шампанского среди женщин была немногим меньше доли потребителей водки, однако, к началу 2000-х гг. эта доля снизилась (с 52,9% в 1994 г. до 30,3% в 2000 г.). Начиная с 2010 г. вино и шампанское стали наиболее популярными напитками среди женщин — доля употребляющих их респонденток достигла 47,8% в 2018 г. Женщины предпочитают слабоалкогольное вино крепкому. Доля женщин, употреблявших крепкое вино, была максимальной в 2000 г. — 18,2%, но затем снизилась и оставалась в диапазоне 10–15%.

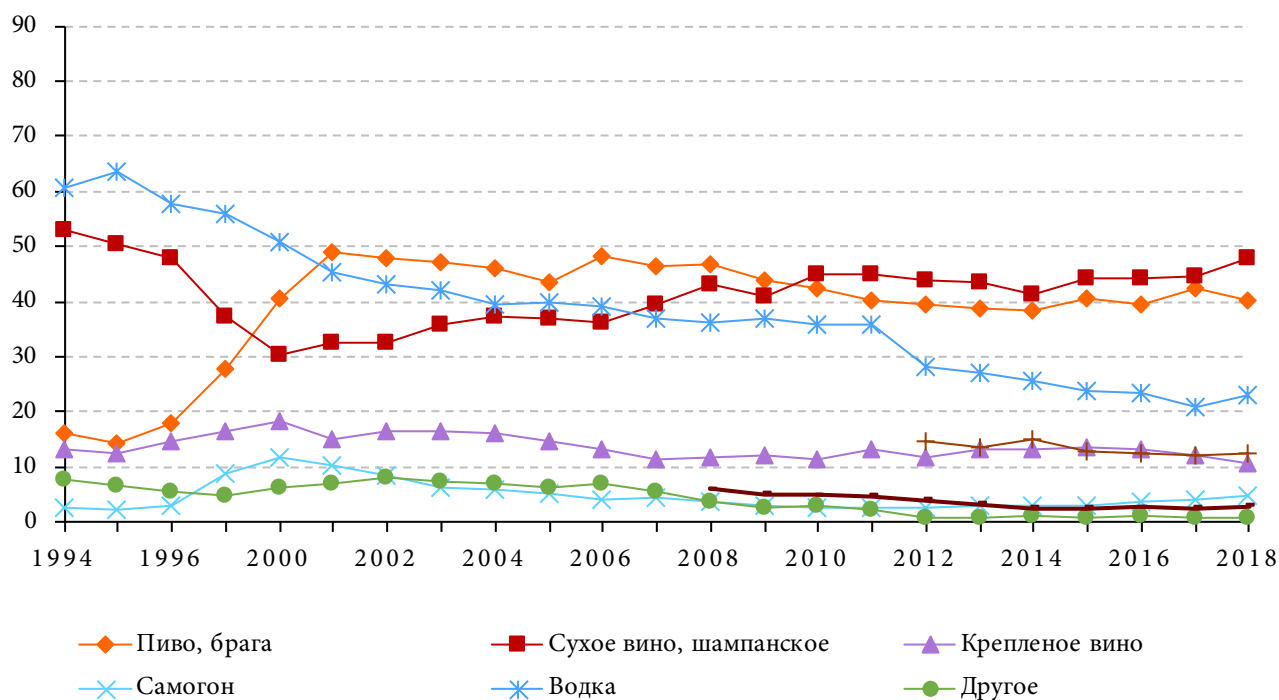

Рис. 6. Доля женщин старше 16 лет, употреблявших алкогольные напитки в течение 30 дней перед проведением опроса RLMS-HSE, с разбивкой по группам напитков, 1994–2018 гг., %

Полученные нами результаты для периода между 1994 и 2010 г. совпадают с выводами, сделанными Я. М. Рощиной в 2012 г.¹ Этот период делится на два этапа, которые обладают своими особыми чертами. В период между началом 1990-х и началом 2000-х гг. преобладает «северная» модель потребления алкоголя, где доминирует потребление водки. В 2000-х гг., с началом «пивной» революции² и введением новой алкогольной политики, в несколько раз сокращается потребление крепких алкогольных напитков, на лидирующие позиции выходят легкие алкогольные напитки (пиво в случае обоих полов и вино в случае женщин).

В 2010-х гг. продолжилось снижение доли потребителей водки среди мужчин и женщин. Наиболее популярным напитком среди мужчин на протяжении всего этого периода оставалось пиво, хотя росли и доля потребителей коньяка, виски и ликеров (17,0% в 2018 г.), и доля потребителей некрепкого вина (13,3% в 2018 г.). Среди женщин выросла доля потребителей вина (47,8% в 2018 г.) и к концу наблюдаемого периода незначительно увеличилась доля потребителей пива (40,3% в 2018 г.). Вино оставалось наиболее популярным напитком среди женщин на протяжении 2010-х гг.

Данные об изменениях структуры потребления алкоголя по возрастным группам представлены в таблице 3. За рассматриваемый период во всех возрастных группах более чем в два раза увеличилась доля потребителей пива.

Наибольший прирост потребления пива наблюдался в возрастных группах до 25 лет и 26–40 лет. По сравнению с предыдущими годами в 2010–2018 гг. доля потребителей пива росла достаточно медленно. В 2000-х гг. наблюдалось сокращение доли потребителей вина среди респондентов до 40 лет и увеличение этой доли

¹ Рощина Я. М. Указ. соч.

² Рощина Я. М. Указ. соч.; Радаев В. В., Котельникова З. В. Указ. соч.

среди респондентов старше 41 года. После 2010 г. доля потребителей вина выросла во всех возрастных группах. Значительное изменение произошло в потреблении водки. Доля потребителей водки снизилась среди молодежи больше чем в 4 раза (с 66,3 до 15,6%), среди лиц в возрасте 26–40 лет — в 2 раза (с 75,7 до 31,1%). После 2011 г. среди всех возрастных групп доля потребителей водки неуклонно падала. После 2012 г. в группе старше 25 лет наблюдалось увеличение доли лиц, употребляющих коньяк, виски, ликеры.

Таблица 3

Доля респондентов старше 16 лет, употреблявших алкогольные напитки в течение 30 дней перед проведением опроса RLMS-HSE,
с разбивкой по возрастным группам и группам напитков, 1994, 2000, 2006, 2012 и 2018 гг., %

Возраст, лет	Год	Группы алкогольных напитков							
		Пиво, брага	Вино	Крепленое вино	Самогон	Водка	Другое	Коньяк, виски, ликер	Коктейли
До 25	1994	36,9	57,1	13,7	4,0	66,3	9,5		
	2000	71,6	24,1	13,2	13,1	50,3	7,2		
	2006	80,5	27,1	7,8	2,6	29,8	7,5		
	2012	72,2	30,9	7,1	2,4	19,8	0,5	16,0	11,7
	2018	65,2	39,2	5,0	3,8	15,6	0,6	12,5	8,5
25–40	1994	31,9	39,9	12,8	5,9	75,7	7,1		
	2000	57,4	22,4	13,3	19,8	65,6	4,8		
	2006	67,6	24,3	9,5	7,2	52,9	6,3		
	2012	66,0	28,1	7,2	3,5	36,7	0,7	14,9	3,0
	2018	70,1	27,8	6,9	5,6	31,1	0,5	16,2	2,7
41–60	1994	22,7	27,0	10,3	7,1	80,7	4,4		
	2000	40,3	14,9	12,4	19,2	68,0	4,2		
	2006	50,9	20,9	10,2	10,0	61,0	5,0		
	2012	43,0	27,1	9,3	5,6	51,7	1,1	13,5	1,3
	2018	46,8	29,6	7,7	9,5	44,9	0,9	14,7	1,3
Старше 61	1994	8,9	16,2	9,8	11,1	80,6	3,7		
	2000	22,6	11,7	13,9	24,5	63,2	4,7		
	2006	31,9	15,4	12,7	14,7	53,6	5,6		
	2012	25,9	25,8	9,4	7,7	53,3	1,2	12,1	0,2
	2018	29,1	30,8	7,8	9,4	46,3	1,3	13,0	0,6
Всего	1994	26,8	35,6	11,8	6,6	76,4	6,2		
	2000	49,4	18,7	13,0	19,0	63,0	5,1		
	2006	60,1	22,6	9,8	8,1	51,0	6,0		
	2012	53,0	27,8	8,2	4,7	42,0	0,9	14,2	3,2
	2018	53,7	30,0	7,2	7,6	37,8	0,8	14,7	2,3

Рассмотрев потребление алкогольных напитков среди мужчин и женщин, а также среди различных возрастных групп в период с 1994 по 2018 г., можно сделать вывод, что действительно постепенно происходят изменения в структуре потребления алкоголя и крепкие алкогольные напитки начинают вытесняться более легкими видами алкоголя, такими как вино и пиво. В 1990-х гг. респонденты отказывались от водки и самогона в пользу пива, но не вина, чья популярность снижалась. В 2000-х и 2010-х гг. вино вновь набрало популярность, в то время как доля потребителей пива не претерпевала каких-либо значительных изменений. Период начиная с 2011 г. характеризовался хорошо прослеживаемым увеличением доли потребителей «легких» алкогольных напитков среди респондентов обоих полов и постепенно снижающейся долей потребителей крепкого алкоголя. Это свидетельствует о том, что «северная» модель потребления алкоголя уже не так актуальна для России. Структура потребления трансформируется в сторону если еще не «южной», то «центральноевропейской» модели.

Типология потребления алкоголя в России

Люди часто совмещают или чередуют потребление нескольких видов алкоголя. С помощью кластерного анализа данных RLMS-HSE за 1994–2018 гг. нами были выделены семь типов потребления алкоголя. В рамках опросов RLMS-HSE 1990-х гг. задавался вопрос о том, сколько граммов определенного вида алкоголя человек выпивал в день, однако вопрос о том, сколько дней в месяц человек употреблял алкоголь, был включен в анкету только в 2006 г. Это затрудняет использование ответов на эти вопросы в рамках нашего исследования. Поэтому тип потребления алкоголя определяется только на основе ответов на вопрос: «Сейчас я буду перечислять разные спиртные напитки, а Вы скажите мне, пожалуйста, какие из них Вы пили в течение последних 30 дней, и если пили, то сколько граммов Вы обычно выпивали за день?», а также частоты потребления в месяц.

В анкету RLMS-HSE периодически вносились изменения и уточнения, касающиеся вида потребляемого алкоголя:

- в 1994 г. в анкете был один вопрос о потреблении пива или браги; в 2008 г. его разделили на два отдельных вопроса; в 2012 г. вопрос о потреблении пива дополнительно разделили на два вопроса о потреблении пива промышленного производства и домашнего пива;
- в 1994 г. в анкете был один вопрос о потреблении сухого вина и шампанского; в 2012 г. этот вопрос был разделен на два отдельных вопроса о потреблении любого домашнего вина и потреблении сухого вина и шампанского промышленного производства;
- в 1994 г. в анкете был один вопрос о потреблении водки или других крепких напитков; в 2012 г. его разделили на два вопроса о потреблении водки и потреблении коньяка, виски, ликеров;
- в 2008 г. в анкету был добавлен еще один вид алкогольных напитков: коктейли, содержащие алкоголь.

Поскольку нашей задачей было построение модели, охватывающий весь период наблюдений 1994–2018 гг., мы исключили из кластерного анализа такие виды алкогольных напитков, как коктейли. Виды алкогольных напитков, которые были специфицированы в ходе проведения опросов, мы объединили на основании классификации 1994 г. В результате в кластерную модель вошли переменные, отражающие потребление: 1) пива или браги, 2) некрепленого вина, 3) крепленого вина, 4) самогона, 5) водки и 6) других алкогольных напитков. Также в модель вошла переменная, отражающая частоту потребления алкоголя. Каждая переменная была измерена по шкале от 0 до 1, где ноль соответствовал ответу: «не пил данный вид напитка за 30 дней перед проведением опроса», а единица соответствовала ответу: «пил данный вид напитка за 30 дней перед проведением опроса». Переменная, отражающая частоту потребления алкоголя, изначально имела 6 категорий: 1) один раз за последние 30 дней, 2) 2–3 раза за последние 30 дней, 3) 1 раз в неделю, 4) 2–3 раза в неделю, 5) 4–6 раз в неделю, 6) каждый день. Эта переменная была нормирована и переведена к шкале от 0 до 1, где ноль соответствовал ответу: «потреблял 1 раз за последние 30 дней алкоголь», а единица соответствовала ответу: «пил каждый день», с промежуточными делениями по 0,2.

Итоговая типология представляет собой семикластерную модель с тремя «чистыми» типами («только водка», «только пиво», «только вино») и четырьмя смешанными («крепленое вино и другие напитки», «самогон и другие напитки», «вино и другие напитки», «пиво и водка»), где есть один доминирующий напиток в сочетании с другими. Все кластеры равно наполнены, однако выделяются «лидеры» по количеству наблюдений. В кластерах «только водка» и «только пиво» почти 30 тыс. наблюдений. В кластере «пиво и водка» — 25 тыс., в остальных кластерах — около 15 тыс. наблюдений. Наименее наполненный кластер — «крепленое вино и др.», где 13 тыс. наблюдений (распределение наблюдений по кластерам приведено в Приложении в табл. А1, кластерные центры — в табл. А2).

Рассматривая динамику по годам и по доле людей, которые входят в каждый кластер, можно отметить очевидное падение доли представителей типа «только водка» и наоборот — рост долей представителей таких типов, как «только пиво» и «только вино» (рис. 7). Доля представителей типа «самогон и другие напитки» быстро росла между 1996 и 2000 г., а затем постепенно снижалась. Доли представителей типов «только вино» и «вино и другие напитки» снижались в 1990-х гг., но довольно равномерно росли в течение всего оставшегося периода. Доля представителей типа «только пиво» увеличивалась на протяжении всего рассматриваемого периода.

На основании данных, представленных на рисунке 7, можно выделить несколько основных трендов, которые соотносятся с теми, что были отмечены ранее на основании анализа динамики потребления каждого алкогольного напитка по отдельности:

- в 1990-х гг. наблюдалось резкое падение доли людей, потребляющих «только водку», более плавное падение доли любителей вина, рост доли людей, которые пьют самогон и совмещают его с другими напитками;
- в 2000-х гг. происходило снижение доли людей, потребляющих самогон, постепенный рост доли представителей типа «только пиво» и «только вино»;
- в 2010-х гг. происходили интенсивный рост доли представителей типа «только пиво», менее интенсивное увеличение доли представителей типа «только вино», постепенное снижение доли представителей типа «только водка» и падение доли представителей смешанного типа «водка и пиво».

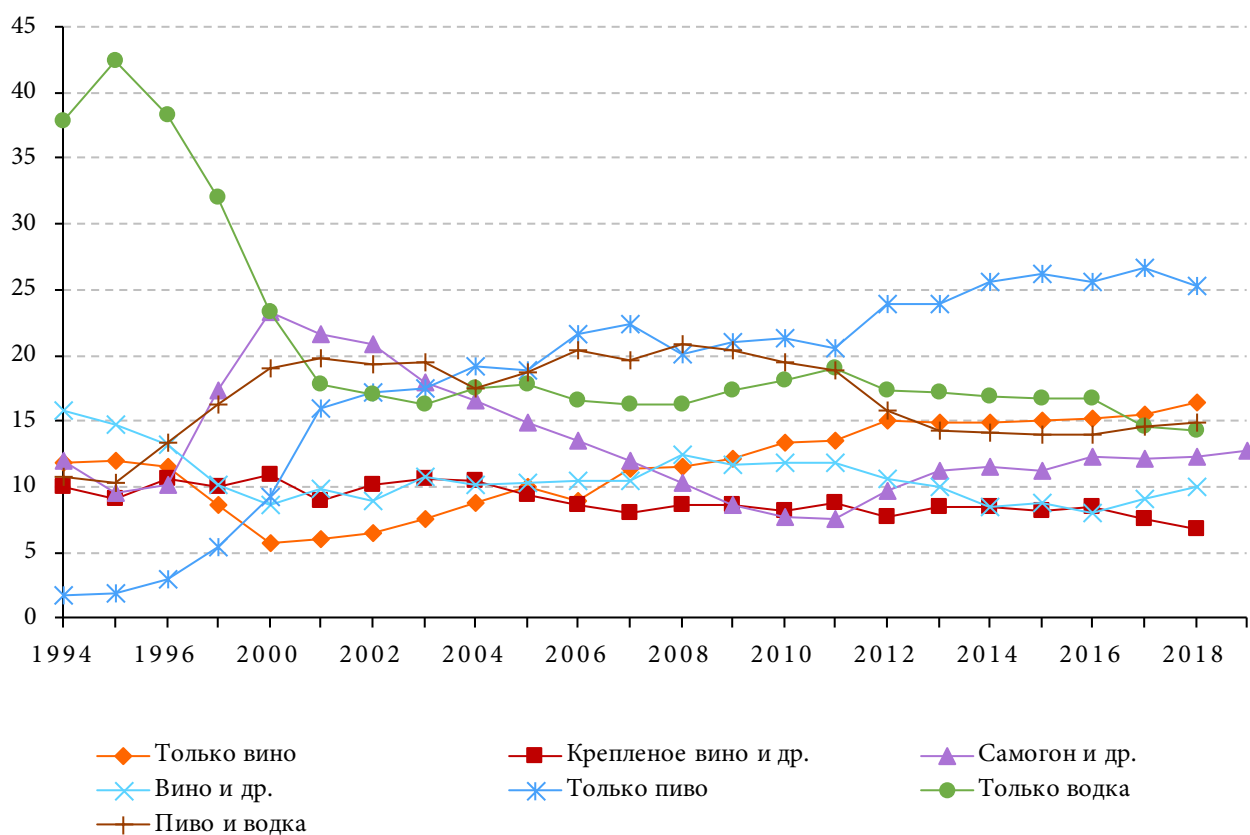

Рис. 7. Динамика распределения респондентов старше 16 лет, потребляющих алкоголь, по типам потребления алкоголя, 1994–2018 гг., %

Далее рассмотрим выделенные типы потребления алкоголя с точки зрения социально-демографических характеристик вошедших в соответствующие кластеры респондентов, а также частоту и характер потребления алкоголя в различных кластерах. Данные RLMS-HSE, на основе которых строится дальнейшее рассуждение, приведены в Приложении в таблицах А3–А7.

Типы потребления, основанные на крепком алкоголе

Тип «только водка»

Начнем описание выделенных типов потребления алкоголя с наиболее распространенных. Так, лидером по доле наблюдений является тип «только водка» (28 тыс., или около 20% всех наблюдений). Доля представителей данного типа резко упала с 37,8% респондентов в 1994 г. до 17,8% в 2001 г. и до 14,3% в 2018 г. Представителями данного типа потребления являются, прежде всего, мужчины. Он в большей степени характерен для жителей села, хотя его распространенность в сельской местности уменьшается. При этом доля представителей данного типа потребления, проживающих в селах и пгт, снизилась с 36,2% в 1994 г. до 28,6% в 2018 г., в то время как доля горожан выросла за этот же период с 27,8 до 31,3%. Исключительно водку употребляют скорее люди среднего (41–60 лет) и пожилого (старше 61 года) возрастов, а также лица, состоящие в браке. Этот напиток потре-

бляют преимущественно во время еды, причем потребление водки в публичных местах, например в барах и ресторанах, не распространено. По сравнению с представителями других типов потребления, люди, употребляющие исключительно водку, пьют сравнительно нечасто — в среднем 3–4 раза в месяц (можно предположить, что после работы и по выходным).

Тип «самогон и другие напитки»

К данному типу потребления алкоголя принадлежит 18 тыс. наблюдений, или 13% респондентов. Доля потребителей этого типа довольно интенсивно росла в 1990-х гг., а затем резко падала вплоть до 2011 г. С этого времени произошла ее относительная стабилизация с тенденцией к незначительному увеличению. В среднем респонденты, употребляющие самогон вместе с другими напитками, употребляют алкоголь чаще, чем представители других типов потребления, — больше пяти раз в месяц. Вместе с самогоном они употребляют пиво (40% представителей данного типа) и водку (37% представителей данного типа).

Потребляют самогон в сочетании с другими напитками скорее мужчины, которые проживают в селах, причем данная ситуация характерна для всего рассматриваемого периода. Распределение представителей данного типа по возрастам достаточно равномерно. Тем не менее к концу 2010-х гг. этот тип потребления становится более распространенным среди лиц старшего (41–60 лет) и пожилого (старше 61 года) возрастов. Доля этих возрастных групп среди потребителей самогона выше, чем их доля в составе населения России (доля лиц старшего возраста в группе — 39%, в составе населения в целом — 27%; доля лиц пожилого возраста в группе — 33%, в составе населения в целом — 17%). Среди представителей данного типа также преобладают лица, состоящие в браке (70,3% в 1994 г. и 70,1% в 2018 г.). Пьют самогон, как и водку, во время еды. Однако представители данного типа чаще пьют на улице. Так как потребление самогона было более типично для сельских жителей, логично, что в селах его употребляют на улице возле домов, где гораздо меньше сторонних наблюдателей, чем в городах или областных центрах. В то же время самогон может выступать объединяющим фактором, способствующим социальным связям, как это было отмечено М. А. Торнтон применительно к фермерам Австрии¹.

Типы потребления, включающие пиво

Тип «только пиво»

Доля лиц, потребляющих исключительно пиво, выросла с 1,7% в 1994 г. до 16,0% в 2001 г. и до 25,3% в 2018 г. К данному типу потребления алкоголя принадлежит 28 тыс. наблюдений, или 19% респондентов. Представителями данного типа являются скорее мужчины, их доля в течение всего периода выше, чем в среднем по России. Это наиболее «молодежный» тип. Доля лиц, потребляющих исключительно пиво, среди респондентов младше 25 лет в 1994 г. составляла 29,5%,

¹ Thornton M. A. *Sekt versus Schnaps un an Austrian Village // Constructive drinking: Perspectives on Drink from Anthropology* / Ed. by M. Douglas. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 102–112.

в 2006 г. — 39,4%, в 2018 г. — 14,3%; доля лиц в возрасте от 25 до 40 лет находилась на уровне 32–33% в 1994 и 2006 гг., но выросла до 51,6% к концу рассматриваемого периода. В этом кластере больше людей, состоящих в браке (в среднем для всего периода 64,1% респондентов), но их доля не выше, чем в среднем по России. В начале периода наблюдений данный тип потребления был более характерен для жителей областных центров и городов, но к 2018 г. стал нейтральным с точки зрения места жительства респондентов. Пиво часто пьют на улице и без еды, это можно объяснить тем, что напиток этот слабоалкогольный, хорошо утоляет жажду и не требует «закуски», чтобы опьянение не было слишком сильным.

Тип «пиво и водка»

Представители данного типа потребления (25 тыс. наблюдений, или 17% респондентов) употребляют в равной степени пиво и водку. Доля респондентов в этой группе увеличивалась синхронно с ростом потребления пива. Эта доля выросла с 10,8% в 1994 г. до 20,8% 2008 г., но затем постепенно снижалась. В 2018 г. 15% респондентов принадлежали к данному типу потребления. Спад, вероятно, можно объяснить снижением интереса к потреблению водки в целом. Данный тип потребления является наиболее «мужским». Доля представителей мужского пола в этой группе в 1994 г. составляла 84,0%, что было на 30% выше среднего показателя по России, причем такое соотношение сохранялось в течение всего периода наблюдений. Этот тип не только самый «мужской», но и самый «женатый». В среднем на протяжении всего периода 77,6% представителей данного типа состояли в браке, что выше общероссийского показателя в 70%. Потребление пива и водки в среднем более характерно для областных центров и менее для села. Такой тип всегда был не слишком характерен для жителей столиц, доля его представителей колебалась от 13,0 до 8,6 и до 10,1% в 1994, 2006 и 2018 гг. соответственно. Водку с пивом чаще всего употребляют до еды или без нее, скорее дома, на работе или в гостях.

Типы потребления, основанные на вине

Тип «только вино»

Сравнивая данный кластер с другими, можно отметить, что люди, потребляющие исключительно вино, пьют реже всех — не больше 2–3 раз в месяц. К данному типу потребления алкоголя принадлежит 17 тыс. наблюдений, или 12% респондентов. В 1990-е гг. наблюдался спад популярности данного типа потребления, но в следующие двадцать лет вино вернулось на свои позиции. В 2018 г. только вино употребляли 16,5% респондентов (в 2001 г. — 6,0%, а в 1994 г. — 11,9%). Типичными представителями данного типа потребления являются женщины. Доля женщин в среднем за весь период составляла 87,9% потребителей данного типа, что почти в два раза больше их доли среди всего населения, употребляющего алкоголь. В 1990-х гг. потребление вина было более характерно для областных центров и менее для села. К концу 2010-х гг. доля потребителей данного типа, проживающих в областных центрах и городах, стала близка к среднему показателю, доля жителей села упала, а доля жителей столиц, напротив, выросла и стала значительно

больше, чем средний показатель для всех пьющих россиян. То есть в начале изучаемого периода данный тип потребления был более характерен для областных центров, а к концу — для столиц. Изменилось с течением времени и распределение по возрастным группам. Если в 1994 г. данный тип потребления мог считаться скорее «молодежным» (27,3% респондентов младше 25 лет), то к концу изучаемого периода доля молодых людей заметно снизилась (10,9%). В то же время среди потребителей данного типа выросла доля старших возрастов (среди лиц 41–60 лет с 25,7% в 1994 г. до 40,0% в 2018 г.; среди лиц старше 61 года — с 9,9 до 22,0%). По сравнению с остальными кластерами в этой группе наибольшая доля людей, не состоящих в браке. В 1994 г. лиц, не состоящих в браке, было 38,5% (средний показатель для всего пьющего населения — 27,3%), в 2018 г. таких было 35,6% (средний показатель — 30,5%). Представители данного типа потребления пьют вино в барах и ресторанах чаще, чем представители других типов потребления, и в меньшей степени предпочитают пить на улице. Данный напиток хорошо подходит для потребления во время еды и, соответственно, его не пьют до приема пищи.

Тип «крепленое вино и другие напитки»

Это один из смешанных типов потребления алкоголя и самых мало наполненных кластеров. В него входит 13 тыс. наблюдений, или 11% респондентов. Данный тип имеет в качестве основного напитка крепленое вино, которое дополняется потреблением пива (в 36% случаев), водки (33%) и некрепленого вина (23%). Доля представителей данного типа потребления в течение всего периода была стабильной — около 10% от всех пьющих. В целом этот тип нейтрален с точки зрения пола и места жительства его представителей. В 1990-х гг. этот тип был более представлен в столицах и областных центрах. Однако с 1994 по 2018 г. доля жителей столиц среди представителей данного типа снизилась с 17,9 до 15,8%, а доля жителей областных центров — с 39,2 до 34,4%; также упала доля жителей сел (с 19,7 до 17,8%). Доля жителей городов, напротив, возросла с 23,2 до 31,9%. По возрастным группам данный кластер также сравнительно нейтрален. По семейному положению данная группа лидирует по доле лиц, не состоящих в браке, после потребителей вина. В 1994 г. представителей данного типа, не состоящих в браке, было 30,1%, в 2018 г. — 35,1%. Крепленое вино в сочетании с другими напитками, также как и обычное вино, часто пьют в барах и ресторанах, причем люди предпочитают его пить во время еды.

Тип «вино и другие напитки»

К данному типу потребления алкоголя принадлежит 15 тыс. наблюдений, или 11% респондентов. Данный тип потребления алкоголя похож на предыдущий. Потребление вина люди совмещают с потреблением пива (в 72% случаев) и водки (в 56% случаев). Доля представителей данного типа в 1994 г. составляла 15,9%, в 2000 г. — 8,6%, в 2008 г. — 12,5% и в 2018 г. — 9,9%, т. е. процесс ее изменения имел волнообразный характер. Этот тип потребления находится на втором месте после типа «только вино» по представленности женщин. Среди представителей данного типа в 1994 г. было 54,5% женщин (средний показатель среди всех пьющих — 44,8%). К 2018 г. доля женщин выросла до 64,7% (средний показатель среди всех

пьющих — 47,8%). В 1990-х гг. этот тип был характерен скорее для жителей столиц и областных центров. Однако с течением времени этот тип стал еще более столичным (в 2018 г. к этому типу потребления принадлежали 20,3% жителей Москвы и Санкт-Петербурга при средней доле столичных жителей среди всех пьющих в 13,9%). Представителями данного типа является, прежде всего, молодежь. Ее доля среди представителей данного типа в 1994 г. составляла 27,0% (в среднем по России 17,2%), а в 2018 г. — 11,3% (в среднем по России 8,1%). Уменьшение доли молодежи среди представителей данного типа, вероятно, объясняется общим снижением доли пьющих среди молодых людей. Вино в сочетании с другими напитками, как и остальные «винные» типы напитков, не принято пить до еды, люди нередко предпочитают употреблять алкоголь дома или в барах и ресторанах.

Итак, мы рассмотрели семь типов потребления алкоголя, которые были выделены на основе кластерного анализа данных RLMS-HSE за 1994–2018 гг. Эти типы условно можно разделить на «крепкоалкогольные», «винные» или «пивные» в зависимости от того, какой доминирующий напиток присутствует в кластере. Крепкоалкогольные типы отличаются наличием наибольшей долей мужчин, которые живут в селах или областных центрах и состоят в браке, наличием большей доли лиц старшего (41–60 лет) или пожилого (старше 61 года) возрастов. Для представителей данных типов характерно потребление алкоголя на улицах или в парках и в сочетании с пищей, что в целом логично, так как крепкоалкогольные напитки принято «закусывать», чтобы избежать сильного опьянения. «Винные» типы представляют собой наиболее «женские» кластеры. Пьют только вино скорее женщины среднего возраста из столиц, а сочетают его с крепкой водкой и легким пивом скорее молодые девушки, которые также чаще живут в Москве или Санкт-Петербурге. В свою очередь тип, основанный на потреблении крепленого вина, также является «женским», но по остальным социально-демографическим характеристикам довольно разнороден. Данный тип можно назвать эклектичным¹, так как он сочетает в себе несколько разрозненных видов алкогольных напитков. Вино чаще других напитков пьют в барах и ресторанах в сочетании с пищей, что также легко объяснимо, ведь вино с давних времен подавалось в сочетании с блюдами, причем некоторые виды вина дополняются определенными блюдами. «Пивные» типы (в наибольшей степени тип «только пиво») являются наиболее «нейтральными» по основным социально-демографическим характеристикам. Исключительно пиво потребляет скорее молодежь из разных уголков России, которая пьет пиво безотносительно приемов пищи и редко в гостях. Пиво в сочетании с водкой представляет собой самый «мужской» и самый «женатый» тип потребления алкоголя, эти напитки пьют как до еды, так и без нее, дома, на работе и в гостях.

В течение изучаемого периода меняется не только доля людей, состоящих в различных кластерах, но и портреты представителей типов по социально-демографическим характеристикам. Наиболее стабильными по описанным параметрам являются «чистые» типы («только водка», «только вино», «только пиво»). Причем если сравнивать их социально-демографические характеристики со «смешанными» типами, «чистые» типы имеют и более четкие границы, и более стабильные характеристики.

¹ Рощина Я. М., Мартыненко П. А. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах // Экономическая социология. 2014. Т. 15. №. 1. С. 20–42.

Динамика доли представителей разных типов потребления соответствует тем трендам, которые были выявлены при анализе изменений в потреблении отдельных групп алкогольных напитков. В целом доля потребителей крепких алкогольных напитков падает, растет потребление более легкой алкогольной продукции. Полученные результаты отражают позитивный тренд в потреблении алкоголя. Они свидетельствуют о том, что задачи по снижению и изменению структуры потребления алкоголя среди россиян, поставленные в рамках проекта «Трезвая Россия», выполняются. В дальнейшем интерес представляет изучение динамики потребления отдельных групп алкогольных напитков с 2012 г. с учетом тех изменений и нововведений, которые произошли в вопроснике RLMS-HSE.

Список литературы

Доклад о демографической ситуации в Российской Федерации 2020 г. // Трезвая Россия [сайт]. 15.12.2020. URL: <http://www.treznvros.ru/calendar/954> (дата обращения: 25.03.2021).

Новый доклад ЕРБ ВОЗ: смертность, связанная с употреблением алкоголя, снизилась в Российской Федерации благодаря строгим мерам контроля над алкогольной продукцией // Всемирная организация здравоохранения. Европейское региональное бюро [сайт]. 01.10.2019. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/alcohol-use/news/news/2019/10/alcohol-related-deaths-drop-in-russian-federation-due-to-strict-alcohol-control-measures,-new-report-says> (дата обращения: 25.03.2021).

Радаев В. В. Изменение структуры потребления алкоголя в контексте государственной алкогольной политики в России / В. В. Радаев, З. В. Котельникова // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 5. С. 92–117.

Рощина Я. М. Динамика и структура потребления алкоголя в современной России // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. 2012. Т. 2. С. 238–257.

Рощина Я. М. Структура потребления алкоголя как индикатор социальной группы в современных российских городах / Я. М. Рощина, П. А. Мартыненко // Экономическая социология. 2014. Т. 15. №. 1. С. 20–42.

Comparing alcohol consumption in central and eastern Europe to other European countries / S. Popova, J. Rehm, J. Patra, W. Zatonski // Alcohol & alcoholism. 2007. Vol. 42. № 5. P. 465–473.

Modeling to assess the effectiveness and cost-effectiveness of public health related strategies and interventions to reduce alcohol attributable harm in England using the Sheffield Alcohol Policy Model version 2.0: Report to the NICE Public Health Programme Development Group, 9 November 2009 / R. Purshouse, A. Brennan, N. Latimer [et al.]; The National Institute for Health and Care Excellence. URL: <https://www.nice.org.uk/guidance/ph24/evidence/economic-modelling-report-371533357> (date of access: 25.03.2021).

Thornton M. A. Sekt versus Schnaps un an Austrian Village // Constructive drinking: Perspectives on Drink from Anthropology / Ed. by M. Douglas. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 102–112.

Приложение

Таблица А1

Распределение выборки по кластерам, кол-во наблюдений в каждом кластере
и доля от всех валидных наблюдений и всех наблюдений

Кластеры	Кол-во наблюдений	Доля всех валидных наблюдений, %	Доля всех наблюдений, %
Только вино	17 165	11,9	5,9
Крепленое вино и др.	12 741	8,8	4,3
Самогон и др.	18 390	12,7	6,3
Вино и др.	15 325	10,6	5,2
Только пиво	27 772	19,2	9,5
Только водка	28 356	19,6	9,7
Пиво и водка	24 561	17,0	8,4
Всего	144 310	100,0	49,3
Исключенные случаи	148 590		50,7
Всего	292 900		100,0

Таблица А2

Кластерные центры модели потребления алкоголя, 1994–2018 гг., %*

Потребление разного вида алкоголя	Типы потребления алкоголя							Всего
	Только вино	Крепленое вино и др.	Самогон и др.	Вино и др.	Только пиво	Только водка	Пиво и водка	
Пиво или брага	0	36	41	72	100	0	100	52
Некрепленое вино	100	23	13	100	0	0	0	26
Крепленое вино	0	100	7	0	0	0	0	10
Самогон	0	0	63	0	0	0	0	8
Водка	0	33	37	56	0	100	100	50
Другое	0	0	26	0	0	0	0	3
Частота потребления алкоголя	14	26	36	32	28	23	39	28

*Каждая переменная в кластерной модели потребления алкоголя — дихотомическая, где «0» — не употреблял данный вид алкогольного напитка за последние 30 дней, а «1» — употреблял. Частота потребления алкоголя из категориальной с 6 вариантами ответа (от «1» — употреблял 1 раз в месяц до «6» — употреблял каждый день) была нормирована и приведена к виду от 0 до 1.

Таблица А3

Среднее количество раз потребления алкоголя за последние 30 дней
по типам потребления алкоголя

Типы потребления алкоголя							
Только вино	Крепленое вино и др.	Самогон и др.	Вино и др.	Только пиво	Только водка	Пиво и водка	Всего
2,27	3,70	5,41	4,31	3,84	3,44	5,44	4,07

Таблица А4

Распределение респондентов старше 16 лет по типам потребления алкоголя в зависимости от пола, 1994, 2006, 2018 гг., %

[illegible]

Таблица А5

**Распределение респондентов старше 16 лет по типам потребления алкоголя
в зависимости от места жительства, 1994, 2006, 2018 гг., %**

[illegible]

Таблица А6

**Распределение респондентов старше 16 лет по типам потребления алкоголя
в зависимости от семейного положения, 1994, 2006, 2018 г., %**

[illegible]

Таблица А7

**Распределение респондентов старше 16 лет по типам потребления алкоголя
в зависимости от возрастной группы, 1994, 2006, 2018 гг., %**

[illegible]

doi: 10.19181/rlms-hse.2021.4

THE STRUCTURE AND TYPES OF ALCOHOL CONSUMPTION IN RUSSIA IN 1994–2018

Kondratenko V. A.

Abstract. The article examines the main changes in the frequency and structure of alcohol consumption in Russia based on RLMS-HSE data for 1994–2018. As the results show, the prevalence and frequency of alcohol consumption generally decreased during this period. The proportion of those who avoid alcohol rose from 23.7% in 2006 to 38.8% in 2018. The increase in non-drinkers was particularly dramatic among young people (those under 25). The proportion of respondents who had consumed alcohol in thirty days before the survey fell from 56.5% in 1994 to 40.8% in 2018. The frequency of alcohol consumption also decreased. Men consumed alcohol 5.9 times a month in 2002 and 4.8 times a month in 2018; women – 3.1 times and 2.8 times a month, respectively. In both cases, the decrease among young people was most notable. The declining share of vodka drinkers dramatically changed the structure of alcohol consumption in 1994–2018. The proportion of vodka drinkers dropped from 88.9% to 51.5% among men and from 60.6% to 23.1% among women. In the 2000s, beer began to replace vodka as the most popular alcoholic beverage with wine joining the competition in third place in the 2010s. There are several distinctive types of alcohol consumption identified on the basis of RLMS-HSE data. One that only includes vodka was most common in 1994–1996. However, by 2001, its prevalence decreased sharply and plateaued for the rest of the period. The type that includes only beer started to dominate by the early 2010s. Throughout the period, adult married men preferred spirits (vodka, samogon), young people favored beer, and adult and young women particularly enjoyed wine.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, alcohol consumption, alcoholic beverages, spirits, abstinence, types of alcohol consumption.

References

- Doklad o demograficheskoy situatsii v Rossiyskoy Federatsii 2020 g. // Trezvaya Rossiya [sait]. 15.12.2020. URL: <http://www.trezvros.ru/calendar/954> (date of access: 25.03.2021).
- Novyy doklad ERB VOZ: smertnost', svyazannaya s upotrebleniyem alkogolya, snizilas' v Rossiyskoy Federatsii blagodarya strogim meram kontrolya nad alkogol'noy produktsiyey // Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya. Evropeyskoye regional'noye byuro [sait]. 01.10.2019. URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/disease-prevention/alcohol-use/news/news/2019/10/alcohol-related-deaths-drop-in-russian-federation-due-to-strict-alcohol-control-measures,-new-report-says> (date of access: 25.03.2021).
- Radayev V. V. Izmeneniye struktury potrebleniya alkogolya v kontekste gosudarstvennoy alkogol'noy politiki v Rossii / V. V. Radayev, Z. V. Kotelnikova // Ekonomicheskaya politika. 2016. T. 11. № 5. S. 92–117.
- Roshchina Ya. M. Dinamika i struktura potrebleniya alkogolya v sovremennoy Rossii // Vestnik Rossiyskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VShE. 2012. T. 2. S. 238–257.
- Roshchina Ya. M. Struktura potrebleniya alkogolya kak indikator sotsial'noy gruppy v sovremennykh rossiyskikh gorodakh / Ya. M. Roshchina, P. A. Martynenko // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2014. T. 15. № 1. S. 20–42.
- Comparing alcohol consumption in central and eastern Europe to other European countries / S. Popova, J. Rehm, J. Patra, W. Zatonski // Alcohol & alcoholism. 2007. Vol. 42. № 5. P. 465–473.
- Modeling to assess the effectiveness and cost-effectiveness of public health related strategies and interventions to reduce alcohol attributable harm in England using the Sheffield Alcohol Policy Model version 2.0: Report to the NICE Public Health Programme Development Group, 9 November 2009 / R. Purshouse, A. Brennan, N. Latimer [et al.]; The National Institute for Health and Care Excellence. URL: <https://www.nice.org.uk/guidance/ph24/evidence/economic-modelling-report-371533357> (date of access: 25.03.2021).
- Thornton M. A. Sekt versus Schnaps un an Austrian Village // Constructive drinking: Perspectives on Drink from Anthropology / Ed. by M. Douglas. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 102–112.

Дегтярева Е. М.

ПРАКТИКИ ОДИНОЧНОГО ПРОЖИВАНИЯ ЖЕНЩИН В РОССИИ

doi: 10.19181/rlms-hse.2021.5

Аннотация. В статье на основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE) рассматривается феномен домохозяйств, состоящих из одной женщины. Как показали результаты проведенного анализа, несмотря на то что преобладающим типом домохозяйства в России остается семья из двух взрослых и ребенка, количество домохозяйств, состоящих из одного человека, постепенно растет. Одиночное проживание в России в большей степени характерно для женщин, чем для мужчин. При этом среди мужчин-одиночек высока доля холостяков, в то время как среди женщин преобладают вдовы и разведенные, что говорит о вынужденном характере одиночного проживания для женщин. Данные RLMS-HSE свидетельствуют о том, что увеличение доли одиночных домохозяйств в 1995–2019 гг. было, прежде всего, связано с ростом доли домохозяйств, где проживают одинокие разведенные женщины. К 2019 г. доля женщин-одиночек достигла своего максимума за весь период наблюдений и составила 10% женского населения. Женщины-одиночки, никогда не состоявшие в браке или разведенные, в среднем старше, чем незамужние и разведенные женщины, проживающие в домохозяйствах из двух и более человек. При этом значительную часть не состоящих в браке женщин-одиночек составляют молодые женщины (19–20 лет) и женщины предпенсионного возраста (около 50 лет), что свидетельствует о волнообразном снижении заинтересованности в совместном проживании, происходящем в течение жизненного цикла российской женщины. Женщины-одиночки не отличаются от женщин, проживающих в домохозяйствах из двух и более человек, ни по уровню образования, ни по уровню заработной платы, ни по уровню удовлетворенности жизнью и материальным положением домохозяйства. Отсутствие значимых различий по данным показателям указывает на то, что выбор в пользу жизни и ведения хозяйства в одиночку для российских женщин не связан с карьерными устремлениями и стремлением к самореализации.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, одиночное домохозяйство, условия проживания, проживание в одиночку, женщины-одиночки.

Форма домохозяйства, которое состоит только из одного человека, вызывает особый интерес в силу уникальности своих характеристик. В западной литературе можно найти ряд концепций, которые описывают, как люди делают осознанный шаг к одиночному проживанию. Одним из примеров таких исследований является книга «Живя в одиночку: глобализация, идентичность и принадлежность», где авторы проводят анализ интервью и предлагают новую концепцию, в рамках которой одиночное проживание представляет собой не результат безысходности, а ориентированный на свободу выбор¹. На примере интервью авторы проверяют гипотезу «чистых отношений» (pure relationships), выдвинутую Э. Гидденсом в его книге «Трансформации интимности: сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах». Гидденс определяет «чистые отношения» как все, что «относится к ситуации, когда социальные отношения устанавливаются ради самих себя для того, чтобы каждый человек мог что-то извлечь из устойчивой связи с другим...»². Здесь решение жить одному становится способом подчеркнуть собственную независимость, отсутствие обязательств перед другими людьми. Книга «Живя в одиночку» старается отодвинуть представление об одиночках как о невезучих людях, перемещая фокус на желание человека не просто быть, а жить одному. Кто-то из информантов говорит о том, что не терпит бытового вмешательства в их жизнь (например, не хочет делить пространство на кухне), кто-то видит самостоятельную жизнь как некоторый этап (часто после жизни с родителями). В этой же среде появляется концепция LAT (от англ. living apart together – живя вместе и врознь), характеризующая людей, состоящих в романтических отношениях, но предпочитающих жить раздельно. Первые исследования по этой теме представляют нашему вниманию примеры пар, выбравших такой путь из-за боязни лишиться независимости³. Авторы говорят о LAT как о новой концепции семьи. Однако более свежие исследования живущих раздельно пар показали, что реальный мир далек от модели самоактуализирующейся личности Гидденса: в большинстве случаев пары выбирают жить раздельно в силу внешних обстоятельств, в первую очередь – финансовых⁴. Тем не менее все же существует небольшая группа людей, выбирающих самостоятельное проживание для собственного комфорта и снижения обязательств в отношениях, что расширяет перспективы исследования⁵.

Прежде чем перейти к конкретизации поля исследования, хочется остановить внимание на понятийном аппарате. В английском языке существуют два разных по коннотации слова, которые переводятся на русский одинаково. Это слова «lonely» и «single». Первое предполагает негативную коннотацию: это одинокий человек, который не хочет быть один. Второе же говорит о числе: человек – один. Я не могу отказаться от использования слов «одинокий» или «одиночка», но они в понимании исследования не несут смысла, присущего слову «alone». Интересно

¹ Jamieson L, Simpson R. Living Alone: Globalization, Identity and Belonging. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 304 p.

² Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies. Stanford: Stanford University Press, 1992. P. 58.

³ Levin I. Living Apart Together: A New Family Form // Current Sociology. 2004. Vol. 52. No 2. P. 223–240.

⁴ Duncan S., Phillips M. People who live apart together (LATs): new family form or just a stage? // International Review of Sociology. 2011. Vol. 21. No 3. P. 513–532.

⁵ Sex, Love and Security: Accounts of Distance and Commitment in Living Apart Together Relationships / J. Carter, S. Duncan, M. Stoilova, M. Phillips // Sociology. 2016. Vol. 50. No 3. P. 576–593.

заметить, что даже внутри англоговорящего сообщества существуют претензии к слову «single»: например, движение «Quirky alone» («Одиночка») направлено на высвобождение одиночек от давления парного мышления, предлагая новое слово, а вместе с ним и философию¹.

Отдельный интерес представляет изучение распространенности практик самостоятельного жилья среди женщин. Фокус плавно переходит от матерей-одиночек, которые оказались одни, на новый тип женщин, выбирающих карьеру и самореализацию в качестве приоритетного по сравнению с отношениями направления. Ярким примером анализа такого образа жизни является книга Анны Шадриной «Не замужем. Секс, любовь и семья за пределами брака», изучающая жизненный путь женщин, выбравших жизнь в одиночестве². Автор проводит анализ интервью, а также обращает внимание на медиаисточники (например, на телепередачу «Давай поженимся»), формирующие парное сознание. Женщины-одиночки часто говорят об осуждении со стороны окружающих, об отсутствии принятия их решения членами семьи. Учитывая многогранную историю конструирования в России гендерного неравенства, изучение вопроса с «однoboкой», женской, стороны представляется важным.

Даже с точки зрения демографических характеристик мы встречаемся с неоднозначным представлением. С одной стороны, исследования матерей-одиночек как одного из вариантов жизни в статусе «одиночка» по-прежнему говорят о вынужденном их положении. Такие женщины в среднем менее обеспечены, часто живут с родителями³. При этом противовесом выступает тренд осознанного пути: анализ интервью Шадриной показывает, что женщины, выбравшие статус одиночного домохозяйства, располагают большим количеством экономического капитала, сосредотачиваясь на оптимизации карьерных возможностей. В таком случае анализ демографических характеристик женщин, живущих в одиночных домохозяйствах, сможет пролить свет на масштабы и возможные причины данного явления.

Положение женщин-одиночек также может быть рассмотрено в контексте теории брачного рынка Г. Беккера. Здесь во главу становятся понятия капитала и максимизации полезности. Исходя из собственного капитала, индивид делает выбор в пользу вступления в брак только в том случае, когда это увеличивает его полезность⁴. Семья помогает более эффективно создавать блага, а также обеспечивает рост полезности у тех пар, для которых значимость детей высока. При этом для максимизации полезности важен не каждый отдельный союз, а совокупная ситуация на всем брачном рынке. С этой точки зрения одинокие женщины становятся теми, для кого полезность максимизируется в состоянии вне брака, а их демографические характеристики — ключ к определению капитала.

Наша задача состоит в анализе демографических характеристик женщин, которые живут одни. Выделив характерные черты таких женщин и сравнив их с замужними женщинами, женщинами, живущими с партнером или родителями,

¹ Quirkyalone: [website]. URL: <http://quirkyalone.net/> (date of access: 03.08.2020).

² Шадрина А. Не замужем. Секс, любовь и семья за пределами брака. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 230 с.

³ Barratt M. S., Roach M. A., Colbert K. K. Single Mothers and Their Infants: Factors Associated with Optimal Parenting // Family Relations. 1991. Vol. 40. No 4. P. 448.

⁴ Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках / Пер. с англ. Б. А. Максименко // THESIS. 1994. № 6. С. 12—36.

мы сможем пролить свет на причины такого выбора. Это первый шаг к ответу на вопрос, является ли одиночное проживание сознательным выбором стремящейся к самоактуализации и «чистым отношениям» личности, как полагал Гидденс, или одиночное проживание — результат давления финансовых или иных обстоятельств. Проведенный количественный анализ позволяет оценить масштаб и структуру такого явления, как одиночное проживание женщин, и представляет собой основу для будущих качественных исследований.

В исследовании использованы данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS-HSE). Понятие «одиночка» операционализировано на основании переменной, содержащей информацию о количественном составе семьи. В опроснике RLMS-HSE под семьей подразумевается группа людей, живущих вместе. Соответственно, при значении переменной, равной единице, мы можем говорить об одиночном домохозяйстве. Такой подход имеет свои недостатки (например, не отражает временное сожительство или, наоборот, временную ситуацию соло-домохозяйства), однако представляется оптимальным для наших целей.

Распространенность одиночных домохозяйств

На первом шаге мы отфильтровали наши данные по возрасту. Ориентируясь на существующие исследования, мы выбрали возрастные границы в пределах 18–69 лет. Нижняя граница обусловлена тем, что наша задача состоит в исследовании женщин, совершивших осознанный выбор, чтобы жить одни. Поэтому мы выбрали возраст достижения полной дееспособности. Верхняя граница обусловлена той же задачей: из-за большой разницы в продолжительности жизни мужчин и женщин в России женщины после 70 лет имеют повышенный риск потери партнера.

Критически важной для нас переменной является количество людей в домохозяйстве. Для начала посмотрим на динамику среднего количества человек в одном домохозяйстве (рис. 1).

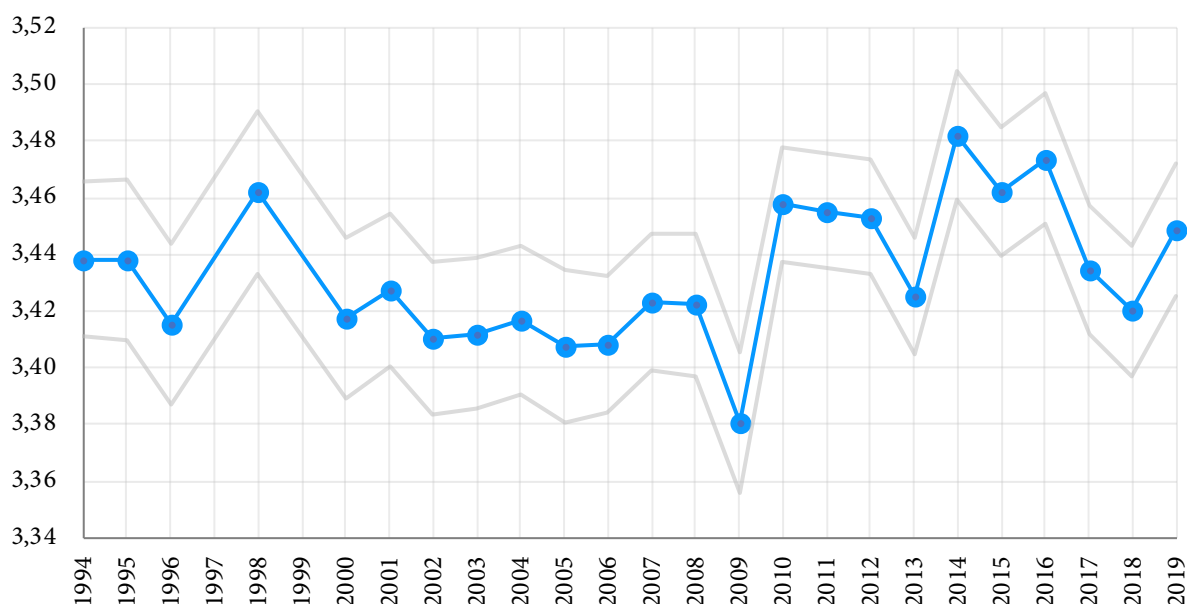

Рис. 1. Изменение среднего размера домохозяйства, 1994–2019 гг., чел.

На рисунке 1 мы видим незначительные колебания за весь период проведения опроса. Показатель варьируется от 3,4 человека в домохозяйстве в 2009 г. до 3,5 человека в 2014 г. Такой небольшой разброс может отражать типичный для современной России формат нуклеарной семьи: двое взрослых и один ребенок. Серым цветом на графике отображены доверительные интервалы ($\alpha = 0.05$). Доверительные интервалы постоянно пересекаются, хотя мы видим характерные пики и резкие провалы в тренде. Так, в глаза бросается резкое снижение среднего числа людей на одно домохозяйство в 2009 г. и резкое повышение в последующие годы. Это может быть объяснено экономическим кризисом 2008 г., который мог повлечь за собой нежелание заводить детей (результатом чего является снижение рождаемости в 2009 г.), и последующим экономическим ростом в 2010 г.

Следующим важным для нас индикатором является доля одиночек в общем числе опрошенных. Поскольку наша задача состоит в определении характерных черт женщины-одиночки, мы проанализировали этот показатель с разбиением по полу (рис. 2).

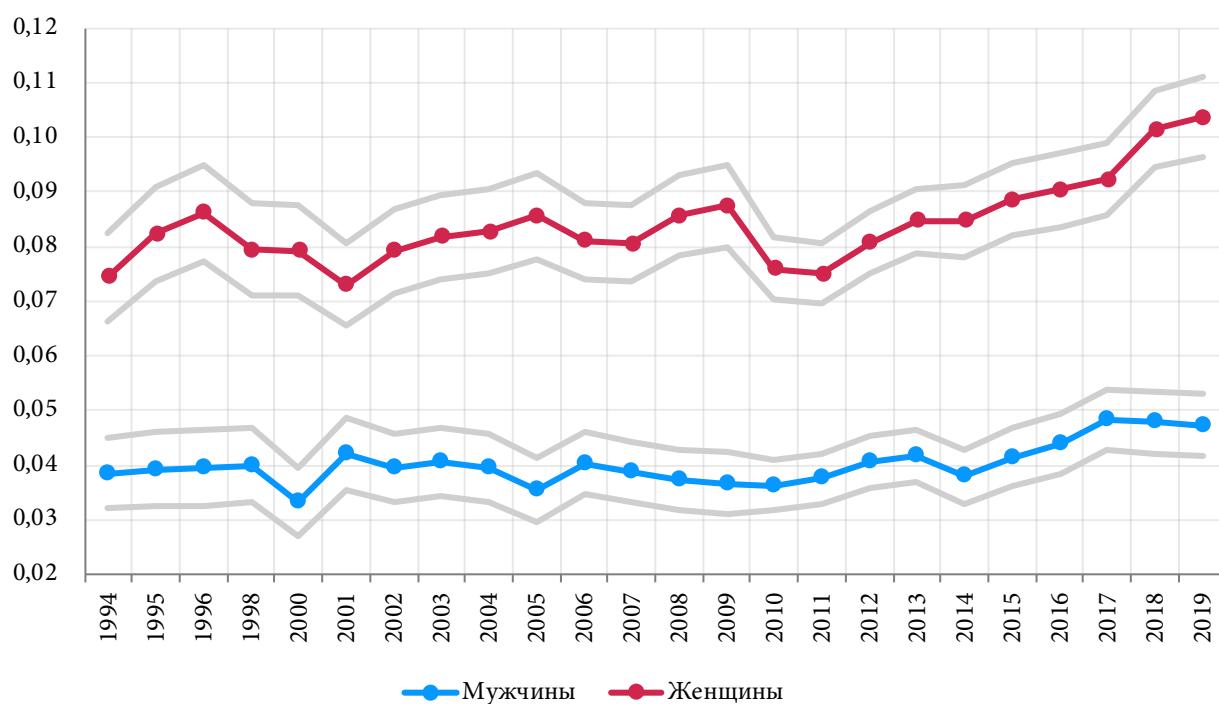

Рис. 2. Изменение доли одиноких людей среди мужчин и женщин, 1994–2019 гг., %

На рисунке 2 мы видим заметные отличия показателя для мужчин и женщин на протяжении всех волн опроса. Женщин-одиночек заметно больше, и это различие только продолжают усиливаться, достигая максимума в 2019 г. В 2019 г. доля женщин-одиночек составляет 10% от общего числа, что говорит о значительном масштабе явления.

Семейный статус женщин-одиночек

Чтобы понять причины того, почему женщины живут одни, необходимо, прежде всего, посмотреть на распределение женщин-одиночек по семейному статусу за 2019 г. Как видно из таблицы 1, около 3% опрошенных не подходят под наше определение «одиночки». Эти респонденты состоят в зарегистрированном браке или живут совместно со своим партнером, но в браке не состоят. На последующих этапах анализа мы отфильтруем данные по двум этим пунктам.

Таблица 1

Распределение женщин-одиночек по семейному статусу, 2019 г., %

Семейный статус	Доля респондентов
Никогда в браке не состояла	19,38
Состоит в зарегистрированном браке	0,71
Живет вместе с партнером, но отношения не зарегистрированы	1,98
Разведена и в браке не состоит	35,36
Вдова	41,58
Состоит в официальном браке, но живет одна	0,85

Большую часть одиночных домохозяйств составляют женщины-вдовы (41,6%). Это может говорить о вынужденном характере одиночного образа жизни: едва ли этих людей можно отнести к интересующему нас феномену. Следующей по наполненности категорией являются разведенные женщины, которые не состоят в браке (35,4%). Здесь невозможно четко определить причины, по которым женщина выбрала жить в одиночном домохозяйстве. Так, одиночное проживание может быть осознанным выбором, который стал последствием неудачного опыта в браке. С другой стороны, такой выбор мог быть вынужденным, и в этом случае соло-домохозяйство является лишь одним из этапов в жизни женщины.

Данное наблюдение укладывается в концепцию LAT, интерпретирующую одиночное проживание как вынужденный этап жизни, продиктованный сложным периодом в отношениях, финансовыми трудностями или физической невозможностью совместного проживания (вынужденное проживание в разных городах, регионах, странах; болезни и т. д.)¹. Как видно из данных, представленных на рисунке 2 и в таблице 1, доля женщин, живущих соло, возрастает, однако большую их часть составляют вдовы и разведенные, что указывает на вынужденный характер такого проживания.

Однако среди одиночек есть и женщины, никогда не состоявшие в браке. Если обратиться к изменению доли таких женщин по волнам опроса, становится ясно, что нельзя говорить о каком-то тренде (табл. 2). Доля женщин-одиночек, никогда не состоявших в браке, постоянно меняется, при этом минимум и максимум слабо отличаются друг от друга. Это говорит о том, что увеличение числа одиночек шло не за счет увеличения числа никогда не состоявших в браке.

¹ Haskey J., Lewis J. Living-apart-together in Britain: context and meaning // International Journal of Law in Context. 2006. Vol. 2. No 1. P. 37.

Таблица 2

Доля никогда не состоявших в браке женщин-одинок, 1994–2019 г., %

Год	Доля никогда не состоявших в браке
1994	0,16
1995	0,15
1996	0,18
1998	0,21
2000	0,19
2001	0,21
2002	0,21
2003	0,21
2004	0,20
2005	0,19
2006	0,20
2007	0,21
2008	0,21
2009	0,22
2010	0,24
2011	0,22
2012	0,22
2013	0,20
2014	0,20
2015	0,18
2016	0,16
2017	0,19
2018	0,18
2019	0,19

Если проанализировать изменение доли вдов, разведенных женщин и женщин, никогда не состоявших в браке, по волнам опроса, то можно заметить принципиально важный паттерн, отраженный на рисунке 3. Между 1995 и 2019 гг. доля вдов снижается, доля не состоявших в браке колеблется, но остается неизменной, доля разведенных женщин растет. То есть увеличение числа женщин-одинок происходит за счет разведенных женщин.

Если сравнить женщин-одинок и мужчин-одинок, то станут заметны важные различия в динамике доли овдовевших, разведенных и никогда не состоявших в браке мужчин и женщин. Как видно из рисунка 4, большую часть мужчин, живущих в соло-домохозяйстве, составляют никогда не состоявшие в браке, и эта тенденция со временем набирает обороты. Количество вдовцов находится на минимальной отметке и продолжает падать. То есть в то время как число женщин-одинок растет за счет разведенных женщин, мужчины-одиночки — это по большей части холостяки, никогда не состоявшие в браке.

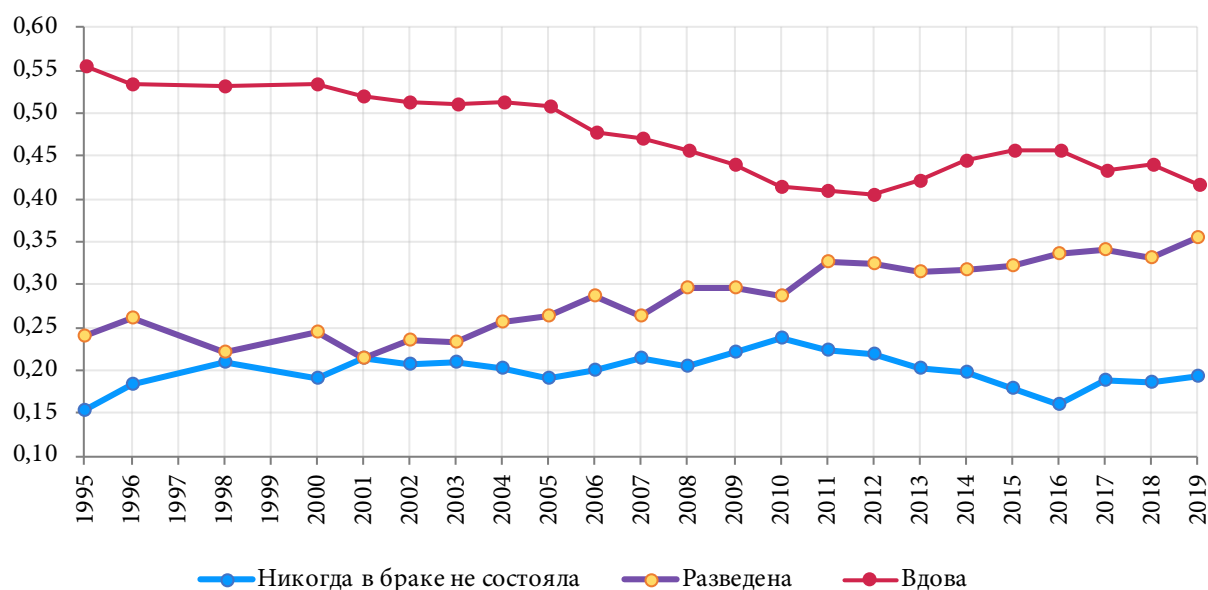

Рис. 3. Изменение доли женщин-одиночек в зависимости от семейного положения, 1995–2019 гг., %

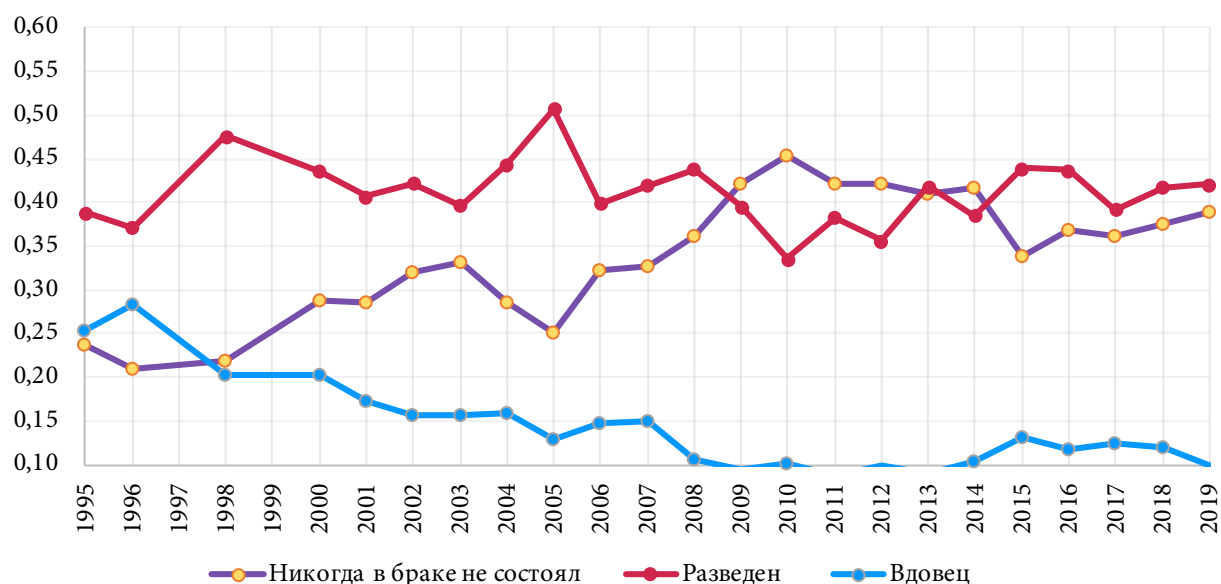

Рис. 4. Изменение доли мужчин-одиночек в зависимости от семейного положения, 1995–2019 гг., %

Для того чтобы определить, являются ли найденные нами различия в доли одиночек для мужчин и женщин значимыми в генеральной совокупности, используем t-тест. На уровне $\alpha = 0.05$ различия средних оказались значимыми. Пропорция мужчин-одиночек в общем числе значимо ниже, чем пропорция женщин-одиночек.

Теперь, когда мы убедились в значимости различий мужских и женских портретов одиночек, можем перейти к более детальному анализу особенностей женских соло-домохозяйств. Мы видели, что большую часть таких домохозяйств составляют разведенные; чтобы понять, является ли проживание в соло-домохозяйстве сознательно выбранным образом жизни для женщин после неудачного брака, обратимся к анализу демографических характеристик внутри каждой подкатегории домохозяйств женщин-одиночек.

Характерные черты женщин-одиночек

Для начала посмотрим на средний возраст женщин-одиночек по категориям семейного статуса (вдовы / разведенные / никогда не состоявшие в браке) и сравним со средним возрастом неодиноких женщин (табл. 3). Здесь мы сравниваем показатели для волны опроса 2019 г., чтобы иметь представление о наиболее актуальной картине. При анализе показателей не следует забывать, что на этапе фильтрации мы установили параметры возраста в пределах от 18 до 69 лет, поэтому значения будут определяться с учетом установленных возрастных границ.

Таблица 3

Средний возраст женщин-одиночек по сравнению со средним возрастом женщин, проживающих в домохозяйствах из двух и более человек, с разбиением по семейному статусу, 2019 г., лет*

Семейный статус женщины	Соло-домохозяйства	Домохозяйства из двух и более человек
Никогда в браке не состояла	39,9 (39,17; 40,55)	29,6 (29,41; 29,87)
Разведена и в браке не состоит	57,8 (57,45; 58,17)	47,3 (47,04; 47,59)
Вдова	62,4 (62,13; 62,68)	58,5 (58,16; 58,74)

*В скобках в таблице указан доверительный интервал.

Как свидетельствуют данные таблицы 3, никогда не состоявшие в браке женщины-одиночки значительно старше, чем неодинокие женщины того же семейного статуса (о значимой разнице в возрасте свидетельствует тот факт, что доверительные интервалы для среднего возраста женщин из соло-домохозяйств и из домохозяйств с двумя и более проживающими не пересекаются). Вероятно, это связано с тем, что для самостоятельного проживания необходим определенный запас финансовых ресурсов, который приобретается с возрастом, опытом работы и стабильным заработком.

Если мы посмотрим на распределение никогда не состоявших в браке женщин-одиночек по возрасту, представленное на рисунке 5, то увидим два пика: высокий пик в районе значений 19–20 лет и малый пик в окрестности 55 лет. Это говорит о том, что женщины, живущие одни и никогда не состоявшие в браке, — это по преимуществу молодые женщины, только вышедшие на брачный рынок (по Беккеру). Однако немалая доля женщин-одиночек представлена женщинами, приближающимися к пенсионному возрасту. Представленные данные подтверждают выводы ряда исследований, посвященных романтическим отношениям. Так, в раннем возрасте идеал «типичных» моногамных отношений, подразумевающих сожитительство, слаб, потом он начинает укрепляться, а затем вновь ослабевать¹. Вместе с этим меняется и желание вести единоличное домохозяйство.

Как и в случае с женщинами, никогда не состоявшими в браке, разведенные женщины, проживающие в соло-домохозяйствах, в среднем старше разведенных женщин, проживающих в других типах домохозяйств (табл. 3). Это может свидетельствовать о вынужденном характере принятия решения о жизни в одиночестве.

¹ Lampard R. Living together in a sexually exclusive relationship: an enduring, pervasive ideal? // Families, Relationships and Societies. 2016. Vol. 5. No 1. P. 23–41.

Разведенная женщина в возрасте 57–58 лет с меньшей вероятностью будет готова вступить в новые отношения и поэтому в большей степени склоняется к решению о ведении образа жизни одиночки. Такой вывод согласуется с теорией максимизации полезности Беккера. Поиск партнера в предпенсионном или пенсионном возрасте связан с бóльшим количеством издержек, чем решение о ведении хозяйства в одиночку. К подобному выводу пришли и зарубежные исследователи. Для людей пенсионного возраста дом — это не просто место жительства, а хранилище воспоминаний, переезд из которого (или подселение партнера) будет значить потерю или замещение этих воспоминаний¹.

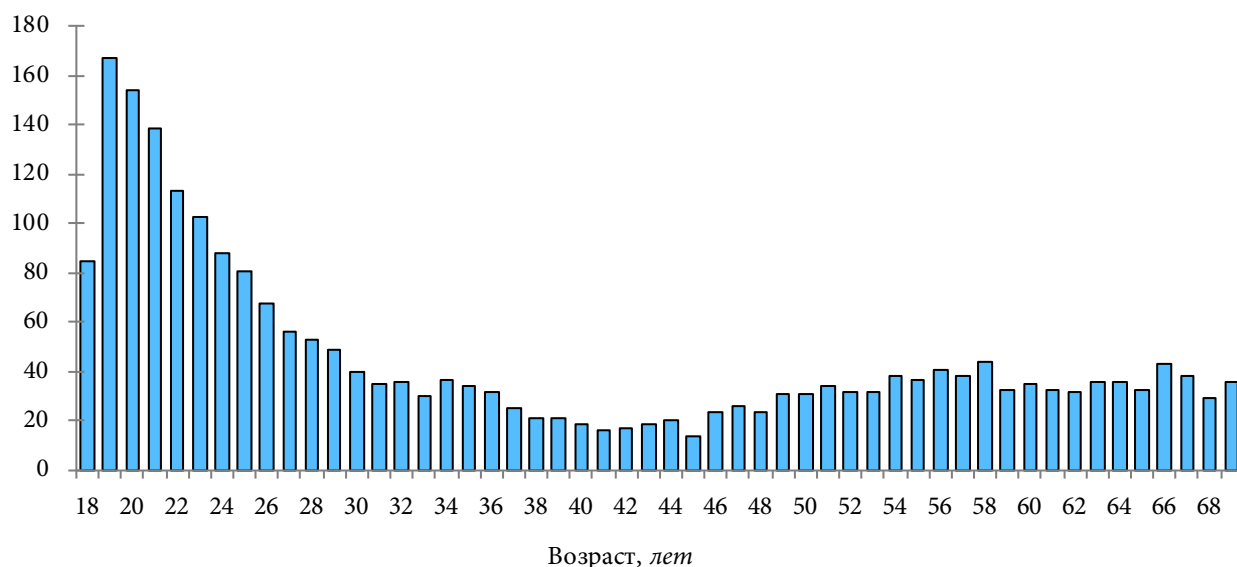

Рис. 5. Распределение никогда не состоявших в браке женщин-одиночек по возрасту, 2019 г.

Различия по возрасту между вдовами-одиночками и вдовами, проживающими в домохозяйствах с другими людьми, незначительны по сравнению с женщинами с другими семейными статусами (табл. 3). Это объясняется тем, что положение вдовы определяется потерей партнера, а значит — возрастом, но не желанием жить вне отношений.

Следующий важный для нас показатель — это экономический статус женщин-одиночек. Нам необходимо проанализировать не просто статус семьи, а зарплату самой женщины, чтобы понять, основано ли решение о жизни в одиночку на карьерных возможностях женщины. В таблице 4 представлены медианные показатели зарплат женщин, проживающих в соло-домохозяйствах и домохозяйствах с другими членами семьи, в соответствии с семейным статусом женщины.

Как видно из таблицы 4, доверительные интервалы для медианной зарплаты пересекаются внутри каждой категории. При этом разброс показателей большой, что может говорить о неоднородности распределения женщин по уровню заработной платы. Уровень оплаты труда женщины определяется множеством факторов, например — возрастом, опытом работы, уровнем образования, местом проживания и др., поэтому мы не увидели значимых различий в нашем анализе. В дальнейшем проблему учета различных факторов, определяющих уровень зарплаты, может решить регрессионный анализ.

¹ Coulter R., Hu Y. Living Apart Together and Cohabitation Intentions in Great Britain // Journal of Family Issues. 2017. Vol. 38. No 12. P. 1701–1729; Jamieson L., Simpson R. Op. cit.

Таблица 4

Медианная заработная плата женщин-одиночек по сравнению с медианной заработной платой женщин, проживающих в домохозяйствах из двух и более человек, с разбиением по семейному статусу, 2019 г., руб.*

Семейный статус женщины	Соло-домохозяйства	Домохозяйства из двух и более человек
Никогда в браке не состояла	24 000 (20 000; 28 000)	25 000 (22 000; 25 000)
Разведена и в браке не состоит	20 000 (18 000; 23 000)	24 000 (22 000; 25 000)
Вдова	17 000 (16 000; 20 000)	17 000 (14 000; 25 000)

*В скобках в таблице указан доверительный интервал.

Для того чтобы охарактеризовать женщин-одиночек с точки зрения уровня образования, мы взяли переменную RLMS-HSE, состоящую из 23 градаций и дающую детальное представление об образовании респондента. Медианный уровень образования для женщин-одиночек и неодиноких женщин совпал, как совпали и доверительные интервалы. Женщины и в той, и в другой группе чаще всего имели диплом об окончании техникума. Таким образом, женщины-одиночки по уровню образования значимо не отличаются от женщин, ведущих другой образ жизни. Как видно из данных, представленных на рисунке 5, форма распределения одиночек по уровню образования не отличается от распределения остальных женщин.

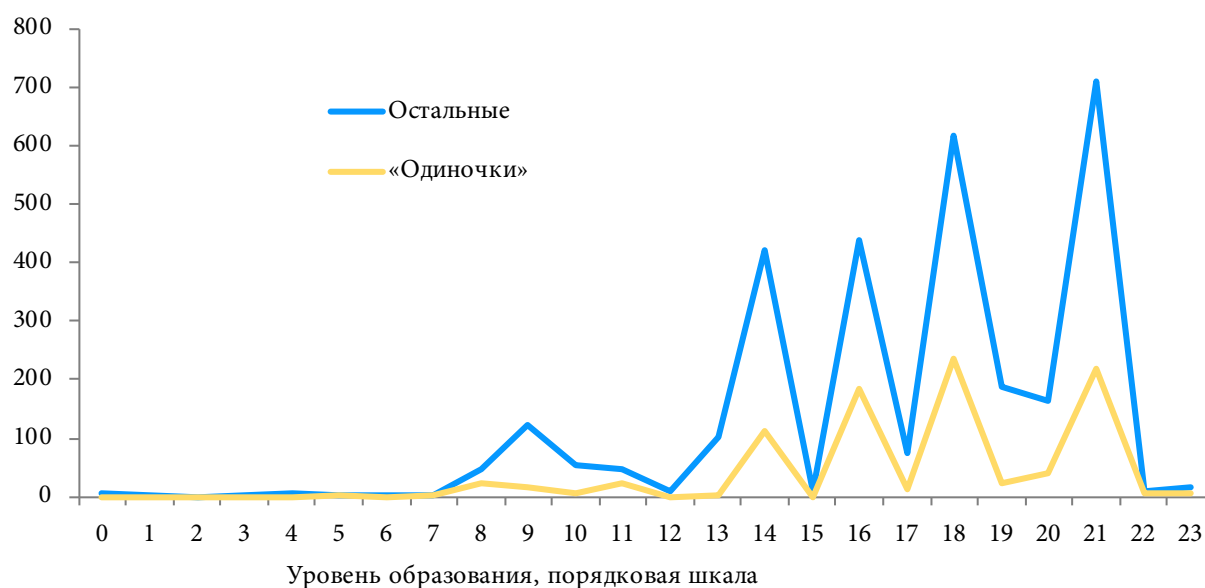

Рис. 6. Распределение женщин-одиночек и женщин, проживающих в домохозяйствах из двух и более человек, по уровню образования (шкала от 0 — «0 классов школы» до 23 — «аспирантура и т. п. с дипломом»), 2019 г.

Несмотря на то что одиночек меньше, распределение сохраняет свою форму, не имеет характерных смещений вправо или влево. Это позволяет исключить влияние формы распределения на доверительные интервалы для медианного уровня образования в анализируемых группах женщин. То есть мы с уверенностью можем сказать, что женщины-одиночки не обладают более высоким уровнем образования и заработной платы по сравнению с женщинами, ведущими другой образ жизни. Это может указывать на вынужденный характер решения о ведении хозяйства и проживании в одиночку.

Последний показатель, на котором мы хотим остановиться, — это переменные субъективной удовлетворенности жизнью и материальным положением. Переменные измерены по пятибалльной шкале, поэтому медиана в данном случае представляется осмысленной мерой центральной тенденции. Как видно из данных, представленных в таблице 5, медианные оценки удовлетворенности практически идентичны для женщин-одиночек и женщин, проживающих совместно с другими людьми. Показатели различны только для удовлетворенности материальным положением в группе женщин, никогда не состоявших в браке, однако пересекающиеся доверительные интервалы свидетельствуют об отсутствии значимых различий в генеральной совокупности. Показатель удовлетворенности жизнью больше зависит от семейного положения, нежели от факта одиночного проживания. То есть женщины-одиночки удовлетворены жизнью и своим материальным положением в той же степени, что и представительницы других типов домохозяйств.

Таблица 5

Медианная удовлетворенность женщин-одиночек по сравнению с медианной удовлетворенностью женщин, проживающих в домохозяйствах из двух и более человек, с разбиением по семейному статусу, 2019 г.*

Семейный статус женщины	Соло-домохозяйства		Домохозяйства из двух и более человек	
	Удовлетворенность жизнью	Удовлетворенность материальным положением	Удовлетворенность жизнью	Удовлетворенность материальным положением
Никогда в браке не состояла	2	3 (3;4)	2	4 (4; 4)
Разведена и в браке не состоит	3	4	3	4
Вдова	3	4	3	4

*В скобках в таблице указан доверительный интервал.

Подводя итог, можно сказать, что доля одиночек среди женщин выше, чем среди мужчин, и этот разрыв увеличивается с течением времени. В то время как среди мужчин одиночки, прежде всего, представлены холостяками, никогда не состоявшими в браке, среди женщин-одиночек преобладают вдовы и разведенные женщины, что может свидетельствовать о вынужденном характере принятия решения о ведении хозяйства и жизни в одиночестве.

Согласно данным RLMS-HSE за 2019 г., женщины-одиночки, разведенные или никогда не состоявшие в браке, значимо старше разведенных или не состоявших в браке женщин из домохозяйств, где проживают двое и более человек. Распределение женщин-одиночек, никогда не состоявших в браке, по возрасту имеет два пика: в районе 19—20 лет и 55 лет. Приведенные данные соответствуют результатам зарубежных исследований, говорящих о возрастающих издержках начала нового сожительства в зрелых возрастах (50 лет и старше) по сравнению с жизнью в одиночестве, а также о сравнительно невысокой привлекательности традиционной модели моногамного сожительства среди молодых женщин и женщин зрелого возраста.

Между женщинами-одиночками и женщинами, проживающими в домохозяйствах из двух и более человек, не наблюдается значимых различий по уровню образования, заработной платы, удовлетворенности жизнью и материальным положением. Все это дает основания говорить о том, что одиночный образ жизни

в современной России является вынужденным и не может быть охарактеризован как осознанный выбор, направленный на самореализацию. Женщины-одиночки чаще всего сталкиваются с потерей или уходом партнера и это вынуждает их к ведению хозяйства и жизни в одиночестве.

Дальнейшее изучение факторов одиночного образа жизни в России требует более сложных техник количественного анализа данных (например, как упоминалось выше, регрессионный анализ медианной заработной платы выглядит перспективным с точки зрения изучения специфических черт женщин-одиночек), а также качественных исследований мотивов людей, вынужденных или предпочитающих проводить жизнь в одиночестве.

Список литературы

Беккер Г. Выбор партнера на брачных рынках / Пер. с англ. Б. А. Максименко // THESIS. 1994. № 6. С. 12–36.

Шадрина А. Не замужем. Секс, любовь и семья за пределами брака. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 230 с.

Barratt M. S. Single Mothers and Their Infants: Factors Associated with Optimal Parenting / M. S. Barratt, M. A. Roach, K. K. Colbert // Family Relations. 1991. Vol. 40. No 4. P. 448–454.

Coulter R. Living Apart Together and Cohabitation Intentions in Great Britain / R. Coulter, Y. Hu // Journal of Family Issues. 2017. Vol. 38. No 12. P. 1701–1729.

Duncan S. People who live apart together (LATs): new family form or just a stage? / S. Duncan, M. Phillips // International Review of Sociology. 2011. Vol. 21. No 3. P. 513–532.

Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies. Stanford: Stanford University Press, 1992. 216 p.

Haskey J. Living-apart-together in Britain: context and meaning / J. Haskey, J. Lewis // International Journal of Law in Context. 2006. Vol. 2. No 1. P. 37–48.

Jamieson L. Living Alone: Globalization, Identity and Belonging / L. Jamieson, R. Simpson. New York: Palgrave Macmillan, 2013. 304 p.

Lampard R. Living together in a sexually exclusive relationship: an enduring, pervasive ideal? // Families, Relationships and Societies. 2016. Vol. 5. No 1. P. 23–41.

Levin I. Living Apart Together: A New Family Form // Current Sociology. 2004. Vol. 52. No 2. P. 223–240.

Sex, Love and Security: Accounts of Distance and Commitment in Living Apart Together Relationships / J. Carter, S. Duncan, M. Stoilova, M. Phillips // Sociology. 2016. Vol. 50. No 3. P. 576–593.

Quirkyalone: [website]. URL: <http://quirkyalone.net/> (date of access: 03.08.2020).

doi: 10.19181/rlms-hse.2021.5

SOLO LIVING AMONG WOMEN IN RUSSIA

Degtiareva E. M.

Abstract. The article examines solo living among Russian women, drawing on the “Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics” (RLMS-HSE). Although a nuclear family with two parents and a child remains most common in Russia, the number of one-person households has

risen since the mid-1990s. As our data shows, women are more likely to live alone, if compared to men. And while there is a high proportion of bachelors among solo-living men, widows and divorcees abound among solo-living women. So, there are reasons to believe that living alone is hardly a matter of choice for many women in Russia. Between 1995 and 2019, a steady increase in solo-living female divorcees underpinned the general rise in one-person households. In 2019, the numbers of solo-living women hit an all-time high, amounting to 10 percent of the total female population. If single, never married, women or female divorcees live alone they tend to be older than those who live in households of two or more persons. However, many never-married solo-living women are either young (19–20 years old) or in their preretirement age (50 years old). Such age distribution may indicate a recurring decline in interest in traditional forms of cohabitation over a life cycle. Apart from age, there are no significant differences between solo-living women and women living with their partners or other relatives. They are quite similar in terms of education, income, or life satisfaction. As a result, the link between solo living and career aspirations or a desire for self-actualization is hard to establish in our case.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS–HSE, one-person household, living arrangements, solo-living, single women.

References

- Bekker G. Vybora partnera na brachnykh rynkakh / per. B. A. Maksimenko // THESIS. 1994. № 6. S. 12–36.
- Shadrina A. Ne zamuzhem. Seks, lyubov' i sem'ya za predelami braka. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2014. 230 s.
- Barratt M. S., Roach M. A., Colbert K. K. Single Mothers and Their Infants: Factors Associated with Optimal Parenting // Family Relations. 1991. Vol. 40. No 4. Pp. 448–454.
- Carter J. et al. Sex, Love and Security: Accounts of Distance and Commitment in Living Apart Together Relationships // Sociology. 2016. Vol. 50. No 3. Pp. 576–593.
- Coulter R., Hu Y. Living Apart Together and Cohabitation Intentions in Great Britain // Journal of Family Issues. 2017. Vol. 38. No 12. Pp. 1701–1729.
- Duncan S., Phillips M. People who live apart together (LATs): new family form or just a stage? // International Review of Sociology. 2011. Vol. 21. No 3. Pp. 513–532.
- Giddens A. The Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism in Modern Societies. Stanford: Stanford University Press, 1992. 216 p.
- Haskey J., Lewis J. Living-apart-together in Britain: context and meaning // International Journal of Law in Context. 2006. Vol. 2. No 1. Pp. 37–48.
- Jamieson L., Simpson R. Living Alone: Globalization, Identity and Belonging. Palgrave Macmillan, 2013. 304 p. (Palgrave Macmillan Studies in Family and Intimate Life).
- Lampard R. Living together in a sexually exclusive relationship: an enduring, pervasive ideal? // Families, Relationships and Societies. 2016. Vol. 5. No 1. Pp. 23–41.
- Levin I. Living Apart Together: A New Family Form // Current Sociology. 2004. Vol. 52. No 2. Pp. 223–240.
- Quirkyalone: [website]. URL: <http://quirkyalone.net/> (accessed 03.08.2020).

Овсяник В. А.

ЗАНЯТЫЕ И БЕЗРАБОТНЫЕ В РОССИИ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И КАНАЛЫ ПОИСКА РАБОТЫ

doi: 10.19181/rlms-hse.2021.6

Аннотация. В статье реконструирован социально-демографический профиль занятых, незанятых и безработных; в случае безработных и занятых, выразивших желание сменить место работы, проанализированы каналы поиска работы. В качестве эмпирической базы исследования использован «Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS–HSE). В выборку вошло 10 404 респондентов в возрасте 14–75 лет, опрошенных в 2019 г. В ходе проведенного анализа выявлено, что характерными чертами безработного являются молодой возраст и холостое семейное положение, в то время как для незанятых более типичен сравнительно пожилой возраст. Среди занятых отсутствуют значимые различия между людьми разной квалификации с точки зрения времени, затраченного на работу. С точки зрения оплаты труда на первом месте стоят военные и руководители высшего и среднего звена. Для неквалифицированных рабочих характерен наиболее низкий уровень оплаты труда и дополнительные подработки. По сравнению с мужчинами женщины имеют больший стаж работы, но работают меньше часов и получают меньшую заработную плату, с большей вероятностью имеют подработку.

Желание сменить работу среди занятых растет по мере снижения уровня квалификации. Занятые готовы сменить место работы при условии, что заработная плата на новом месте в среднем будет в 1,6 раза превышать имеющийся доход. По сравнению с безработными занятые находятся в состоянии поиска работы меньшее количество времени (8 против 10 недель). Стратегии поиска работы мало отличаются у занятых и безработных, однако по мере повышения квалификации растет вероятность использования сети Интернет. Несмотря на то что люди, ищущие работу через Интернет, по своим социально-демографическим характеристикам мало отличаются от типичного интернет-пользователя, примечательно, что молодые люди, являясь активными пользователями, редко ищут работу в сети. Использование сети Интернет в целом не ускоряет процесс поиска работы.

Ключевые слова: Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ, РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE, рынок труда, занятые, безработные, каналы поиска работы, Интернет.

Работа занимает большую часть времени человека в повседневной жизни, а также формирует основную часть его доходов. Однако есть люди, которые сознательно или в силу различных обстоятельств не работают. По данным «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS—HSE) за 2019 г., 47% лиц в возрасте от 14 лет и старше являются незанятыми. В это число входят не только безработные, но и незанятые, осознанно не пытающиеся искать работу. Причины для подобной ситуации могут быть самыми разными, например, пенсионный возраст, ведение домашнего хозяйства, проблемы со здоровьем, учеба. Основная цель данного исследования — изучение характеристик, присущих респондентам в зависимости от их положения на рынке труда. Во-первых, это сравнение социально-демографических особенностей представителей каждой выборки: где они живут, сколько им лет, каков уровень образования. Полученные результаты помогут выявить наиболее уязвимые группы на рынке труда. В отношении работающих респондентов дополнительно к вышеперечисленным характеристикам целесообразным является применение анализа сфер занятости, трудового стажа, заработной платы и удовлетворенности работой. Данную информацию можно использовать для выявления наиболее популярных и престижных сфер деятельности или, наоборот, тех сфер, где людям не хватает денег и они готовы поменять работу при первой же необходимости. Если человек ищет работу, у него могут быть различные стратегии поиска: формальные и неформальные, с использованием Интернета или без, и, скорее всего, они различаются для людей, имеющих и не имеющих работу. В исследовании рассматриваются все используемые каналы поиска, а затем делается акцент на стратегиях поиска работы в сети Интернет.

Перед началом исследования были сформулированы следующие предположения:

- уровень образования и место проживания оказывают наибольшее влияние на трудоустройство человека;
- сферы деятельности, требующие наивысшей квалификации, характеризуются наличием работников с наибольшим трудовым стажем и высокими зарплатами;
- безработные ищут работу намного активнее трудоустроенных, тратят на поиск меньше времени и согласны на более низкую заработную плату;
- люди, использующие Интернет при поиске работы, находят ее значительно быстрее, а также обладают высоким уровнем квалификации.

Для проведения исследования была использована база данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ» (RLMS—HSE) за 2019 г., репрезентативная для всего населения России. Вопросы о социально-экономическом положении задавались респондентам в возрасте 14 лет и старше. В выборку вошли респонденты в возрасте 14–75 лет. Данные взвешены для обеспечения репрезентативности. Итоговая выборка включает 10 404 респондентов, опрошенных в 2019 г.

Чтобы определить безработных и незанятых, был задан вопрос: «Есть ли у вас работа на данный момент?». Человек считался занятым, если у него была какая-либо работа, включая подработки. Незанятым — если он не был трудоустроен, то есть к незанятым были причислены и безработные (не работают и не могут

найти работу), и те, кто не имел работу и не хотел бы ее найти. Анализ структуры занятых респондентов проводился на основе тех людей, у которых была постоянная работа. Для выделения совокупности ищущих работу задавался вопрос: «Вы обращались куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней?». Также было уделено внимание вопросу о том, куда конкретно обращался респондент. Предлагались следующие варианты ответов:

- государственные службы занятости;
- негосударственные службы занятости;
- друзья, знакомые;
- родственники;
- непосредственно предприятия;
- рекламные объявления (без Интернета);
- рекламные объявления (Интернет);
- социальные сети.

Информация об используемых каналах поиска работы предоставлена как для безработных, так и для занятых, которые бы хотели сменить место работы.

Как было сказано выше, в выборке 10 404 респондента, из которых женщин – 54,6%, мужчин – 45,4%. Распределение выборки по возрасту также равномерно: на каждый из 10-летних промежутков приходится от 15 до 18% выборки. В городах проживают 67,7% опрошенных. Относительно уровня образования распределение респондентов также равномерно: выпускники вузов, ссузов и имеющие только школьное образование составляют 81,4% всей выборки и распределены в равных долях. 55,5% респондентов находятся в официальном или неформальном браке. Рассматривая уровень занятости населения, отметим, что имели любую работу в 2019 г. 53,0% опрошенных, из них 5,9% имели только периодические подработки. Таким образом, так как относительно небольшая доля населения имеет непостоянный источник дохода, то, объединяя на данном этапе исследования занятых и частично занятых, можно предположить, что результаты анализа не будут существенно смещены. Также стоит отметить, что распределение лиц, имеющих только подработки, равномерно по основным трудоспособным возрастам, то есть нельзя утверждать, что подрабатывает в основном молодежь.

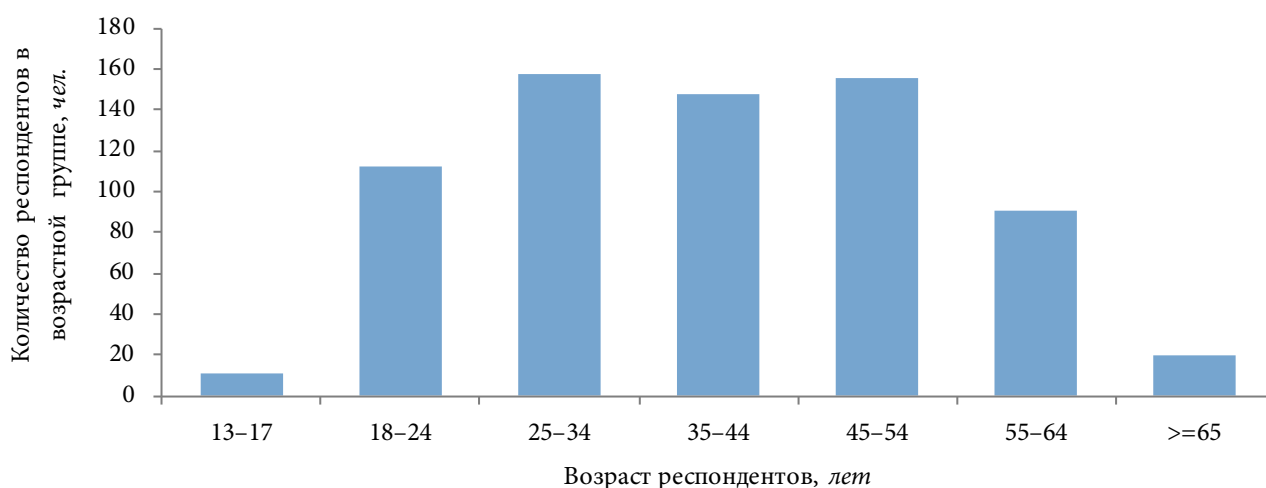

Рис.1. Распределение лиц, имеющих дополнительный источник дохода, по возрасту, 2019 г.

Сравнение незанятого и работающего населения

В таблице 1 представлены социально-демографические характеристики работающего, безработного и незанятого населения. Возраст респондентов сгруппирован по 10-летним интервалам, показатели «образование» и «семейное положение» обобщены для удобства.

Таблица 1

Социально-демографический состав населения, работающего и не имеющего работу, 2019 г., %

Показатели		Доля населения		
		Незанятые	Безработные	Занятые
Пол	Мужской	37,8	49,7	50,5
	Женский	62,2	52,1	49,5
Возраст, лет	14–24	32,1	37,2	9,2
	25–34	5,2	21,2	26,1
	35–44	5,0	18,1	24,6
	45–54	6,3	14,2	23,9
	55–64	18,5	8,3	13,9
	65 и старше	33,0	0,9	2,4
Образование	Не имеют среднего образования	14,7	3,3	2,1
	Окончили среднюю школу	27,0	34,1	30,9
	Окончили пту, не имеют среднего образования	17,4	12,1	6,7
	Окончили ссуз	25,7	28,7	27,1
	Окончили вуз	15,0	21,8	33,3
Семейное положение	Не состоят в браке	60,3	60,0	33,1
	Состоят в официальном или неофициальном браке	39,6	40,0	66,8
Тип населенного пункта	Москва, Санкт-петербург	12,7	25,1	11,3
	Областной центр	29,7	35,2	31,3
	Город	23,0	14,5	27,3
	Пгт, село	34,7	25,3	30,1
Хотите ли вы найти работу?	Нет	85,1	–	80,7
	Да	12,9	–	14,5
	Затрудняюсь ответить	1,7	–	4,7

Как свидетельствуют данные таблицы 1, в группе безработных женщин немного больше, чем мужчин, однако различия не являются существенными. Среди работающего населения распределение по гендерному признаку однородно. В группе незанятых женщин больше. Можно предположить, что гендерный дисбаланс в этой группе возникает из-за того, что некоторая доля незанятых женщин задействована в домашнем хозяйстве и воспитании детей и поэтому не стремится искать работу.

Меньше всего работающих среди молодого и пожилого населения. Причем 99% лиц старше 65 лет при ответе на вопрос о желании найти работу ответили отрицательно, для группы незанятых в возрасте 55–64 лет отрицательный ответ на аналогичный вопрос был дан в 90,6% случаев. Среди респондентов в возрасте 14–24 лет 37,2% являются безработными, то есть хотят, но не могут трудоустроиться. Можно предположить, что низкая доля занятых в старших возрастах связана скорее с нежеланием работать и искать работу. В молодом возрасте, напротив, люди хотели бы трудоустроиться, но имеют с этим проблемы.

Из распределения респондентов по семейному положению видно, что среди безработных чаще встречаются холостые люди, а среди работающих — находящиеся в официальном или неформальном браке. Это можно объяснить тем, что среди безработных больше молодых людей, которые еще не вступили в брак.

Занятые и незанятые распределены по типам населенных пунктов так же, как и в среднем по выборке. Однако для безработных распределение по месту жительства отличается от других категорий. Так, в Москве и Санкт-Петербурге живет большая доля безработных, чем в среднем по стране. Можно предположить, что, живя в крупных городах с развитым рынком труда, людям проще уволиться с одного места работы и найти другое, чем тем, кто живет в небольших населенных пунктах. Более того, среди незанятых, которые не хотят искать работу, 35% составили именно жители мегаполисов.

Среди незанятых респонденты с высшим образованием составляют только 15%. Сложнее всего получить работу лицам, не имеющим школьного образования или окончившим ПТУ. Более того, люди, не имеющие школьного образования, в среднем не стремятся найти работу, поэтому среди безработных представителей данной группы всего 3%, хотя среди незанятых — 14,7%.

Также занятым и незанятым респондентам был задан вопрос об их желании найти (новую) работу. Большинство, то есть 85% незанятых и 80,7% занятых, ответили отрицательно. Это говорит о том, что большинство незанятых не испытывают трудностей с поиском работы, но не имеют желания или возможности работать. Подобная ситуация может быть объяснена различными причинами, начиная от возраста, состояния здоровья и заканчивая готовностью членов семей финансово содержать незанятого.

Характеристики занятого населения

Далее более подробно остановимся на характеристиках трудоустроенных респондентов: отрасль, в которой они работают, заработная плата, количество часов, затрачиваемых на труд. В таблице 2 представлено распределение работающих респондентов по специализациям и уровням подготовки (группы выделены на основе международного классификатора профессий ISCO-08). Больше всего в выборке представителей среднего уровня подготовки: офисных сотрудников, чиновников, работников сферы услуг, которых чаще всего относят к представителям среднего класса. Самой немногочисленной группой в выборке оказались военнослужащие — 0,7%.

Таблица 2

Структура трудоустроенных по специализациям и уровням подготовки, 2019 г., %

Специализация и уровень подготовки	Частота	Валидный процент
Законодатели, крупные чиновники, руководители высшего и среднего звена	311	5,6
Специалисты высшего уровня квалификации	968	17,4
Специалисты среднего уровня квалификации, чиновники, офисные служащие, работники сферы торговли и услуг	2385	43,0
Военнослужащие	36	0,7
Квалифицированные рабочие	1446	26,1
Неквалифицированные рабочие	403	7,3

На рисунке 2 показано различие в среднем количестве рабочих часов по специализациям и уровням подготовки.

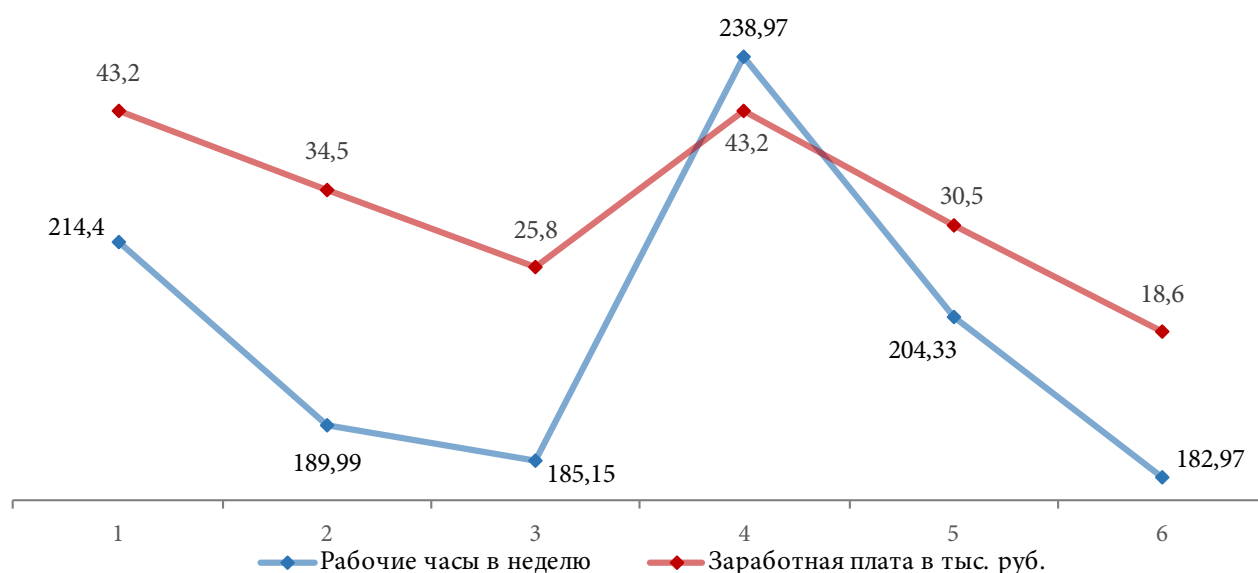

Рис. 2. Количество рабочих часов (в неделю) и размер среднемесячной заработной платы за последние 12 месяцев в зависимости от специализации и уровня подготовки (1 – руководители высшего и среднего звена; 2 – специалисты высшего уровня квалификации; 3 – специалисты среднего уровня квалификации; 4 – военнослужащие; 5 – квалифицированные рабочие; 6 – неквалифицированные рабочие), 2019 г.

Время, проведенное на работе, отличается незначительно для специалистов высшего уровня квалификации и неквалифицированных рабочих. Лидерами по продолжительности рабочего времени стали военнослужащие. Данная группа также лидирует по размерам среднемесячной заработной платы за последний год. Специалисты среднего уровня квалификации (то есть наиболее многочисленная группа среди респондентов) получают в среднем меньше, чем квалифицированные рабочие. В наиболее сложном положении находятся неквалифицированные рабочие – люди, в основном имеющие только среднее образование, работающие 8,5 часов в день и получающие 18,6 тыс. руб. в месяц.

Далее рассмотрим показатель «наличие дополнительной работы» для занятого населения. К сожалению, нельзя точно определить мотивы подрабатывающих. Так, по всем рассмотренным группам те, кто имел вторую работу, относили ее скорее к дополнительному, нежели к основному источнику дохода. На основании данных, представленных на рисунке 3, можно сделать вывод, что более склонны иметь вторую работу именно неквалифицированные рабочие, обладающие наименьшими заработками. Причем род труда при подработке чаще всего совпадает с основной работой. Работники неквалифицированного труда в основном подрабатывают водителями, грузчиками, уборщиками и т. п., а в других группах дополнительная работа часто заключается в преподавании, оказании услуг по ремонту техники и т. п. Для квалифицированных работников круг профессий для дополнительной работы значительно шире. Среди всех военных, ответивших на вопрос о дополнительной занятости ($N = 36$), никто не имел второй работы.

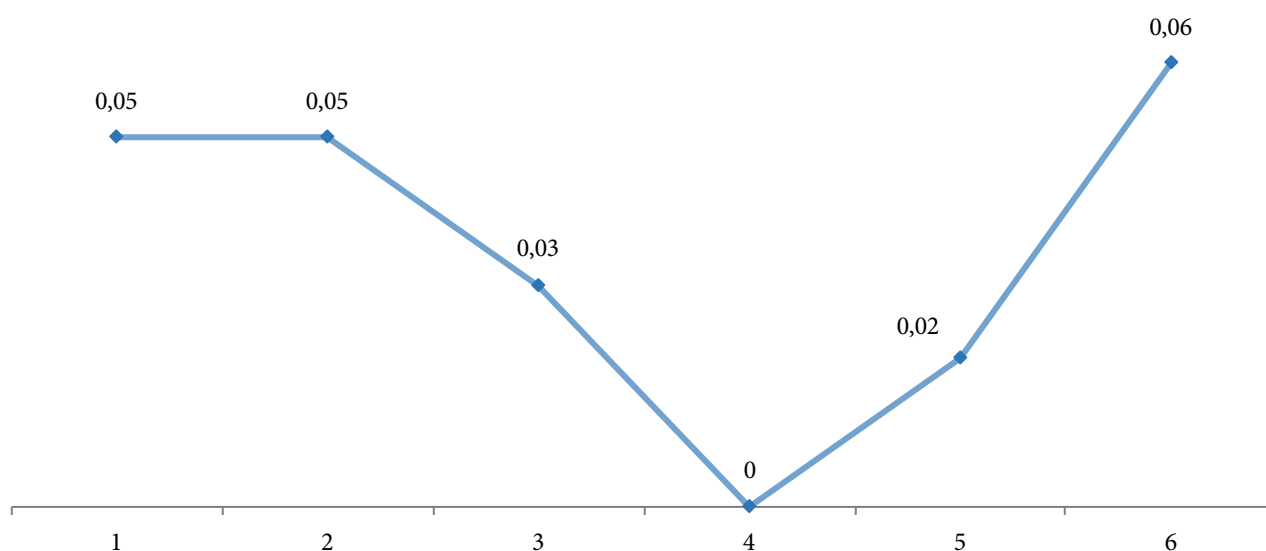

Рис. 3. Наличие дополнительной работы в зависимости от специализации и уровня подготовки
 (1 — руководители высшего и среднего звена; 2 — специалисты высшего уровня квалификации; 3 — специалисты среднего уровня квалификации; 4 — военнослужащие; 5 — квалифицированные рабочие; 6 — неквалифицированные рабочие), 2019 г., %

Для женщин традиционно характерны более низкие заработные платы. Причем общая динамика заработных плат в разбивке по специализациям и уровню подготовки повторяет график, представленный на рисунке 2. В среднем женщины работают меньше часов в месяц на основной работе, чем мужчины, вне зависимости от специализации и уровня подготовки. Однако они в среднем чаще склонны иметь дополнительные источники занятости. Например, наличие второй работы подтвердили 9% женщин, занимающих высокие должности в сфере управления, против 2% среди мужчин в той же сфере. Для сравнения опыта работы мужчин и женщин был использован показатель «стаж на предприятии на первой работе», измеряемый в годах (рис. 4). В среднем женщины имеют больше лет трудового стажа, чем мужчины. Здесь нужно упомянуть, что на данный вопрос из женщин-военных ответило только 3 человека, — соответственно, оценка стажа для женщин-военных является нерепрезентативной. В целом люди с меньшим трудовым стажем работают в сферах, где не нужна высокая квалификация.

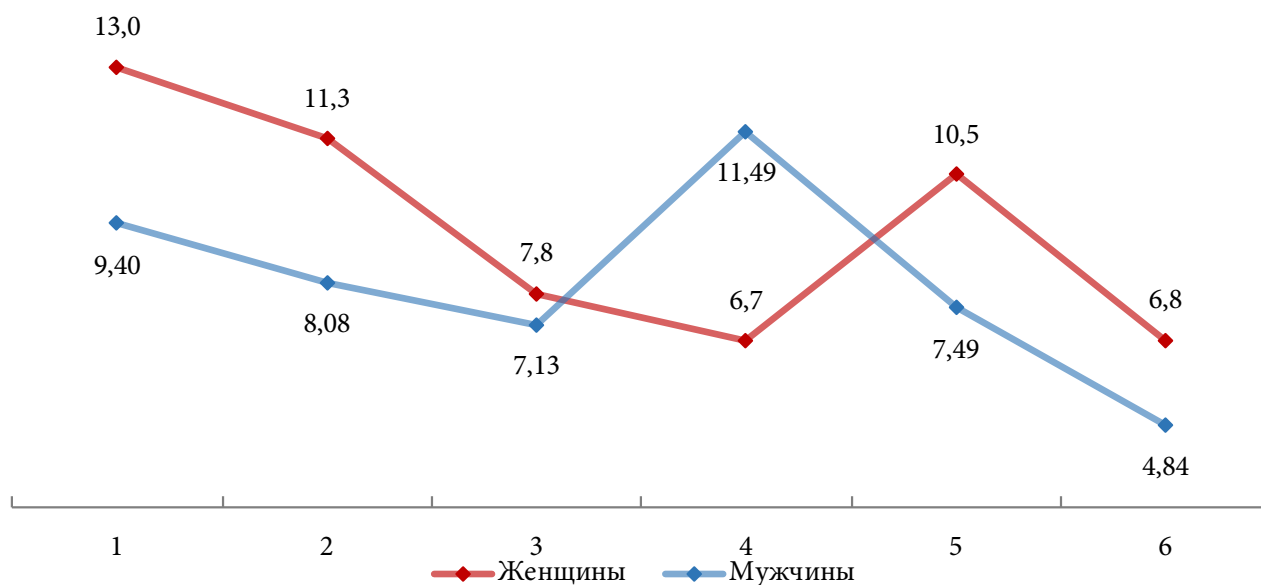

Рис. 4. Трудовой стаж в зависимости от пола, специализации и уровня подготовки
 (1 — руководители высшего и среднего звена; 2 — специалисты высшего уровня квалификации;
 3 — специалисты среднего уровня квалификации; 4 — военнослужащие;
 5 — квалифицированные рабочие; 6 — неквалифицированные рабочие), лет

Логично было бы предположить, что с ростом опыта работы и повышением квалификации происходит продвижение по карьерной лестнице. Значит, для людей старших возрастов характерен тип занятости, относящийся к руководящим позициям или требующий высшего уровня квалификации. Однако если рассмотреть распределение респондентов по возрастам в каждой группе можно заметить, что высший уровень квалификации в основном присущ более молодым слоям населения. А доля квалифицированных рабочих, наоборот, увеличивается с ростом возраста.

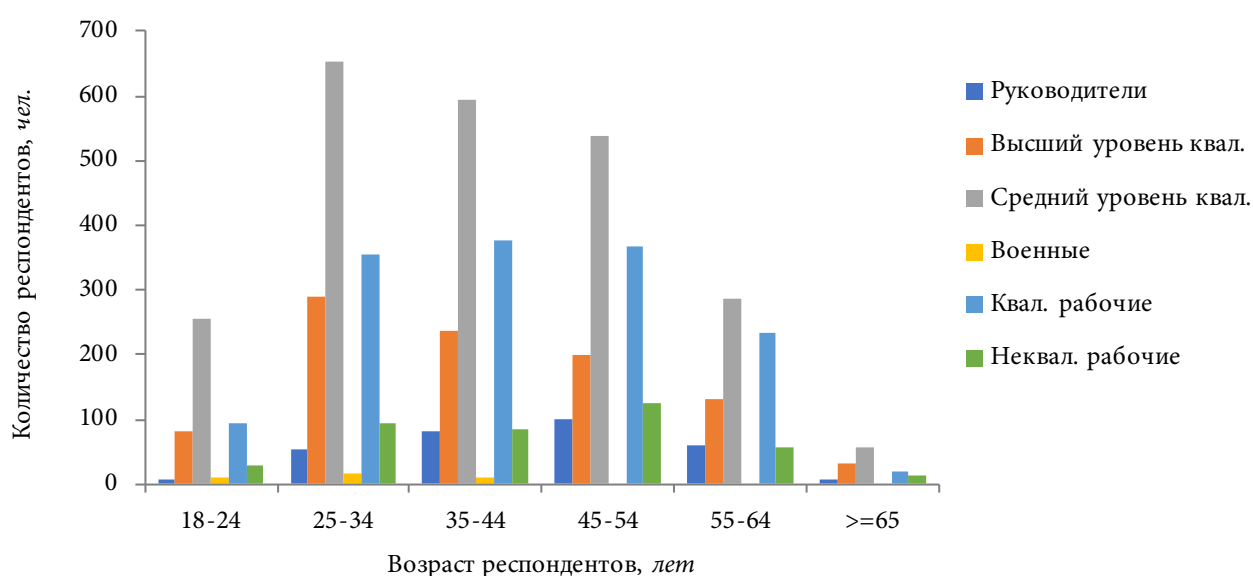

Рис. 5. Распределение респондентов по возрасту в зависимости от специализации и уровня подготовки, 2019 г.

Проанализировав структуру работающих респондентов и зная в среднем соотношение затрачиваемых на работу усилий и компенсации по отраслям, оценим долю трудоустроенных в 2019 г., которые находились в поиске новой работы (рис. 6). Данный показатель можно интерпретировать как косвенный показатель удовлетворенности текущим местом работы.

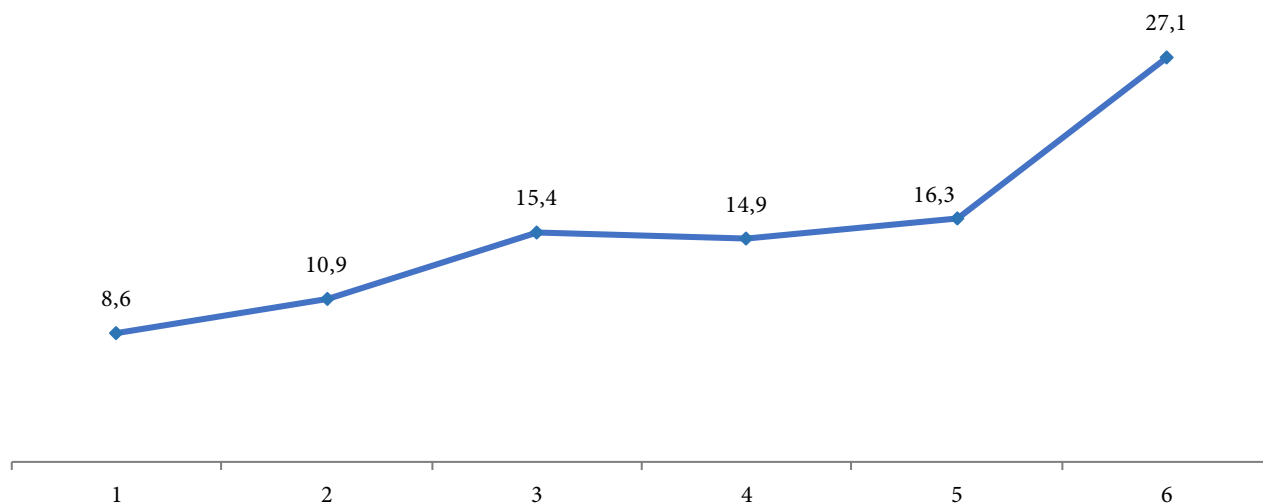

Рис. 6. Доля респондентов, желающих сменить место работы, в зависимости от специализации и уровня подготовки

(1 — руководители высшего и среднего звена; 2 — специалисты высшего уровня квалификации; 3 — специалисты среднего уровня квалификации; 4 — военнослужащие; 5 — квалифицированные рабочие; 6 — неквалифицированные рабочие), 2019 г., %

Как видно из рисунка 6, наибольшая доля лиц, ищущих новую работу, выявлена среди неквалифицированных рабочих. Это люди, получающие низкую оплату за свой труд, чаще других вынужденные искать дополнительную работу. Меньше всего желающих сменить работу в категории руководителей высшего звена, чиновников. Только 6% в этой группе находятся в поиске новой работы. В основном в этой группе находятся люди, имеющие солидный стаж работы, высокий уровень образования и получающие более высокие зарплаты, чем другие участники рынка труда. Также представители данной группы чаще других считают себя предпринимателями, 25% против 5% в среднем по другим группам. Значимых гендерных различий в желании сменить работу выявлено не было.

Характеристики населения, находящегося в поисках работы

Перейдем к характеристикам людей, занятых поиском работы. Отбор произведен по результатам ответа на вопрос: «Вы обращались куда-нибудь или к кому-нибудь в поисках работы в течение последних 30 дней?». Рассмотрим каналы поиска, желаемый размер заработной платы, продолжительность поиска. Также среди ищущих работу сравним тех, кто трудоустроен, но хочет сменить работу, и безработных. Можно предположить, что те, кто не работает на данный момент, но находятся в активном поиске работы, будут согласны на более низкую оплату труда, а также готовы в короткие сроки приступить к работе. В дополнение проверим, действительно ли специалисты с более высоким трудовым стажем будут более требовательны к условиям труда.

Как было уже показано, ответ респондентов на вопрос о желании найти работу чаще всего был отрицательным. Причем даже положительный ответ не гарантирует активных поисков. Так, в таблице 5 представлены данные по количеству людей, которые хотели бы в теории сменить работу, в сравнении с теми, кто находится в активном поиске. Можно видеть, что, хотя изначально трудоустроенных, думающих о смене деятельности, было существенно больше (даже в процентном соотношении), в активной фазе поиска находится больше нетрудоустроенных респондентов. Причем с ростом возрастной группы доля лиц, ищущих работу, существенно сокращается.

Таблица 3

Количество респондентов, активно ищущих работу, 2019 г., чел.

Наличие работы	Всего ответивших на вопрос	Желающие найти (новую) работу	Обращавшиеся куда-то или к кому-то в поисках работы	
			За последние 30 дней	За последние 7 дней
Есть работа	5809	896	221	120
Нет работы	4310	634	233	155

Далее проанализируем требования, которые предъявляют соискатели к новому месту работы. Меньший размер оплаты труда устраивает тех, кто на момент поиска работы является безработным, — в среднем они готовы на минимальную оплату труда в размере 29,8 тыс. руб. в месяц; уже имеющие работу ожидают получать на новом месте 47,6 тыс. руб. в месяц. Трудоустроенные соискатели в среднем согласны на смену работы в случае, если минимальная заработная плата вырастет в 1,6 раза по сравнению со средней оплатой труда за последний год. При этом для руководителей высшего звена подобный рост должен составлять 2,5 раза. Распределение минимальной желаемой оплаты труда в зависимости от специализации и уровня подготовки представлено на рисунке 7.

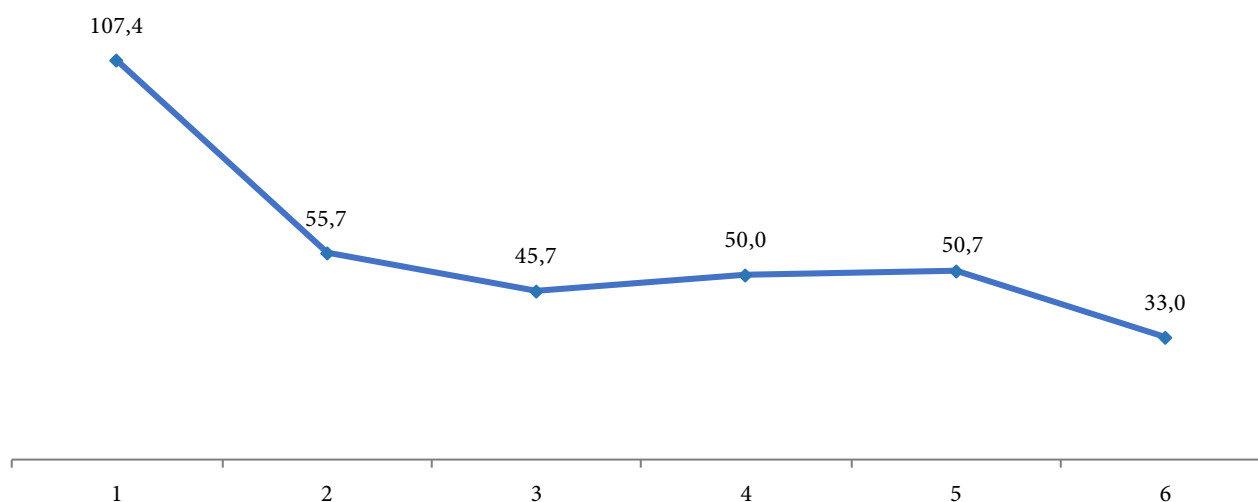

Рис. 7. Минимальная оплата труда, при которой респондент согласится на смену работы, в зависимости от специализации и уровня подготовки
(1 — руководители высшего и среднего звена; 2 — специалисты высшего уровня квалификации; 3 — специалисты среднего уровня квалификации; 4 — военнослужащие; 5 — квалифицированные рабочие; 6 — неквалифицированные рабочие), 2019 г., тыс. руб.

Более опытные работники требуют более высокую минимальную оплату труда, чтобы быть заинтересованными в новой работе. Для группы 18–24-летних данный показатель составляет 34,4 тыс. рублей в месяц, в то время как пик распределения приходится на группу 35–44-летних, где респонденты согласились бы работать минимум за 47,2 тыс. руб. в месяц. Это справедливо и для женщин, и для мужчин.

При сравнении времени, затрачиваемого на поиск новой работы занятыми и безработными, было выявлено, что половина опрошенных, не имеющих работу, находится в поиске 10 и меньше недель (мода приходится на четыре недели); тот же показатель для работающих составляет 8 недель (распределение двумодально на уровне двух и четырех недель поиска). То есть можно предположить, что безработные испытывают бóльшие проблемы с нахождением работы, так как дольше находятся в стадии поиска. Причем если бы безработным предложили подходящее место работы, то 78,2% опрошенных могли бы сразу выйти на работу; для занятых этот показатель равен 69,7%.

Каналы поиска работы

В этой части исследования подробнее рассмотрим способы, которые используются респондентами для поиска потенциального места работы, а также попробуем оценить зависимость популярности тех ли иных каналов поиска от социально-демографических характеристик опрошенных. Всего база данных RLMS-HSE позволяет оценить 8 каналов, которые могут использовать соискатели. Здесь представлены и неформальные способы поиска работы (через друзей, родственников), и инструменты, предлагаемые государством, и каналы поиска работы онлайн. Данные, представленные на рисунке 8, позволяют сравнить популярность различных каналов поиска работы.

Рис. 8. Популярность различных каналов поиска работы среди лиц, ищущих работу, %

Как видно из рисунка 8, безработные и занятые при поиске работы используют одинаковые каналы. Однако среди безработных большая доля прибегает к таким неформальным каналам, как обращение к друзьям и родственникам. Возможно, данная ситуация связана с тем, что люди длительное время не могут найти работу с помощью традиционных способов и начинают использовать силу слабых связей для ускорения процесса трудоустройства.

В то время как поиск работы с помощью обращения к неформальным каналам был самым востребованным в 2019 г., вторым по популярности оказалось использование сети Интернет. При этом лиц, использующих только Интернет (объявления в Интернете и социальные сети), было значительно меньше (9%), чем тех, кто предпочитал совсем не искать работу в сети (25%). Эта тенденция была характерна для занятых и безработных в одинаковой степени.

Статистически значимых различий между вероятностью использовать сеть Интернет как канал поиска работы между занятыми и безработными выявлено не было. И в том, и в другом случае около 70% респондентов при попытках трудоустройства пользовались Интернетом и социальными сетями.

Чтобы оценить преимущества использования Интернета при поиске работы, необходимо разбить выборку на группы. Но респондентов, использующих «чистые» стратегии поиска работы, очень мало, поэтому целесообразно проводить сравнение между следующими группами опрошенных:

- используют при поиске работы Интернет, социальные сети и любые другие каналы;
- используют при поиске работы любые каналы, кроме Интернета.

Проанализируем представителей обеих групп и сравним их успехи при поиске работы. Как показано на рисунке 9, те, кто предпочитает использовать Интернет для поиска работы, в основном смотрят на рекламные объявления, размещенные на сайтах (56%). Только 2% опрошенных ищут работу исключительно в социальных сетях. Остальные используют несколько интернет-каналов сразу. Респонденты, не пользующиеся Интернетом, более склонны обращаться в государственные службы занятости, а также активнее используют такие каналы, как обращения на предприятия, к родственникам, друзьям или знакомым.

Далее проверим предположение о том, что стратегии интернет-поиска присущи в основном работникам с более высокой квалификацией, которые чаще работают на компьютере с информацией в сети. Так, например, около 90% представителей высшей и средней квалификации, руководителей пользовались Интернетом за последний год. Для неквалифицированных рабочих данный показатель равен 68%.

Для группы руководителей высшего и среднего звена нельзя делать никаких адекватных выводов, так как лишь малая их часть в принципе занята поиском работы, и при построении графика (рис. 9) доля использующих Интернет была рассчитана на основе ответов 6 человек, что не позволяет считать результаты репрезентативными. Анализируя результаты, полученные для представителей других групп, можно сделать вывод, что популярность поиска работы в сети Интернет или социальных сетях падает со снижением уровня квалификации человека и престиж-

ности сферы деятельности. Однако сфера деятельности не оказывает значимого влияния на то, будет ли респондент пользоваться различными сайтами во время поиска нового места работы или нет.

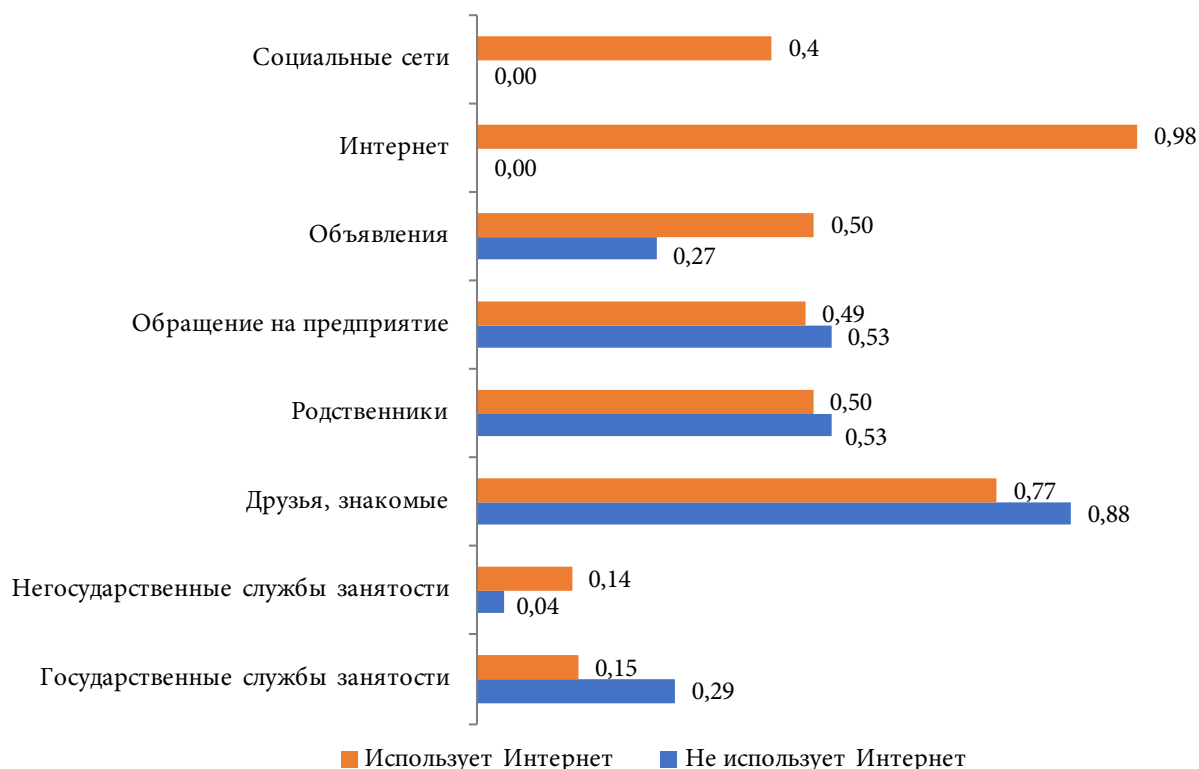

Рис. 9. Распределение каналов поиска работы относительно стратегий «без Интернета» и «с Интернетом», 2019 г., доля от занятых поиском, %

Поскольку сфера занятости или статус «работающий/безработный» не влияют на то, какую стратегию поиска работы выберет респондент (с помощью Интернета или без), то заработная плата до и после также не зависит от стратегии поиска. Это было подтверждено с помощью сравнения средней минимальной требуемой заработной платы и средней заработной платы на текущем месте работы для двух подвыборок; различия оказались незначимы ни на 95-процентном, ни на 90-процентном уровне значимости. Также незначимым оказалось различие во времени, затрачиваемом на поиск. Хотя среднее для группы, прибегающей дополнительно к поиску работы в сети, ниже, чем для другой группы, на четыре недели, это объясняется не наличием в структуре поиска интернет-каналов, а другими факторами.

Рассмотрим социально-демографические характеристики тех, кто ищет работу в сети Интернет: пол, возраст, место проживания и образование. Как видно из таблицы 4, те, кто ищет работу через Интернет, в среднем не отличаются от тех, кто пользуется Интернетом в принципе. Например, городские жители в среднем чаще пользуются Интернетом в повседневной жизни, поэтому при поиске работы они чаще задействуют этот канал. То же справедливо относительно уровня образования: чем выше уровень образования, тем больше вероятность, что респондент будет использовать Интернет в целом и для поиска работы в частности.

Таблица 4

Использование Интернета в зависимости от социально-демографических характеристик, 2019 г., %

Показатели		Доля респондентов	
		Использовали Интернет за последние 12 месяцев	Используют Интернет при поиске работы
Пол	Мужской	78	71
	Женский	74	77
Возраст, лет	14–24	97	91
	25–34	95	78
	35–44	90	68
	45–54	79	60
	55–64	59	48
	65 и более	24	19
Образование	Не имеют среднего образования	56	49
	Окончили среднюю школу	66	66
	Окончили пту, не имеют среднего образования	80	68
	Окончили ссуз	78	78
	Окончили вуз	89	81
Тип населенного пункта	Москва, Санкт-Петербург	86	85
	Областной центр	80	79
	Город	77	74
	Пгт, село	67	54

Интересным является распределение по возрастам: хотя общая тенденция сохраняется, но для возрастной группы 25–44 лет, где много интернет-пользователей, характерно значительное падение интереса к поиску работы в сети. То есть люди этого возраста являются активными интернет-пользователями, но не воспринимают сеть как основной канал поиска работы. Различия в предпочтениях относительно использования Интернета как канала поиска работы по гендерному признаку незначимы.

Если сравнить полученные результаты с гипотезами, которые были выдвинуты в начале работы, можно сказать, что большая их часть была частично подтверждена. Так, важным фактором в структуре безработных оказалось не только место проживания, но и возраст респондента, в то время как распределение по уровню образования практически не отличалось от среднего по выборке. Было подтверждено, что респонденты, занятые в сфере деятельности, требующей высокого уровня квалификации, действительно получают заработные платы выше среднего при длительных рабочих часах и меньше других нацелены на смену работы. Было обнаружено, что квалифицированные рабочие получают более высокие заработные платы, чем специалисты среднего уровня, что противоречит сделанному нами предположению. Тезис о том, что использование сети Интернет

при поиске работы ускоряет процесс поиска, не подтвердился. Также осталась неподтвержденной связь поиска работы через сеть Интернет ни с уровнем квалификации соискателя, ни с размером желаемой заработной платы.

doi: 10.19181/rlms-hse.2021.6

EMPLOYED AND UNEMPLOYED RUSSIANS: SOCIO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS AND JOB SEARCHING STRATEGIES

Ovsyanik V. A.

Abstract. In this article, I explore the socio-demographic characteristics of employed and unemployed Russians, paying specific attention to the channels through which both groups seek new jobs. I rely on the sample of 10 404 respondents aged 14–75 extracted from the 2019 round of “Russia Longitudinal Monitoring Survey – HSE” (RLMS-HSE). As RLMS-HSE data shows, young single people are more likely to be unemployed, while the elderly tend to drop from the work-force altogether. Those who are employed have similar working hours irrespective of qualifications. Military officers, top and middle-rank managers earn the highest salaries among all employees, while unskilled manual workers earn the least and often seek a second job. Compared to men, women stay in the work-force longer but work fewer hours and bring less money home. It is no surprise that women are also more likely to have a second job. As my analysis suggests, employees with fewer qualifications are more likely to look for another job. In general, employees are ready to quit their job for another one if prospective earnings are 1.6 higher than current annual income. Interestingly, compared to the unemployed, those who already work have less trouble finding a new job (these people spent on average eight weeks searching, while the unemployed spent at least ten). There are no significant differences in job searching strategies between the employed and unemployed. However, people with higher qualifications are more likely to use the Internet to find a new job. People who search for work online are generally the same people who use the Internet for other purposes, but it is noteworthy that the young tend to neglect this strategy. There is no evidence that people who search for work online are more successful than those who resort to traditional channels.

Keywords: Russia Longitudinal Monitoring Survey – Higher School of Economics, RLMS-HSE, labor market, employed, unemployed, job searching strategies, Internet.

Сведения об авторах

Воронин Геннадий Леонидович

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: voroning@isras.ru

Дегтярева Екатерина Максимовна

Студент бакалавриата факультета социальных наук НИУ ВШЭ,
стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ в 2020 г.

E-mail: emdegtyareva@edu.hse.ru

Евграфова Ксения Олеговна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: skenya@list.ru

Козырева Полина Михайловна

Доктор социологических наук, первый заместитель директора
Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Заведующая Центром лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ

E-mail: pkozyreva@hse.ru

Колегова Ирина Евгеньевна

Магистрант по направлению «Социология и демография»
Оксфордского университета

E-mail: irina.kolegova@stcatz.ox.ac.uk

Кондратенко Валерия Александровна

Студент магистратуры факультета социальных наук НИУ ВШЭ,
стажер-исследователь Лаборатории экономико-социологических
исследований НИУ ВШЭ в 2021 г.

E-mail: vkondratenko@hse.ru

Косолапов Михаил Самуилович

Кандидат философских наук,
руководитель Центра методологии социологических исследований
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: mkosolapov@isras.ru

Низамова Алфия Энварьевна

Кандидат социологических наук,
главный эксперт Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ.
Старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: anizamova@hse.ru

Овсяник Виктория Александровна

Студент бакалавриата факультета экономических наук НИУ ВШЭ,
стажер-исследователь Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ в 2020 г.

E-mail: vaovsyunik@edu.hse.ru

Рощина Яна Михайловна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономической социологии НИУ ВШЭ,
ведущий научный сотрудник Центра лонгитюдных обследований
Института социальной политики НИУ ВШЭ

E-mail: yroshchina@mail.ru

Сивкова Ирина Викторовна

Младший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ishustova@demoscope.com.ru

Смирнов Александр Ильич

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: smir_al@bk.ru

Соколова Светлана Борисовна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: sveta@demoscope.com.ru

Тонис Елена Игоревна

Научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН

E-mail: ea163100@mail.ru

Научное электронное издание

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО МОНИТОРИНГА
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ И ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ
НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)**

Корректор: В. В. Камышан
Компьютерная верстка: Е. И. Григорьева, И. М. Ситдилов

Уч.-изд. л. 12. Объем 2,49 Мб.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел.: (495) 621 7983; 628 7931
E-mail: hse@hse.ru